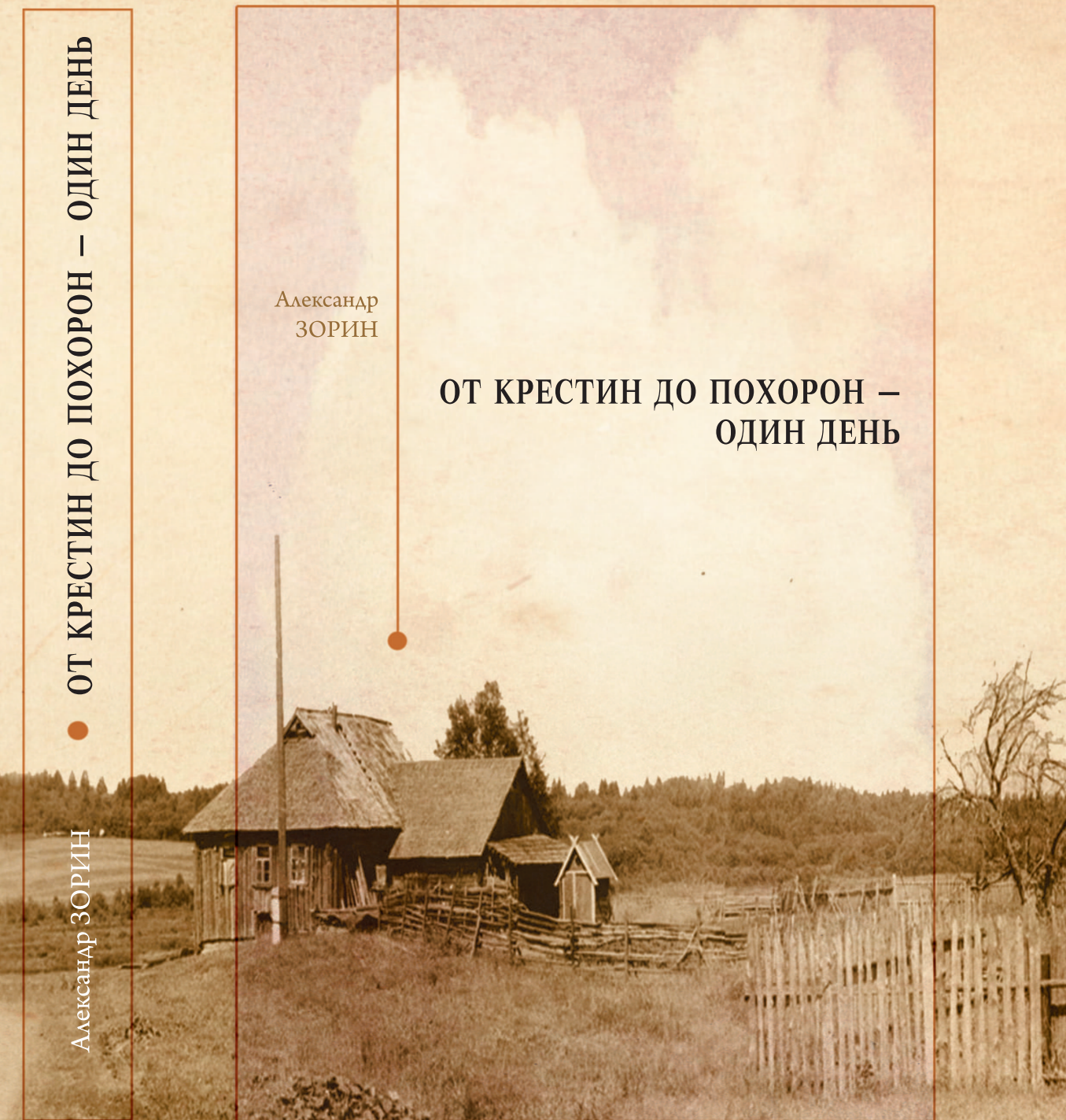

Александр ЗОРИН

● ОТ КРЕСТИН ДО ПОХОРОН – ОДИН ДЕНЬ

Александр
ЗОРИН

ОТ КРЕСТИН ДО ПОХОРОН –
ОДИН ДЕНЬ

Александр Зорин

ОТ КРЕСТИН ДО ПОХОРОН – ОДИН ДЕНЬ

Дар Валдая
Епархиальные очерки
Рассказы

Москва
издательство **НОВЫЙ ХРОНОГРАФ**
2010

УДК 821.161.1-43
ББК 84(2Рос=Рус)6-4я44
3-86

*Автор приносит братскую благодарность
Михаилу Тысману за помощь
в издании этой книги*

3-86 Зорин, А. И.

**От крестин до похорон — один день: епархиальные очерки, дар
Валдая, рассказы / Зорин А. И. — М.: Новый хронограф, 2010. — 432 с.:
ил. — ISBN 978-5-94881-137-6**

«От крестин до похорон — один день» книга документальной прозы о русской глубинке в до и послеперестроечное время.

В 90-х годах Американская компания ЮСС поставляла России гуманитарную помощь в виде продуктов. Помощь шла в сельские районы и распределяла её православная церковь. В епархиальных очерках запечатлена жизнь сельских приходов, подвижническая работа пастырей и прихожан на почве, духовно вытоптанной в предшествующие десятилетия. Картина трагическая, но не безнадежная.

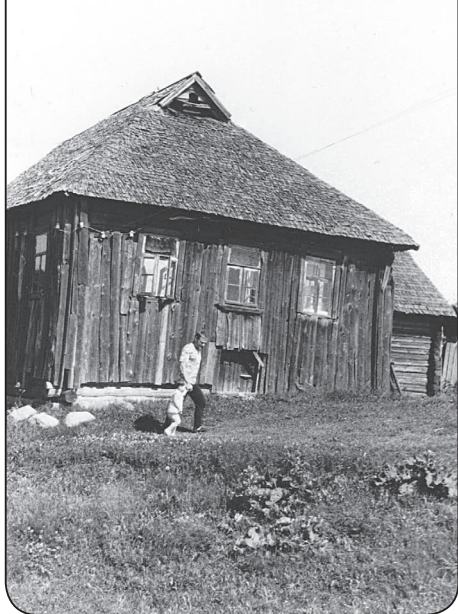
Возрождение России немислимо без обретения евангельских ценностей, без совместных усилий разных церквей: православной, католической, протестантской. О чём автор свидетельствует с художественной достоверностью.

Агентство СІР РГБ

УДК 821.161.1-43
ББК 84(2Рос=Рус)6-4я44

ISBN 978-5-94881-137-6

© Зорин А.И., 2010
© «Новый хронограф», 2010

ДАР ВАЛДАЯ

В августе 1976 года жена моя решила провести отпуск на Валдае. Кто-то из друзей дал адрес. Места дивные и молоко дешёвое. В первом же письме из деревни Нелюшка Таня писала, что осталась бы здесь навсегда и что где-то в этих краях продаётся дом...

Кто не мечтал о сельском уединении, о собственном доме, да ещё на берегу озера!.. Не пришла ли пора мечте осуществиться?

В те дни мне предстояла поездка в Таллин – за гонораром переведённой книги стихотворений эстонского поэта. В Таллин можно поехать через Валдай...

В январе я крестился и с прилежностью неопита каждый свой шаг считал обязанным обсудить с духовником. С чем и обратился к отцу Александру Меню, в храме, после службы. Батюшка с видом заговорщика сверкнул глазами, ушёл в алтарь и вынес оттуда записку к ... настоятелю валдайского храма отцу Арсению. И сказал: «Он монах, молодой, энергичный, может быть, в чём-то вам пригодится, а в чём-то и вы ему»

Поезд в Валдай приходит в семь утра. Найти дом священника было не трудно, и, не боясь разбудить хозяина (монах наверняка рано встаёт), я постучался. Тотчас услышал тяжё-

лые быстрые шаги. Дверь открыл человек могучего сложения – румяные щёки, по-детски пухлые губы, яркая улыбка. Улыбнулся и я, увидев в сенях боксёрскую грушу и две пары боксёрских перчаток.

Далее начались чудеса, которые надо бы описать подробно. Отец Александр называл их авансом свыше, «подъёмными» в самом начале пути новообращённого, которые он потом должен отработать.

Начать с того, что деревня, где продаётся дом, называется... «Новая». Неужели случайное совпадение?! Ведь и мой храм Сретенья Господня, в алтаре которого отец Александр написал записку, находится в подмосковном Пушкино, в деревне «Новая». Далее. Хозяйка просила за дом 450 рублей, ровно столько, сколько мне предстояло получить в Таллине. Если быть точным, то издательство «Ээсти Раамат» прислало договор на сумму 452 рубля.

Но – всё по порядку... Хотя порядок нарушился из-за пропажи многих моих записных книжек. В начале 80-х, когда вокруг отца Александра Меня стали сгущаться тучи, мы, его прихожане, почистили свои закрома от самиздата и «лишних» бумаг. Я свои бумаги отвёз на дачу к другу. Он спрятал их в подполе, в целлофановом мешке. Но после снежной зимы и бурного паводка вода просочилась в подпол. Кроме записных книжек погибли тогда и Евангелия, которые мы переправляли в тюрьмы. Тоненькие тетрадки, отпечатанные мелким шрифтом на папиросной бумаге. Сложенная вчетверо, тетрадка помещалась в спичечном коробке.

* * *

Серое сентябрьское утро. На последней остановке автобус высадил меня – последнего пассажира. Забрал табунок молчаливых колхозниц и попылил в обратном направлении.

От колодца шла горбатенькая, малого росточка женщина. На коромыслице – два полные ведёрка, поменьше обыкновенных. Полные – хорошая примета. Она и оказалась хозяйкой Евгенией Матвеевной Медуевой. Дом, который она про-

давала, достался ей и её брату по наследству от умершей тётки. В нём хоть сейчас живи. Он стоит на холме, чуть в стороне от деревни, отдельным хутором. Далеко внизу расстилается пойма заросшей речушки, торфяные болота, а за ними лес, куда, пересекая пойму, бежит извилистая лента дороги.

С недавнего времени горожанам запретили продавать дома. Покупателей много. Но райисполком никому не оформляет договоров. Последним был полковник в отставке, приезжал на своей «Волге». Начальство. Разговаривал с Евгенией Матвеевной, как с подчинённой, свысока. В райисполкоме сразу предложил взятку.

Евгения Матвеевна поняла, что я не начальство, разговариваю на равных, и, кажется, прониклась ко мне доверием.

– Если вам тоже не оформят, то я сдам в аренду на десять лет. 12 копеек за 1 кв. метр площади. Примерно в год 30 рублей. Это вас устроит? Или могу написать завещание... Как пожелаете, выходы есть.

Меня устраивало всё в этом древнерусском пейзаже, от которого я глаз не мог отвести.

– У нас все дачники живут неоформленные, пользуются землёй, сажают огороды. Нужно осесть, к вам приглядятся, а если увидят, что дом обновили, да ещё лекцию какую прочитаете, то уж наверняка завоюете авторитет... Словом, езжайте в город. Вон машина едет в Ящурово, довезёт до асфальта. Не застынете в кузове? А на асфальте вас любая подберёт.

Так и вышло. В городе я был уже в половине одиннадцатого. В райисполкоме – совещание. В сборе все районные председатели, партийное начальство.

В 12.00 пятиминутный перерыв. Я пробиваюсь к председателю, к его столу. И, глядя в глаза, выкладываю ему, что давно ищущую возможность поселиться в деревне, что поэт, что смог бы в школе вести литературный кружок, что в Шуйском районе продаётся избушка... Показываю удостоверение и рекомендацию группкома московских литераторов, в котором я тогда состоял. Он почему-то улыбается, разглядывает мои документы и говорит:

– Ясно, жить у нас хотите... Но вот именно сегодня, сейчас, на этом собрании, мы ещё раз напомнили председателям о строжайшем запрете на продажу домов. Галина Васильевна, подойдите-ка сюда, – приглашает он председателя Шуйского сельсовета. И, всё так же улыбаясь, повторяет: – Так что строжайше запрещено. Но вы, кажется, человек нам полезный. С культурой на селе плоховато. Молодёжь из деревни бежит. Лекции ей были бы полезны...

И, продолжая улыбаться, передаёт моё письмо Галине Васильевне.

Та прочитала, испуганно смотрит на меня, на него:

– Так ведь только что предупреждали, что нельзя...

– Но мы должны делать исключения, это на нашей совести. Человек нужный. Возьмите его заявление и оформите, как полагается.

На следующий день мы приехали к Галине Васильевне в сельсовет с хозяйкой.

– Вам надо найти Молофеева, зампреда совхоза. Если он выделит сотку под дом, то я не возражаю, – буркнула она враждебно.

Хозяйка моя сникла. «Ну вот, я-то думала, вам председатель всё разрешил... Молофеев упёртый бывает, как забор. На него как найдёт. Не даст, хоть лоб расшиби.

У калитки остановился «козелок» с его номером. Когда я подошёл к машине, человек, сидевший за рулём, отвернулся.

– Простите, вы не Молофеев?

– Ну.

– Здравствуйте, надо бы объясниться.

– Залезайте в машину, объяснимся.

Горожанин, поселившийся в деревне, имеет право владеть только той землёй, которая у него под домом, то есть одной соткой. На эту сотку и должен Молофеев выписать документ. О согласии председателя райисполкома Галина Васильевна ему, конечно же, доложила.

– А что ж вам Прокопьев записку не дал, мол, разрешаю? А потом он мне шею намылит.

– Ну, думаю, не намылит. Он же не откажется от своих слов.

На самом деле здесь, как и везде, работает телефонное право. Приказы приватного характера передаются только по телефону, чтобы в случае чего никаких следов. Забегая вперёд, скажу, что именно так и вышло. Когда у меня два года спустя, через суд, отбирали дом, то заместителю председателя вкатили-таки выговор.

Молофеев пишет на листочке разрешение. Хозяйка толкает меня в бок: «Идите в магазин, берите две «Экстры» и еды какой-нибудь».

Я взял три «Экстры» и, присев в уголочке, стал ожидать окончания сессии – собрания депутатов местного совета. Среди прочего обсуждали вчерашний случай под «Ужином». Охотники выследили медведя. Он сидел в овсах и, раненый, сиганул в болото. Вытаскивали мишку из болота трактором. «А у него между лапами вот такая осина обхвачена», – констатировала, выпучив глаза, молодая депутатка.

Кончилась сессия, настукали на машинке два договора – один мне, другой Евгении Матвеевне. «Ну, теперь, девочки, – говорит она, – разрешите с вами познакомиться, пригласить вас в ту комнату. Всё равно обед...»

На столе, покрытом красным сукном, Евгения Матвеевна постелила газету, разложила пирожки с морковью, нарезала колбасу кружками, я открыл сардины и две бутылки водки. Третью положил в ящик стола зампреда, который «где-то задерживался».

Все последние дни я просил Бога о помощи. С неизменной приставкой – если будет на то Твоя воля. Я обращался к Нему: «Помоги мне свить гнездо в самой гуще России, в первозданной её красоте и дремучести. Я хотел бы родить здесь детей, обучать их в местной школе и, может быть, учительствовать. Помоги обрести дом, если он мне нужен. А нужен ли он мне, Тебе виднее».

Та загадочная быстрота свершившегося, те едва ли не мистические совпадения заронили в меня надежду, что Господь участвует в моей жизни.... А значит, и от меня ожидает помощи...

В тот же день я сел на псковский автобус, чтобы поскорее добраться до Таллина и вернуться с деньгами в «Новую». Как бы хозяйка не подумала чего плохого, я ведь уехал, не оставив ей даже задатка.

1977 год

Май. Третий день в деревне. Много ремонтных мелких дел. А предстоят крупные. Дом чуть припал на правый бок. Дом всегда садится в гору, откуда по весне в него ударяют талые воды. Два венца надо менять. Старики Графовы, последние хозяева, уже на это были неспособны. Кое-как обшили горбылём, что избе прибавило жизни, а им тепла. Сухое бревно под обшивкой, постучать по нему, звенит, как струна.

Первое – залатать крышу, пока нет дождей. Набрал у мужиков старой дранки, подбил залобок и на скатах, чтобы в комнату не текло, в сенях поставлю тазы, а капитальный ремонт крыши – на потом, когда куплю рубероид. На него, говорят, надо записываться в очередь и ждать год.

Евгения Матвеевна разрешила мне у себя в огороде раскопать три грядки под огурцы, морковку, укроп, петрушку-сель-

дерюшку, под свеклу. Посадил бы и больше, но – постеснялся занимать чужую землю.

Однако пора приниматься за туалет. Необходимость этого заведения по мере повышения температуры даёт о себе знать... В русских деревнях туалет помещается в хлеву в виде помоста, там же, где содержится и скотина. Из сеней – дверь на помост; хлев и дом под одной крышей. Бывшие хозяева, наверное, давно уже не держали корову и окаменевшие отходы их жизнедеятельности проступают сквозь гнилую солому.

В деревне за чистой уборных многие обращаются к цыганке. Пошёл и я.

– Ребятишки, где здесь Марья Петровна живёт?

Ребятишки молчат, таращат глазёнки.

– Цыганка.

– А, цыганка! – и побежали за огороды. – Вона! – показывают на развалюху, заросшую густым бурьяном.

Трудно поверить, что здесь кто-то живёт. Домишко, похожий на дохлую лошадь, которую уже наполовину растащили собаки и вороны.

В дверях женщина. Чёрное лицо, на голове грязный тряпичный стог, вроде чалмы. Не поздоровавшись, не дав мне слова сказать, затараторила:

– Я головой больной, дочки нет...

– Да я не к дочке, я к вам, мне уборную почистить...

– Я головой больной, головой больной, – закрыла передо мной дверь и оттуда кричит: – у меня уборной нет, на огороде уборной.

Наверное, подумала, что я завернул к ней по нужде.

– Да, нет, – кричу ей, – мне почистить надо, как Медуевым. Вы недавно им чистили.

– Чистила Медуевым, чистила Медуевым, – затараторила и ушла в избу.

Сосед мой про неё рассказывает:

«Поселилась в деревне с двумя детьми ещё с довоенных времён. Молодая. Тут же к ней повадились ребятишки – подрастки. И настругали ещё одного. Потом Ванька Оглоблин

перед самой армией сделал ей парня. А потом уже, лет двадцать пять назад, дед, шатун семидесятилетний, с ней сошёлся. И от него дочку принесла.

Старшая дочь живёт в Ленинграде, сюда приезжает в свой дом, отдельный от материнского. Старший сын по тюрьмам скитается. Выйдет, украдёт где-нибудь, его опять спрячут. Второй сын из армии сбежал, за ним приехали из части, судили, дали срок. Отсидел, отслужил, вернулся и тоже приворовывает. А что здесь украдёшь? Всё на виду, да и нечего. Кто украл? Да Ванька Барма, кто же! Он и уехал из деревни, где-то на стороне промышляет».

20 мая

Целый день мастерил теремок, так я назвал туалетный домик. На картинке, которую нарисовал, он таким и выглядит – сказочным и нарядным. Славно стучать топориком на пригорке, на солнышке, на вольной воле. Связал из подтоварника раму, основание. Вечером подправил лестницу на крыльце, заменил ступеньку. Ласточка щебечет, думает, что я её гнездо разрушить явился. Напрасно опасается. Я ведь своё строю.

Не верится, что мне такое подарено, что будем здесь жить... *Господи, зачем-то ты привёл меня сюда, укрепи же здесь мою веру, обогати творчество, чтобы я стихами своими славил Тебя. Помоги быть Твоим, с Тобой, в Тебе. Чтобы наше уединение переполнялось Твоим присутствием. Радость моя тихая, благодарная...*

Сумерки. Месяц рогатый над зубчатым тёмным бором, топится печь, и на коленях у меня котёнок – мурлыка и ласкун. То и дело тяпает лапкой по авторучке, движущейся перед его носом. Ходит по пятам, боюсь на него наступить. Я на кухню, и он за мной, я на колени перед иконой, и он тут.

В иные дни очень хорошо слышны «голоса»: и «Свобода», и «Немецкая волна», и «Голос Америки». Я включаю за ужином старенькую труженицу «Спидолу», а выключу – свой голос подаёт дергач на болоте, и совсем рядом звякает ботало. И небо – широченное, бескрайнее, родное. На Западе затеплил

Дар Валдая

бледную лампаду Волопас. Уже близки белые ночи, и Арктур мерцает слабеньким огоньком.

22 мая.

Коля Белонин спрашивает у соседки:

– У тебя не осталось рассады? Мороз нынешней ночью был здоров, все огурцы съел. – А мне поясняет: – Раньше сажали на Троицу. А мы торопимся. Раньше погоды лучше были. За зимой лето шло. А нынче не сходится.

Электрики, что поменяли мне проводку в доме, на столб без бутылки не залезают. По стакану бормотухи и – вверх! Шутят: «А без стакана упадёшь».

Пришлось ехать в город за счётчиком. Заодно купил умывальник, замазку, эмалированный таз, колун, гвозди, пробку-автомат, конверты «авиа». Зашёл к электрику, он с утра пьян, хотя на столб не лазил. Дочка, лет пяти, выговаривает отцу: «И чего ходишь тут, шкрябаешь! А ну!» Жена: «Пьянь проклятая, грабитель». Он, равнодушно: «Молчи, сука, вот молоток-то».

Дождь, похолодало. Вокруг в городе телогрейки, чёрные вельветовые жакеты, прохаря, навозные кучи на тротуаре. Мужик тащит полную авоську бутылок ликёра. А хорошо! В самый кочан я попал, в самую что ни на есть кочерыжину. В автобусе тепло, все пассажиры грызут семечки, шелуха шуршит под ногами.

27 мая

Я привёз сюда книгу подстрочников татарского поэта, за которую уже получил аванс. Но, чтобы сдать её к 1 сентября, как указано в договоре, в день я должен переводить не менее 40 строк. А будут наверняка и «пустые» дни. Надо торопиться. Но ведь и без туалета нельзя... В липецких сёлах, правда, обходятся. Бывал я там в фольклорных экспедициях. Прямо за домом, без всяких тебе помостов и теремов. А вокруг степь, и каждый дом виден как на ладони. Увы, проблема нацио-

нального значения, если Сергей Есенин, рязанский мужик, в сердцах однажды выпалил: «Потому что хочу в уборную,/ А уборных в России нет». Словом, скорей, скорей возводить очистительную хоромину.

В выгребную яму вместо опалубки опустил большую бочку, что стояла у меня во дворе. Когда-то в ней квасили капусту. Дубовой опалубке сносу не будет. Аккуратно залил цементом. Материал под рукой – чистейший песок с мелким и крупным гравием из ямы. И ведра два камней, отмытых дождями, насобирал под горой.

Одному справляться, конечно, трудно. Но всякий раз, когда надо подержать планку, чтобы отойти и взглянуть: ровно ли? – вспоминаю великого американца Генри Торо, о котором хотел бы сказать: *своего учителя*. Ему-то, когда строил своё жильё на берегу Уолдена, некому было помочь, некому было «подержать планку».

Ничего, приспособился. Сергей Волов, к которому я как-то обратился за советом, меня обнадёжил: «Ты, Саш, начинай, а дело само покажет» И действительно, показывало. С отвесом да ватерпасом можно воздвигнуть без помощников и пирамиду Хеопса.

Соседнее село почти примыкает к нашей деревне. Раньше оно называлось Новотроицкое. А сейчас Новотроицы. Усечённое бессмысленное словообразование. Троица – единственное число. Но выговаривать «Новотроицкое» труднее, чем «Новотроицы». Артикуляция корректирует грамматику в сторону облегчённого произношения.

Троица – престольный праздник. Гулянье было великое. «Народу столько, – рассказывает соседка, – что дождиком всех не замочишь. Без одного-двух убитых не обошлось. Дралась Новая с Новотроицким, Торки с Выползовым». Она перечисляла окружные деревни, участвовавшие в баталиях, и вдруг одна – Христовка. Произнесла с ударением на первом слоге. Я встрепенулся: «Христовка производное от Христа». – «А кто знает...», – откликнулась она безразлично.

Дар Валдая

Дожди сегодня набегали, как кочевники. То и дело загоняли меня в избу. Я сразу – на потолок: не течёт ли?.. В одном месте поставил таз, капля бухает в него, как в бубен.

Помоги мне, Господи, закончить перевод к осени и начать своё...

Потешный котёнок. Забирается по мне, как по дереву, мурлычет на плече, покусывает ухо. Требуется внимания, а не получая такового, сердится и – вопит.

Мне сегодня понадобилось узнать длину боковой балки на крыше теремка. Чтобы не выверять на глазок, я решил высчитать. И вот забыл, чему равна гипотенуза в равнобедренном треугольнике. Память подсказывала: квадрат гипотенузы равен сумме квадратов двух катетов. Но я решил уточнить и отправился искать кого-нибудь из учеников. Где там! Комично выглядело, как один митрофан, то есть я, спрашивает другого митрофана, деревенского парня, о простейшей теореме. Второй митрофан таращит глаза и отвечает что-нибудь вроде «не проходили» или «забыл».

– Юр, не знаешь, как измерить гипотенузу в равнобедренном треугольнике? – спросил я молодого человека, приехавшего из Ленинграда.

– Юра таблицу умножения-то забыл, – пошутил Юра.

Не знала и учительница, преподающая в начальной школе. Тогда я сделал расчёт на чертеже, и балочки получились безупречно пропорциональные.

29 мая

Троица. Праздник. На деревне тишина – ни пьяного голоса, ни трезвого. ... Да и не знает никто о празднике. На завалинке сидит баба Дуня, в стёганом бушлате, укутанная по-зимнему пуховым платком.

– С праздником, баба Дунь!

– А какой нынче праздник, все на работе?

– Троица.

– Царица Небесная, – крестится, – церкви нет, колокола не звонят, откуда нам знать...

Я тоже не поехал в город, нарезал берёзовых веточек, отнёс и бабе Дуне. Полянка в лесу, что видна с моего крыльца, оказалась недавней вырубкой. Вся белая от цветущей земляники.

Сейчас полночь. Сеет тёплый дождичек, скрипит коростель. У Линника в стихах коростель заводит часы. Далекодалеко поёт соловей. А в конюшне, что под горой, гулко по бревенчатому полу переступают лошади. Забыли, наверное, их выпустить на ночь.

30 мая

Малиновый дымный закат. Яркая свежая зелень кустов и густой травы напоена майскими тёплыми дождиками. Вечером от земли парит. Когда я шёл мимо болота, с торфяника поднялась птица, белогрудая... Это она свистит так пронзительно по вечерам? Или не она? Сегодня я разглядел её получше: хвост наполовину белый, на голове хохолок – чибис. Кричит пронзительно и тоскливо. Зов одиночества. Аборигенам, однако, он не кажется таковым, судя по тому, как они её величают, а именно: пиздрик. «Пищит, потому что», – пояснил Сергей Матвеевич.

2 июня

– Не спит хозяин? – спрашиваю у Тони. Я заходил к ним на днях за старой дранкой. Анатолий тоже возился с крышей.

Хозяин сидит лохматый, сосредоточенный, согнувшись на лавке, как на допросе у следователя.

– Ты красивый теремок сделал, – говорит он. – А я отстал. Лобок покрыл, а двор так и брошен.

– С этой пьянкой всё бросишь, – встряла жена.

Эти знали про Троицу и три дня вкушали, как говорится, по Божьему благословению.

– Как же, надо, – говорю я сочувственно, – Троица, большой праздник.

Дар Валдая

– Я знаю, берёзка, – соглашается хозяин.

– С этого дня Христианская Церковь на земле стала существовать.

– Ага.

– Святой дух сошёл на апостолов. Две тыщи лет тому назад...

– Во, культурный человек, всё знает, всё расскажет.

На теремок мой ходит смотреть вся деревня. Приходила и цыганка.

– Мужик, а, мужик, – кричит с улицы, – продай мне теремок!

– Зачем он тебе? Жить в нём не будешь.

– Всё равно продай.

3 июня

Утром пошёл опустить письма в почтовый ящик, в ”банку“, как здесь говорят. Навстречу – народ: выбегают из домов, присоединяются к идущим, гомонят: что-то случилось. Поравнялись, и Клавдея, у которой я беру молоко, машет мне рукой:

– Пойдём с нам!

– Куда?

– В селе мясо дают, по рупь десять. Вам не надо?

Я мнусь, не знаю, что сказать...

– Ну, если не трудно, возьмите мне...

– Сколько?

– Килограмма три...

Вот едет на мотоцикле Семён Пустов. Сзади к седлу приторочен мешок. Лихо обогнал толпу, пыль помелом.

– Александру Ивановичу! – приветствует меня Сергей Матвеевич со своего крылечка.

– А вы что ж за мясом не идёте? – подхожу к нему. – Вся деревня двинулась.

– Слышь, matka, – обращается он к жене, – в селе мясо дают. Не пойдёшь? Да нам могут не продать, мы ведь не работаем в совхозе, мы ведь другого Бога.

Жена отвечает:

– Коровёнка-то дохлая. Вчера Санька видел, как резали, еле на ногах стоит.

– Да уж здоровую не зарежут, – согласился Сергей Матвеевич..

У Козловых свадьба. Оттуда тоже припустили за мясом. В белых рубашках, в галстуках и пиджаках, кто с сумкой, кто с чем.

На одну-то коровёнку... И я туда же: три килограмма!

За полночь. Зловещая красная луна. Заря зелёно-алая, с белыми крыльями. *Господи, Господи, спасибо тебе за эту красоту первозданную...* Туман залил весь луг, старый сарай без крыши плавает в нём, как древний ковчег. Щёлкает соловушка, мечет из ближних кустов одну за одной серебряные стрелы.

5 июня

Маленький Лёнька говорит старшему брату Саньке:

– А ну, Санька, сгоняй домой за тонкой верёвкой.

Верёвка нужна для рогатки.

– Дядя Саша, сделай рогатку.

– В кого ж ты стрелять будешь?

– В ворон. Они скворцов таскают. Сам видел.

Начал, наконец, перевод, проштудировав «Материальную культуру казанских татар». Познавательна и полезна не только в связи с предстоящим общением с ними через подстрочник. Крепкий орешек этот татарин. Помогги, святой Александр, мой покровитель, ты ведь с ними находил общий язык.

Весь день за столом, а в семь решительно взялся за лопату и вырыл в хлеву огромную, в свой рост, яму – могилу для дерьма, которое не убиралось, наверное, лет пять. Однако в процессе накопления регулярно забрасывалось соломой, и потому особенной грязи не было, чего я опасался. Спрессованный продукт, как дёрн, весь поместился на дне глубокого могильника,

и я его быстро закопал. Вычистил угол до песчаного грунта, а сверху по всему пространству хлева насыпал толстый слой свежего песку.

Хорошо, что не взялась за эту работу цыганка. Вот было бы грязи и мороки. И куда бы она всё это таскала?!

Спасибо моему помощнику и вразумителю равноапостольному князю Александру. Он подсказал мне вырыть яму. Вся работа у меня заняла три часа, а примерялся я к ней три недели.

Бабы разговаривают между собой?

– Ой, я тёлку-то буду резать, – говорит одна, чуть не плача.

– А что с ней?

– Да после быка. Лежит, ноги вытянула. Охает, как человек.

– Она первый раз гуляет, весной не гуляла?

– Не гуляла.

– Надо весной водить. А то коровы на неё полезут.

– Ну, уж коровы. ... Теперь-то не лазят.

– А что они теперь поумнели что ли?

Уже начинаются белые ночи. Танюшка приедет в самую белоту. От неё, от мамы сегодня письма. *Не оставь их, Господи.*

Где-то брешет собака. Дергач ей поддакивает. И соловушка не умолкает. Жаль отходить ко сну в такую благодать.

7 июня

Вставай, вставай! Позже семи в этой обители спать преступно. Ночью глаз не сомкнул – раздумался, раздумался.... И только под утро забылся, когда уже стали выгонять скотину. Первое тёплое летнее утро. Щебечут воробьята в гнёздышке под стрехой. Я побежал на близкое озерцо, наполовину заросшее камышовыми дудками. Два раза окупнулся в нём, как в блюдечке.

Лет пять тому назад озеро загубили мелиораторы. Спустили воду, чтобы набрать рыбы. Копнули ковшом берег в том мес-

те, где сочился ручеёк, и поставили бредень. Вода схлынула, но рыба зарылась в жидкий ил, набрали не больше мешка.

Я посоветовался с трактористом Федей: как бы заделать пробоину, может, озеро восстановится, ребятишкам будет где купаться.

– Да и бабам бельё полоскать, – согласился Федя, – раньше-то полоскали.

Назавтра же он пригнал бульдозер и справился с работой до обеда.

– Две бутылки, – оценил он свой труд. – Одну бригадиру, а другую, хошь, с тобой выпьем.

Трудно подаётся перевод. Бился над простейшими стихами целый день, не закончил, пошёл в лес нарезать ореховых веток для топчана. В густом лесу орешины растут высокие и прямые. Рядом, на болоте, тоже стоят целые фонтаны орешников. Но я забрался подальше в лес, пусть болото зарастает. Топчан получился лёгкий и пружинистый.

Святой Александр, помоги мне завтра потрудиться за письменным столом.

9 июня

Отчего мы любим птиц, а мыши вызывают в нас отвратительные ощущения? Хотя и те и другие, живя рядом с человеком, питаются крошками с его стола, выполняют одинаковые очистительные функции в его жизни.

Птицы – небожители, грызуны – земная тварь, носители её заразы и нечистоты. Мы инстинктивно в птицах любим небо, а отвращение к мыши – отвращение от земли.

Храм в Новотроицком. Руины. Проваленные полы, осыпанная штукатурка, наполовину содранная крыша. Молился Господу и Богородице о возрождении Церкви на Руси. Кто знает, вдруг Господь обновит и этот храм, и я буду приходить сюда молиться. Сверху купол зарос берёзками, и на колокольне вместо креста трепещет деревце.

Дар Валдая

На куполе разграбленного храма взметнулась роца – шумная, как море.

Как море, что Содома и Гоморры не пощадило. Цепкая ольха опутала запястье капители. Когтит берёза стену, раздирает глазницы окон... Хищный молодняк не вырубить, не выкорчевать из камня.

От года к году шире и черней взбухают вены трещин. А вокруг сырого остова тучнеют избы.

В них радио и телепровода гнилую кровь качают. В них торчат из окон бельма голубых экранов.

Под шиферной ширококостной крышей шумит всё та же роца. Матерееет.

Невидимые щупальца её рыхлят, рыхлят, рыхлят, как купол мозг. И трещины взбухают... И плодится всё больше в них – от года к году больше – дебилов и невротиков. Остались тверды лишь своды августовской ночи.

Лик Волопаса... И Арктур под ним мерцает, как лампада... И сквозь вечность звонарь безрукий боталом стучит.

Птицы в гнезде шебаршатся так же, как мыши. Но тревоги не вызывают, наоборот – спокойно: небесные жители за окном, как раз в изголовье.

В воскресенье заходил тракторист Федя. Спрашивает: «Жива бутылка-то»? Это он о водке, которую я обещал за брёвна.

Четыре Фединых брёвна лежали неподалёку. Не знаю, за чем он их припас и почему не доволок до дому. Брёвнышки – в самый бы раз мне венцы заменить.

– Не продашь мне брёвна? – спросил я его однажды.

– Бутылка, – ответил он коротко.

И вот зашёл за обещанной платой.

А днём позже, смотрю, два паренька грузят эти брёвна на прицеп. Я им говорю:

– А Федя разрешил? Он мне их продал...

Парни, ни слова не говоря, сбросили поклажу с прицепа и уехали.

Следом пришла феина жена с сыном. И мигом располовинили брёвна двуручной пилой. Наверное, узнав о продаже, она таким образом отомстила Фёдору: не торгуй нажитым. Я с ней объясняться не стал.

Вынес словари на травку. Медленно, но подвигается перевод. В избе душно, в сенях комары. А на улице ветерок и жара, чего комары не любят. Забронзовел. Но всё же не дело так работать. Загорая.

12 июня

День начинается рано. Размыкают мои сладкие сновидения овцы и козы – наглым бляньем и копытным треском. Они же верхолазы, их предки лазили по горам, вот они и взбираются на моё высокое крылечко. Я, конечно, их клянущу, но тут же и спохватываюсь: вчера на молитве просил св. Александра поднять меня в 6-7 часов. Вот он и насылает побудку. Весной стадное мычание и мат пастухов приглушались вторыми рамами, но я рамы вынул, и теперь весь ор и топот у меня в комнате, разгуливает по мне. Однако потешно орут парнокопытные – голосом Пана. То-то древние изображали его в смешных обликах.

С утра до обеда перевод, вхожу в хороший ритм, так сказать, с перевыполнением плана. Впереди «пролётные» дни. В их счёт.

Неожиданный гость. Пожарный инспектор. Оказывается, моя печная труба в аварийном состоянии. Искры могут лететь на чердак. Как я ещё не спалил дом! Надобно лезть на крышу.

Боюсь, одному не справиться... Всё один да один... А кто тебе должен помогать?

Лестница – одна прожилина и чурбачки вместо ступенек – лежит на крыше лет десять. Гвозди проржавели и сыпятся, drankа, растресканная в щепу, крошится под ногой. Крыша похожа на вздыбленное торфяное болото. Качнул раз и два длиннущую асбестовую трубу, вытащил из гнезда, перевязал

крепко и осторожно стал опускаться на землю. Мне крыша сейчас дороже трубы, а она её при спуске царапает и колушает.

Вот так, с решимостью и терпением, и приходит опыт – и в хозяйственной жизни, и, надеюсь, в духовной. Да, они нераздельны.

14 июня

Поговаривают, что закроют школу. Младшие классы переведут в Новотроицкое, старшие в Шую. Известие это меня всерьёз озадачило. Я ведь хотел в старших преподавать литературу и вообще на базе школы заложить культурную программу – литературный кружок, краеведение. Что давало бы и какой-то заработок.... Был в городе, в Исполкоме, слух подтвердился.

Утром успел на литургию. Церковная служба на древнеславянском языке. Язык держит дистанцию, чтобы молитвословие не опускаться до обихода. Но ведь никто не понимает службы, за которой читается Евангелие. А и надо, чтоб не понимали. Просвещённая вера всегда была опасна Российскому государству. «Горе народу, не знающему Слова Божия, – говорит отец Арсений, повторяя слова Достоевского, – вот оно и накатило в 17 году».

В очереди за селёдкой. Две молодые мамы разговаривают меж собою: «И почему это все дети любят пиво? Серёжка мой схватится за бутылку и не отпускает».

Молодой человек в галстуке, стоящий за ними, заявляет авторитетно: «Да потому, что вы их по пьянке заделали».

Военные части, которых много вокруг Валдая, привозят в городские магазины излишки своих продуктов: соки, масло, печенье. Эти излишки составляют большую часть торгового оборота в городе. Но их расхватывают в миг. Продуктов не хватает. Многие жители за харчами отсюда ездят в Тарту. На поезде за два дня оборачиваются. Ночуют на вокзале.

Валдай. На главной улице, на проезжей части, напротив Загса спариваются кошки. Наверху сидит огромный рыжий котяра. С высокой лестницы брачного заведения спускаются ещё двое. Рыжий продолжает своё дело, и через минуту сходит с пьедестала ... Она – всё так же распластана и призывна. Новый кот, как гимнаст, впрыгнул на неё и вцепился зубами в загривок. Но дело у гимнаста не ладилось, и хвост его нервно подрыгивал перед мордой рыжего. Тот тяпнул дрожащий хвост, неудачливый собрат завопил и отпрыгнул в сторону. Тотчас рыжий занял своё законное место.

Мы ведь тоже не стесняемся их в интимных обстоятельствах. Но стыд – моральная категория, в природном мире не существующая. Не замечая прохожих, они чувствуют себя, как в алькове.

15 июня

Раньше печки колотили, ямы не зарастали. А теперь кирпич заводской. Глина где? Глина на глиняной горе. Я и отправился туда с тележкой. Навстречу Лёнька Михеев.

– Лёньк, ты знаешь, где глину берут?

– Знаю. Вот пойдёте так, потом так, потом будет поляна, вы по ней не идите, а свернёте так.

– Понятно ... Да не очень ... Ты на велосипеде, проводи меня.

– Не, неохота, – отвечает Лёнька.

Обращаюсь к Саньке, он тоже с велосипедом.

– Неохоота, – тянет Санька.

Нечего делать, пошёл один. Помолился, позвал ангела-хранителя в провожатые и пошёл.

Миновал два поворота влево, большую поляну и свернул по той дороге, которая мокрая: под ногами лужи. Песчаная почва воды не держит. Ковырнул, так и есть, суглинок. Значит, иду правильно, и вышел к широкой квадратной яме, вслянь залитой водой – два дня как кончились дожди. К вечеру приволок я глины целый бельевой бак, еле дополз: то и дело скакивало колесо у тележки.

Приготовил раствор. Надо было сначала раскрошить комья молотком, а уж потом залить водой, а я упустил, и пришлось разминать пальцами в воде – мять, мять, мять – до жидкого теста. Руки, ласковые и трепетные, могут быть и самым грубым инструментом. Во всём они участвуют – руки. Я, когда ищу нужное точное слово, помогаю себе руками, леплю в воздухе его труднообитаемый смысл.

По крыше я полз с ведром, как по мачтовой рее корабля. Лестница – чурбачки, прибитые к жердине, – давно прогнила и сыпется, как будто она из пересохшего хлеба. Керамическую трубу я принёс с болота, там их много, брошенных мелиораторами. Взволков её на крышу, укрепил в железном листе, промазал, где возможно. А на чердаке забутил трубу в боров (глиняный дымоход, лежащий на двух балках) и уже раствора не жалел. Убрался совсем к ночи – подобрал возле дома все щепки, вымыл полы в избе, в сенях и на крыльце. После таких трудов славно помыться, намылиться хорошенько. Что я и сделал на озере: разделся донага, снял крест, положил на рубашку. Солнце давно село. Над водой пар, плачет чибис. Покойно и светло. Плыву, ликую... *Спасибо, Господи, за всё.*

Возвращался, как на крыльях, не без гордости подумав, что вот, один, без посторонней помощи справился с трубой. И только я похвастался, тут и настигла меня кара: вспомнил, что крест оставил на берегу. Уже в темноте облазил, обшарил каждую кочку, каждый бугорок. Не нашёл и утром. Наверное, кто-нибудь приходил...

Охапка лесных ромашек в крынке, на столе.

Готовлюсь к худшим временам. Боюсь, что Истину предаю, как Пётр. Что невольно струшу.

Готовлюсь. Укрепляю душу. Учусь тоску одолевать. За суетой не забывать молитвенные размышленья.

Мечтаю травы и коренья съедобные распознавать. Не смейтесь, это верный клад. Я и сейчас, как в детстве, рад

похлёбке из шершавых мидий. Уж мы-то помним: мор и глад – попутчики лихих событий.

Над вашим пугалом смеюсь, блюстители гнилых устоев. За отщепенцев, за изгоев инакомыслящих молюсь.

Я не гонимый, я – гонец. Ромашки белый бубенец над полем, что уже скосили.

О, Боже, помоги России Тебя услышать, наконец!

К любимым готовлюсь временам. Осваиваю по складам смиренное преодоление. А где Голгофа, там – спасенье.

Но где бы я ни жил – в этом доме, в этой местности, в этой стране, на этой планете, в этой галактике, – моё пребывание здесь временно. Не стоит за него цепляться и связывать с ним своё неизменное пребывание в Боге. Богоприсутствие шире местопребывания. Я не должен страдать от сознания временности этого места, а должен сосредоточиться на исполнении своего дела, Божьего обо мне замысла. Память о Боге, исполнение Его заповеди (стараться исполнить) останутся со мной всюду: в этой стране или за её пределами. И не нужно тиранить себя воображаемыми замками... Будут – хорошо, не будут – тоже хорошо, появится что-то другое. Главное своё дело, благословенное и дарованное Господом, не оставлять. Вот о чём первоочередная забота.

Передача по «Свободе» о Рауле Валленберге, шведском дипломате, христианине, который во время войны в 1944 году спас 120 000 евреев из венгерского гетто. Он заведовал эвакуацией беженцев в Будапеште. Молодой человек тридцати четырёх лет обладал счастливым даром общения с людьми. Один из спасённых им рассказывает: «Сорок женщин, среди которых была и моя мать, фашисты выстроили возле канавы перед расстрелом. Вдруг подъезжает машина, и из неё выходит Валленберг (это имя у всех было на устах, как имя спасителя). Ему удаётся убедить палачей в целесообразности повременить с расстрелом – не хватает людей на срочных работах, – и женщины возвратились в свой барак.

17 января 1945 года советские войска заняли Будапешт, и Валленберга арестовали, возможно, по недоразумению, приняв за американского шпиона. А скорее всего потому, что его действия были неудобны советскому командованию...

С тех пор он исчез. В 57 году Громыко официально ответил на запрос шведов: «Скончался в Лубянской тюрьме от инфаркта миокарда». Но на протяжении всех лет просачиваются сквозь железный занавес разные свидетельства о том, что Валленберг жив. Кто-то его видел, кто-то слышал о нём. Известный гебешник, якобы, хвалился в пьяной компании: «У меня один швед сидит 34 года».

Шведское правительство постоянно запрашивает Кремль о Валленберге. Косыгин тоже отмахнулся: «Помер, чего искать...» Но тысячи людей, спасённых им, верят, что всё-таки жив...

Его именем названа улица в Тель-Авиве, дерево в священной роще...

13 июля.

Отец Арсений, увы, тоже поражён язвой антисемитизма. Распинается о «Протоколах сионских мудрецов», о многих странностях, как он говорит, связанных с активностью **ЭТОЙ** нации.

То и дело ударяя себя пухленьким кулачком в грудь, он заявляет, что не антисемит. Каждый, мол, христианин семит. Так учат католики. Но в его безудержном словоизвержении заложен враждебный запал. Сомневается, что еврей может быть подлинным христианином: «Не встречал ни одного настоящего среди евреев». Я сначала слушал терпеливо, но такое стерпеть не мог. А отец Александр Мень! Разве по национальным признакам узнаётся христианин? Забыл, что ли: «обрезание ничто и необрезание ничто» (1 Кор.7:19)?!

Боюсь, что еврейский вопрос для него проистекает из зависти к отцу Александру. Он как-то обмолвился: «Мы *здесь* пашем, а о. А. *там* пожинает плоды». То есть здесь, на отшибе, а он там, в столице, на виду.

В Валдае есть ихтиологическая станция. Сотрудники её, «ихтиозавры», в основном молодые люди, сблизилась с отцом Арсением, стали его прихожанами. «Протоколы сионских мудрецов» – их подарочек, занесённый из Москвы. Стыдно слышать такое от священника, вроде бы образованного... «Нация, завладевшая миром. Весь капитал мира в её руках». «Масонский орден – щупальца сионизма. Ни один американский президент не допускается к власти, если он не масон». И прочая подобная чепуха, которую коммунисты вгоняют в уши на партсобраниях. Такую лекцию прочитал недавно в издательстве «Современник» просветитель, присланный из райкома. Текст «Протоколов» перепечатывался на машинках, ксерокопировался. Мой знакомый, работавший в издательстве, был ошеломлён «всемирным заговором» и раздумал креститься, потому что Христос тоже был еврей... Партийчики многих московских учреждений были охвачены тогда открытием этого «документа». Фашистская зараза поползла из недр Гебухи по партийным сточным канавам и поразила предрасположенную к эпидемиям часть населения. «Антисемитизм сейчас так распространён, так распространён, – распаляется священник, – что вот-вот начнётся трагедия». «Она уже началась, – свирепею я, – в вашем лице».

Днём мы плавали на его вёсельной лодке, которую он купил для спортивных упражнений. Качает мышцы, сбрасывает лишний вес. Поплыли на остров. Ему давно хочется меня побороть, в прошлом году не удалось. Схватились. В нём не менее центнера веса. Дважды я его приложил. И, выдерживая измором, – жирный, нетренированное дыхание – изловчился приложить и в третий раз. Больше он бороться не стал. «Всё, говорит, силы надо беречь на обратный путь». А на обратном пути сломалось весло, поднялся ветер и крутая волна, припустил дождь. Трудно было отплыть от берега, сносило к осоке, и он предложил: «Попросим взять нас на буксир. Одним при такой волне не справиться». Но – справились. Я весь путь грёб двумя вёслами, он остатком весла рулил. И,

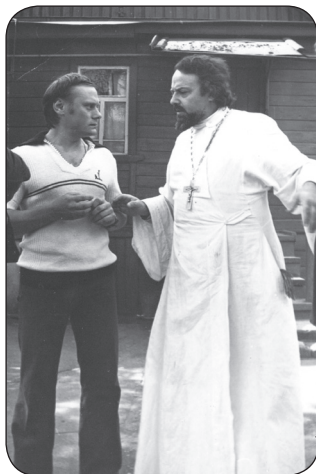
Дар Валдая

сходя на берег, изрёк с чувством победителя: «Главное – не терять самообладания».

В его характере есть проявления той детскости, которая и непосредственна, и опасна: ребёнок, играя в песочнице, обоз-
лясь на соседа, запросто может сыпануть ему в глаза песком.

17 июля.

Уже неделю не привозят в магазин хлеб. Якобы рабочие оставили пекарню, недовольные низкой зарплатой. Так мне объяснил местный коммунист Балдин. На самом деле нет хлеба в стране, а не только в Новой деревне.

1978 год.

12 июня. Москва.

Приёмная родильного дома, куда Таню рекомендовала знакомая врач. Наш, районный, заражён стафилококком. В окошечке женщина, принимающая рожениц.

- Никаких вещей брать нельзя.
- И ночную рубашку?
- Ничего.
- А лимон?
- Лимон можно и яблок штучки две.

- Вам звонила Лариса Васильевна?
 - Звонила. Цепочку снимите.
 - Это крестик.
 - Нельзя. Ни часы, ни серьги, ни кольца.
 - Но это же крестик нательный.
 - Запрещено.
 - Ну, я сниму и возьму с собой, – говорит Таня.
 - А я вам не позволю. Верить можете, это мы разрешаем.
- А крест нельзя. У нас жена священника рожала, и у той крест отобрали.
- Хорошо, саму не выгнали, – не сдержался я.
 - Не выгнали, – парирует женщина с достоинством. И добавляет примирительно: – Верить в Бога можете...

С Богом, с Богом, Танюша.

13 августа.

Настеньке два месяца. Положили мы её в корзинку, на багажник водрузили коляску и прочий скарб и отправились на легковой машине нашего друга в своё валдайское поместье.

У въезда на кольцевую дорогу, где невозможно остановиться, небольшая поляна. На поляне к колышку привязана коза. Хозяева, наверное, привязывают на день, сами с утра на работе. Мальчишки окружили козу, как движущуюся мишень. Коза мечется под градом камней, верёвка укорачивается, накручивается на кол.

Спит доченька в корзинке. Ещё ей рано видеть подобные детские забавы.

Сегодня ходили за малиной. Вблизи от дороги всё потоптано и выбрано. Забрались подальше, в чащу. Коляску плотно обернули марлей, поставили на бугорочке. Настенька молчит, а над коляской стоит шмелиный гуд и тучи комаров. Нас они жрут беспощадно, больше отмахиваешься и колотишь себя, чем берёшь ягоду. Настенька молчит, значит, до неё кровосо-

сы не добираются. Почивает, усыплённая лесным духом, ограждённая марлей и нашей молитвой.

Внезапная телеграмма оборвала нашу сельскую идиллию. В Москву приехал польский священник, которому нужен был провожатый на каждый день. Выбор пал на меня, хотя с отцом Александром этот выбор не согласовали. Он, зная, что мы только-только уехали в деревню, возвращать бы меня из деревни не стал. Но руководитель нашей молитвенной группы был человеком менее догадливым, и двинулись мы в обратный путь. На перекладных, разумеется. Это с коляской и трёхмесячным младенцем. До Валдая на автобусе, из Валдая до Бологого тоже, но в битком набитом пассажирами, которые рассчитывали на московский поезд, а поезд в тот день почему-то в Москву не пошёл. Из Бологого отходил только утром... А подъезжая к Москве, вдруг остановился: авария на путях, и пассажиры с вещами высыпал прямо на шпалы.

10 сентября.

И снова я в деревне, но уже один... Устрашили нас дорожные перипетии, а нанимать легковую, 440 километров, не по карману.

За столом не сидится. То ходил за клюквой, то помогал копать картошку одним соседям, потом другим. Да ещё мухи одолевают, да ещё крыса. А может, и во множественном числе. Наглые, отворяю дверь – шкрябают, не боятся; зажигаю свет – плюхаются жуткой тенью, чёрной молнией по жердине, по бревну, в щель. Бросил скомканную газету к печке. Минуту спустя, слышу шорох. У меня волосы дыбом. Каналья уже под боком. Смотрю на газету – шум из неё. Смотрю и вижу, как газета, скомканная, с шорохом расправляется. Футы, напугала. Каждый день смахиваю их следы со стола, что стоит в сенях. Грызут картошку. Выбирают самую крупную. Деранёт два-три раза – и за другую.

Поставил капкан. Забылся за книгой, вдруг щёлкнуло. Я вздрогнул: что бы это?.. А, капкан. Но тихо. А она должна

вопить, елозить, пищать. Или башку прищемило, и она сразу кончилась.

Говорят об интеллекте крыс. Капкан не тронут. Что же тогда щёлкнуло? Или это шлепок её падения с потолка? Я знаю, что они громко шмякаются. Но на кормушке, куда я положил промасленный кусочек хлеба и к которой стоит только пёрышком прикоснуться, как отпустит держалку и клещи сомкнутся, – на тарелочке кусочка не было... Она его, наверное, сдунула. Крысиный интеллект направлен в ту же сторону, что и у большинства людей: в сторону кормушки.

12 сентября.

Русь, зачерпнувшая в себя татарской крови, усвоила многие черты кочевников. Завоевательная политика московских князей, распространение вширь, да и всех царей после Ивана, есть, по сути, то беспокойство, которое мы впитали в себя в монгольский период. Сегодняшние наши великодержавные коммунистические замашки с расчётом на гегемонию в мире – тоже наследие той роковой прививки. Кочевой азиатский дух, стелющийся, как огонь, по земле.

14 сентября

Весь день за столом. Вечером тревожный закат с холодным туманом. Ушёл далеко к лесу, возвращался затемно. Сверху, с холма, взгляд на деревню, на мой дом со светящимся окошком, как взгляд из космоса.

Крысы опять ловко стянули хлеб из капкана, не тронув защёлки. Я принялся разжигать печку, вдруг громко клацнуло и запищало, запищало, запищало... Ага, значит, вернулась за крошками, за капелькой маслица и – влетела. Нет, погоди, разожгу печку, тогда тобой займусь. А она всё пищит, всё тише пищит... Наверное, Пушкин не стал бы заниматься такой охотой, а Генри Торо стал бы, подумал я, и решительно, превозмогая отвращение, шагнул в сени. Взял две приготовленные на этот случай лопаты, пододвинул зверя на одну и с крыльца бросил в крапиву до завтра.

Дар Валдая

Когда она пицала, жалостливое чувство колыхнулось во мне.

15 сентября

Нет, об этой красоте прозой не скажешь. Писалось, пелось, как в лучшие мгновения жизни. Страшно, вдруг что-нибудь помешает... Сам прервал этот полёт, поставил точку, исправив летошние стихи. Взял ящик с инструментом, пошёл к Евгении Матвеевне починить калитку. *Господи, спасибо за всё. Холодный, как молодой ледок, воздух.* «С завтрашнего дня разведрится», – говорит Е.М. И правда, ясно, луна сияет, затопила всё кругом упоительным звенящим светом. На урезе горы, облитые лунной фарой, два зайчика. Шевелят ушками, слушают в мою сторону: что за зверь топает? Тикать или не тикать? Ещё два моих шага, и припустились, только я их и видел.

Как, наверное, с Мамаем битва прадедам была, так мне – молитва. Мысли мельтешат, как мошकारа. И слова беспомощны... С утра в лес пойду пылающий... Осина мне протянет руку из костра, лопоча бессвязно и бессильно. О, как скорбно лебеди кричат на холмах отеческого берега, там, где оком выпуклым бочаг смотрит в душу – в омут человека. Холодно и тихо на земле на родимой... Углями в золе шевелятся города и веси. На рассвете позднем, на заре, Господи, уста мои отверзи...

В полночь вышел в сени, зажёт свет – метнулась в потолок летучая мышь. Не дом, а терем со всяким зверем. Перебираются на зиму в лубяные хоромы.

17 сентября.

Утром без стука входит Витя, пастух.

– Нет ли водки за деньги? – достаёт из штанов муслёные трёшки.

– Нет, я не пью.

Вчера он выкушал литр, сегодня болеет, но коров надо пастить.

– Попей чайку крепкого, – предлагаю ему.

– Во, давай. А за бутылкой Пузырина сгоняю, он сегодня у нас дежурный.

Позавчера была у них зарплата, третий день никак не отойдёт. Пастухи получают в месяц 220 рублей. Зимой работают в лесничестве. Деньги хорошие, да ведь задаром не платят.

– Хошь, ноги покажу? – говорит Виктор, будто уловив мои мысли. – Вены у меня во, раздулись от резины да от ходьбы. А кирзовые надену – мокро. Лето нынче – одна вода.

Выпил чашку, разомлел...

– На еду мы не обижаемся. Еда у нас сейчас хорошая. Я, например, поросёнка держу, овец, корову – обязательно. Сам подою, сам корма дам. Баба на дворе. Летом и ей помогу, палпятиного встану, а палшестого уже выгоняют... О, отошло немного сердце, думал, помру. Спасибо, чаем накормил. Я вообще-то не пью. Ну, с получки или в субботу, это у нас всегда. Она маленькую возьмёт. И сама стопочку выпьет, после бани-то.

О жене, не упоминая имени, всегда в третьем лице – безлично: «она».

Собрал из старых штакетин Евгении Матвеевне новую калитку, поправил забор, заменил несколько столбов. За что был награждён ведром яблок. *Господи, спасибо за всё.*

18 сентября

Целую неделю не было в магазине хлеба, и я сутра – говорят, привезли и чтобы досталось – отправился в Новотроицкое. Бабы уже давно здесь. Держатся строго очереди, как в послевоенные годы за мукой. Показалась на горизонте завмагом Зина. Не продавец, хотя она торгует одна, а *завмагом*. Так почётнее. Она в деревне человек № 1, бабы перед ней заискивают. Со мной однажды разоткровенничалась: «Я троих выкормила. Сыты-рассыты были в войну, я в магазине работала. На такую грешную работу устроилась».

– Кто в субботу брал хлеб, давать не буду, – мрачно предупреждает Зина.

Дар Валдая

Хлеб был привезён в субботу к концу дня, и новотроицкие успели набрать кто по 10, а кто и по 20 буханок. Берут охотнее чёрный, он дешевле, берут помногу – для скотины, хлебом кормить дешевле, чем сеном.

– Ты по буханке давай, по буханке, – волнуются женщины.

– Дамне соседке отдать, в долг набрано, – оправдывается берущая.

– Как же так, кому двадцать, а кому одну?!

– Ничего, картошки много, с голоду не подохнешь, жри её больше, как в войну.

– А то. И с кожурой жамкали.

– Счас с голоду не помрёшь.

– За три километра прийти за хлебом и вернуться ни с чем, – сетует, судя по голосу, дачница.

Маша Белонина рассказывает:

– Вчера картошку убирали, смеху было. Мои мужики-то передрались. Весь день друг друга гвоздили. Потом Васька уж свалился. А мой к нему подходит, каменюгу взял: хошь, грит, убью! Стукает его по голове, как по бочке, аж гудит. Убил бы, грит, да сидеть за тебя неохота. Потом сгрёб его да в лужу. Васька из лужи вылетел. А он его опять туда, да под кряж поволол. Ну, кино, весь день... Со смеху помрёшь!

Та же дачница не выдержала:

– Вот люди! Что же здесь смешного, убивают друг друга...

Шестьдесят лет советской власти!

Тут уж я улыбнулся. За советскую власть ей стыдно.

19 сентября.

Ох, Господи, тошнѣхонько! Нахлынули грустные мысли. Сбежал от них в лес. Набрёл на поляну брусники, долго-долго собирал по яголке под сиротливый шум осины. Ягодки мелкие, как мышьиные глазки. Что-нибудь, да соберу для мамы. Для неё это лекарственная ягода.

Чёрно-синее чужое небо. «Что есть человек, что Ты помнишь его?» (Псалом.8.5).

Сосновый бор одарил меня огромным, чистым и крепким боровиком. Одного на большую сковороду хватит. *Помоги, Господи, не падать духом, не падать в яму...*

Собирая бруснику под осиной, слышал её земной бессвязный лепет и шум, а Твоего голоса, Господи, не слышал.

Андрей Рублёв. Не было на Руси таких, как он, великих художников святых.

Из дома давно нет писем. День делится на две половины: до почтальонши и после. Поглядываю в окошко – идёт или нет? Если зачитаюсь, выйду, крикну соседям: «Почта была»?

Распахивали близкое пшеничное поле. Тракторы трудились на расстоянии 300 метров и так сотрясали землю, что мои чашки на стене вздрагивали и пол подо мною тоже.

21 сентября

Рождество Богородицы. Зашёл Сергей Матвеевич: «Нет ли гвоздиков, десятки, штук пятьдесят?» По случаю праздника налил ему стакан и себе стопочку. Он, благодарно: «Грибков

Дар Валдая

малированных ужо принесу». Взял у меня миску и, прячась от жены, стороной, обойдя окна, шмыгнул в баню и таким же путём, хоронясь, вернулся обратно к полному стакану.

Осиновые листья на мягком изумрудном мху – кровавые капли. Лампы мухоморов, рыжие могучие папоротники. Они растут целыми колониями: желтовато-бурые, свалаявшиеся, как верблюжья шерсть. Неторопливо поскакал от меня заяц, вверх по бугру топ-топ, безбоязненно, большой какой, с волка!

Вдруг юркнула под ногой мышка и застыла, оцепенев. Глаз – брусничинка – смотрит, наверное, на меня: на что-то тёмное и громадное, присевшее на корточки. Дома мышь вызывает омерзение, в лесу – любопытство. Наверное, мышки-полёвки, живущие самостоятельной трудовой жизнью, должны отличаться от тех нахлебников, что живут рядом с человеком на полном его иждивении.

23 сентября.

Всё нет писем из дома. Полночь. На дворе темень и тишь. Вдруг – стук о землю. Господи, что это?.. Ещё стук...

Яблоки падают. У соседей, метров за сто... А как слышно!

25 сентября

Утром иду опустить письмо в «банку», а мне навстречу почтальонша. Вручает заказную бандероль: распишитесь. Я терпеливо донёс бандероль до дому, вскрыл и чуть не прослезился от радости. Подарок от Танюши: Овидий, «Скорбные элегии и Письма с Понта». Очень кстати, очень уместен Овидий в этом С(скифском) ССР. А чтобы скорбь моя была не очень горькой, в приложении к Овидию шоколадка.

Танюшина посылка где-нибудь в пути встретилась с моей, куда более прозаичной. Она мне Элегии с Понта, а я им вчера клюкву с Валдая.

26 сентября

Завтра праздник Воздвиженья креста Господня. И мой день рождения. Счастливое совпадение и, разумеется, не случай-

ное. Нет ничего случайного на свете, и тайный знак присутствует во всём. Строчка давнего стихотворения*.

Весь день читал прозу Пушкина. От читанной сто раз невозможно оторваться. Разве что на религиозную передачу, из которой узнал, что в 325 году мать Константина Великого Елена, побывав в Палестине, решила найти крест, на котором был распят Спаситель. Какой-то крестьянин в Иерусалиме показал, где, по преданию, должен быть зарыт крест. На этом месте стоял языческий храм. Царица приказала разобрать храм, и под ним на небольшой глубине были обнаружены три креста. У иудеев был обычай класть орудия казни в могилу вместе с казнёнными. Но который из трёх крест Спасителя? Мимо шла похоронная процессия. И когда к покойнику приложили один из крестов, мёртвый ожил. Толпа обступила крест, каждый желал прикоснуться к его живительной силе. Тогда епископ Иерусалима встал на возвышении и поднял – *воздвигнул* – крест над толпой.

Не хочется уходить из леса, хотя вот-вот стемнеет. Пьянящие запахи и краски. Далеко, километра за два, слышно, как брешет пёс в деревне. Эхо ухает в лесу, как в комнате. В эту пору лес – идеальный звукоотражатель. Чем это объяснить: разреженностью воздуха? Жёсткостью пожухлой листвы?

Лес, как мощный костёр, по-осеннему гулок и ясен. Два глубоких глотка из него – и заходитесь дух. Чуть колеблемый лист ослепительно падает наземь. Где-то стадо пасёт, матерясь деловито, пастух.

* Удивительно. После своего крещения я поставил 7 крестов на могилах друзей и родственников. Как-то само собой получалось, что обращались ко мне сделать крест, и я добывал материал – бук или дуб – и мастерил: Саше Тихомирову, отцу Зои Афанасьевны, моей крёстной, маме Алика Воронина, последний достался мужу Сонечки Руковой, а готовил я его на могилу отца Александра, но опоздал на день, привёз, когда крест на могиле уже был установлен. На месте его гибели мы с о. Виктором поставили голубец.

Так и хочется верить, что сил вдохновенных – избыток... Впереди сентябрь, потянувшихся в стаю, не счесть... Книга неба раскрыта над нами, не свившийся свиток, – значит, время вчитаться ещё и одуматься есть.

Ах, какой же простор на стеснённую землю пролился! И предстала она, хоть на миг, золотой-золотой. Счастлив я в этот день? Счастлив тот, кто ещё не родился. Слава Богу за всё, как сказал осуждённый святой.

Вот и вышел закат и калиновый куст окровавил. Свежим ветром махнул и изранил его в решето. Краснощёрый закат и меня в стороне не оставил – свил в прозрачных ветвях и во мне напоследок гнездо.

27 сентября

Царство Божие подобно зёрнышку смоквы, из которого, из маковки, вырастает раскидистое дерево. Под сенью дерева отдыхают небесные птицы. Но что для Господа один день, для человека – тысячелетие. Между зёрнышком и раскидистым деревом пролегают геологические эпохи. Я чувствую по себе, как ничтожно малы сдвиги роста, духовного развития – их практически нет. Хотя Царство Божие утверждается неприметно. Но человеческое нетерпение пытается их отметить,

и от тщетных попыток впадаешь в уныние, в озлобление... Рост мой – процесс геологической медленности. Я ещё где-то бултыхаюсь в Юре, во влажном климате беспозвоночных.

Господи, помоги мне не суетиться, не фиксировать свои скоростные потоки неверным спидометром. Выбросить бы его в форточку, как поступил мой брат с термометром, когда у него появилась потребность мерить температуру каждый день. Он заболел туберкулёзом, но после того, как освободился от термометра, стал чувствовать себя хорошо и о температуре забыл.

Вот и закончился мой день рождения – в одиночестве и тишине.

А начался он с литургии, с причастия. О.Арсений в отпуске, заменяет его о. Милентий. Во время исповеди на ухо прошпарил мне пулемётной очередью все грехи, какие только бывают, вплоть до убийства кошек и собак, в чём я должен каяться.

Далее в городе – магазины (на полках один минтай, сулящий мне минтайный исход), рынок(километровая очередь за сливочным маслом, рассыпчатым, как халва), переговорный пункт. Еле прозвонился в Москву. Далее санэпидстанция, куда я зашёл за крысиным ядом, о котором просил по телефону на прошлой неделе.

– Мы вам всё приготовили, – встретили меня любезные женщины, – а у вас бумажки нет или целлофанового пакетика?

– Разве яд не в упаковке?

– Какой там! По плечо руку в мешок съешь, – ответила женщина, и я с ужасом посмотрел на её руку.

На моём столе огненные калиновые ветки с того куста, окровавленного закатом...

30 сентября

Снег, снег, снег. С утра было пасмурно, потом стал сеять мелко-мелко и вдруг повалил со свистом и уханьем. С ночи ещё задул ветер, я знал, что принесёт непогоду. Намело уже

высоко. Овцы вернулись утром голодные. Напали на стог сена, давай его теребить, благо, жердина поломана в изгороди и пастух далеко.

На крыльце птичьи следы, сорочьи, наверное. Сороки облюбовали мои хоромы. Толкутся на крыше, того гляди разметут её своими железными хвостами.

В поле, как в штормовом море: чёрное небо, чёрный лес. Глаза поднять невозможно – выстегает снегом и дождём. Но мне не грозит под монашеским капюшоном. Каково же вернуться после такой свистопляски в тёплую избу!

1 октября

С утра опять снег, а в полдень брызнуло солнце и в прорывах туч показалось полуденное палестинское зелёное небо. Сине-зелёное.

Тающий снег пахнет – будущим, надеждами, вёснами, влюблённостью и ещё чем-то юношески-чистым.

Комитет по Нобелевским премиям сообщил, что кандидатами на Премию мира представлены советские диссиденты, группа содействия по контролю за выполнением хельсинского договора: Орлов, Гинзбург, Щаранский и другие.

Наконец привезли хлеб. Не было неделю. Народ хлынул, как на Ходынку. Бегут. «Мань, я за тобой!» «Николай, займи, я щас, корове только дам!» Хлеб дорогой – 31 копейка, против 20 в прошлом году.

Ещё беда: зуб начинает ныть. Только не это. Работать не даст, с ним не справлюсь.

2 октября.

Ещё одну каверзу сатана подsunул. Собаку. Лает и лает на соседнем дворе. Раньше я её как будто не замечал. Теперь же – с ума схожу. Или я с ума схожу оттого, что душно, очень душно в моей избушке. Может быть, рано закрыл заслонку в печке и напустил угару. Думая, что духота от пыли, накопившейся за три дня невымытых полов, я, уже к ночи, нагрел воды и вымыл пол. Нет, воздух не стал легче. А я начал с утра давние,

давно лелеемые стихи. Замысел стучался давно. Наброеал до обеда подмалеёвок, до печки, до духоты. Пытался на улице сочинять, да нога болит, не походишь, а стоять – холодно. При чистом-то воздухе и тишине, а может быть, и одного чистого воздуха достаточно – написал бы их наверняка. А то у меня выходит по 2-3 дня на стихотворение. Помню, в ту памятную весну, в Латвии, в комнате, что я снимал, было два окна, две форточки. И больше никогда за эти годы, в домах, где я жил во время сочинительства, нигде не было свежего воздуха, не было форточек. Везде у нас в России на зиму ставят вторые рамы. Без форточек.

Ангел мой хранитель, голубчик. Тяжко. Заткни пасть псу, утиши боль в ноге, в зубе, в животе, в голове, наконец! Разгони мышей, мух, уж не прошу тебя о чистом воздухе... Помоги одолеть эти помехи... Ну, вот, сейчас 21.15. Она всё реже подаёт голос... устала... Или ангел мой её утихомирил...

3 октября

С утра писал. И так долго откладывал обед и топку, что выстудил избу и стал виден пар от дыхания. А после обеда – в лес, в лес. Под горой, рядом с конюшней, растут четыре высокие осины. Жёлто-медовые листья их долго не опадали. После последних заморозков они ещё более позолотели и тихо-тихо позванивали на ветру. Но вот вдарил мороз покрепче и разом смахнул всю шевелюру, срезал до последнего листочка. И осыпал под ними золотой ковёр, пахнувший заворазивающе и пьяняще.

Облаком вымытый пруд замер – пронзительно синий. Тихо с соседней осины красные листья текут.

С огненной головы молодость облетает. Алая лава листвы в зимнее устье впадает.

Льётся из царственных рук лиственницы позолота. Воздух румян и упруг, скованно лёг на болото.

Бабьего лета платки треплются по косогорам. Осень из-под руки смотрит непомнящим взором.

6 октября

О. Арсений всё ещё не вернулся из поездки. Старушка, которая прибирает в храме, пояснила: «Их шесть человек послали с нашей епархии. Мы думаем, небось, в Афон-город». Старушка разговорчивая, мы стоим с ней в очереди за маслом. Про отца Арсения рассказывает.

– Каждый день купаться бегает. Смотрю, летит! Быстрый такой! Я ему говорю: «Отец Арсений, вы, наверное, автобус можете перегнать». А он отвечает: «Не знаю, не пробовал». Скорый такой, ну прямо самолёт.

Снова санэпидстанция. Бригада женщин морильщиков всякой нечисти. Сидят за своими рабочими столами, и все как одна смачно хрупают, и чавкают, и жамкают яблоки.

– Не действует ваш яд, – говорю им.

Они, как на давно известный факт, понимающе молчат, а одна советует: « Вы возьмите лампочку электрическую, мелко-мелко её растолките и в яд насыпьте». Я смеюсь: «Так это можно и без яда стекла натолочь, без вашей эпидстанции». «Ну, нет, в яду лампочка лучше разьест им кишечник». А другая обречённо подхватывает: «Отопьюца! Вон сейчас воды сколько... »

Женщина на рынке: «А он меня матюгами, да матюгами. А мне что, матюги в плечах не болят». То есть моральная сфера руганью не затрагивается. Её и нет, моральной сферы. Тоже и другая пословица, давным-давно выуженная мной из Елецкой деревни: «Брань на вороту не виснет». То, что физически – рукой, плечом, шеей не ощущает человек, того не существует, того как бы нет. Уродство человеческих отношений не замечается, если оно, уродство, не травмирует физически: не сворачивает набок нос, не вышибает зубы. Впрочем, привыкают и к этому. О вырванном глазе я слышал в Якутии, среди бичей: «Хорошо вчера погуляли, весело было. Кольке глаз выбили». Да зачем в Якутию тянуться, когда и в нашей деревне точно так веселятся...

Ещё картинка. Сидит на лавке старуха. Обязанная двумя платками, один из-под другого виден. Много на ней всего накручено-надёвано. А поверх всего напялена могучая телогрейка, с одного боку измазанная глиной. Ноги, вставленные прямо и плотно в кирзовые сапоги. Личико старухи алым пятнышком выглядывает из пёстрых платков. Алой тряпочкой ротик, малиновые щёчки.

Она села, сняла с себя перемётные сумки, подняла высоко плечо и левой рукой полезла в карман, измаранный засохшей глиной. За чем же она полезла?.. За *пирожным!* В этот момент на лавку рухнул вдребезину пьяный мужик. И стал почему-то бабку ругать теми самыми матюгами, которые в плечах не болят и на вороту не виснут. Старуха ему: «Я не слышу». И сама поспешно обеими глиняными ручищами эклер между щёчек тырк да тырк. Облизала пальцы, все пять, и теперь уже полезла правой рукой в другой карман. Ну, думаю, сейчас второе пирожное вытянет, а то чего и позаковыристей, ананас, например. Ничего подобного. В руке её забелел, а точнее, зачернел носовой платок. Какой-никакой, и у других бывает не чище, однако старуха в хозяйстве своём глиняном держит и носовой платок. Но неисповедим русский характер. Платок ей нужен для другой цели. Отрывает от платка полоску и перевязывает целлофановый мешочек с помидорами. Перевязывает очень

ловко, сминая одной рукой в свиное ухо устье мешка, а другой мгновенно обматывая тесёмкой. Отработанный приём – на скольких тысячах колхозных мешков за свою жизнь?.. Теперь в руках её оказался шитый бисером кошелек. Опростила его в горсть себе и говорит справа сидящему школьнику: «Отсчитай, сынок, 30 копеек». Сынок ей отсчитал. Остальные спустила в кошелек, сграбастала свою перемётную кладь и пошла к ларьку с мороженым.

Подошёл автобус. Грянули одновременно Ледовое побоище и Куликовская битва. Женщина в оттопыренном пальто придерживает под платьем что-то живое, остроугольное, молчащее. Ей удалось вырваться из поля боя одной из первых и захватить сидячее место. Автобус тронулся, и из-под вздыбленного платья рванулся режущий поросячий визг.

7 октября.

Баный день. Сергей Матвеевич стоит под моими окнами, зазывает: «Пойдём, Алексан Иваныч, похвощемся»!

У его зятя, который жену-учительницу гоняет, была большая семья. Мать-героиня наплодила десятерых. Родители пили без просыпу, и все дети выросли алкоголиками.

Мать после пятого вызвали в район, наградили орденом и денежной премией. Плоди, мать-героиня, матери России алкоголиков, чтобы они её скорее пропили и спустили в канаву.

8 октября.

Бруснику в лесу подморозило. На каждой ягодке стеклянная, застывшая уголочком книзу капелька. Вчерашний снег порушил папоротник. Совсем недавно он стоял рыжими зарослями, а теперь он изломан и повален, как войско русичей на картине Аполлинария Васнецова.

Лужи в острых и длинных перьях льда. А вчера вечером, когда я шёл полем, летела надо мной длинная зыбкая стая гусей. Грустно, слабо покрикивали. Я перекрестил их, вспомнив ту несчастную стаю из рассказа Жоржа Блона. Да не разбросает буран этих птиц в долгом пути.

А ночью ясное небо – великое, – по которому вышел на край деревни к почтовому ящику. Сапоги стучат по мёрзлой ископыченной земле, как по камням.

Кого в лесу ночном бояться, в чистом поле?.. Всё кувырком, вверх дном – отвыкли жить на воле.

Когда вокруг простор, в душе просторней тоже. Но суеверный вздор силён – мороз по коже.

Походишь по лесам, подышишь вольной кроной, почувствуешь, что сам в себе закрепощённый.

Пугает темнота в неведомом, в нелепом... Чего бояться-то под благосклонным небом,

когда со всех сторон тебе, сияя, рады и Лев, и Орион, и Овен, и Плеяды.

9 октября.

День рождения Цветаевой. Да облегчит Господь её участь на том свете, на этом она безмерно страдала и страданием своим многих спасла через свои стихи.

Для рыцарей и певчих птиц в кустах запрятанная ловко, растянутая вдоль границ, долгим-долгошенька верёвка.

Та петелька на полземли накинута, шелохнулась под окнами любой семьи. На ней – в Елабуге стянулась.

Утром сильно подморозило, яснота и синь. Но вот солнышко стало подниматься и слизывать иней, который ещё держится в тени телеграфных столбов, домов и заборов. В густом лесу инея нет, здесь теплее. А в редком бору есть. В сквозном, пронизанном солнцем, которое перебирает серебряные струны-паутины, протянутые от ствола к стволу.

В замёрзших лужах каждый день новый рисунок. Вчера были орлиные перья, сегодня отполированные малахитовые кольца. Все опушки в инее. Мох хрустит под ногами и оставляет след, чёткий, как в незастывшем асфальте. На ладони оттаивают мёрзлые кровинки брусничин.

Приснилась Настенька. Осваиваем с ней азбуку сравнительного мышления. «Настенька, на что похож этот кубик»? – «На крылечко», – метко отвечает Настя и спрашивает сама: «А ремешок на полу»? – «На тропинку в поле» – говорю я. – «А яблоко, на что похоже яблоко»? Настенька задумалась... Сколько ещё пройдёт времени, когда она сможет сравнить яблоко с планетой...

11 октября.

Угли в печке, когда их шуруешь кочергой, позвякивают, как ёлочные игрушки.

Представляю Пушкина в своём родном заточении, в тёплом недушном кабинете с камином, с регулярной почтой. Надо полагать, чистую рубашку надевал каждый день, и крыс не морил, и в подпол не лазил в поисках дохлой твари. А если бы неподалёку от его дома брехала собака и мешала ему?..

Гнусная действительность рождает соответствующие афоризмы: «Птицу видно по полёту, крысу видно по помёту». Яд накопец подействовал, и вечером под крыльцом, возле лужи, я нашёл первую жертву. Наверное, выползла отпиться. Омерзение меня не покидает. Однако американец Генри Торо не содрогнулся бы.

В канаве, у обочины дороги, лежит корова. Было совсем темно, и её чёрно-белый силуэт возник внезапно, когда я с ней поравнялся. Она залегла в канаву от сильного ветра. Пьяные пастухи забыли её где-нибудь в кустах. Я хотел её поднять, потянул за рога, помахал перед мордой веткой, лежит, как каменная, и только слабо-слабо и жалобно помыкивает. Или она понимает, что я не пастух, и не боится меня, и просит по-своему, по-коровьи: отойди от меня... Или объелась чего-нибудь: раздутый живот. А может, настала пора рожать? Эта корова колхозная. Никто её, сиротиночки, не хватится. Пустует стойло. Доярка подумает: «Мне меньше работы. Да и где ж её, паскуду, ночью същещь!» А она лежит в канаве и жалобно мычит.

Душа в момент смерти вылетает из тела, как птица из гнезда.

1979 год.

12 апреля.

Зима прошла без происшествий, если не считать волчьих набегов. Сожрали за зиму пятерых собак. Одну возле клуба, когда там гремела музыка и танцы. Замечали и около моего дома много волчьих следов.

14 апреля

9 апреля Матрёна-наставница. Чибис прилетел, на хвосте воду принёс. И правда, приветствуют меня на дороге. А один подошёл под окна. Султан колышется на ветру, перламутровое перо. Красивый и важный, как голливудская кинозвезда.

А сегодня Мария-зажги снега. Проглянули проталины, поздешнему пеженки. Пегая курица, пегая корова. И снежные поля, прожжённые проталинами, тоже пегие.

Зимние волчьи налёты свежи в памяти. «В лес идёте, берите топорик, всё отмахнётесь», – советует Евгения Матвеевна.

В Бойнёве было. Идёт мужик по деревне. Привязалась к нему собака. Он её шугает, а она не отстаёт да норовит цапнуть. Мужик изловчился, огрел её палкой. Она скакнула в сторону и угодила прямо в колодец, что оказался рядом. Мужик побежал за верёвкой, колодец-то питьевой. Подошли соседи, стали вытаскивать из колодца собаку, вытащили и обомлели – оказалось, здоровущая волчица.

Дар Валдая

Что волки! Меня мухи одолели. Вылезают из всех щелей в натопленную избу. То ли умереть от холода – не топить, то ли от омерзения.

*Он мух газетой побивал, побивал.
Чугунной «Правдой» наповал, наповал.
Гигиенически неистов,
Считал, что лупит коммунистов.*

Сидит на поле заяц. Увидел меня, встал на задние лапы, постриг ушами и прыснул во все лопатки.

23 апреля

Сергей Матвеевич зимой не успел вывезти из леса сено, накошенное в прошлом году. Хватило ближнего. Но вывезти надо, на подстилку скотине, а то и продать. Не гнить же сену в лесу. Собрался сегодня. Я вызвался помочь. Поехали на тракторе, втиснулись в кабинку. За трактором на тресе тащится большой стальной лист – противень, пена. Почему, спрашиваю, пена? А потому что он снег пенит. В лесу ещё много снега. На пене и приволокли огромную скирду, очень немного рассорив по дороге.

Сегодня чудесный день – мягкий, пасмурный. Снег не тает, а как бы улетучивается, растворяется в воздухе, который его облегает тёплой шапкой. Сугроб под крыльцом совсем истоньшился, стал похож на грязный половичок.

Лёшка с банкой и топором направился к берёзе. Я предложил ему стамеску вместо топора, чтобы рана у дерева была небольшая. Сок струится быстро. Я тоже поставил под свою берёзоньку, что растёт на бугре. Ранки потом замажем землёй.

Проснулся в 5.10. Разбудили строчки, готовые, из образа... Пытался заснуть снова, но – тщетно. Сила образа размыкает веки, и я, сжимая их в полусне, чувствую, как они распахиваются навстречу всему стихотворению.

Спать не хочется. Юный рассвет сыплет в окна мне алые розы. Ровным заревом залитый свет, под санями звенит, как из бронзы.

Шорох слышен. Мужик за селом нагружает на розвальни сено. И сливается с юным теплом сладкий запах цветочного тлена.

Лёшкина банка наполнилась берёзовым соком к вечеру, а я поставил ведро: банки дома не нашёл. Быстро, бисерно зацокали капли по звонкому доньшку. Сияет новенькое ведёрко под берёзой, что стоит у дороги задумчиво и тихо. К утру набежало с три четверти ведра.

Токуют тетерева. Их рокот накатывает из лесу – тугой и ровный. Будто шары скатываются по наклонному полю, по гулкому желобу к моему крыльцу.

Занимаясь дровами под навесом, слышу, остановилась поблизости машина. Кажется, солдаты. Передают из рук в руки ведёрко, подолгу прикладываясь к нему. Наверно, в лесу где-нибудь с вечера поставили под берёзу, а сейчас, по дороге, захватили... Привольно им жить в этих лесах. Вот водитель ещё раз припал к ведёрку, передал его в кузов, браво поправил китель под ремнём и полез в кабину.

Вчера Сергей Матвеевич мне посоветовал: « Вы бы сменили ведёрко на банку, возьмите у нас в пчельнике. А то в оцинкованном сок окисляется, нехорошо.

Я вспомнил совет С.М. и принёс из пчельника две трёхлитровые банки. В них наверняка доживёт сок до лета, до знойных июльских полдней. Подхожу к берёзе, ведра нет. Палка, которую оно было подпёрто, стоит, а ведра нет. Сок покорно капает на землю...

Неужели солдаты опростали! Вот мазурики! И ведра не оставили... Пригодится в кузове ведро-то: бензин перелить или тавотом где-нибудь так же на шару заправиться. Сладко угостились! Ну, как же не остановиться! Какой-то дачник, пинжак, поставил у самой дороги. Само в рот прыгает.

Ну, что ж, на здоровье. И весь день, сидя за столом, поглядывал на дорогу, не едут ли обратно...

Дар Валдая

Укрепил под берёзкой стеклянную банку. К вечеру набежало почти до краёв. Хотел отлучиться на озеро, проверить подходы. Нет, думаю, банку надо убирать, а то ведь опять выдуют. Поднял за горлышко, она у меня в руках и рассыпалась. Была треснутая, не выдержала тяжести.

Далеко-далеко слышны журавлиные поклики. Журавлиная стая над лесом полощется волнообразно, перетекая в клинья, в паруса, в долгую нить, в широкую подкову. И вот уже плещут над моей головой, тревожно курлыча.

Целый день в зыбком мареве блеет бекас – Божий барашек. Этот чудной звук создаётся перьями хвоста, тормозящими о воздух, когда бекас срывается вниз из своей невидимой высоты. Носятся трясогузки, хлопчут воробьи, по обочинам дорог высыпали веснушки мать-и-мачехи.

25 апреля

Что же, так и остаться нам без берёзового сока?.. Попытаю счастья ещё раз. Нашёл в лесу два деревца. «Берёзушки, красавицы, дайте Настеньке своего соку, чтобы она росла такой же чистой и спокойной, как вы». И они поделились своим богатством, хотя и не так щедро, потому что весенний паводок сошёл, потому что всему своё время.

Вчера я остановил военную машину и пожаловался лейтенанту, нехорошо, мол: солдаты ваши мародёрствуют. А не исключено, что именно он и сидел в кабине. Вечером ведро стояло на месте. Не доходя до берёзы несколько шагов, я учуял грубый запах бензина, который исходил от ведра... Не ошибся я в своих догадках.

Слышно, как шумит вода на плотине. Словно где-то далеко идёт и идёт бесконечный товарный состав. Тоскливо кричат чибиcы. Прокрякала потревоженная утка. Раздалось ещё несколько птичьих голосов, которых я не умею определить. И за всем этим разноголосьем, вбирая его в себя, как в сферу, не смолкает плотный и широченный рокот лягушек. Так рокочет стадион или приложенная к уху океанская раковина.

Полночь. Луна в золотом ореоле – к перемене погоды. Марс и Сатурн заметно сблизилась за сегодняшний день.

26 апреля

Сергей Матвеевич видя, как я обливаюсь холодной водой из ведра, говорит внуку, который воды боится: «Вон, дядя Саша, из ключа ведро принесёт, цап!»

Огороды голые, но не за горами посевная. Евгения Матвеевна советует: «Наносите торфу, пробороните, у вас урожай дёрнет ой-ёй!»

– Приходи, Марья, аборну чистить, – зовёт Сергей Матвеевич идущую мимо цыганку.

– С кем связываешься? – встречает жена, – закопай в землю, дак...

– Самое удобрение, – не соглашается Сергей Матвеевич, – пока картошку не сеяли. Вырастет с колесо. А меня самого сблюёт. Да, видать, придётся. Купить бутылку да вычистить. Своё, как говорится, родное, а всё равно сблюю.

Так оно и вышло. Назавтра неверными движениями он принялся за чёрную работу. В окошко мне видно, как рвало его и выворачивало. Ничто, даже водка неспособна заглушить брезгливость.

Вдруг завернул холод. Порошит снег. Не хочется выходить из тёплой избы. Но в лесу не хуже, хотя он пустой и грязный. Мои берёзки обросли наледями, сталактитовыми наростами. Хотя я ранки крепко запечатал замазкой. Всё же вода дырочку найдёт, и ранки как бы кровоточат. Капли застыли на морозе, как воск на свече, – причудливо и горбато.

И рядом белкина столовая: широченный пенёк, как столешница, завален шелухой и шишечными кочерыжками.

Гроза утром

Вдруг абажуром ажурным поле накрыло и лес.

Дождь с нарастающим шумом шёл, как по рельсам экспресс.

Дар Валдая

Вот уж по шиферным крышам шпарит. Как стрелочник вышел я с фонарём на крыльцо. Обдало паром лицо.

В ливне металась берёза. Листья летели в овраг. Словно бежала с откоса броситься под колёса. Да не решалась никак.

Разом отгрохотало всюду – и прочь пронеслось. Только берёза шептала что-то... и сумрак глотала, вся голубая от слёз.

11 мая

Настенькины ходунки на колёсиках. Непонятное недоверие к ним. Как будто кроется в них какой-то подвох. Так и есть. Разучилась падать. Научилась ходить с четырёхколёсным костылём. Без костыля ни шагу. Боится упасть. Движение в этом возрасте сопровождается падениями. Они стимулируют движение. Без падений не бывает взлётов. Из бездны позитивистских догм к высотам свободного духа. Тельце ребёнка само учится падать. Группируется, складывается и мягко опускается на попку. В жизни предстоит много падений. Для этого нужно уметь вставать. Надо учиться падать и вставать.

10 июля

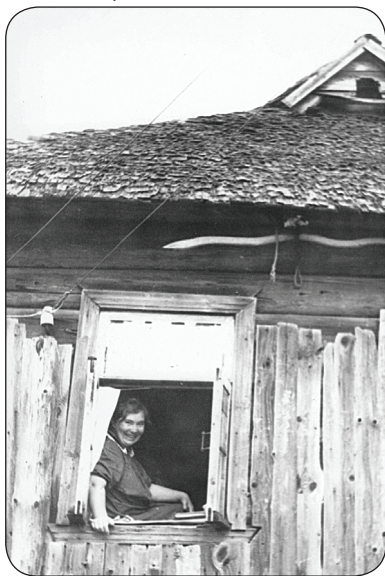
Вдоль дороги высокие заросли Иван-чая, между прочим, вполне пригодного для заварки.

Ветки сильно пахнущего на кочках черники свинюшника. Пойдут бабы на болото, наберут полные вёдра черники, а вечером жалуются на головную боль: ой, я свинюшника нанюхалася.

Тракторист Федя сдержал слово, приволок из лесу на своём трелёвочном четыре хлыста. Получилось восемь брёвнушек по 6 метров (два венца), и остатки тоже на что-нибудь сгодятся. Сегодня я их окорил, здесь говорят: окорзал. Солнышко. От них веет тёплым лесным духом. Семья воробышков, что живёт над окном, за верхним наличником, слетелась на брёвна и подбирает белеющих в траве короедов. Сладкая и обильная трапеза. Малыши-то, наверное, впервые едят такой деликатес.

Нюра пасёт телят. Один отбился, забежал за ограду в посевы, и она, несчастная, гонялась за ним часа полтора. Одолела всё-таки, догнала. Идут мимо; впереди, подпрыгивая, телёнок. Я сочувствую:

– Измучил, окаянный...

– У, падла, у него-то четыре ноги, – отвечает Нюра.

Современный человек – человек наркотический. Отравлен весь и живёт только наркотиками разного действия: кревоугодие, секс, опьянение, всякого рода искусства, не просветлённые религиозным сознанием. Лена, пришедшая мне на днях письмо из Питера, – человек среды. Какова среда, такова и Лена. У неё нет своего характера.

Натюрморт – род утончённого пантеизма.

Дар Валдая

Дожди перемежаются солнцепёком. Раскалённые брёвна шипят и «дымятся» под дождём. Надо бы заказать колпак на трубу... Ехать в Валдай, искать мастерскую. И не гарантия, что сделают, как надо. Попробую сам. Вырезал из бумаги выкройку, слазил на крышу, примерил к трубе. Хорошо, что купил кровельные ножницы, взамен украденных. Вот и пригодились. Кусок жести нашёл на чердаке, и за два вечера склепал классный колпак. Теперь не будет сочтаться в дом по отводному рукаву чёрная и вонючая сажа.

Брошенная изба

Дятел на крыше сидит. Долотом деловито долбит. Дому хребет расщепляет. Гвозди на землю роняет.

Подхватывают скворцы их расторопно и бойко. Где-то, видать, у них стройка. Ай да скворцы-молодцы!

А этот сидит в одиночку и в крышу дубасит, как в бочку.

Кыш! Бестолковая птица! Это тебе не сосна. Сумрак сквозь дыры сочится. Пряжу прядёт тишина.

Изредка торкнется в дверь ветер... а, может быть, зверь... И месяц блуждающим оком в избу заглянет, как в кокон.

16 сентября.

Автостанция. Утро. У кассы толчётся народ, белым днём горит белый неоновый свет, нещадно трещат ламповые трубки. Стены и потолок облеплены мухами. На бетонном полу ничком валяется человек. Одна штанина, задранная до колена, обнажила иссиня-белую ногу. Пьяный, а может, мёртвый...

– Жив ли человек, с вечера упавший? – интересуется старуха и трогает человека за ногу.

Закончил книгу переводов и отослал в издательство. Переключиться сразу на своё невозможно. Месяц, не меньше, буду отходить от механического стихописания.

Стихи, свои, в какие-то моменты сами себя пишут. Переводы – никогда. Их всегда надо поверять общим и локальным замыслом.

Перевод исключает свободу в творчестве. Решение задано. Как арифметическая задача с тремя вопросами и одним ответом. Задано в целой вещи, в строфе, в строке. Переводчик скован беспощадным регламентом. Просится созвучие – нельзя, отбрасывай; парная, тройная, сквозная рифма – не смей. Схема подлинника непреложна. Дар импровизации – генератор творчества – гасится и в конце концов атрофируется. И поэт становится послушным ремесленником. Он уже не смеет, боится отступить в сторону, он уже разучился самостоятельно ходить, и ему нужна схема-поводырь.

Уже убраны поля, вспаханы, редко зеленеет озимь. Рыжие, красные, изумрудные холмы. В скирды собрана солома. И над скирдами, как над вулканами, струится пар. Мужик в автобусе: «Глянь, солома горит». «Ага, – подхватывает баба, – они в дождь мётаны». «И вон», – увидел мужик вторую дымящуюся скирду. «Ага, все кучи горят», – соглашается баба.

19 сентября.

Несколько дней гостила мама. Трогательно и грустно расставаться с ней. Вчера ходили в лес за дровами. Я несу на спине две крепко увязанных ремнём лесины, она еле поспевает сзади с топором, в резиновых сапогах, боится перейти вброд лужу.

Перед поездом в Валдае зашли к отцу Арсению. Мама была потрясена: грамотный, вразумительный монах, знает иностранные языки, с пола до потолка книжные полки... Она с детства запомнила других священников: грозных, с хоругвями, впереди толпы погромщиков...

21 сентября.

Рождество Богородицы. Проводил маму, вернулся из города, затопил печь. Увидев меня, прибежал от соседей кот – мурлыка и ласкун. Я беру его иногда постращать в доме грызунов – больших и малых. А тут он сам пожаловал, за что и получил блюдечко лапши. Растянулся сытый на чистой и тёплой половице.

Солнышко нет-нет да пробьёт стёганую вату облаков. И радостно становится на душе. И не верится, что всё это может длиться без каверзных осложнений.

«Вайкинг-1» на Марсе! Под поверхностью Марса может быть трёхметровый слой льда. Температура – 30 по Цельсию. Синее небо, у горизонта бледно-голубое. Пустыня. Дюны. Плоскогорье. Песок жёлто-бурый, камни серые. Окись железа. Все эти скудные цветовые и предметные сведения я жадно впитываю из ”вражьего“ голоса.

22 сентября.

Проснулся в пять утра. Вчера пришлось выпить с односельчанами. Рождество Богородицы – бывший престольный праздник Новой деревни. Давно нет церкви, давно нет престола, а память о празднике хранится, и вся деревня вчера была пьяная. Соседи пригласили меня в гости. Речь хозяина, как мне показалось ещё трезвого, я совершенно не мог разобрать. Загадочная тарабарщина. «Пьяный, дык ...» – пояснила жена и перевела: это он вас с матерью в лесу встретил. Выпили за верующих, за Богородицу, за Иисуса Христа... Я между тостами всё же сумел рассказать об Иоакиме и Анне, о непорочном зачатии, о безгрешности Девы Марии. Ушёл из гостей затемно. В каждой жилой избе свет во всех окнах, слышны песни. И вот в пять проснулся в непонятной тревоге... Впрочем, всегда после возлияний на утро просыпаюсь в страшных угрызениях совести, будто человека убил. Около шести прорезались из темноты окна и редеющий туман за окнами. Вот обозначился телеграфный столб. Вот мелькнула птица. Снова мелькнула. Ну, думаю, воробышки начали свой день, пора и мне начинать. Но что это! Птица, как будто сквозь окно, влетела в комнату. Опять и опять бесшумно, как колонковой кистью, махнула по одному и по другому окошку. Господи, да это летучая мышь, да, она, да вот она, надо мной... Как она оказалась в избе? Окна на зиму я запаклил и заделал замазкой. Пролезла в подпольную дверь? Им щёлочки с игольное ушко достаточно... А в кухне пол у ме-

ня щелястый, давно пора залатать. Или они живут в подполе?... Свят-свят-свят... Прямо из сказок про нечистую силу.

Зажёг лампу, отворил дверь и стал изгонять вурдалачину полотенцем. Несколько раз она чуть не задела меня по лицу крыльями. Наконец выпорхнула в сени и стала носиться под потолком. А Барсик – о, это уже был настоящий барс! – махом очутился на потолочной балке и в тот момент, когда вурдалачина на мгновение оказалась рядом, резким ударом закогтил её. Впился зубами, спрыгнул с потолка, юркнул на улицу и тотчас же слопал её всю, вместе с перепончатыми крыльями. Надо бы побрызгать дом святой водой...

На тракторе за дровами в лес. Он уже во многих местах жёлтый, золото на зелени. Зелёный плотный мох, и на нём, как на столешнице, крупные лампы волнушек, чернушек, козлят и мухоморов. Безупречно чистые боры. Голоса лесорубов слышны, как в комнате. Они сегодня все пьяные, из конторы расползлись по домам, бригадиру еле удалось их собрать. На широких просеках белеют штабеля берёзовых дров – гладких, метровых: метряк. Шесть кубов метряка я загрузил в прицеп трактора. Пока привёз домой, пока сгрузил и аккуратно сложил возле забора, зачихлив кусками старого толя, уже стало смеркаться. А скоро и совсем стемнело. В такую пору хорошо уйти далеко от дома и возвращаться на одинокий огонёк в моём крайнем окошке. Какая-то птица, ещё не улетевшая с родимых болот, шархнула от меня в кусты. Тихо. И жутковато. На днях волки унесли прямо из овчарни четырёх овец, одну задавили. В другой раз – собаку в Ужине. А в Новотроицах собаку загрызли, сорвали с цепи. Начали осеннюю охоту. И правда, мне бы хоть ножичек перочинный с собою брать, отправляясь на ночные прогулки. Но до странности покойно и умиротворённо, когда видишь не дремлющее в ночи своё светящееся окошко.

23 сентября

Зачитался Лесковым. Полночь. Посапывает кот, распростёртый на чистом полу возле печки. Тихо, как в подводной

лодке, когда выключены все двигатели и она лежит на дне океана. Имя океану – Россия.

Днём после обеда снова латал крышу. Ледяной ветер. Неловко и опасно работать на её шелудивом горбу. Старая дранка задирается чешуёй, шелушится, обнажая ржавые гвозди. Тянешься к очередной прорехе, молясь Богу и затаив дыхание. Зато сидеть на самой хребтине – восторг! Облака, руку протянуть, совсем рядом – каменные, дымчатые – разные.

А днём солнце льёт свет в тёплую избу сквозь три окна. Все три вытянуто и косо лежат на полу.

В пользу колхоза нужно накопить 9 тонн травы, чтобы получить с накошенного 30%, то есть 2 тонны 700 кг. – столько нужно одной корове на зиму. Не по силам одной семье поднять такой процент. Вот и режут коров на мясо. И осталось всего 8 бурёнок на сорок семей.

Муж учительницы Галины Сергеевны пьёт, уже год не приносит домой денег, она с двумя детишками сбежала от него к родителям. Что ещё более озлобило его. Сегодня ворвался в школу – «убью!!!» Ученики (10-12 лет), защищая учительницу, закрылись в школе. Побежал за ножом. Ученики подпёрли дверь партами и щёткой. Разъярённый мужик расшатал баррикаду, но пролезть в образовавшуюся щель всё-таки не смог. Матерится под окнами, размахивает ножом и кулачищами.

Галина Сергеевна бросилась звонить в милицию – телефон не работает. Отец учительницы и депутат местного совета насилиу урезонили дебошира, припугнув, что завтра с почтой отправят заявление в милицию.

У Галины Сергеевны двое мальчиков. У старшего рассечена бровь – след отцовских побоев. Младший заикается. Ещё новость: будто он ревнует жену ко мне, грозится в мой адрес. Я ведь теперь её сосед, одинокий мужчина.

Обо всём этом мне поведали ребяташки, ученики Галины Сергеевны. Они приходят ко мне слушать сказки. Разуваются

у порога, садятся на лавку в ряд, я начинаю: «Буря-богатырь Иван коровий сын...» Слушают. Ленка болтает ногами. Я ей, между строк: «Леночка, ты как ветряная мельница. Ты разве мельница?» Алёша внимает, засунув в нос указательный палец. Я ему тоже, по ходу сказки: «Смотри, как бы палец в носу не остался. Чем щелбаны будешь бить Юрке?» А Марина Тиханова, ей пять годочков, голубоглазая и беловолосая, большая любительница сказок, иногда вдруг, заслушавшись, спросит: «А у вас телевизора нет? А у нас есть. Там мульти-пульти показывают». Замрёт минут на десять и снова: «А у нас печка высокая-высокая». Сегодня пришла с куклой, предупредила: «Маша тоже хочет сказку послушать». Если сказка знакомая, дети начинают наперебой её рассказывать. Алёша, сын учительницы, торопится, захлёбывается, заикаясь.

Нестерпимо яркая луна. Светло, как в белые ночи. Лунная долина. Иней на траве. Трава седая, залитая лунным светом. Жутковато. Но страха нет. А только чудно. Безмолвно и чудно.

29 сентября

Ветры здесь как при хорошем шторме в открытом море. Дом вздрагивает, и шатается, и скрипит, как шхуна. Кольшутся занавески на ветхих окошках. Хлещет дождь и полосуется по стёклам. Поднялся на чердак, крыша не течёт, слава Тебе, Господи! Я, проведя немалое время в тайге, с весны до поздней осени в палатках, натерпелся от влаги, капающей сверху: коснёшься головой тента и – потекло. С тех пор особенно внимателен к крышам, под которыми приходится жить. В первое лето, когда обитал здесь один, из сеней не убирал тазы и корыта. Текло и звенело, как по водостокам. А теперь и в сенях сухо, и на чердаке. Слава Тебе, Господи!

На Воздвиженье, в мой день рождения, поехал в город – исповедаться и причаститься. После службы отец Арсений пригласил в гости. Каково ему, молодому, пышущему здоровьем монаху... От излишних соблазнов он освобождается голоданием – сорокадневным постом, который держит в свой отпуск. Уезжает подальше, чтоб никто не видел, в глушь, к знако-

мой старушке и кроме воды ничего не потребляет. Чистится, конечно, и не только молитвой. Бескорыстный, по-детски простодушный, разговорчивый. Кроме служения Богу и людям, нет у него никакой цели. Характер крепкий, но резкий. Юдофобия с него сошла – исчезла, как детская болезнь.

Его просветила книга Нормана Кона «Warrant for genocide». «Вы читаете по-английски? – спросил он меня. Поляки прислали. Кон давно, ещё в 1924 году, разоблачил «Протоколы сионских мудрецов», доказал, что это фальшивка, сфабрикованная по заказу Рачинского, начальника Царской охранки. И, наверное, не без ведома Николая Александровича. Я хочу перевести её, образумить наших «ихтиозавров».

2 октября

Мать Васьки, которому я подарил полевую сумку, зашла то ли воды попить, то ли ещё зачем... Лицо чугунно-синее. Объяснила: «Это мы вчера с мужиком дрались. Он на меня с палкой, а я выхватила да самого по морде. Вон он, коз пасёт». Стала что-то долго раскручивать про сумку, про дрова расколоть: мужик может; про воскресенье: в магазин красное привезли.

– Пойти поесть, – говорит она, уразумев, что дрова для меня гимнастика.

– А есть чего поесть-то? – поинтересовался я и предложил ей концентрат рыбного супа.

– Спасибо, – машет головой, – спасибо – побегу заварю...

Оставит мужику похлевать? А Ваське?...

5 октября

Утро. Колю дрова. Шагает мимо Коля Белонин.

– Ну, Саня даёт! Физзарядка.

– Куда, Коля, в такую рань?

– За соломой, для поросёнка, пока никто не видит. Вот, гляди, след, соломка на земле лежит.

Возле моего крыльца по дорожке в направлении к полю просыпаны редкие соломинки.

– Семён, видать, подгаскиват, – замечает Коля. – А мне-то всего пясточку. Для поросёнка.

У Коли шесть человек детей и одно лёгкое, оставшееся после операции. Застарелый туберкулёз. Коля пьёт порошки, за которыми ездит каждый месяц в аптеку и одновременно набирает на месяц «Примы», три блока, хватает аккуратно до следующей пенсии. Зато вина в рот не берёт и потому кажется кротким и безобидным человеком.

Бабы зазывают коров

– Дочка-Дочка-Дочка, у, змея! Дочка-Дочка!

– Малюта-Малюта-Малюта, зараза! Малюта-Малюта! Куда пошла, ведьма!

Малюта царственно поворачивается на протянутый кусок хлеба и бережно берёт его в губы.

7 октября

Раскидистую калину пригибают к земле тяжелые, как вымя, грозди.

– Дяа Саша, дяа Саша, – кричат ребятишки, – гуси летят!

Огромная стая похожа на гребень волны в безбрежном бирюзовом просторе. Какой подземный толчок поднял её и покати, покати. Прямёхонько над моей головой, видно, приоткрыл я их взглядом. Плеск и пережат крыльев. Не сказочные гуси-лебеди, опустились они не на озеро, а за моим домом на бурную каменистую пашню.

У магазина толпятся женщины. Ждут Зину, завмага, когда благоволит прийти и отпустить привезённый утром хлеб. Телогрейки, выцветшие платки, чёрные весёлые лица.

– Старые-то мы никому не нужны, – вздыхает одна, прирастившаяся на скособоченном ящике. С ней соглашаются:

– Вон, нюркина старуха лежала, под себя ходила. Дочки приедут, платком носы позатыкают: пахнет. А она ничего не соображала, ещё достанет из-под себя, да по стене. Здоровущая така была. Ела много. Без памяти. Нюрка спросит: ты ела? А она забыла, ела или нет.

Дар Валдая

– А Тонька Бурьянова про свою что сказала: в рот бы ей на-толкать. Чтобы оправлялась, когда надо. А старость пришла, и саму также паралич разбил.

– Да, памяти нету совсем: где пообедаю, туда и ужинать иду, – пошутила первая.

– А кто за твоей ходил, Мань?

– Баушка.

– Баушка хорошая была.

– Зато у неё и смерть хорошая.

– Верно. На ногах померла. Уснула на лежаночке, в руке кружечка осталась и около губ мокренько. Видать, отпила и преставилась.

Я слушаю и молюсь про себя. Господи, спаси Россию. Пошли, наконец, просвещение через Своё Слово. Эти женщины могут быть и добрые, и жестокие одновременно. Не просветлённые Твоим словом, они – всё та же земля, каменистая и бурая, из которой они растут и в которую лягут.

8 октября

– Я как кончил техникум, – рассказывает лесник, – забрался сюда в деревню, сию, как в яме, никуда не выезжаю. Зимой пройдёшь по деревне – ни души. А вечером – телевизор. После работы поем и – в телевизор. У меня телевизор всегда исправлен. Если телевизор не работает, я не человек. Хожу неприкаянный, хоть водку пей.

– У вас семья? – спрашиваю.

– Сын, жена больная.

– Что с ней?

– Психбольная. У ней давно уже это. Одну оставить нельзя...

9 октября

Сказки сегодня ребята сами читали вслух по очереди. Марина Тиханова читать ещё не умеет, её кукла Маша и подавно. Дважды обойдённая, Марина чуть не плачет. Пришлось чтение закончить. Пошли в лес, нарезали вересковых прутьев. Чем не копыя для отважных индейцев! На лужайке уст-

роили мишень из дощатых ящиков. Что может быть чище и окрылённое копьё для детской забавы – целиться и попадать в цель, которую писатель Лев Славин назвал самой древней человеческой страстью.

Васька не расстается с полевой сумкой, повесил через плечо, шагает бодро, как красный командир. Ребята ему завидуют. Мой дом они отметили красным флажком, наподобие сельсовета.

Малиновый закат. Морозно. Дым из трубы пушистым хвостом показывает на север, где уже проступили первые звёздочки Дракона.

Вася – сын Нинки, которая живёт с пастухом. Пастух ему не родной отец. Она прижила его на севере, в Воркуте, где отбывала срок и познакомилась с вольняшкой, зубным техником, которому уже тогда было за 60. Он тоже после войны попал в лагерь, отсидел, остался на севере, и вот с молодой женой, ей 23, решил ехать в Россию. Зубной техник прожил недолго в Новой деревне, умер от разрыва сердца. Но успел наставить железных челюстей односельчанам. Его работой блещут жители и соседних деревень.

Вася родился в Воркуте, и сюда его привезли грудным младенцем. Вчера зашёл ко мне вечером, на огонёк. И я вручил ему две фотографии, большие, где он запечатлён с сумкой и копьём. Как невиданную драгоценность он принял фотографии и выдохнул: «Спасибо...». Понёс домой, держа конверт на вытянутых ладонях. Я послал плёнки в Москву и оттуда получил много фотографий, чтобы раздарить ребятишкам. Лёшка, тоже получивший подарок, так комментирует это событие: «А мамка вчера глядела на фотографии, там Вовка, Балдины, и Васька там. А мамка глядела и говорит: "Эва..."»

15 октября

Доколот дрова и собрался в лес. Следом за мной Барсик. Он и в доме от меня не отстаёт. Пишу или читаю, он тут, на коленях, положит голову на левую руку и заливается. Переводя татарского поэта, я вписал его в строку стихотворения: «кот

мурлыка и ласкун». В подстрочнике значился его собрат. Ничего, пусть поживёт в татарской деревне.

Морозно и ясно, и в синих подтёках закат, и там, в его таинственной глубине, мерцает Меркурий... Меркурий никогда не поднимается выше заката или восхода, выше градусов двадцати над горизонтом. У поэта Николая Тихонова, революционного романтика, есть строчки «И Меркурий плыл над нами, // путеводная звезда». «Над» Меркурий плыть не может, а только сбоку. Показательная неточность, которая в моих глазах навсегда уронила этого трубадура революции.

– Коров больше не будем выгонять, – говорит Нинка, пастухова жена.

– Не будем, – поддержала её бригадирша, – а то мёрзлого нажрут, пойдут выкидыши.

– У Клавкиной уже был. Домой пришла, а за ней послед волочится.

Знакомые запахи обжитой деревенской избы, запавшие с послевоенного детства. Запах соломы, овечьей шерсти, печного тепла. В кадке отмокают головы очищенной редьки.

У отца Арсения большая фонотека. Слушали вчера религиозную музыку. Негритянский спиричуэлс, польские колядки в современной оркестровке. Мессу неокатехумената – так называется новое харизматическое движение в католической церкви. Автор музыки и слов испанец Кико.

Негры поют страстно, темпераментно, я бы сказал, зверски-темпераментно. С точки зрения православия, такое экстатическое проявление духа недопустимо, оно противоречит состоянию души, если не свободной от страстей, то стремящейся от них освободиться. Негры же, католики, молятся под такую музыку. Более того, после причастия их благодарственная молитва Богу выражается в радостном зажигательном танце. Конечно, здесь проявляются черты африканского темперамента. Но католическая церковь не стала эти черты ханжески выпрямлять. Она приняла их, как новую форму,

сохранившую прежнее содержание. И потому это духовная музыка, спиричуэлс. То же и с польскими колядками, рождественскими песнями. Они веселы, сентиментальны, шутливы и даже озорны, словом – в духе народной музыки. Колядки по сей день популярны в народе. Ни один поляк, будь он трижды атеист, не забудет Рождества Христова благодаря запавшим в него с детства рождественским колядкам.

Что же делала Православная церковь с русским национальным духом, когда он заявлял о себе грубоватой народной песней, пляской, скоморошеством? Она не умела с терпимостью принять и мудро использовать во славу Христову эти естественные движения души. Она искореняла их жестоко и фанатично. В нашем фольклоре нет такого религиозного искусства, как, например, в польском или негритянском. Наш народ сокровенным своим природным чувством не участвовал в религиозном культе, который прививался насильственно и повсеместно.

И сегодня наша традиция воспрещает эмоциональные всплески. Например, после причастия приветствовать друг друга целованием. Впрочем, может быть, эти внешние ограничения и полезны. Только бы не доходили до крайности. Я хотел в воскресенье навестить одну бабулю, прихожанку отца Арсения, помочь ей по хозяйству, настелить линолеум в кухоньке. Другого свободного дня у меня нет. Но, узнав, что я по воскресеньям причащаюсь, она отказалась от помощи, попросила перенести день визита, чтобы не нарушать благочестивый обычай. Обычай, идущий из глубины веков, когда Церковь батогами выпрямляла народный характер. Внешнее благочестие – следы её побоев, её палочной дисциплины. Человек, принявший в себя Христа, должен сосредоточиться на этом и не расплескать Его в поцелуях и в какой-либо деятельности. Это запрет против непосредственного выражения чувств. Нельзя! Не положено! Что-то в этом формализованном запрете есть от ветхозаветной субботней заповеди, против фанатизма которой восстал Иисус. В принудительном послушании страха больше, чем любви.

Отец Александр Мень как-то мне сказал на исповеди: «Вера – это не тихая гавань, а плато с дующим ветром, причём прямо в лицо, навстречу».

Детишки меня не оставляют: «Дя-а Саша, дя-а Саша, почитай нам сказку!» Особенно настойчиво просит Марина Тиханова. Она бойчее всех, слушает – нацеленная, вся в Змее Горыныче или в Иване Царевиче.

В некоторых сказках провиденциально запечатлено будущее России. Золотая рыбка, волшебное дерево («Жадная старуха») вынуждены потакать человеческой лени, но до поры до времени, насколько хватит природных ресурсов. «По шучьему велению, по моему хотению» – это безмерная зевота Ивана дурака, пожелавшего иметь враз земные блага. Жажда чуда и нежелание или неумение его достичь приложением своих сил. Чудо сказочно, несметно богато и могущественно. Но доставшееся дармовым способом, оно и исчезает мгновенно. Обнажает всё то же разбитое корыто, превращает старуху в медведиху.

Путь к чуду долгод и труден. Но осознание его сверхбытийной сущности преображает путь. Легко добытое чудо – прообраз социального рая, – которое вот-вот обернётся человеческим звероподобием.

Дерево, мышка с колокольчиком, коровушка-бурёнушка – добрые звери и предметы, помогающие человеку в ответ на его помощь и доброту.

Такую отзывчивость человек редко находил среди людей, но потребность в ней, жажда добра искала реального воплощения и видела в тварном мире идеалы красоты и справедливости. Человечество, не знающее Боговоплощения, и не могло иначе мыслить.

Но язычник не только идеализирует природу. Он боится её: бабы Яги, Кощея Бессмертного... Миросприятие язычника противоречиво и не может служить опорой в повседневной жизни. Новый, после Христа, человек не подавлен при-

родным миром, не должен бояться ни ночного леса, ни костра инквизиции, ни сегодняшних преследований за веру.

«Не бойся!» – один из частых призывов, которыми Христос ободрял своих учеников, зная, как трепещет от страха природный человек. «Не бойся, малое стадо!»

Никак не отважусь сесть за стихи. Боязно своё писать. После 3 000 чужих строк – как заново учиться ходить.

Вечером по дороге ушёл далеко в лес. Возвращался затемно. Молодой месяц. Звёзды мои родные, все на виду. Алголь, *вурдалак* по-арабски – бета Персея. Загадочная звезда с переменным блеском. В течение двух дней имеет разную световую величину. Вчера была заметно слабее.

Сапоги мои стучат по мёрзлой земле. Сегодня весь день порхал снежок. «У нас около Покрова всегда снег падает», – говорит Сергей Матвеевич.

10 ноября.

Немцы побили человек тридцать партизан в бою под деревней Н. На ночь ушли, а утром вернулись в танкетках, чтобы додавить раненых. Подморозило. Танкетки шли по хрусткому ледку, по брызжущей грязи, по мёртвым и ещё шевелящимся телам.

Один человек, раненный в ногу, нашёл в себе силы чуть отползти и спрятаться в канаве под кустом. Танкетки его не заметили. Опять настал вечер, и человек увидел, как по полю, по дороге, где лежали раздавленные люди, шли женщины. Телогрейки, тёмные платки... Они шли с простой и понятной целью: взять то, что осталось от трупов. Какую-нибудь тряпицу, обувку, может быть.

Раненый видит, что к нему направляется женщина. Обрадовался. Смотрит на неё. Живого не бросят. За поясом у неё топор. Нагнулась над ним, схватила здоровую ногу и ловко стянула с ноги сапог. Взялась за вторую, за раненную... Мужик взвыл от боли, не понимая, чего она хочет. А та, видя сопротивление полутрупа, обречённого смерти, вынула из-за

Дар Валдая

пояса топор и деловито отсекла, болтающийся в колене остаток ноги. Иначе сапог, набухший запёкшейся кровью, снять было невозможно. Мужик потерял сознание.

Всё же на следующий день его подобрали добрые люди, и он выжил.

А в соседнем селе, в столовой, работали три сестры. Старшая Натаха – посудомойкой. Та самая. Мужик её узнал. И когда немцы ушли, сообщил в милицию. Ему не поверили. Он написал в райком. Тогда её привезли на очную ставку. Как только Натаха увидела мужика-калеку, затрепетала вся, как лист, и побелела. Доказательств не понадобилось.

1980 г.

2 мая

Вечер. В окошках тьма. Стало вдруг в избе холодно. А на душе тревожно. Вышел на крыльцо – снег валит хлопьями. Далеко вокруг бело, только чернеют брёвна под крыльцом.

Кое-кто помнит, как разоряли церковь. В 38 году арестовали самых активных прихожан и выслали. Канули кто куда: кто в землю, кто в Магадан. Колокола сбрасывали на землю. Снимать – много чести и трудов. Когда упал большой, 418 пудов, всё кругом задрожало, а колокол весь не разбился. А

другим обрубали уши, и они валялись на звонницу. Там уж их добывали на куски кувалдами, а куски бросали вниз. У священника было 4 сына. Ни один по отцовскому пути не пошёл. Все перебрались в Ленинград.

8 мая

Целый день носил вёдрами торф на грядки. Вечером посадил редиску, салат, шпинат, щавель, лук, морковь.

Около колодца голубеет яичко. Крепенькое, широконое, как бочечка фишки от лото. Как оно здесь оказалось, как могла птица его обронить, или, может, разрешилась внезапно?.. Опустил его в скворечник на соседней берёзе. Оно мягко стукнулось о травяную перинку.

Вчера, и сегодня, и третьего дня слышны журавлиные трубы. Два журавля ходят по полю на виду у всей деревни и... разговаривают. Поднимутся в воздух, поплавают в тёплой си- неве и опять опустятся на зелена.

Директор лесопильного завода, через уполномоченного, попросил у отца Арсения Библию. И получил, но не в подарок, а за деньги. «Так она для него ценней покажется», – решил священник. Патриархия издала энное количество, досталось и Валдайскому приходу. Читать трудно: текст мелкий, сплошняком, на странице почти нет полей. И, разумеется, без всяких комментариев. Массивный чёрный переплёт. Как будто специально отвратить от Вечной книги, чтоб неповадно было разбирать слипшиеся строчки.

10 мая

Банный день. «Ужотко я свои кобры распарю, – говорит Сергей Матвеевич, – похвощусь маленько».

В «Уральском следопыте» помещён календарь народных примет. С.М. в него заглядывает, сверяет свои наблюдения, которые иногда не совпадают с календарными. «А по-нашему кукушка в голем лесу кукует к неурожаю. Вона, поёт. И правда, нынче зелена худые».

Впервые после зимы выгнали коров. Совхозные разбрелись по посевам. Их оттуда гоняет бригадирша Любка Белонина.

– Где же пастухи, Люба?

– А не знаю. Цыгане они и есть цыгане. Нанявши (то есть нанялись – А.З.), а где их бес носит!

Ревёт бык, роет землю копытом. Грузовику не проехать. Шофёр кричит из кабины: «Любка, уведи своего мужика, а то я ему сейчас роги обломаю»!

11 мая

На молитве открылось: Господь потому не откликается на мой голос (не выходит на связь), не ощутим мною реально как собеседник, как мой сосед, например, потому что я в своём собеседнике не вижу Господа и не слышу. Как же я услышу невидимого Бога, если в видимом человеке Его не замечаю. Сказывается, наверное, моё врождённое неприятие мира, недоверие к нему, агрессивному и безумному в то время, когда я вынашивался в утробе и когда родился. 41-ый год, начало войны... Положение в стране, да и в семье, не способствовало навыкам счастливого мировосприятия. Менять в себе нужно именно это коренное отношение. И тогда в любом человеке проявится для меня Бог. Господи, помоги мне говорить с Тобою, как с живым человеком, а с человеком – видя в нём Твоё подобие. Но как узреть Твоё подобие в бесчувственном негодяе?!

На столе в стакане белая шапка кукушкиных слезок, а в кувшине – ветка сирени, весточка от исчезнувшего хутора: на его месте яма и кусты сирени вокруг. Я их сначала учуял, а потом уже обратил внимание. Значит, росли сирени и под теми сгинувшими окнами... На том хуторе жил чуваш с женой, с дочкой и большим граммофоном. На дочкиной свадьбе граммофон выставили в окно, и вся деревня глядела на него и слушала. Что, впрочем, не остановило парней поджечь во дворе стог сена, отчего вся свадьба пошла прахом. В 29-м году чуваша ликвидировали. А граммофон забрал себе председатель комбеда.

В 30-х годах, в самое раскулачивание, приехали деятели из города. Спрашивают старика, он сидит перед домом, на лавке в одних кальсонах.

– Что, батя, какова жисть-то?

Батя отвечает:

– А жисть-то, она всегда хорошая. Да ить жить не дают.

Утром бег, а потом ведро воды на себя и крепким полотенцем по спине. Спина скрипит, как свежий огурец.

Молитва перед едой. *Господи, благослови нас и эти дары, и тех, кто их вырастил и приготовил. Научи нас быть добрыми и делиться хлебом и радостью с другими, ради Христа, Господа нашего. Аминь.* Сосредоточиться на мгновение на предмете возвышенном. Алчность к пище на необходимый момент оттесняется, и возникает дистанция, которая действует, как амортизирующее средство. Человек не сразу набрасывается на пищу, а приступает к естественной потребности неспешно, несуетно. Но главное, конечно, в том, что Господь благословляет пищу, что мы принимаем её из Его рук – на поддержание сил, на исцеление.

14 мая

Посадил картошку – под торф и навоз. С разрядкой между картофелинами в 40, а то и 45 см. Заглянула Е.М. «Это вы редко содите. Экую силу земли оставляете. Ведро на такой участок! Да вы что! И урожая будете ждать? Да сюда все три войдёт. Распахните оставшуюся землю бороздами и по 12-15 сантиметров между картохами. А то что же у вас земля гуляет? Жирующая, да вы ещё навоза наносили. Да у вас земля пух, а вы одно ведро содите».

Потом сажали картошку Сергею Матвеевичу. Я прошёл с плугом. Одну борозду скривил. «Да у вас не борозда, а грядка получилась, Александр Иванович!»

Огороды сажают сообща – кто навоз разбрасывает, кто картошку кладёт, кто лошадь ведёт в поводу, кто за плугом.

Тут же вертится сопливый Юрка. Е.М. отгоняет его, как муху. «Юрка, поди прочь, лошадь наступит. Вот сейчас тебя в борозду запашу, будешь в ней рость». Юрка отвечает: «Сама иди в борозду, ворона трёпаная».

С.М. вынес бутылку самогонки и ковалок колбасы. Я отказался от угощения, днём выпивать... А хотелось посидеть с людьми. Совсем я и забыл, что в каждом из них Христос, просто было спокойно и хорошо.

До ночи провозился с печкой, замазывал и белил. Она меня вчера выкурила из избы, напустив дыму.

15 мая

– Тот, кто читает Розарий, – говорит отец Арсений, – тот влияет на судьбы мира не меньше, чем политический деятель.

«Священник должен быть или святой, или замечательно образованный. Полусвятой и полуобразованный – смерть для священника», – цитирует он Терезу Авильскую и добавляет от себя: «Да, совершенство нахрапом не берётся».

До него в храме Петра и Павла (на погосте) служил настоятелем отец Пётр, пьяница и большой оригинал. Например, развлекался он так: надевал кожаные перчатки, ловил кота Ваську, размыкал ему пасть, а псаломщик Саша лил туда водку.

– Я чекушку настоятелю, – рассказывает Саша, – в алтарь приносил, выпьет не закусит.

Отец Пётр проявлял пастырское внимание к матери Саши: то просфору большую ей поднесёт у креста, то исповедует дольше обычного; всех только накрывает епитрахилью, отпуская грехи, а её продержит минут пять, то книжку подарит. Саше это не нравилось, потому что Саша мать ненавидел. «Пусть она мне сейчас майского мёду на голову нальёт, я скажу, что навоз».

Отец Пётр редко служил трезвый, а в воскресные службы и в праздничные это уж как пить дать. А однажды, в субботу, был трезв. Саша, возьми накануне и донеси на него. Позвонил в психбольницу: «приезжайте завтра за ним в церковь, он ал-

коголик». Приехали в разгар обедни, с милицией, с санитарями, остановили службу. А настоятель трезв, как стёклышко.

Саша откровенничает с кем-то из хора: «На Воздвиженье ох я нажрался! Три матраца проссал, два ватных и один пружинный».

У тёти Жени мы берём утром литр козьего молока. Стучусь. Никто не отвечает. Открываю дверь и слышу её голос в кухне, что-то бубнит. Не молитва ли?.. Да, вроде молитва. Но странная, с частым повтором: «Волос, волос, не ходи на мой голос». Я стою пять, десять минут... Тётя Женя, кажется, и не слышала, что я вошёл, бубнит своё. Ещё кто-то стучит в дверь. «Хозяева дома?» Соседка Зина Овсягина. «Входи, входи», – отозвалась хозяйка, которая, оказывается, меня слышала и в мою сторону распорядилась: «Вон, на лавке, возьми». Я шагнул в кухню и увидел, что она сидит на скамеечке и парит в кадке ноги. Как-то мне жаловалась: «Кость в пятке гниёт». Болезнь эта в народе называется **волос**. От него и заговор «Волос, волос». Позже я спросил, что она читала – молитву или заговор? И, кажется, напугал вопросом.

– Не, я ничего не читала, я только Отчую читала.

– А других молитв не знаете?

– Я неграмотная.

– Жаль, а то бы я вам другие переписал.

– А ты перепиши, я разберу. Только по-русски, не по-старому. А наговоров не знаешь?

– Самый верный наговор – Иисусова молитва. Христос её всегда услышит.

– Напиши. Я разберу. Я никому не скажу.

Последнее заверение – отзвук религиозных репрессий, страх, уже невытравимый.

17 июня

Перед храмом много народу, предстоят крестины. На тёплом солнышке мамы разворачивают младенцев, переговариваются:

Дар Валдая

– Мурка-то опять отабунилась.
– Мать, возьми котёночка. У тебя теперь собачек-то нету.
– Что ты! У меня свекровь – собака. Выкинет и котёнка, и меня с ним.

– Баба Дунь, где ты огурцы достала?
– Я ничего не достаю, Бог послал.

– Вот бумажка, вот пять рублей. Чёрному батюшке отдай.
– Да они обои не белые.

– Ты хвалилась, что ножи наточила.
– А было б чего, нарежем.

О. Арсений сегодня крестил 19 детишек. Неужели и правда Россия крестится... Одна девочка кричала, билась, заходила в истерику, колошматила всех, кто к ней подступался, начиная с батюшки. Досталось и мне, влепила по носу. Отец в растерянности, мать в слезах. Приехали из далёкой деревни, на машине. Когда ещё удастся? Отца отправляют на целину. А без отца, то есть без одного из родителей, крестить не разрешается: запрещено законом.

Хоровод из детей улюлюкает, колышется, воркует. Миропомазание, молитва, елеосвящение... И только одна не даётся, дьявол, что ли, в неё вцепился. И правда, чего она боится?.. Уколов. Ей три годика, из больниц почти не выходит. Перенесла не одну операцию в паху, на ногах... Делали по тридцать уколов в день. Крещение она воспринимает, как очередную операцию, как втык беспощадного шприца. Первый нервный срыв у неё случился в результате испуга. Напугала какая-то телевизионная передача.

О. Арсений в общем крещении её обошёл. Старухи просят меня поговорить с батюшкой. Пот в буквальном смысле льёт с него ручьём.

Я тоже не теряю времени. В продолжение всего таинства кое-чего рассказываю родителям, выделяя главное:

«Читайте Евангелие и старайтесь жить по нему. Бывайте хоть раз в месяц, хоть два раза в году в храме. Следите за собой, сверяйте свою жизнь с той, какую заповедал нам Христос. Благодарите Его за всё. Окрестит сейчас батюшка вашу дочь, благодарите Бога. Не окрестит – тоже благодарите. Значит, Он даёт вам время хорошенько самим подготовиться к этому главному событию её жизни. Почитать Евангелие, подумать над тем, что в нём написано, рассказать дочке. Не переживайте, если сегодня не окрестит. Господь всё делает нам во благо. А в этом месте особенно. Он знает, что делает».

Я пробился к отцу Арсению: «Девочка-то нервная, кричит, потому что её телевизор напугал». «Родителям надо бы раздавать ваше стихотворение про телевизор», – шутит батюшка и, кивнув в их сторону, добавляет: «Пусть останутся».

Пещерный человек к транзистору приник. Он не читает философских книг. Он, как и все. Он хочет тоже выжить. Он хочет правду о себе услышать.

Он рыщет щупом в адской пустоте. Там треск и тарабарщина везде. Там музыка, как будто жарят ведьму, расходится кругами по воде. Зигзаг волны его охлещет плетью.

Но притаился где-то в уголке там разговор на русском языке. Пульсирует, как у запястья жилка. Смелей, смелей... Пока его глушилка не перешибла. Многое видал за свой-то век. Туфта ему знакома. Он телевизор вытащил из дома прочь на помойку, продавать не стал.

Противоречья не в его натуре. К транзистору припал, как к амбразуре.

Пёстрое кольцо младенцев –лепечущих, воркующих, орущих... Не так ли св. Владимир Русь крестил?..

20 июня

Мишка, последний сын Улановых, беспрестанно и гулко кашляет, как в бочку. Чумазый, весь в соплях. Я ему травой вытру нос, вроде бы полегче дышит. Сегодня пасёт овец старуха Белонина. Подошла к крыльцу. Мы приглашаем завтракать. Настя: «Пойдём к нам чай пить! Пойдёшь?» Сидя за столом, рассказывает: «Я каши поела, только собралась чай пить, Мишка Уланов в окне. Палец в нос, вытянет и в рот, вытянет и в рот. Мамочки родные, я чуть не вырвала всё обратно. Жаль, хорошо поела».

Американский Pioneer-2 достиг Сатурна. Был запущен шесть с половиной лет назад. Два часа летел через кольца Сатурна. Планета оказалась теплей, чем показывали расчёты. Сильное магнитное поле. Колец семь. Одиннадцать лун. Кольца – метеоритная пыль, но есть и крупные камушки. Аппарат зафиксировал пять ударов по своей обшивке частями, размером не менее 10 мкр.

Это передают «вражьи» голоса. Весь мир, кроме нашего, разумеется, смотрит сейчас в телевизоры на планету, отстоящую от Земли на расстоянии более миллиарда километров.

Сергей Матвеевич в прошлом году косил на болоте, вдоль канавы. Никто это место не брал, хотя оно близко к деревне.

Некошенная трава – грубая, разная, корова не всякую траву ест. А на прокошенном месте трава выросла уже помягче. Утром Семён Пустов помчался на телеге как раз в то место, под берёзки. Накосил воз. С.М. ему: «Ты никак мой покос загрёб!» «Где?» «А вдоль канавы на болоте». «Он мужик шнырский, – говорит С.М., – лошадь у него под боком. Да я не буду лаяться. Коси, мать ты ё».

Цыганка Марья вся чёрная, то ли от природы (цвет кожи), то ли от грязи. Настя, всякий раз её увидев, спрашивает: «А цыганка не кусается?» Любую поклажу тащит на горбу. Увязала своим широким платком охапку хвороста, взгромоздила на спину, платок разорвался. Марья плачет. Я вынес ей верёвку.

Прибежала вчера к С.М.

– Серёга, а, Серёг, не знаю, кто пришёл: Колька аль Васька?..

С.М. понял, что появился кто-то из сыновей, а кто – мать не знает.

– Убьёт, аль нет, Серёг? – канючит басом.

Когда кто-то из них вдруг сваливался – из тюрьмы, из бегов – на голову Марьи, она мгновенно исчезала из дома. Боялась, что дети, требуя денег, убьют её. И на этот раз она лесом, Бойнёвской дорогой подалась на Валдай.

А сын Колька, по кличке Бурма, видя, что и на сей раз мать показала ему кукиш, затолкал две перьевые подушки в чемоданчик, с которым приехал, а третью вспорол и распустил по избе... Не будет бегать от сына, зараза...

За этим занятием его застал Коля Белонин, пришёл проведать старого друга, которому писал иногда в тюрьму.

Когда Бурма укатил, мать пронюхала об этом и на автобусе вернулась в деревню.

– Соседи украли, соседи украли, – забубнила она про подушки, страшась выдать сына. В этот же день пришла в магазин и купила две новых подушки, тоже перьевых в шёлковых наволочках, по 9 рублей каждая.

21 июня

Вот и пригодились брёвна, что приволок мне Федя в прошлом году. Буду менять нижние венцы, которые заметно прогнили. Помощничка бы найти... Да в это время сложно: кто на покосах, кто в питомнике... Петр Белонин дал мне два домкрата, которыми я вывесил дом, когда удалял гнилые венцы. Дома в этой местности ставятся на опорных камнях, почва песчаная, лучшего фундамента и не нужно. В правом углу, на камне, под брёвнышком, лежал серебряный образок с изображением Александра Невского. Под тем углом, который в избе называется красным. Лет сто тому назад его положили сюда, под первый венец, чтобы святой Александр, мой, отмечу отдельно, небесный покровитель, участвовал в устройстве дома и семьи. Я его так и оставил на камушке, под новым бревном. Что, опять совпадение? А может, явный знак. Точно такой образок подарил мне отец Александр Мень на моё крещение.

Сосед принёс свежего мяса, вчера зарезали телёнка. Угощает. Я спрашиваю:

– Сколько здесь и почём?

– Два килограмма. У нас многие охотят, да я не продаю. Это уж вам.

Ветер умолкнет, и дождь отлопочет, и в тишине безмятежной слышать – стены жилья обречённого точит жук древогрыз, новоявленный тать.

Начал он, кажется, с дивных оконниц. Мало нам было мышей и мокриц. Как музыкален его колоколец, словно не жук он, а сказочный принц.

Пилит и пилит, трудяга бессменный. Роет и роет... Видать, овладел прочно своей деревянной вселенной. То-то я здесь поселиться хотел.

Тикают часики не за стеною. В толстой стене – в мироздании длиною.

И направляют дуплистую ось в стол и в тетрадь, и в скамью подо мною. И самого продырявят насквозь.

Александр Зорин

Впрочем, и хищникам надобно кушать. Мне же под музыку их не дремать. Он в этом доме затем, чтоб разрушить. Я в этом мире затем, чтоб собрать то, что тлетворным углам не подвластно, что не развеять и в прах не стереть. Пол не прогрызен ещё?... И прекрасно! Только успеть бы, только успеть...

19 июля

Месяц ушёл на изготовление сруба новых сеней. Старые – худые, залатанные кое-где дерюжкой и по щелям забитые тряпьем. Такую большую работу мне одному было не сладить. Согласился помогать (точнее, помогал я ему) Сергей Григорьевич Волов. Благороднейший человек, скромный, степенный... Работает в лесхозе, сейчас у него отпуск. За месяц сложили сруб, он под горячим солнышком высох и прокалился до звона. Брать черту, вырубать топориком паз (пазить) – поучительная работа для поэта, ибо, по слову Мандельштама: «Поэзия не прихоть геометра, а хищный глазомер простого столяра».

Сегодня день рождения Бориса, моего брата, геолога, а я не смог ему послать телеграмму в тайгу, не мог оторваться от стройки. Рано утром пришёл С.Г., клали последний венец, довольно высокий: подтесать, пригнать. Я даже от завтрака отказался, неловко оставляя одного, а он отказался, потому как “позавтракавши”.

Зато с мужиками, что раскатали мои сени в полдня, ох и намучился. Я им и заплатил и устроил обед, как полагается: с выпивкой, с хорошей закуской. А они потом неделю опохмеляться приходили. Знают, мазурики, что у меня водка припасена. Какая стройка без водки! Один Толя Поляков чего стоит! Выклянчил у меня не одну поллитру. Здоровый, усатый, всегда пьяный, с выпученными красными глазами – вылитый Карабас-Барабас. Ему нет тридцати, живёт с пятидесятилетней Анной, дочерью цыганки.

Ночь. Ни ветерка. Слышно, как рыба брязнула в озере.

Но – вспарывая тишину, грохочет Федя на трелёвочном тракторе. Наверняка ко мне. Изба моя дрожит, мигает свет настольной лампы. Выхожу.

– Нет ли ста грамм?

– Нету, кончилась. Поляков всю выцыганил.

– Заноздрило, а то..

Печкины преображения (Лубочная картинка)

По щучьему по-велению, по Фединому по-хотению стань, печка, комбайном! Поле вспаши, урожай собери, в амбар сложи, за работой Феде на телевизор!

Посреди избы стол стоит. На столе чайник скворчит. Ватрушки с творогом, пироги с вареньем. Полна сковорода котлет. Сидит Федя в кепке, пьёт чай. По ногам дети прыскают.

По щучьему по-велению, по Фединому по-хотению стань, печка, танком! Бунтарей передави, врагов народа излови, океан переплыви. Завоюй Феде весь мир!

В воскресенье под окном трактор тарыхтит. Хитёр мужик, запустил мотор, не слышать людям, что у него в доме делается. Лупит Федя жену смертным боем, приговаривает: не хочу ватрушек с творогом, хочу с бананами!

По щучьему по-велению, по Фединому по-хотению стань, печка, ракетой! Лети туда, незнамо куда, за звёзды, за луну, за ясное солнце. Посмотри – есть ли там Бог?..

Летит Федя на печке, по сторонам поплёвывает, на галактики поглядывает. В левой руке телескоп, в правой руке красное знамя.

31 июля

В городских магазинах пусто: ни пряника, ни картофелины. А на рынке – дороговизна, пучок морковки – два рубля.

На автостанции ходит, неприкаянный, Павля Карташов. Он сейчас, по слухам, не работает, не у дел. Предложил ему заготовить в лесу жердины для забора. Хочу огородить участок. Он согласился и тут же попросил рубль. Мигом сгоняя в магазин, строил красноты, дешёвого портвейна. В автобусе сидел королём, громко, на ор, разговаривая с соседом, а над ними всю дорогу стояла баба Ньюша, старуха из их деревни. Уступать место женщинам, а тем более старухам, здесь не заведено. Старой помирать пора, а не по базарам шастать.

«Голос Америки» передаёт главы из книги «Русское искусство и американские деньги». Советское правительство распродало 2/3 Эрмитажа, Третьяковки, Русского музея. Продавали во все времена, включая брежневские. Но в зарубежных каталогах были обозначены произведения искусств, находившиеся в России. Поэтому продавали на чёрный рынок, втихую и по заниженной цене. В тридцатые годы будто бы на эти деньги были куплены у американцев заводы и промышленное оборудование. Ушли навсегда многие работы Рембрандта, Шардена, Веласкеса, 23 иконы из Третьяковки и Чудова Монастыря, многое, многое... На моей памяти, в 60-е годы, из Музея изобразительных искусств исчезли все мраморные антики, римские копии с греческих оригиналов. Не понимая причины, я с ужасом обнаруживал гипсовые маски вместо полюбившихся портретов. В последние годы пытались продать оставшиеся полотна Леонардо и Джорджоне. Но уже покупателей не нашлось, никто не хотел участвовать в ограблении народного достояния. Распродажей руководил Микоян, перед американцами цинично оправдывался: мол,

Дар Валдая

вы сейчас картины увезёте, но мы сделаем революцию в вашей стране и вернём их назад. Государственный поэт Василий Фёдоров сочинил поэму «Проданная Венера»: «За красоту людей живущих, за красоту времён грядущих мы заплатили красотой». Рабсила бесплатная, а на «красоту» можно не только станки купить, но и попользоваться ею в удовольствие. Большую часть выручки партийные товарищи употребили на свои нужды, то есть пропили.

19 августа

Родители моего товарища отдыхают в пансионате, на берегу Валдайского озера – бывшая дача Фурцевой. Заглянули к нам перед самым отъездом в Москву. Мы тоже через недели две отчалим, и я обрадовался возможности отправить с ними часть книг. Видя, как я складываю книги в рюкзак, В.В. сказал:

– Пожалуй, рюкзак тяжеловат для нашей машины. Сумочку возьмём, у нас своих вещей полно.

Я смутился.

– Нет, спасибо, сумочка небольшая, как-нибудь справимся сами.

Они приехали на «Запорожце» за пустой поллитровой банкой, переложить сливочное масло.

– Столько продуктов взяли, – жалуется Н.И., – едим по два завтрака, по два обеда, не обратно же везти!

Всё же сливочное масло решили везти обратно, а банки не нашлось.

Им и в голову не пришло спросить, а есть ли масло у нас, живущих здесь шесть месяцев? И вообще – продукты? Мать в виде гостинца предложила Тане пачку порошкового молока.

– Зачем же нам порошковое, – отказалась Таня, – в деревне ещё не перевелось коровье.

23 августа

Соседка Федосья Фёдоровна не отдала мне клочок земли, что примыкает к моему дому. Этот клочок, четверть сотки, что я хотел вскопать под огород, и остальная земля, соток

двадцать, принадлежали бывшим хозяевам Графовым., в чьём доме я сейчас живу. Ф.Ф. оттяпала её тотчас же, как хозяева померли. Она и сама старая, коз уже не держит, покос ей не нужен, но земли всё равно жалко. В деревне слывёт верующей.

Накануне Преображения встретила меня сильно под хмельком. «У нас завтра праздник, Спас, мы со старухами сделали». То есть нагнали самогонки.

Я пришёл к ней с рублём, прошу чесноку. Надёргала пять головок, на рынке цена этому пучку 20 копеек. Протягиваю рубль. Она возмущённо: «Да, ладно, да что вы!» И цап, рубль под фартук. Зашёл я к ней не только с рублём. Но и с ведром кукурузной крупы.

– Сколько? – спросила она.

– Да нисколько, берите без денег, мы её не употребляем, а у вас гусей 20 штук.

– Да, гусей много, – подхватила она, – серут, спасу нет.

6 сентября

На горе тарахтит комбайн, убирающий пшеницу. Потарахтит, потарахтит и станет часа на полтора, пока не вер-

нётся машина, ушедшая с пшеницей на элеватор. Я конопачу новые сени, постукиваю молоточком по осиновому долоту. Комбайнёр от нечего делать спустился ко мне. Рассказывает: « Вокруг Шуи корчевали леса, осушали болота, чтобы сеять зерновые поближе к ней, – Шуя главная усадьба, – не тратиться на расстояния. Спалили остатки, пустили технику. Экскаваторы роют узкие канавы, куда закладываются керамические трубки. Это называется дренажировать почву. По трубкам, как по венам кровь, бежит вода со всей округи и должна осушить почву. Экскаваторщикам платят по метражу. Сколько метров прогнал, столько заработал. Бывало, что трубки не подвозили вовремя. Не стоять же и ждать, мать их ети! Экскаватор рыл траншею, делал метры и тут же их закапывал, без трубок. В результате какие-то части полей не дренажируются. Пришла осень. Нагнали тракторов пахать новые угодья. Сунется трактор – зачавкает, зафырчит и заглохнет, и ни с места. А только глубже и глубже уходит в так называемую пахоту – в болотное месиво. Нет ещё у нас таких тракторов, чтобы пахать болото». На эту затею – сведение лесов и осушку болот – колхоз угробил в этом году один миллион рублей.

К повальной бесхозяйственности и воровству люди привыкли. Комбайнёр рассказывает об этом, как о погоде.

Построили новый комплекс – помещение для скота. Полуавтоматика должна бы улучшить жизнь и надои коров. Приняли. За взятку. Строители умаслили приёмщика. Но оказалось – ни печи не работают, ни вытяжные трубы. Стены сыреют. Коровы зимуют на старом дворе.

Два жилых дома строили те же специалисты, что и коровник. Но дома вызвался принимать инженер колхоза, которому теперь коровник придётся перестраивать. Этот неподкупный. Он обнаружил, что в домах не работает канализация. И не принял дома. Пусть доделают. Год доделывают.

Сеют лён. А убирать некому. С картошкой бы справиться... Столько гектаров! А лён, если намокнет, – упадёт, и всё,

его нашей техникой не возьмёшь. Мокрый, он годится только на паклю. Но и на паклю возить его невыгодно колхозу. Обойдётся в копеечку и транспорт и уборка. Дешевле павший лён сжечь. И сжигают.

15 сентября.

Второй день хожу на болото за клюквой. Вчера, возвращаясь, проплаутал по лесу и вышел с обратной стороны деревни.

Заблудился, надо было к логу от болота взять ещё правей. В сумерках наткнулся на дорогу. Зашагал к деревне поскорей.

Вот уж слышно, как собака брешет, вот и речка и Кривой бугор. Ни огня в деревне... Только блещет Сириус, и светит скотный двор.

Мирно, Боже, как мирно возвращается стадо вечером. Постукивает ботало, покачивается тяжкое вымя. Неторопливо, ритмично – в стойло, к вечерней дойке. За лесом, до деревни ещё далековато, бредут по дороге шесть колхозных коров. Уже темнело, стадо давно пригнали, а эти затерялись: пьяные пастухи не хватились вовремя. Так стало их жалко, этих советских общественных животных, брошенных на растерзание волкам. Их товарки, у кого есть хозяин, давно уже подоены и жуют своё вечернее добавочное сено...

Хмурое небо. Молния над лесом – узел раскалённой проволоки, вольфрамовый клубок.

23 сентября

У Евгении Матвеевны гостит родственница, Екатерина, 70-летняя бойкая старуха. Пришла из Угловки пешком, проделав 35 километров до обеда. «Пришла бы, – говорит, – и раньше, да в Крестцах жила же: того встретишь, другого, как не спросить!»

«Слава Богу за всё», – часто повторяет она, за что Е.М. на неё нападает: «Чего ты Бога благодаришь, ты советскую власть благодари, она тебя от смерти спасла и сыновей по-

могла вырастить». «Так сыновья мои болеют и худо живут, потому как неверующие». И рассказала случай, который произошёл у них в деревне. Хорошая иллюстрация к тому, каких сыновей помогает вырастить советская власть.

Семиклассник стал плохо учиться. Вызвали в школу родителей: не хочет срезать волосы, отрастил до плеч, грубит, нахватал двоек. Отец – к сыну: с увещеванием, с укором, покричал, а тот – ни в какую. «Не буду стричься!» Тогда отец ночью ножницами порезал ему волосы в нескольких местах. Утром парень подошёл к зеркалу причесаться и обмер: «Ну, отец, я тебе сделаю». Прошёл месяц. Отец вернулся из санатория. Выпили с матерью со встречи. Сын пришёл из школы. «Ну, какие успехи, сынок? Что сегодня получил?» Прилёг на диван, соснуть с дороги, сморённый рюмочкой и домашним теплом. Мать куда-то вышла. Храня месяц затаённую обиду, сын отомстил: всадил спящему отцу в спину нож, да не один раз, а дважды.

Куда его, судить? Ещё маленький. Определили в детскую колонию на четыре года. Вступилась школа: да он, в общем-то, неплохой парень, учиться стал хорошо. Пожалели, вернули через год в школу. Матери пригрозил: «Отцу сделал, а тебе ещё не то отмочу». Пошёл работать. Получил первую получку, ввалился домой пьяный, мать, зимой дело было, в окошко выпрыгнула, в снег. Но теперь его уже судили, уже совершеннолетний, дали 4 года.

Екатерина всю жизнь крестьянствовала, 13 лет работала бригадиром.

– Совхоз наш пропащий. Работать никто не хочет, все поля в камнях. Камень на камне, другой сверху. Государству мы ничего не даём, на полном его иждивении. А когда бригадиром была, председатель приедет, суёт бумагу: подпиши. По бумаге мы уже посевную провели, а у нас поля и не паханы. Подписывала, куда денешься. Всё равно по их, по-партийному, будет...

Натуральная чистая речь, не порченная телевизором. Я заметил на деревенских жителей этого возраста не очень дей-

твует новояз, который они глотают из радио и телевещаний. Как-то, конечно, действует, обкатывает исподволь, но само-бытность языка коренится глубоко и медленно поддаётся, как гравий, обкатываемый в гальку. У молодёжи уже не речь, а болванка. Старики умрут, и некого будет слушать. Кое-что из её разговора я запомнил: « У нас автобусы хромают. Ни вчера, ни сегодня не было». «Серпом цапнуть». « У колхозника в Белоруссии много земли, не то что у нас. Да и земля жирная, не сравнить. Жито вырастит, не перегнуть. А у нас – лепестина клевера, лепестина овса, лепестина ржи, лепестина картофи». «Города едят, а в деревне так сидят: ни баночки, ни тушеночки, всё на экспорт». Очень правильно произнесла это иностранное слово.

Бедная Е.М. разъярённой шавкой бросается на защиту советской власти. Она библиотекарь, через неё направляется свет культуры в деревню, она мракобесия не допустит.

– Верить можете, сколько хотите. Хоть лоб себе расшибите. А пропагандировать нельзя. Атеистическую пропаганду может и должен вести каждый гражданин Советского союза, а религиозную – нельзя.

– Вроде несправедливо выходит, – пытаюсь я возразить.

А она натасканно и проникновенно:

– Государство должно свои границы блюсти. Кем бы я сейчас была в старое время! Милостыню просила бы по домам.

Вон, как у нас сейчас живут. Федя – миллионер. В посевную по 800 рублей заколачивает. Телевизор есть, мотоцикл есть, в любой момент машину может купить, да она ему не нужна; у детей велосипеда, часы. А начнёт пить, всё спустит, и телевизор пропьёт.

– Так с чего же он пьёт?

– А с достатка. Государство его балует. И детей, что сейчас привозят на автобусах картошку убирать на поле, тоже балуют. На автобусе туда, на автобусе обратно. Горячий обед им в бачках на поле. А они, вишь, не умеют хорошую картошку от плохой отличить. Всё в кучу валят. А в поле половина урожая

остаётся. Бригадир говорит, мы сейчас поле только зачерняем. А пройти ещё раз, столько же соберёшь.

И так далее, и тому подобное. И скучно, и жутко это всё слышать. Вывод один: распустился народ. Нужна народу палка. Будет, будет тебе палка, по которой ты скулишь.

Сталин встал на ветровом стекле. Тягачи, свирепые КАМАЗы с грохотом проносят по земле оспину неистребимой язвы.

Позабыл беспамятный народ – пропил память или же отбили, – мало вразумляли нас, гноили, в джезказганы загнанных, как скот.

Или, отродясь ослеплены, божество мы ищем в позументе? Позабыли, как он полстраны заживо замуровал в цементе.

А водитель – молод, белозуб. Чёрной лапой поправляет чуб конопляный – из-под шапки пляшет. Знал бы он, дурила, что за труп над кабиной поднял, жизнелюб!.. Да и кто ему о том расскажет?..

Огрызнётся парень: «Чёрта с два! Ну, сажали, ну, верёвки вили, а зато при бате воровства не было такого, да и пили, говорят, поменьше... Нет, нужна власть... чтобы которая сильна... Кой-чему тогда и нас научит...»

Ох, ты Русь, родная сторона! Тёмная могутная спина просит палок... Просит и получит.

По всему видно, что Е.М. поручено особое наблюдение за деревенскими жителями. Уж слишком бойко парирует она всякое недовольство с их стороны. В магазине, например, кроме водки ничего нет. Хлеб – два раза в неделю и то с перебойми. Но она уверяет меня рьяно, что виновата продавщица, не заботится, ей пенсия идёт, а здесь приработок, и наплевать на план.

То, что она осведомитель и пишет доносы, знают многие. Виктор-пастух как-то шепнул мне: «Её здесь боятся больше, чем бригадиршу».

Поосторожней с ней. Спаси Бог. Спаси, Господи, Россию! Как ей стряхнуть с себя этих борзых и легавых...

26 сентября

Мягкий, пасмурный, настораживающий день. Уже совсем рыжие лесные опушки. За бобровой плотиной, куда мы летом ходили по ягоды, набрёл на раскидистые кусты калины.

Роскошная неряшливость леса. Седые метёлки кипрея, остро, как йод, пахнувшая опаль, ржавые джунгли папоротника. Вдоль дороги тянется картофельное поле. Его сейчас убирают студенты. Девушкам в куртках и коротких юбчонках опасно рисковать, нагибаться при пронзительном ветре. Они и не нагибаются. Привязали вилки к палкам и вилкой в картошку тырк и в ведро, в другую тырк и туда же. Очень скоро загниёт в погребках такая меченая картошка. Да и кроме того много остаётся. Я думал, камни лежат на поднятых бороздах. Нет, картошка – крупная, чистая, которая не попала им на вилку. В местной газете прочитал, что 30% процентов остаётся в земле, враки: все 50, а то и больше. Там и тут сверкают брошенные целлофановые мешки. Рваные, никто их никогда не подберёт. А ведь они не гниют. Валяются и дерюжные, тоже рваные. И повсюду вёдра, продырявленные в днищах, тоже никому не нужны.

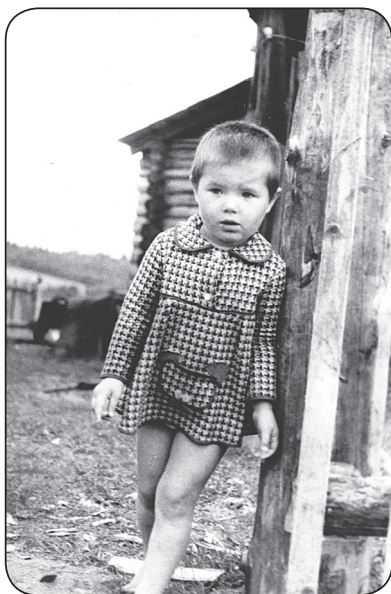
В магазине – голые полки. О, маргарин! «Это маргарин или масло?» «Ишь ты, масло! – отвечает какая-то баба, – нынче масла погода не красна.»

Полдня собирал клюкву. Пасмурно, дождливо, корявые голые стволы на болоте, потерянно кричит кукушка. Кислая до слёз – сиротская ягода клюква.

Издаലെка, с горы, заметно красное платице Настеньки.

– Настюшка-а-а !!!

Красный лепесток срывается с места и летит навстречу, сверкая босыми ножками. Это по камням и колдобинам! Летит босая, не разбирая дороги. Присела, отдышаться, наверное. И снова вниз, что-то лопоча и восклицая. Влетела в мои распахнутые руки, прижалась к щеке головёнкой...

1981 г.

18 июня.

В Новотроицком застала нас гроза. Мы с Настей нырнули в чью-то калитку и прижались на крылечке под ветхим козырьком. Когда дождь стал стихать, отворилась дверь и вышла хозяйка.

– Заходите в дом, тут замочит. Он скоро кончится, вон, я клюшку выбросила.

На траве перед домом валялась кочерга. Женщина ”выбросила“ её, чтобы укротить грозу. Дождь и впрямь скоро перестал.

26 августа

«Голос Америки». Ясная слышимость. Войджер-2 со скоростью 59 000 километров в час покинет Солнечную систему и через 40 000 лет достигнет созвездия Малой Медведицы. Минуя Сатурн, возьмёт направление на Уран, затем, используя магнитное поле Урана, как бы опираясь на него, развернётся к Плутону. В районе Сатурна траектория корабля немного изменилась из-

за сильного магнитного поля планеты, что не было учтено. Но посланный с Земли радиосигнал выровнял его курс. Войджер-2 беспрерывно посылает на Землю цветные фотографии.

Во всей деревне ни огонька. Послегрозовая тишина. Слабо и запоздало капает с крыши. В сторону леса прошла машина, рассыпая по замершей деревне разноголосый пьяный мат. Минут через тридцать едут обратно. Снова мат и рычание мотора в гору. Остановились. Ругань усилилась, хлопнула дверца машины. Я вышел к калитке. Пьяный голос: «Где здесь Новотроицы? Как проехать?» Я объяснил. Пока шофёр выяснял дорогу, к нему в кабину из кузова перебрались люди: холодно в кузове, да и мокро. Шофёр стал их материть и выволакивать. Завязалась драка с пьяным стоном и хрустом. На землю вывалился человек, следом полетел мешок. Потом погасли фары, и ещё острее стала слышна ругань и треск драки.

Долго они в темноте рычали и мычали, наконец поехали, оставив одного за бортом, который тотчас исчез.

Утром на этом месте я нашёл рваный пиджак и сумку. И несколько рыбин, уже расклёванных воронами. Видать, пострадавший – рыбак, возвращался с уловом. На остановке автобуса – мужик, сидит на корточках. Излюбленная поза мужского населения в ССере. Лицо – сплошной кровоподтёк. «Ты рыбак?» – спросил я. «Рыбак», – промычало в ответ. «Твой пиджак валяется на дороге?» Мужик схватился и побежал, грохоча резиновыми крагами.

На рассвете он постучался к Воловым: «Пустите на печку погреться. Я у вас в дровах спал. Мне в Валдай надо». Таня Волова пустила на печку и потом дала на автобус 45 копеек. «Как раз на две кружки пива», – шутит Сергей Григорьевич, её муж.

Редкостный человек водитель автобуса. Он работает на нашем маршруте. Приезжает в Новую дважды в сутки. Точно по расписанию, ни на минуту не задерживаясь.

На дороге стая воробьёв, он гуднул заранее – воробьи врасышную. Разговаривает сам с собой: «Тоже пользу приносят.

Во время уборочной море раздавленных воробьёв на дороге. А гусей не люблю: важничают».

Дорогу перебежала курица. «Стояла бы на этой стороне, нет, под самыми колёсами надо проскочить. А потому, что к дому».

Народу сегодня набралось много. Сзади идёт пустой совхозовский автобус. Наш водитель посигналил, вышел из кабины, договорился, чтоб часть людей взял совхозовский: зачем же в толкучке мучиться?»

В городе нет водки. Мужики набрали красного вина. Сидят в скверике, вертят в руках бутылки, разглядывают этикетки. Как книголюбы редкое издание, так они подробно исследуют свои трофеи. Один отколупнул пробку, достал из кармана масляный пирожок. Далеко запрокинул голову и влил содержимое бутылки в своё горло, как в раковину – без малейшей задержки.

2 сентября

Кошка гостей намывает. Откуда такая примета? Кошка совершает эти манипуляции обычно после еды. После вкусной еды делает это дольше и тщательнее. Потому что во вкусной сильнее вымажется, и слюноотделение обильнее, а она его использует с толком. А когда кошка могла всласть наесться? В праздники, в канун праздников, в ожидании гостей. Вот она их и намывала.

24 сентября

Мухи, вовсе не сонные, спариваются у меня чуть ли не на голове. А вот сам я становлюсь сонной мухой в душной избе, в которой я сегодня вдобавок попрыскал хлорофосом. Нет от них, окаянных, спасу.

Сегодня порхал редкий снежок. А в остальные дни – сухо, холодно, ясно. Днём в натопленной и проветренной избе на полу сияют три окна. В одном сидит кот, распушился и мурлычет на последнем стеклянном солнышке.

13 октября

Дивный день – сухой, морозный, яркий.

На поле стадо, за ним два костерка, от которых низкий дым тянется в одну сторону.

– Витька, ломай кнут, – кричит один пастух другому, – завтра уже не выйдем, уже не будем пасть.

С лошадей сняты путы, и они носятся по скошенному лугу вольные и дикие, как их далёкие предки.

14 октября.

Уже морозец выбелил траву, и она хрустит под ногами, как ломкий мох. Уже никто не выгоняет скотину. Нет, кто-то рискнул. Баба Лена идёт за своей бурёнкой, разговаривает на языке, понятном лишь им двоим. «Куды-на-па-ще-ды-бу». Смотрит из-под ладони против солнца на моё окошко.

– Здравствуйте, – говорю, стоя на крыльце и ею явно не замеченный.

– Здравствуйте, здравствуйте, – оборачивается она на мой голос, – так вы один тут кочуете? И правильно, никто не мешат.

При ясной погоде лес отзывчив. При пасмурной, в ненастье, влажная подушка воздуха глушит звуки, в том числе и лай собаки. Стало потише. А то лес стоном стоял от непрерывного лая и посылал мне обратно переливчатые долгие октавы.

15 октября.

В дверях Фёдя: «Можно?» И встал на пороге.

– Здравствуй, – говорю ему, – я вообще-то занят.

– Ну, я всё же зайду.

Пьяный. Совесть мучает о долге, десятирублёвом с прошлого года. Да я ему за эти муки ещё бы пол-литра поставил.

– Я бабе летом говорил, когда твоя за молоком ходила, что должен тебе. Не знаю, рассчитала она или нет?..

– Забудь, Фёдя, сочтёмся. Водки у меня нет, а давай пообедаем, время к тому.

Дар Валдая

В телогрейке, промасленной, как тракторное железо, сел за стол. Кепку, однако, снял, положил на печку. Раза два тыркнул вилкой, отложил. Картофелину брал чёрными пальцами, окунал в минтайский соус, а потом вместе с рыбной крошкой стянул с блюда, как чай.

– Мои рычаги, – говорит, – руки. Я газету начну читать, засыпаю. Голова не варит. Слыхал, наверно, я второе место по району на уборочной занял. В среду премию будут давать. Спрашивают, чего купить? А чего мне купить? Часы есть. Настольные тоже. Рубаху шерстяную? Да у меня рубах, как сена в сарае.

Почта. Отправляют посылки.

– Нюрка, соскобли старый адрес с покрышки. У тебя с обеих сторон. Или в мешок зашей. Много раз твой ящик ходит. Что посылаешь?

– Клюквы у Натальи nanoшено.

– А я хотела луку напихать, а ягоды в мешочке.

– А ты, Мань, всё картошку. Неужели в Москве картошки нету?

– Пишут, в магазинах гниль одна. А у меня чистая, как яблоко.

7 ноября

Лето отхлынуло и подарило окно на закат. Сам я его пропил в пятнестенном закуте. Пусть на деревню не смотрит и радуется взгляд. И вечерами дозволит припасть, как к цикуте.

Пьёт бригадирша цикуту свою из горла. Пьёт главмеханик по-чёрному – местный философ. Наша пустынная местность себя изжила. Господи, что-то здесь вырастет после колхозов...

К нынешней, к этой, уж точно душа не лежит. Всё раскурочено, выкорчевано с корнями. В брошенном тракторе праздничный ветер свистит, поле озимое дружно засеяв камнями.

Ноябрь

Отбирают у меня дом местные власти. Сначала об этом известила письмом в Москву Евгения Матвеевна. Чуть поз-

же пришла повестка явиться в районный суд города Валдая. Я засобирался, очухавшись от первого удара, решив всё же не сдаваться и попытаться дом отстоять. Для этой цели взял письмо из группкома литераторов, который ходатайствует за меня. Денег у меня ни гроша, даже на дорогу. Я уговорил моих друзей, членов Союза писателей, Сашу и Лиду Тихомировых, поехать повиступать в Валдай от бюро пропаганды. Дело для них привычное, в Бюро пропаганды они свои люди, и я, третий, ещё не член Союза, в их компанию вписывался – Бюро пропаганды такой состав не смущал. К тому же, думал я, наши публичные выступления в городе наверняка не пройдут мимо начальства, и это, может быть, повлияет на решение суда.

Приехали утром, и я со станции позвонил Прокопьеву, председателю исполкома, тому самому, улыбчивому, который три года назад так безболезненно разрешил мне купить дом. «Ну» вместо «Здравствуйте», – отвечает он на моё приветствие. Объясняться по телефону не стал, а назначил придти завтра и вот что поведал при встрече.

Вокруг Валдая стали строить коттеджи московские предприятия. Куда зачастили начальники, с бабами, с водкой. А один отгрохал терем на берегу озера – всем на загляденье, а точнее, на зависть. В конце концов журналистка из Новгорода накатала статью, прокуратура стала проверять документы на покупку домов. Правительство продавать дома не разрешает, а местная власть продаёт. Непорядок. Районные власти тут же наложили в штаны и мгновенно приняли решение: договоры – расторгнуть. На этой волне, а точнее, под волной оказался и мой случай. Всё это он поведал мне тусклым жалостливым голосом: закон есть закон. Под конец вспомнил, что вчера ему звонил судья Владимир Урылович Базыров. Спрашивает: «Ну, как с Зориним? Что будем делать?»

В этом «что будем делать?» всё наше судопроизводство. Судья Базыров – пешка, винтик, а закручивает винтик партийная власть. Он стоит перед ней на цырлах и накануне суда осведомляется: судить или миловать? Приговор председатель вынес заранее: судить. В суд можно было и не идти, но я по-

шёл и произнёс речь, и судья сочувственно кивал башкой, и народные судьи, и прокурор понимали, что позорно отнимать сотку земли у поэта, который хочет жить в России. Но – Прокопьев не разрешил.

В коридоре суда, в уголке, на краешке деревянного дивана примостилась Евгения Матвеевна. «Ой, А.И., стыдно-то как! Я ведь ни разу в жизни не судилась, ни разу меня ни в чём не обвиняли. ... Возьмите деньги назад, вот, я их привезла с собой, возьмите, возьмите ...» Но я деньги не взял, повременно покуда ...

Поговаривают, что в Валдайском районе завышенные нормы радиации. Источник – завод «Юпитер», выпускающий оптические приборы, которые обрабатываются радиоактивным порошком. Мы выступали на этом заводе. Громадные коридоры вымазаны до потолка серой краской. В красном уголке, как в бане, стены выложены белой плиткой. Все люди в белых халатах. Белые-белые, без кровиночки лица. Анемичную бледность я давно заметил у горожан. Бывали случаи, когда выкупавшийся в озере человек внезапно заболел и умер. У одного мальчика после купания стали непомерно расти кости, особенно голова, и он вскоре умер. Может быть, это промыслительно, что советская власть вышвыривает меня отсюда. Может быть, её произвол спасителен для меня и для моих детей? Правда, мы редко купаемся в Валдайском озере, больше в маленьком, с Валдайским никак не соединённым. И миазмы «Юпитера» к нам за 25 километров не доходят. ... Всё же загрязждает фильтр сплошных хвойных лесов.

В библиотеке, в читальном зале оказалось три человека, объявление, повешенное заранее, никого не привлекло. Заведующая библиотекой, у которой мы вызвали доверие, сокрушается: «В этом квартале мы получили 34 книги из Учколлектора. Семь художественных, остальные политические. Я им объясняю, читатели просят художественную литературу, политическая пылится на полках и занимает две

комнаты. А мне отвечают – ваше дело просвещать читателя политически».

Выступили мы и в интернате перед детишками. Сиротские худые лица. Девочка, пишет стихи, смыслённый взгляд, смотреть на неё страшно: глаза расположены асимметрично, один выше другого. Как на портретах Целкова. Во многих окнах выбиты стёкла. Тепло в единственном классе, где мы выступали. Сиротливость – от холода, от серого цвета, от замусоренных колоссальных коридоров, по которым ребята спуют, как мышки.

Государство отпускает в день на одного сироту 39 копеек. (Для сравнения: батон белого хлеба стоит 13 копеек). Все в одной серой одежке. На старшеклассницах белые фартучки, суконные, а не шёлковые, как у городских школьниц в этот праздничный день. Какой сегодня праздник?

Приехав в Москву, мы решили собрать детскому дому книги и попросили участия Союза писателей. Писательское начальство сочло эту благотворительность излишней.

1982 г.

Весной я всё же решил ещё раз попытать счастья. Поехать в Новгород, к самому высокому начальству – первому секретарю обкома. Тем более что в обкоме *главным снабженцем* работал брат жены моего друга.

Ров под стенами Новгородского кремля зарос бузиной – высокими ветвистыми деревьями. В печальном Волхове отражается хмурое небо. Вдали, за серым заводом, в серой дымке – Юрьев монастырь.

К 1-му секретарю я не был допущен, не сподобился видеть его венценосного лика. Меня принял его сатрап – секретарь по идеологическому сектору, – принял после тщательной проверочной процедуры. Занималась ею секретарша, грудастая румяная барышня. Прочитав моё письмо, содержащее просьбу, она спросила мой адрес, закрыла плотно за собой дверь и долго вела переговоры... с кем? С местной гебухой, что ли, подтвердившей мою личность? Наконец вышла и попросила подождать до 11 часов, для чего отвела в соседнюю комнату, предназначенную для ожиданий. Я передел брюки, побрился и открыл Священное писание: где, как не здесь, его и читать!

Ровно в 11 резким металлическим голосом заскрежета радиодинамик, назвавший моё имя и отчество. Вошла секретарша и предложила следовать за нею. По красным коврам и мраморным ступеням мы поднялись на третий этаж, минуя оловянностоящих на каждом этаже милиционеров. Мёртвые коридоры, портреты вождей.

В длинном кабинете из кожаного кресла навстречу мне поднялся приличного вида человек. Ничего обещающего на его лице я не прочитал. Доброжелательно объяснил мне то же самое, что и перед судом председатель райисполкома Прокопьев. Посетовал на «терем», негоже выделяться в нашем равноправном обществе, тем более домам в деревне. К тому же в стране взят курс на укрупнённые хозяйства, чтобы обеспечивать и следить в основном за центральными усадьбами. А Новая деревня неперспективная, лет через пятнадцать её снесут. (Здесь ещё земельная проблема. Колхозные земли вконец истощились, и власть положила глаз на хозяйские участки, на «планы», которые крестьянин каждый год удобряет навозом. Главный идеолог так и сказал, проговорился: «нам их планы нужны») Так что и рад бы помочь, да не имею права. У нас таких просителей тысячи. И заслуженных людей среди них много. Узнай они, что

вам разрешили, жалоб и хлопот не оберёшься... (Я подумал: тысячи просителей не убеждают народную власть учесть их просьбы.) Дачные участки мы даём, это пожалуйста. «Люди в городе звереют от тесноты, рвутся на волю, а вы им отводите загон в 4 сотки», – возразил я решительно. Идеолог согласился и вспомнил Юрмалу, где отдыхал недавно. Как там дома мирно соседствуют, сосны никто не рушит на дрова, вокруг чисто – ни бумажки, ни битой бутылки. «У них традиции глубокие, которые ещё не совсем расшатаны», – уточнил я и рассказал уличный эпизод. Вдоль газона прогуливается хозяин с собакой. Собака остановилась за естественной надобностью, после чего хозяин вынул из кармана бумажку и собрал в бумажку то, что она выложила из себя на газон.

«Да ... Культура ... – качнул головой мой собеседник и почувствовал: – Вы как-нибудь живите там, может, пропишитесь. Это мы не возражаем. Могут позвонить в райком....»

Это значит, если я решусь выписаться из Москвы и жить в деревне, а местные власти не поймут и не примут моей жертвы, он готов позвонить в райком, облегчить мою участь.

Простились.

Уже на выходе, уже получив бронь от обкома на Таллинский автобус (с паршивой овцы хоть шерсти клок. Для них всегда есть бронированные места), я спросил у той же секретарши: «На каком этаже находится управление торговлей? Я хотел бы навестить Тофика Ж., с которым хорошо знаком». «О, так он друг Цалпана», – восклицает барышня и тут же соединяет меня с Тофиком. Снова поднимаюсь, снова оловянные милиционеры на лестничных площадках, такой же красный коридор, такая же дверь. Сестра Тофика замужем за моим другом (суданским поэтом Гили Абдель Рахманом). Тофик – азербайджанец, любезен и обходителен по-азиатски. «Это, считайте, визит вежливости, – говорю я, – побывать здесь и не заглянуть к вам...» Зимой я писал ему, и он, заручившись обещанием начальства, ответил, что поможет. Но, видимо, руки коротки.

– У кого вы были?

– У Цалпана.

– И что?

Я покачал головой.

– Дело в том, что именно он и обещал мне помочь, – говорит Тофик и исчезает за дверью.

Минут через 30 возвращается. Потребна санкция самого, то есть 1-го секретаря обкома. «Нет ли с собой вашей книжки, чтобы поднести Первому с автографом?» Увы. С собой только вёрстка первой моей книжки, где, правда, чёрным по белому написано, что я большую часть года живу в деревне Новгородской области. Но, может быть, есть какая-нибудь моя переводная в местном магазине? Тофик звонит Цалпану, спрашивает: «А переводную можно?» «Можно, – отвечает главный идеолог, – только чтобы фамилия его была и автограф».

Увы, на жиденькой магазинной полке нет моих переводных опусов. Стой, стой, стой... а это что? Так и есть, Тхайцухов! Правда, здесь переведена мною лишь одна поэма. Но зато поэма хороша и чуть ли не в полкниги величиной.

Теперь меня к Цалпану сопровождает Тофик, и я пред его светлые очи выкладываю Тхайцухова и свою вёрстку. Без тени смущения, как будто мы с ним и не прощались, он предложил мне сесть и стал разглядывать вёрстку, вид которой явно не товарный. А мне жаль её отдавать. Вдруг книга не выйдет, останется у меня хоть вёрстка... Я пытаюсь его припугнуть: «Здесь есть стихи, которые не прошли цензуру, то есть идейно сомнительные...» Остановились на поэме, которую я недвусмысленно подписываю: «Надеюсь на то счастливое время, когда мне не придётся переводить с абазинского, татарского, кабардино-балкарского, а тихо жить в деревне Новая Валдайского района и работать на благо Отечества».

Презент и моё заявление были представлены Первому после обеда (после обеда – надёжнее), и Цалпан сообщил по телефону в кабинет Тофика: «Всё в порядке, решение положительное, документы пошли в Валдай по спецпочте». Тофик подытоживает: «Ты теперь будешь в районе видная фигура, если сам Первый секретарь за тебя хлопочет. Его виза выше закона. Что закон! Закон – тьфу! Его подпись – закон».

Живёт Тофик в роскошной двухкомнатной квартире, забитой продуктами, иностранными шмотками, вещами и вещицами. Слушает только «голоса» («Немецкую волну», «Голос Америки»), что меня порадовало. Со мной откровенен, но многого не знает из советской истории. Зато сейчас всё видит: низость и обман сверху донизу, где и сам не последнее звено. Уезжать в Азербайджан не собирается, а упорно рулит в сторону Москвы. На Валдае хочет построить дом. Это ему сделать просто, как подуть на одуванчик. Шутка ли – главный купец в области! В наше время хронического дефицита всё может достать. От комбикормов до полевого бинокля. Утром на его машине мы покатали в Новую, чтобы заодно присмотреть местечко для его будущего бунгало. Он любит порассуждать, как выражается, «о философских материях». Впрочем, человек неглупый, знающий себе цену, которую подаёт с восточным самолюбованием. Место мы нашли. Над крутым склоном Валдайского озера, неподалёку от разрушенного храма, где когда-то стоял дом помещика. Оставшийся фундамент давно заплыл кустистым дёрном. С таких высот писались шедевры, вроде левитановского «Над вечным покоем» ...

Простившись с Тофиком, я заглянул к деду Тарасу – крайний домик в Ужине, – от которого мы впервые узнали о Новой деревне. В кухоньке старуха спокойно переспрашивает: «Дедушка? А дедушка аккурат как три года помер. Завтра как раз и помянуть надо бы. На свой день рождения перехватил красненького, кровоизлияние в мозг и – готов. "Бабка, а бабка," – позвал он вечером. – "Чего?" – "Я обосрался". А я под него газеты подложимши, Женюшка, медсестра, научила. Он опёрся на локотки, задницу поднял, я из-под него всё вытянула, вымыла его и сама легла. Свет не гашу. Сколько проспала, не знаю, на часы не поглядела. Проснулась, вижу, костель стоит на полу и рука на нём. Подошла, а он и не дышит. Весь красный, налился. Я руки склала на груди, одеялом лицо прикрыла, свет опять не гашу. А у самой грудь схватило. Как же, товариш мой помер... В конце-то он уж совсем плохой стал.

Штаны, бывало, сам не натянет. Одна соплина (штанина – А.З.) на ноге, вторую никак не поймает. Всё хотел на текунок сходить, в ложбинку. Там водичка целебная, особенно для глаз. А я накануне сон видела, печку будто топила – к печали. Да... Так вот и похоронили дедушку, товарища моего...

Тогда-то я ещё в могоутах была, стопочку выпивала. Грудь здорова была. А теперь что – оханьё да креханьё. В прошлом году, на Троицу, гости приехали из Москвы. Мне – выпей да выпей! Зять возьми и ковырни из бутылки в стакан – полный. Я выпила. А на-завтра – ой, тошнёхоноко, ой, смерёдушка, ой, грудь схватило, ой, Царица Небесная. Гости уехали, я осталась одна, маюсь. Сноха-то моя така собачливая... Живёт в Новотроицах, а никогда не заглядывает... В поле пошла, птёшечки поют, а у меня слёзы катятся».

Сегодня утром сижу на крыльце, перед глазами далёкие ели берендеевского леса. Вдруг влетает «Жигуль», и в нём Тофик, сам трёх. В третьем узнаю человека, которого приметил в обкоме партии. На одном из этажей рядом с милиционером маячил мордатый мужик, угрюмый и набыченный.

– Я вас хорошо помню, в обкоме встретил, – не сдержал я своего удивления.

– А, это мне втык делали, на ковёр вызывали. У меня зрительная память плохая. Пока с человеком пять раз не выпью, не запомню.

Оказался начальником леспромхоза. Тофик привёз его на «место» – оценить, прикинуть, подсчитать. Я воспользовался случаем и поехал с ними в город. И снова началась цепь замечательных совпадений, продолживших ту, первоначальную, приоткрывшую мне чудесную помощь свыше.

Сначала, разумеется, к секретарю парткома. Квадратная челюсть, квадратная голова, квадратные чёрные очки. Принял сразу, как только обо мне доложили. Очень у них гостеприимно получается выходить навстречу гостю из-за стола. Необычная для их сана и вида церемония.

– Ну, что ж, давайте, живите. Может, кружок журналистов будете вести при школе или в городе.

– А почему бы и нет?

И про себя: уж я их научу правду видеть, будущих журналистов...

Забегая вперёд, скажу, как однажды мы выпивали втроем: он, я и начальник леспромхоза. В каком-то полемическом кураже я прочитал им стишок:

*Вы гражданку судите напрасно.
Никакой она вам не злодей.
Если не украл у государства,
Украдёшь у собственных детей.*

Оба опешили, не знали, как реагировать. Подвёл я каждого. Такое сказануть **при свидетеле**. Случись что, третий-то слышал, придётся свидетельствовать.

Смутил я их, лучше бы **такое** с глазу на глаз. Как мне Тофик про разные бесчинства. При свидетелях он о бесчинствах не заикается.

Председатель райисполкома встретил не так приветливо. Молодой малый, говорит отрывисто, высоким голосом, как будто твякает. Ему тоже звонил Цалпан, проинструктировал, какого содержания заявление я должен оставить. Деталь важная. В заявлении должна быть зацепка, чтобы в любом случае меня можно было щелчком сшибить.

– Вообще, мы нарушаем закон, делаем это в порядке исключения, учитывая вашу профессию, – протывкал он, снижая голос до сожаления, мол, на преступление идём...

Вызвал заместителя, и мы с ним стали искать по телефону Молофеева, могущего выдать мне одну сотку земли под дом. Всё те же инстанции, та же карусель.

Зампредседателя знаком с отцом Арсением. Он однажды зашёл в храм по своим административным делам и, не зная, как обратиться к священнику, смущённо топтался возле свечного ящика. Отец Арсений сам подошёл к растерявшемуся чиновнику и протянул руку. Тот обрадовался, как утопающий – жердине, и, ухватившись обеими руками, затряс её.

Он слегка заикается, пальцы, перелистывая бумаги, дрожат, как у сильно пьющего человека. Во взгляде подавленность, но

и расположенность к незнакомому человеку, какую я часто замечал у алкоголиков.

Молофеева мы нашли внизу, на первом этаже, и он написал очень важно и неохотно записку Тане, своей секретарше.

– В тот раз вы судились, я выговор схлопотал, Прокопьева в сторону, а мне выговор.

Стоявший тут Попов, который теперь руководит на месте Прокопьева, заверил: «С ним решено, с ним решено». То есть со мной.

Я торопился на обратный автобус, чтобы не ночевать в городе. И поспешил к секретарше Тане, пробежав три километра минут за пятнадцать. Успеть, пока Молофеев на совещании. Она должна выдать земельную справку. Но Тани не оказалось на месте: в магазин привезли масло. Но вот, наконец, с кульком масла является Таня, справка у меня в руках и я, снова бегом, к Молофееву за подписью. Успел. Совещание ещё не кончилось.

И тут я обнаружил пропажу своей записной книжки, этой книжки, где описан визит в обком и многое другое. Я живо представил, как Таня, намазав хлеб маслом и откусывая его, разбирает мой почерк и листает страницу за страницей... Номер её телефона не отвечает. Зачиталась Таня, за уши не оттянешь, будет, что поведать начальнику.

И снова трёхкилометровая дистанция, приёмная Молофеева, за столом в уголочке Таня, а под стулом возле дивана дремлет моя записная книжица.

В сельсовет распоряжение пошло по телефону, по той же проторенной столбовой, чтобы никаких подписей. Председатель сельсовета Случкина заартачилась: «Я документов оформлять не буду, пусть письменное разрешение дают. А то как в прошлый раз... Пусть через нотариуса заполняют, а я не буду». Я набрал номер телефона её начальника, объясняю причину и передаю ей трубку. Первые её слова «Не буду, и всё». Потом пауза, слушает. Потом: «Что мне нужно делать?»

Ей нужно было оформить мне договор. До автобуса оставался час, она пошла домой, якобы за бланком. Без пяти два, её нет,

подходит автобус... Придётся завтра снова приезжать в Шую.

– Ну, что – встречает меня на остановке в деревне Евгения Матвеевна – можно поздравить, есть договор?

– Нет. Завтра с вами поедем.

– Едрить твою мать! – восклицает женщина.

И вот мы снова в Шуе, сельсовет замкнут, а дом Случкиной открыт. На цепи рвётся, неистовствует собака – воплощение моей неудержимой ярости. Наполовину вымытый пол, ещё мокрый, ведро с тряпкой. Спряталась Случкина, завидев нас...

В Шуе на почте я дал телеграмму Цалпану, и на следующий день секретарша Галя прибыла на утреннем автобусе с договором в портфеле. Кликнули меня, Евгению Матвеевну – Гале на этом же автобусе уезжать, – и у всех на виду, под раскидистым вязом, мы поставили свои подписи. Толпа новодеревенских пассажиров, перестав калякать, воззрилась на процедуру.

2 июня

10 дней как мы в деревне. Впятером, зимой родилась Полина. Неделя ушла на уборку дома, двора, на мелкий ремонт, на огород, который закладывал на сей раз по целине, рядом с домом. Вытаскал вёдер двадцать кореньев и столько же камней.

Все дни вскляночку были заняты "бессмертным" бытом. Как только отсеялся, взялся за переводы долганской поэте-сы. Примериваюсь, топчусь, приглядываюсь... Совершенно слепые подстрочники. Чтобы как-то войти в атмосферу долганской жизни, перечитываю В.Г. Тана, много писавшего о Чукотке. Надеюсь, что Таймыр от Чукотки удалён не дальше, чем долганы от чукчей. И там, и там Север. Хоть пейзаж, хоть погоду подсмотреть, – чего нельзя извлечь из подстрочников.

Переводы спасают нас. На полученный аванс мы закупили продуктов, смогли нанять машину и как-то, строжайше экономя, расходует остаток аванса здесь. До осени, конечно, не дотянем, но можно одолжиться у отца Арсения, в полной уверенности, что в октябре получу 60% гонорара и расплачусь с ним.

Уже собираются в стайки местные и приезжие на каникулы ребятишки. Страшно видеть, как обнажён в них до крайности разрушительный инстинкт. Убить шмеля, разметать построенный из кубиков город, оторвать головы всем цветам. «Всем-всем-всем!!!» Так и сказал внук Карташова Павли, когда я пожалел проступившие на припёках веснушки мать-и-мачехи. «Всем головы оторву. Всем-всем-всем! И тебя не боюсь!» – огрызнулся трёхлетний малыш.

Мать прижила его, не помня с кем, когда Павля отбывал тюремный срок. С этого "приблудка" – Павля иначе его не называл – и началась в семье распря. Он стал лупить обеих баб – жену и дочь, запил, попал в больницу, потом снова на год в тюрьму, и теперь живёт отдельно, бобылём.

В прошлом году он помогал мне пилить лес и забыл у меня свой топор. Так и не пришёл за топором до осени. Я, уезжая, передал инструмент соседу, а у того топор спёрли. Он должен был бы сказать Павле о пропаже и отдать свой. Но то ли позабыл, то ли не посчитал нужным. И вот теперь, встретив меня в магазине, Павля прохрипел: «Топор-топор-топор!» Искореженное лицо его перекопилось ещё страшнее.

Как-то утром слышу: мирная беседа, мат-перемат, под моим окном. Его голос и пастуха Виктора. Значит, Павля в подпасах. Выношу ему обёрнутый в тряпицу новый топор.

– Здорово.

– Здорово-здорово, – отвечает скороговоркой, чуть заикаясь. И протягивает трёхпалую лапу.

– Хоррроший топор, – оценил он, – пусть полежит под брёвнышком, вечером заберу.

Вечером шагает впереди стада, ходко, прямым к нашему дому. Как будто весь день только и жил этой новостью. Принял у меня свёрток и зашагал дальше. Ни слова благодарности. «Жарко в лесу», – процедил сквозь зубы.

В прошлом году он надул меня на крупную сумму. Напилил леса вдвое меньше, чем было определено в лицензии, и мне пришлось снова выписывать лес, и снова поить тракториста, и самому валить недостающие стволы.

4 июня

Из Москвы пишут: Коля Г. ушёл из семьи. Бросил двоих детей, жену и тещу, умирающую от рака. Начитался Розанова, написал произведение в духе этого декадентского мыслителя, влюбился в красивую женщину и – ушёл. Бог ему судья. Но всё, что теперь он сочинит, для меня обесценено. Потому что каждое слово подтверждается поступком, как денежная купюра, обеспеченная золотым запасом. Иначе слова обесцениваются, происходит девальвация слов.

Весной обокрали нашу сельскую библиотеку. Редкую по составу и количеству книг в такой глуши. Она меня крепко поддерживала. То Пришвина возьму перечитать, то Глеба Успенского, то что-то из неп прочитанных и неизвестных; а Пушкина брал каждый год, у них здесь трёхтомник, большая серия библиотеки поэта, с комментариями Томашевского и Цявловского, не вошедшими в своё время в полное академическое. Сталин якобы отсёк, попеняв им: это вам не полное собрание комментариев к Пушкину, а полное собрание Пушкина. И словарь Ушакова я брал... Но словарь, кажется, на месте...

В краже библиотеки подозревают Евгению Матвеевну и меня. Милиция навела справки и убедилась, что я приехал двумя неделями позже ограбления. Но слух пущен и вряд ли теперь изменится. Е.М. доложила: «Манька Филькина grit, что Зорин носил книги мешками ко мне в сарай. Будто огородами, ночью».

Видя такой оборот дела, я попросил Е.М. подробно написать о краже. Всё, что ей известно. А известно многое: милиции раскрыть хищение ничего не стоило. Дважды от дома Поляковых ночью отходила машина, тяжело гружённая и крытая брезентом. Полдеревни задумалось – и чего это в город от Поляковых возят?.. Картошку они не растут, клюквы столько на целом болоте не собрать, да они и не ходят за клюквой... «А милиции невдомёк, – продолжает Е.М., – 4112 наименований исчезло. Собрания сочинений Чехова, Дюма, Толстого,

Пушкина, Проскурина... Я инвентаризацию делала, слёзы ручьём лились. У Филькиных свет до утра горел, когда к ним милиция приезжала. Манька, нажрамшись, песни орала, я заснуть не могла. И Толька Поляков там гулял. Утром за самогонкой прибежал к Нюрке, опохмеляться». Сбивчиво, с оглядкой на окна, рассказывает мне заведующая библиотекой, верный коммунист Е.М.: «Замок на наружной двери трогали, я там жжёные спички нашла. Но влезли через окно, раму приподняли, она на гвоздиках. Книги в первый раз взяли не все, куча на полу оставалась. Они ведь дважды наведывались. Я в первый же день вызвала милицию, а милиция приехала только после второго захода, после второй кражи. Одна книга на полу увалена – «Чаадаев» Лебедева. В темноте обронили. Вы эту книгу в прошлом году брали, там ваши пометки... У Карташовых 22 мая с 12 часов дня стоял грузовик крытый, номер 38–42 ГБ. А меня, завбиблиотекой, следователь так и не вызвал. Странно, не правда ли, меня обокрали, я заявление писала, а мои показания оказывается не нужны».

Одна из мыслей, мною отчёркнутых в «Чаадаеве» и выписанных в тетрадь, была о любви к отечеству: «Прекрасная вещь – любовь к отечеству, но есть нечто ещё более прекрасное – это любовь к истине. Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине создаёт мудрецов, благодетелей человечества. Любовь к родине разделяет народы, воспитывает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур; любовь к истине распространяет свет знания, создаёт духовные наслаждения, приближает людей к Божеству. Не чрез родину, а чрез истину ведёт путь на небо».

Зимой Е.М. приняла роды у дочери этой самой Маньки Филькиной. Дочь живёт в Бойнёве, не успели отвезти в город: поздно хватились. Кроме библиотечного, у Е.М. медицинское образование. Она не сразу согласилась – дело ответственное и подсудное в случае неудачного исхода. Муж плакал, да и то правда: до города не доехать. А Бойнёво от Новой в пяти километрах, сани у порога. В роддоме, потом, молодой матери

сказали, что роды приняты первоклассно. Это в домашних-то условиях.

Прошли роды, мать выписалась из больницы, ходит в библиотеку за книжками. И ни спасибо, ничего... «Привёз мне дров её муж, выгрузил, я ему говорю: «Чем возьмёшь – водкой или деньгами?» «Деньгами», – отвечает. С тем и уехал».

Люди, не знающие Бога, выросшие на пайке социалистической морали, оголились до предела. Человеческое исчезло в них даже во внешности. Спившиеся калеки, обрубки с выломанными носами, раздувшиеся бабы в ватниках и в резине. Вот Пустова, бывшая бригадирша, а ныне завпочтой.

Женщина, до неё работавшая на этом месте, тоже читала письма, но хоть молчала. А при Пустовой вся переписка обсуждается деревней, как последние новости.

Долгая тень от берёзы ложится на луг. Время покоса, но косы отбили от рук.

Или проворные руки отбили от кос. Дудки взошли на излучке. Лог бузиною зарос.

Птичьего щебета грозди в тёмных кустах над водой. На захламлённом погосте столбики со звездой.

Чудом спасённые липы в усадьбе – из прошлого взмах... Звероподобные типы в ватниках и сапогах.

Мерзость и запустение? Но и ромашковый дым в долгую пору цветения.

Было ли место святым?..

Опять напился Федя, заезжал в гости. В тавоте, в мазуте, в настезь распахнутых ватных штанах ввалился в избу. На ногах тапочки. Храбро прошагал в красный угол, под икону, шевельнул раз-другой языком, увидел спящую в кроватке Поленьку, чуть-чуть смутился. Вышли на крыльцо. Я думал, он опять за водкой, "заноздрило, дак...", нет, просто пообшариться, поговорить.

Старший сын его сидит в тюрьме. Отец не знает за что. От него нет писем, и «она» (жена) не пишет. Младшая, Галька,

Дар Валдая

осенью пойдёт в школу. Я подарил ей книжку в твёрдой обложке – сказки Андерсена. Смотрю, она в песке ею копает яму. «Ты знаешь, что это такое?» – спрашиваю. «Не-ка» – отвечает девочка, пристукивая, книжкой, как лопатой, песочную горку. Но, наверное, я её смутил. Отошла и свирепо втоптала в землю своим ботиком замешкавшегося в цветке шмеля.

Как-то я заглянул к Феде в дом. Раскрытая постель, серая тряпка, именуемая простынёю. Федя, трезвый, лежит в мазутных штанах и телогрейке. Как выяснилось, он так и спит, в одежде. Раздевается раз в неделю – в банный день.

Из моей половины окно выходит на дальний бор с островерхими шапками, куда сейчас скатывается огненный, в маслянистом мареве, шар.

Вчера ещё в окошко моё заглядывала берёза. Её молодые ветви свободно шумели и полоскались в тёплом дождике. А когда напал ветер, они вытягивались и летели мимо окна, трепеща серебряной чешуёй листьев. В эти мгновения берёза была похожа на нимфу Сиригу, убегающую от лесного Пана.

Но не лесной Пан догнал Сиригу. Догнала Федосья Фёдоровна, моя соседка. Земля под моим окном – её. Пришла сегодня с лестницей и с тесаком и настригла молодых веток для банного веника.

– Далеко ходить не могу, – объяснила, – хромаю, вчера уби-лась об железину.

5 июня

Вчера снова прилетел в Новую Тофик – жаждет безотлагательного строительства.

6 июня

Каждое утро я сажаю Настю на раму своего «Прогресса», и мы катим к Валдайскому озеру. Вся поездка с купанием, переодеванием, собиранием шишек на обратном пути и любованием пейзажем с горы, где стоял дом помещика, занимает 40–45 минут.

Мелькают серые стволы берёзовой аллеи.

– Пап, а аллею дядя помещик посадил? А что с ним сделали? Его убили, да? А зачем? Его убили пистолетом?

Дома – общая утренняя молитва. Настя слушает Евангелие, повторяет прошения... Но как только прозвучит последнее Аминь, она срывается, как щенок с поводка, и даёт волю своей резвости.

7 июня

Ложимся не раньше часу. Столько мелочных дел попадаетея под руку, что раньше и не получается. К тому же в 12.00 еле еле слышен «Голос Америки». Я ловлю его, как редчайшую бабочку, осторожно удерживая на двух роликах – на волновом и усилителе громкости. Его бомбят, как опаснейший объект противника. В сплошном гуле разрывов различимы отдельные слова на русском языке. Сквозь сплошную ковровую бомбёжку пробивается всё же слабенький родничок, и мы с Танюшкой припадаем к нему после долгого трудового дня.

Нынче холодно, и я не взял Настеньку на озеро, о чём пожалел, растираясь вафельным полотенцем, как наждаком. Ледяная вода не даёт остыть человеческой теплохладности.

На обратном пути заехал в библиотеку за Ушаковым – четырёхтомным словарём. Он потрёпанный, потому его и не спёрли. Е.М. ни о чём, кроме кражи, говорить не может. Прощмыгнула на почту Панька-парторг, зыркнула в мою сторону, не поздоровалась. Прошла, высоко подняв голову, медсестра. Тоже ни звука на моё «здравствуйте». Я ведь у них на подозрении.

Панька – депутат местного совета Прасковья Филипповна Куприна – успокаивает Евгению Матвеевну:

– И чего ты ревёшь! Подумаешь, книги! Жопу ими подтереть, твоими книгами!

Ревёт Е.М. не из-за книг, а от обиды, что её в этом происшествии не заметили, даже не вызвали в прокуратуру...

Более двадцати лет она работает библиотекарем. И по долгу службы стерилизует вверенный ей участок идеологического фронта.

– Ежеквартально я списываю до 300-400 книг по разным причинам, – говорит она.

– По каким?

– По ветхости, по старости и ещё...

Я смотрю на неё с любопытством, догадываясь, по каким ещё...

– Об этом не имею права говорить.

– О том, что изымаете книги, которые вчера хвалили и предлагали читателям? Об этом, да?

– Там поумней люди сидят, откуда списки приходят. Знают, что делают. А я мелкая сошка.

Однако "мелкая сошка" знает, кому служит и кому безоговорочно подчиняется.

Операция по уничтожению книг простая. Вынуть карточку из каталога и из книжки, сжечь, а саму книжку в кучу. Раз в квартал отвезти кучу в районный отдел культуры. И всё, с неё ответственность снята. И не прочтёт какой-нибудь Ванька Жуков ни Солженицына, ни Астафьева, ни Владимира Максимова, ни Виктора Некрасова.

Но в отделе культуры научились из высочайших предписаний извлекать прибыль. Книги эти идут на чёрный рынок, как и те, что отбираются при обысках. Тофик мне эти фокусы объяснил. Чёрного рынка в Новгороде нет – по той причине, что быстро обнаружили бы секреты его пополнения. Книги отправляются в Москву, в Питер, в крупные города, где их за большие деньги покупают любознательные книгочеи, вроде отца Арсения.

Настя любит общество. Но общество местных детишек опасно – никто им не прививал культурных навыков. А дикарские – у них в крови.

– Настенька, ты хочешь быть взрослой девочкой?

– Хочу.

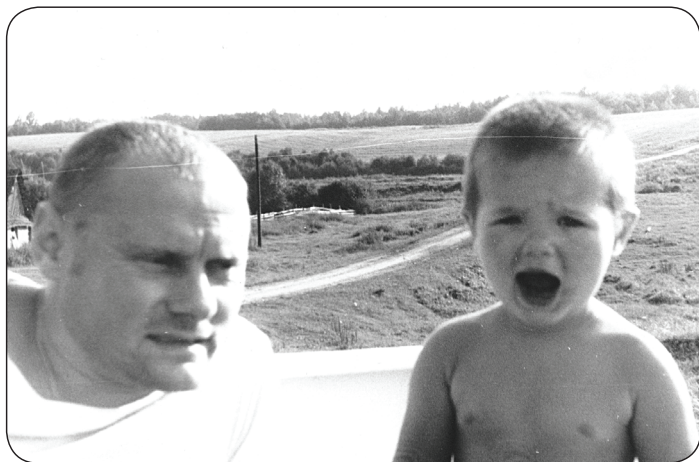
– Для этого ты должна научиться играть сама с собой, играть одна. У тебя много игрушек и книжек. Придут подружки – хорошо. Не придут – тоже хорошо, и ты не плачь, не горюй по ним.

Комары – хитрющие. Нападают в основном с тыла. Зудит, зудит такой налётчик над головой и сядет не на лоб или руки, а непременно сзади на шею, на плечо, на босые ноги под столом.

С обеда пришёл Сергей Волов пилить дрова, остатки сены, которые мы раскатали в прошлом году. Я давно заметил, что он самый добросовестный человек в деревне. Пилим бревно. Попадается гвоздь. Если поставить пилу до гвоздя, полено получится коротким: коротышей придётся больше пилить, если после – длинноватым, для печки непригодным. Он никогда не поставит после.

– Иваныч, давай я тебя постригу, у меня машинка своя – хошь под бокс, хошь бобриком, хошь совсем наголо.

Мы с Настей выбрали наголо. У неё ладная головёнка, формы лесного ореха.

8 июня.

Ветреный день. Берёзка под моим окном протягивает руки в полёте. Не все, однако, обрubiла ей Федосья Фёдоровна. По широкому полю перед лесом проходят большие тени от облаков, пролетают тени поменьше. А то вдруг всё поле затмится на минуту, и вновь наступает медленное просветление.

Настеньке скучно одной. Она преобразается, когда Таня или я оторвёмся от своих занятий, пойдём с нею за щавелем в поле, или поиграем в прятки, или прочитаем сказку. Нет времени заниматься детьми. Оставлена единственная возможность – зарабатывать им и себе на хлеб.

9 июня.

Встаю в семь, а за переводы сажусь не раньше двенадцати. Столько дел надо разгрести по дороге к письменному столу. Наконец посадил крыжовник, привезённый из Москвы. Две недели он стоял в дёрне, укоряя меня своим увядающим видом. Загодя вырыл яму, ей надо обветриться. Торф, навоз... перемешал хорошенько, обильно полил. *Господи, помоги укорениться этому кустику, чтобы он на будущий год порадовал нас ягодами. На рынке они дорогие и нам, Сам знаешь, не по карману...* Поливка далеко: колодец метров за двести, пруд ещё дальше. Для огорода вода из колодца слишком студёная, а корыта, чтобы заранее наполнять, у меня нет.

10 июня.

Дети со всей деревни – под нашими окнами. Визжат на качелях, грохочут на терраске, возятся, а чаще дерутся. Основные развлечения – дрательные, щипательные, ругательные. Настя без остатка растворяется в этом компаньонском бульоне. Уже заметны у неё новые интонации, словечки, ужимки.

Тут же Юрка Карташов, что откручивал головы цветкам мать-и-мачехи. И великовозрастная Наташа.

– Наташ, у тебя нет платка нос вытереть?

– Нет, – ответила Наташа и проворно втянула носом всё, что разливалось под ним.

14 июня

Троица. День рождения Насти. Был в городе. Причащались. Вела себя в храме прилично, бесцеремонно заглядывая снизу в лица женщин, когда те кладут земные поклоны. На кладбище, что рядом, народу гораздо больше, чем в храме. Поминают усопших. Пьяные валяются и на могилах, и между могилами.

А утром в автобусе две старушки с берёзовыми букетами. Сели в Терехове. Ну, думаю, хоть в Терехове нашлись православные, вспомнили про храм. Ни одного человека из деревень по нашему маршруту за пять лет я в храме не видел. А тут – едут. Другие две попросили у них веточек, и те охотно поделились. Но одна сошла в Шуе, другая в пригороде, а две, о которых хорошо подумал, направились в противоположную от храма сторону. А зачем о них плохо думать! Церковь давно скомпрометирована в их глазах. Безбожная власть потрудилась на славу. Вот они и бегут от храма подальше. Наверняка где-нибудь собираются на дому, поют праздничный тропарь.

В автобусе, на переднем месте, где пышет теплом от мотора, пригелась старушка, приговаривает: «У, лежаночка! У, хороша!»

Чуть было не отменили дневной рейс. Многим пришлось бы ночевать на станции. Но – подали автобус с опозданием на три часа. Водитель, развлечения ради, открыл одну дверь. Всё равно ведь обилечивать будет, когда люди рассядутся. Автобус не с нашей линии, и водитель чужой. Смотрит в зеркальце, ухмыляясь, как люди давятся: молодёжь впереди, автобус берут, как винный прилавок. Старики пережидают, когда молодёжь рассядется. Мы с Настей тоже не торопимся. Она притихла, как воробышек, не понимает, что происходит.

Вспомнилось мне одно дорожное впечатление. Автобус отошёл из Новой в грозу, которая упала на деревню, как ночь. За стеной дождя ничего не видно на расстоянии вытянутой руки. В Ужине села бабушка. Та самая, к которой я зашёл однажды, накануне дня памяти её «товаришша». Пьяный тракторист задел край её сарая (сарай здесь называют конюшней)

и разворотил ветхое строение. «Тридцать лет конюшня стоит. Пока старик был жив, никто не трогал. Помер, и началась разбой», – жалуется она шофёру. – Милай, ты скажи мне, где повёртка на Ящурово. Теперь дороги новые, я по старой ходила. А теперь не знаю». «Зачем тебе, бабка, в Ящурово в такую непогоду?» – осведомляется водитель. «Я к нарушителю еду, который мою конюшню нарушил. Что ж он думает? Конюшня мне нужна. Как без конюшни! Дровишки бросить, курёнка посадить. Будет он строить, аль нет? Я в суд подам».

У поворота на Ящурово бабуля сошла. Дождь еле стихнул, но ещё лупил по крыше автобуса с железной силой.

На переднем сидении громоздится тулово Толи Полякова. Автобус почти пустой, слышно, как он вполголоса рассказывает соседу: «Дура бабка, куда её понесло... Этот, который сломал, два ящика вина купил нашей бригаде: сделаете, мужики? Сделаем! Сняли нас специально на день. Мы вино выжрали и распозлились. А щас – некогда уже. Щас – на покосе».

Придёт бабуля к нарушителю, поговорит с отцом, матерью, если застанет... Да ведь нарушитель-то исправился, испустил грех... двумя ящиками вина.

16 июня

Набежавшие холода уходят. Небо завалено облаками. Маленькая Света про него сказала: «Небо как будто распахано».

У озера море цветов. Луг набирает красоту и силу. Выглядывают фонарики фиалок. Настенька восторгается. Все цветы хочет подарить бабушке.

Поляков с прошлого года задолжал нам 10 рублей. Таня встретила его в магазине, отвернулся. Меня тоже избегает, прячет глаза. Не дать денег, когда просят, – нехорошо. А дать – врага наживёшь.

Выберутся счастливые полчаса, мы с Настенькой летаем по окрестностям на велике. Она водружается на раме, как брюловская наездница. Вдруг на дороге заяц. Копошится, что-то вынюхивает. Подпустил нас метров на двадцать. Сделал стой-

ку и – дёру. Остановился, соображая, что к чему. Видит, погоня, и ещё пуще – пулей! Где ж нам угнаться.

Великая книга Марка Поповского «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга». Париж. 1979 г. Из библиотеки отца Арсения. Довольно потрёпанная, а значит, многими прочитанная: молодыми людьми, которые в приходе составляют уже видимое, уже заметное ядро. Одна такая книга способна перевернуть сознание советского человека, особенно если оно ещё не очень замусорено.

Это совершенно новый подход к личности святого в русской житийной литературе. Жития, собранные в Четых Минеях, создавались по определённому канону. Они копировали традиционный тип святости, из которого едва-едва проглядывала личность святого. Малосодержательные исторически, они не являются документом. Анонимные авторы вовсе и не задавались этой целью. Георгий Федотов считал, что Россия промолчала своих святых, что «безмолвная святая Русь, в своей оторванности от источников словесной культуры древности, не сумела поведать нам о самом главном – о своём религиозном опыте».

А между тем «Жития» были популярны в народе. Их читали куда охотнее, чем Евангелие. Евангелие нуждалось в объяснении, хотя бы во время церковной проповеди. Но мало кто из священников был на это способен, а позже мешала и формальная процедура: каждую проповедь надобно было согласовывать с архиереем. Короче, народ не знал Евангелия и ответы на многие вероучительные вопросы пытался найти в доступной житийной литературе. Он обращался к Житиям за живым примером, который, увы, существовал вне исторического контекста. Контекст был ни к чему – русский крестьянин жил не в истории, а в природе, в чередовании времён года.

Мифологическому сознанию хронология не нужна. На этом уровне миф равнозначен иконе. Отличие жития Войно-Ясенецкого именно в том, что здесь дана впечатляюще и достоверно панорама советской эпохи. Архиепископ Лука предстаёт перед нами в развитии, в динамике внутренних и

внешних событий. Некоторые противоречия, свойственные ему, не разрушают цельности натуры. Марк Поповский открыл новое видение святого, понимание святости на том человеческом уровне, который ранее в России был непостижим. Это видение куда ближе, чем житийный канон, подводит к источнику святости – к Иисусу Христу.

Вспоминается тютчевское, категоричное «Умом Россию не понять». Марк Поповский делает попытку **понять** и тем самым опровергает догматическую установку. Удаётся это потому, что на примере универсальной личности, вобравшей в себя научный и религиозный опыт, исследователь не отделяет веру от понимания. Христос говорил: «Исследуйте Писания, ибо... они свидетельствуют о Мне» (Ин.5:39). То есть Христос призывал к пониманию священных текстов, говоря современным языком, призывал к научному методу исследования. Метод Марка Поповского утверждает: вера немыслима без понимания. Кстати говоря, к самому автору вера пришла через понимание, через скрупулёзный анализ жизни своего героя. Он начал писать книгу, будучи человеком неверующим. А консультировался по религиозным вопросам у отца Александра Меня. Носил ему каждую написанную главу. И вот, прочитав очередную, четвёртую, отец Александр мягко пошутил: «Эволюционируете, сударь».

18 июня

Пастух Виктор смертным боем лупит коров. Неужели всегда пастухи были свирепыми? Наверяд ли... Когда Аполлон пастада у царя Адмета, нравы были не менее дикими, а коровы не более сообразительными, чем колхозные. Нет, Аполлон нашему Виктору не чета.

Вечером стадо возвращается на скотный двор через широкую луговину, здесь ветер сдувает комарьё, и коровы норвят задержаться, щипнуть клок-другой под кустиком. Виктор гоняется за ними, за отстающими, с остервенением. Хватает палку, корягу, каменюгу, что попадётся, и неуклюже, по кочкам, высоко задирая ноги, бежит за какой-нибудь одной, самой увлекшейся. «Не нажралась, блядь!!!» – слышится его истеричный рёв.

Частенько утром он собирает стадо возле моего дома. Скотина, хрупая траву и позвякивая колокольцами, подходит к самому крыльцу. И оставляет следы. Сна уже нет, и я с лопатой выхожу эти следы отбросить подальше, чтобы детишки не натаскали их в избу. Я решил попросить Виктора собирать стадо под горой. Объяснил причину... О которой он, может быть, не догадывался... «Ладно», – последовал короткий и неожиданно согласный ответ. «Господа...» – ввернул стоявший тут же Семён Пустов.

Закончил переводить поэму и беру себе отгул на два дня. Надо бы в моей половине подшить потолок. Пропадает вагонка, чего ей лежать без дела на чердаке. Да и с потолком будет теплее и уютнее в моей конуре, которую я обустроил в бывшей конюшне. Давно обшил стены изнутри, перегородку выложил из подтоварника, разобрал старый ничейный сарай за околицей. Его помнят ещё с доколхозных времён. Бревёшки выстоялись до стальной крепости. Выбираешь паз, топор отскакивает, как от железки. Раз десять, наверное, точил топор, пока обработал семнадцать брёвнышек.

23 июня

Стоят небывало знойные дни. Я решил обжечь столбики для забора. Сложил рядок, верхнюю часть приподнял на длинное бревно, а под нижней разложил небольшой костер, чтобы, покручивая их, подкоптить ту часть, которая уйдёт в землю. Но внезапно рванул ветер и брёвна мои вспыхнули разом, и пламя метнулось к дому... Хорошо, у меня в руках была вага, которой я успел разбросать полыхающий штабель.

И вдруг крики, тупой и частый стук по железной рельсе, что висит на тополе возле автобусной остановки. Балдин колотит. На конце деревни чёрный столб дыма. Таня с Настенькой остались дома. А мы с моей тёщей Клавдией Григорьевной побежали, захватив вёдра. Горела Федина изба. И соседняя, почти примыкающая к ней, уже дымилась... «Икона, есть икона в доме?» – спрашивает Клавдия Григорьевна хозяйку,

Федину мать, а та мычит что-то невнятное: «Под кроватью, под кроватью...» «Что, под кроватью?» «Казанская под кроватью...» Я бросился в избу и вытащил из-под кровати икону Казанской Божьей Матери.

Древний обычай – обежать с иконой горящую избу. Икона с окладом, довольно тяжёлая, у меня в руках, Клавдия Григорьевна рядом... Один круг, второй, курицы мечутся под ногами, чуть не упал... И – вот уж никогда не забуду этого чуда: ветер переменялся, рванул в противоположную сторону от соседнего дома, и огненные головешки, «галки», полетели метров за тридцать к сараю, крытому соломой. Туда же побежали люди с ведрами и лестницей. Но сарай полыхнул, как спичка... А этот материнский дом в двух шагах стоит целёхонек. Его с крыши поливает ведром один человек, Сергей Волов, второму на крыше нет места. И сбоку, с земли, – ещё несколько. Пар валит от стены... Но если ветер снова переменится, пламя проглотит его мгновенно. Федин дом уже спасать бесполезно, и мы с Клавдией Григорьевной носим икону вокруг уцелевшего, где под кроватью она и пролежала – сколько лет? – до оказания своей чудесной помощи.

Пожарная машина приехала к вечеру вместе с районным начальством... Выяснилось, что Галка, младшая дочка, с детишками развели костёр в сенях. «Маааленький», – пропищала Галка.

Все говорили об иконе, спасшей деревню, ведь если бы ближний дом схватился, пошли бы гореть один за одним... Дома в эту сторону стоят близко.

На следующий день приехала корреспондентка местной газеты и подробно записала рассказ Клавдии Григорьевны, из которого можно было понять единственное: Бог через икону Божьей Матери послал свою помощь. Заметку не напечатали.

Наверное, Бог действовал с разных сторон... Народ встал цепочкой от пруда, это метров триста, пруд вычерпали до доньшка. Танюша с Настенькой горячо молились. Мы вернулись часа через два, они стояли на коленях перед образом Спасителя.

26 июня

Вчерашний ураган содрал кусок рубероида с крыши моего дома. Обнажилась брешь, люди, проходя мимо, сочувствуют, показывают пальцем, качают головами. Накрапывает дождик, смеркает. У меня есть запасной рулон, нет высокой лестницы. Пришлось идти к Сергею Матвеевичу. Он встретил меня на пороге.

– Я вам, Александр Иванович, не помощник.

По телевизору идёт старинный фильм «Весёлые ребята».

– Да я не за помощью, я за лестницей.

Баба Дуня Волова узнала, что у нас в доме висят иконки, позвала зайти к ней. На столе гора разорванных «священных книг», доставшихся ей от когда-то разорённой церкви. Разрозненные листки Евангелий, тревника, псалтири. «А мне на кой, я по-старому читать не могу, – сказала она, имея в виду церковнославянский. – Возьми, если можешь».

Ураганный ветер повалил электрический столб с проводами. Стадо утром обходило это место огородами и потоптало, пастух недоглядел, Маньке Филькиной капусту. Электрики приехали только на третий день. Поковырялись, обрезали провода и пропали. И вот уже неделю, как мы готовим пищу на керосинке. Завмаг Зина керосин отпускает по настроению. «Мне сегодня хлеб привезут, буду я с керосином валандаться!»

А может, забыли про нас электрики?.. Я позвонил второму секретарю райкома. «Сейчас подключусь», – пообещал он авторитетно. А на моё уведомление (не утерпел, похвастался), что в городе в книжном магазине продаётся моя книжка, буркнул: «Поинтересуемся». Да не похвастался я... Книжка в магазине – это ведь некоторая возможность узаконить себя в их глазах.

Фиалковый луг на берегу озера изрыт тракторными колёсами. Ещё вчера фиалки стояли, как свечи, среди колокольчиков,

гвоздик, ромашек. Трактористы заехали сюда искупаться, хотя до берега от дороги не более двадцати метров. И жёрдочки, которые мы с Настей перекинули через ручей, вматы в глину.

Девять утра. Магазин на замке. Очередь жалуется: «Обещала океросинить» ... Десять ... Половина одиннадцатого ... Зина – на почте, сдаёт деньги.

– Зинаида Иванна, мы вас ждём с девяти, как уговаривались вчера.

Зинаида Ивановна вскинулась, как с цепи сорвалась.

– Господа! А печка на что! Наши матеря без керосину жили. Я на пенсии давно, могу вообще не работать! Лампу нечем заправить? А нечего и заправлять, баловство одно! Книжки в городе читать будете!

Неподалёку от скотного двора устроены бункеры, глубокие ямы, куда осенью засыпается картошка. Но то ли её хранить не умеют, то ли вовремя не забирают, вокруг этих ям ранней весной расплзается вонючая жижа, табунятся кабаны. Кабанов отпугивает сторож, бабахнет порой из старого бердана. Кроме кабанов подбирает картошку цыганка. В чёрных лохмотьях, согнутую до земли, сторож её однажды принял за зверя, чуть не застрелил.

Телеграфный столб без проводов... Чашками, как надо, оперённый, просмолённый... В кипени цветов полевых. Кругом простор зелёный – ни дороги, ни других столбов.

Дятел не осмелится стучать по оглобле голой. Не почешет боров шкуру, и бобёр не срежет. Век ему, безродному, торчать.

Кто ж его откомандировал в глушь такую... Или сам восстал из-под камня на бугре прогретом? Или ворон старый пролетал – уронил перо на месте этом?

Дрёмный лес, яруги, да луга, да болота, да гнилые гати... Ты откуда, Чёрная нога? Как тебя, к примеру, величают?..

28 июня

«Катится июнь на больших колёсах» – строчка ненаписанного стихотворения.

Уже толпами дети и взрослые ходят за земляникой. А я ещё и половины книги не перевёл, не заработал права пойти в лес по ягоды.

Приезжал Тофик – на двух машинах. В первой – сам, во второй – начальник областного леспромхоза. Третья, с его девушкой, дожидалась в лесу у Борового озера. Приехал забрать меня «на шашлыки». Девушка – его сотрудница, бухгалтер из Управления торговлей. Родители живут в деревне. На радостях, когда дочь с женихом их навестили, закололи и подарили им барана. Можно представить размеры их надежд, приложенные к дорогому подарку. Дочь уже немолода. На шашлыки из этого барана и пригласил меня Тофик. А у меня ни секунды свободной: сорок строк в день вынь да положь. Иногда справляюсь за три часа, иногда и дня не хватает. Но отказаться нельзя. Для восточного человека «пригласить на шашлык» – святое. К тому же, разве не ему я обязан покупкой дома? Вообще-то затея дурацкая и праздная – пить водку среди бела дня. А пришлось. Если бы Тофик и вправду был жених...

Он хочет из Азербайджана перевезти мать и сестру. Прописать в новом доме. Он главный снабженец области, прокормит полк своих родственников. После шашлыков в лесу маршрут наш потёк в Долгие бороды, в Дом отдыха с заманчивым названием «Лазурный берег». Где-то здесь поблизости есть правительственная дача, построенная то ли Сталиным, то ли Фурцевой. При даче аэродром, куда по несколько раз в день прилетает вертолёт. Директор Дома отдыха – румяный толстяк: борода, очки. Бывший главреж Новгородского театра. Сбежал в лес в надежде обрести покой для творчества. Рисует. Жена на сносях.

За столом, за водкой-пивом и городской, из спецмагазина (Тофик), закуской откровенные разговоры... На переезде, у шлагбаума стоит женщина с флажком, что-то записывает

в тетрадку. Леонид, бывший главреж, поинтересовался, что она пишет. Женщина отвечает: «Это моя обязанность такая – поезда считать. Они всё лес возют. А непонятно. В этом году 64 состава прошли туда, а 62 обратно. И туда брёвна и оттуда брёвна. Моё дело маленькое, я считать поставлена. А непонятно ». Директор леспромхоза уточнил: «Правильно, три миллиона кубов леса мы вывозим и два ввозим. Да чего там, в Боровичи гоним цемент, а там свой цементный завод. Беспорядок. А иначе ничего не получится».

1 июля

К отцу Арсению идёшь, как в абонемент публичной библиотеки. Занёс ему сегодня Поповского, взял – «Красный террор в России» С.П.Мельгунова. За дощатым сплошным забором – ухоженный садик, грядки необобранной клубники.

– Гниёт урожай, батюшка. Нехорошо.

– Да всё некогда. К тому же каждый день приносят...
Целый таз сегодня принесли.

У меня, грешного, мелькнуло: Настеньке бы послал кулёчек... Но попросить постеснялся. Нет, нет, он не скупой человек. Но монашеская отстранённость позволяет не знать, что на рынке и в магазине нет витаминных продуктов, необходимых детишкам. Евгения Матвеевна говорит, что дети, бывает, землю едят из-за недостатка витаминов.

На рынке я купил два пучочка молоденькой морковки и 1 килограмм розоватых помидоров, половину которых Таня выбросила, оказались гнилыми.

– А чего ты мне привёз? – встретила меня Настенька.

Обрадовалась морковинкам с мышинный хвостик и тут же схрупала их, отмытых мамой в кипячёной воде.

4 июля

Суббота. Пьяные парни гоняют по деревне на «Белорусках», как на мотоциклах. Задели тросом Юрку Карташова, четырёхлетнего мальчика. Перелом обеих ног. Манька Филькина, десятая вода на киселе Карташовым, орёт и бегаёт вокруг трак-

тора, как собачонка, лающая на слона. Из трактора вылез её сын, смущённый происшедшим. Урезонирует мать: «Тебя не (...), ты не подмахивай». Непонятно, слов не разобрать за её криком, кого она больше жалеет – покалеченного мальша или своего сына, который должен будет отвечать за содеянное.

На горке, за лесом, с прошлого года я заметил земляничную поляну и рано утром решил сбегать посмотреть, поспела ли ягода. Пospела. Красные холмики и лужайки приметны издалека. Я скорей вернулся домой, чтобы после завтрака отправиться туда с Настей. Работу отложил на вечер.

Овец в этот день пас Семён Пустов. Он видел, как я бежал на гору, и когда мы с Настей часа через два пришли к тому месту, овцы лежали в лядинке, а Семён добирал трёхлитровый бидон. Полянку эту он, конечно, тоже знал. Но ягод не касался – пусть созреют. Поняв, зачем я бежал на горку, он быстро перегнал овец поближе к поляне, сгонял домой за посудой и до нашего прихода управился аккуратно.

– Этот не упустит... – сказала баба Наталья, узнав, зачем Семён прибежал домой.

И действительно, они каждый год с зятем уезжают на мотоцикле в места, которые держат в тайне. Никогда с собой никого не берут. Привозят за день по ведру земляники, а то и по два.

6 июля

Поспевает горох – первый, доступный вволю витаминный овощ...

Тётя Нюша угостила Настеньку стаканом морошки. Неспелая ягода. Её, как и клюкву, начинают собирать до первой спелости из-за боязни, что не достанется. Кто успел, тот и съел. «На чердаке созреет, – успокоила тётя Нюша, – а лучше: в животе».

Её зять привёз вчера ведро морошки, за которым ездил далеко, на Полашкино болото, на трелёвочном тракторе. Ни на чём другом туда не добраться. Трелёвочный трактор подми-

нает деревья любой толщины. Они хрустят под ним, как косточки «цыплёнка табака». Федя в прошлом году шпарил на таком метров тридцать за двумя хлыстами, которые спилил весной на дрова. Я его пристыдил: «Что ж ты, сколько леса повалил!» «А чё, вырастет...» А этот – за ведром морошки. Полашкино болото, говорят, от дороги не близко.

Зашли с Настенькой на почту купить конвертов. Пустова спрашивает Настю:

– Ты где была?

– На озере.

– И купалась?

– Купалась.

– И не холодно?

– Не холодно, – отвечает трёхлетний ребёнок.

– А я не выношу холодную воду, – с гордостью объявляет завпочтой, похожая на бабу бульбу. – Я, сколько живу, ни разу в Валдайском озере не купалась. Нет, вру, купалась один раз, но не в Валдайском, а в нашем маленьком. В нём теплее.

– Вы же из Нелюшки, – спрашиваю, – там чудесное озеро, небось в детстве-то купались?

– Никогда.

Я купил 20 конвертов. Баба бульба отслюнила их из большой пачки, придвинула: «Пересчитайте».

Конверты оказались клееными. Я попросил другие. «Щас, заменю», – пробурчала баба бульба и достала другие, пригодные к употреблению.

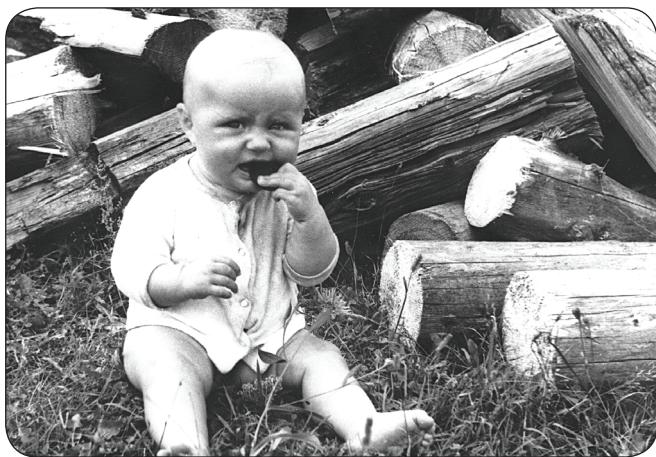
Заболела Поленька, не спит. Не спит с нею и Танюша. И Настя тоже, не перенося крика и плача сестрёнки. И сама начинает плакать. А давеча выбежала в сени, кричит: «Мам! Выбрось Полю в помойку!»

7 июля.

Огород наш не удался. Плохо проредили репу и редиску, и они пошли расти в ботву, в хряпку. Редиска тонкая, и долгая, и густая ботва – всю корове скормить. За лето раза три-четыре

надо рыхлить гряды и поливать хорошо. А у нас вода далеко, не Тане же таскать вёдра. А у меня на это должно уходить часа два в день, а то и поболее. Где же их взять... На будущий год, живы будем, раскопаю старый колодец, он где-то под горкой неподалёку, соседи помнят.

Танюша посадила Полину на травку, так, чтобы её видно было из окна. Поглядывает – на месте, что-то ладит из кубиков, гулюкает... С подветренной стороны её ограждает высокая поленница, которую я выложил недавно из свежих метровых дров. Вдруг грохот под окном... Мы, Танюша и я, одновременно выбежали из дома. Я из своего кабинетного убежища. И глазам своим не поверили. Сидит Полинка на травке, сама с собой разговаривает, а вокруг неё, сзади и с боков, громоздятся рассыпанные берёзовые чушки. Особенно устрашающе сзади. Под напором ветра поленница рухнула, да, видать, ангел-хранитель укрыл Поленьку своим крылом.

Счастливые минуты (20-30), когда мы с Настенькой гоняем на велосипеде по окрестностям. Каждому встречному она говорит «Здравствуйте!» Говорит и тем, которых догоняем. А

если кто не отзывается на её приветствие, вежливо замечает: «Тётя (чаще дядя) не умеет здороваться».

Грейдер ровняет дорогу. Срезает бугры, заполняет рытвины, велосипед мой буксует. В кабине солдат. «Распылились, – сердится баба Катя, – повезут чего-нибудь».

Это надо понимать так: перед тем как везти какую-нибудь технику (новую ракету, ночью), военные дорогу ровняют. Без этой оказии просёлок будет год разбиваться колёсами, никто не озаботится. Военные своих машин не берегут, людей тем более. А городу накладно это мероприятие, да и в обычае не заведено.

Солдат ровняет халтурно, для видимости. Что ему жалко, что ли, эту технику, которую всё равно через пару лет заменят новой? Чего её беречь и дохнуть в жарынь в кабине! Щас бы в озеро – во всём, в сапогах и в гимнастёрке... Вон, велосипедист купаться с дочкой поехал. Счастливый.

У магазина большая очередь. Завмаг с обеда не открывала. Косит сено. «Хоть бы записку повесила, – робко возмущается очередь, – написать бы куда...». Это уже намёк мне: в газету, мол, ты писатель.

Всё же в седьмом часу Зина пришла. Умолила её скотница: «Не ходить же по деревне, куски собирать. Сегодня хлебный день».

– Хоть бы записку на двери пришила, – пустил кто-то из очереди.

– На нос я тебе пришила, – огрызнулась Зина. – Целый день сидят, делать нечего, с утра бы приходили, старые ведьмы. А тебе хлеб незачем, святым духом проживёшь», – кусала она направо и налево, пока очередь не притихла, покорно сдавшись.

9 июля

День начался с маленького чуда. Вечером я горячо просил своего ангела-хранителя разбудить меня в 7.00. В отчаянии от последнего утра, которое началось в десять.

Таня с грудной Полиной спит на терраске. Часов с пяти утра Настенька хныкала, разговаривала во сне. На мой вопрос – не хочешь ли писать, отвечала «не хочу». Обычно она просится на горшок как раз в это время, часов в пять утра. И вдруг тихо, просительно, боясь меня побеспокоить, шепчет: «Пап, я писать хочу». Я быстро встал, посадил её на горшок. Взглянул на часы – 7.05.

В шесть часов, как обычно, собирали коров неподалёку от дома. Матерился то ли Семён Пустов, то ли Давыдов. Я сладко подумал, что ещё целый час – мой, и уснул. И вот ангел-хранитель разбудил Настю, а она меня. А может быть, он прибегнул к Настинной помощи, потому что меня не добудился?

У меня с ним сложились доверительные отношения. Он безотказно будит меня, если попрошу, в любое время с точностью до пяти минут. Сплю глубоко и беспробудно и, не потревоженный никем, просто открываю глаза в назначенный час.

Ангел-хранитель меня разбудил. Неощутимо перстами коснулся. Как я загадывал, так и проснулся. Свет отдалённый на землю сходил.

Плыли размытые контуры крыши. Пятна деревьев, замшелые бани. Тлеет в разбредающем тумане стог на лугу, как отстрелянный пыж.

Что это?.. Родина... Смутное дно... Пятна, чуть брезжащие, в одно спутывались и опять распадались. Это рассасывались и растворялись избы, затопленные давно.

И, не над каждой заметен трубой, дым расплетался подводящей травой.

Весь день переводы. Вечером дрова. Установил электрические розетки в сенях, на терраске повесил зеркало.

10 июля

Как выдерживает Таня! Уже давно домохозяйка, и прачка, и штопальщица. Читает ночами. Пьёт кофе, чтобы не заснуть.

Дар Валдая

Спать некогда. Днём дети, хозяйство, на себя остаётся лишь ночное время.

Танюшка, жена моя, вымыла окно. Славная, желанная, верная давно.

Будто стёкла вынула, на подъём легка. В избу небо хлынуло, вплыли облака.

Заглянула рожица, прячась в стороне. Уж закат полощется, плавится в окне.

К вечеру умаялась. Ах, метнула взгляд – птица вдруг ударилась с лёту о закат.

Примагнитил бедную отражённый свет. Наводить столь вредную чистоту не след...

Деток убаюкала. Открестила их от чудного пугала и от взглядов злых.

Не дай Бог накликаю... Села у стола с неразлучной Книгою. Благо ночь – светла.

Вот мой день: встаю в 7. Молитва, бег, купание с Настей в озере. В 11 за столом – переводы, и до 6-7 вечера с перерывом на обед.

Иногда стучится Настя: «Пап, можно к тебе на минуточку?..» Садится ко мне на колени и начинает выводить каракули в моей тетради. До 8 хозяйственные дела: дрова, ремонт, огород. В 8 едем с Настей за молоком. И только в 10, а то и позже, чтение сказок и Евангелия.

12 июля

Сегодня престольный праздник «Петра и Павла». После службы обегал продуктовые магазины в городе и, купив кое-какой продукт (пшено, подсолнечное масло, сливочного нет), заглянул к отцу Арсению. Дверь открыта. Наверное, гости; после службы – за праздничный стол. Но нет. Стол завален книгами, бельём, на полу чемоданы, сумки с продуктами, мешки и коробки с книгами.

Отец Арсений возбуждён, пытается улыбкой снять негодование, пробивающееся в сбивчивой речи. Я, наконец, понимаю, что его внезапно переводят на другой приход. Во вторник, во время службы пришла телеграмма: «Вам надлежит... переводитесь в Новгород... епископ Антоний».

Неделю назад епископ приезжал в Валдай, отслужил обедню, присел к столу, «ничего не пригубил», покосился на книги – в большинстве западные издания – и на приглашение настоятеля снова и подольше погостить, ответил: «Нет, уж теперь ты ко мне приедешь». Ни слова о переводе. Посоветовать что-нибудь, обсудить... Обсудить... Зачем обсуждать?! «Властью, данной мне от Бога, повелеваю».

Приход написал воззвание к епископу, собирали подписи, старушечьи каракули и кресты. Подписались и молодые, их в приходе человек пятнадцать. Многовато для сельского прихода. Достаточный повод, чтобы заменить священника. И конечно, что выяснилось позже, сработали доносы. Всё больше и больше в приходской жизни участвовала молодёжь, которая ходила к священнику домой, как в избу-читальню.

Я помог ему связывать книги. За толстым томом католической энциклопедии обнаружился усохший трупик мыши. «Зачиталась, бедняжка», – пошутил отец Арсений, подцепил её двумя пальцами и выбросил в форточку.

Городской пляж. Обрывки газет, огрызки, окурки, шелуха от семечек, яичная скорлупа. Урна, вмурованная в бетон, завалена мусором. Единственные уборщики – голуби и воробьи, и ещё полуслепой старик, что собирает бутылки, ощупывая пальцами горлышко: со щербинками не берет.

19 августа

В доме отца Арсения поселился новый священник, тоже монах. Переночевав, решил, что дом тесен и неудобен. Пошёл глядеть тот, в котором живёт дьякон с семьёй. Поглядел, подумал и распорядился: дьякона в свой, а этот займёт сам.

Дом дьякона стоит на шумной улице, от грузового транспорта позвякивают стёкла. Вокруг стройка. Окна нельзя открыть ни зимой, ни летом. Зато, и это главное, ближе к центру, к рынку.

Плохие вести из Новгорода. Оттуда только что вернулась Лида, навещала отца Арсения, своего духовника. Здесь она работает в ресторане, отца Арсения подкармливала за небольшую плату, носила обеды.

Как только батюшка обосновался на новом месте, расставил книги, к нему нагрянули с обыском и все зарубежные издания отобрали. Сложили аккуратно в одиннадцать брезентовых мешков и увезли. А вот что случилось позже, зимой.

О. Арсений – редкостный книголюб. Ёмкая память удерживала многое из того, что стояло на полках. Знал языки. Великим постом, в начале своего служения, выучил польский и выписывал с десятков католических газет.

Книги в Москве он покупал у барыги, известного в книжном мире. Барыга жил в районе Комсомольской площади, в четырёхкомнатной квартире, набитой книгами, как Лавка писателей на Кузнецком. Однажды и я там побывал. Все деньги священник-монах тратил на книги, зарубежные издания стоили дорого.

Библиотека о. Арсения обмелела, и он с этим смириться не мог. В первый же приезд в Москву он зашёл к Славе, так звали спекулянта; ни отчества, ни фамилии своей Слава не называл. Отобрал несколько книг, потом раскрыл номер «Граней» с бердяевской статьёй, которую, изъятую при обыске, не дочитал. И увидел на полях свои пометки... Не потрудились доблестные органы хотя бы просмотреть очередную партию товара, пускаемого в оборот. Ничего не говоря, он поставил журнал на полку и простился со Славой – навсегда.

Храм, в который перевели о. Арсения, – единственный в Новгороде при двухсотпятидесятитысячном населении. Кроме о. Арсения, служат ещё четыре священника. По воскресеньям и праздникам – четыре литургии. Отлучиться на день-два, как это было в Валдае, – невозможно. Молебны, ка-

ноны, требы. Литургия теряется в них, как скорлупка в волнах океана. Теряется и о.Арсений, когда прихожанка, женщина лет сорока, спрашивает: «Что делать, батюшка? Муж удавился, сын помер от вина, и всё в одной комнате, в которой живём. Люди советуют пол вымыть святой водой, чтоб нечистого отвадить, а то ведь и внука заберёт».

Другая прихожанка, помоложе, подошла за очистительной молитвой. Раньше роженица не должна была приходиться в храм на богослужение до определённого срока, пока, по народному поверью, после родов не очистится её организм. Сейчас это правило почти отпало, поскольку люди и так редко приходят в церковь. Но название правила осталось. И теперь женщины думают, что эта молитва очищает от греха убийства собственного ребёнка. Сделать аборт и прийти к батюшке за очистительной молитвой...

О. Арсений стал ей говорить о возможности уберечься от деторождения посредством наблюдения за собой, за своим менструальным циклом. В определённые дни, до и после него, сближаться с мужем совершенно безопасно в смысле зачатия.

Женщина вытаращила глаза на монаха, осведомлённого в столь интимных вопросах... А ещё монах, наверное, подумала она.

Второй священник, отец Агафангел, тоже монах, махнул четвертинку коньяка в алтаре на вечерней службе и вышел к старухам проповедовать. Тема проповеди – славянофилы и западники. Особенно энергично он развивал мысль о вреде последних для нашего отечества.

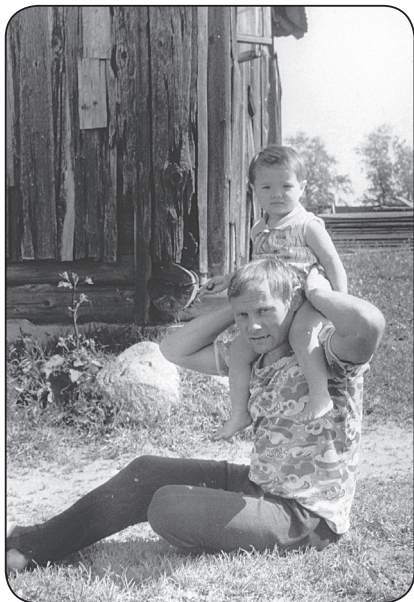
Тот же Агафангел в беспредельной благодарности бухнулся в ноги о. Арсению, когда он вручил ему 150 рублей и попросил отслужить 10 литий по усопшим. И объяснил: литовские ксендзы завалены работой, не успевают выполнить все требы. Обращаются за помощью к о. Арсению, которому доверяют. А у него сейчас цейтнот.

– Да я и за 80 вечно поминать буду, – затрепетал о. Агафангел, и выразил неопределённое желание перейти в католичество.

Дар Валдая

Он много крестит на дому. Выгодная статья дохода. «На судачка, на налимчика – надо бы заработать».

Миша Давыдов распахал мне целину под картошку. Земля бедная, бурая, вспоротая тракторным плугом. Весь день собирал камни вёдрами. И высыпал на дорогу. Теперь скорей бы разборонить, разгладить её угрюмые морщины. С чем и обратился сегодня к тому же Мише. Он их быстренько разгладил на своём «Белорусе». За что я заплатил ему три рубля и выставил бутылку водки. Тень порядочности заколебалась на Мишином лице. «Много, Александр Иванович, бутылку давайте вместе, или половину отлейте».

1983

Июнь

Баба Феня сгорела в тот год, когда я поселился в деревне. И до того слабая умом, она совсем потерялась от свалившегося несчастья, ум её совсем помутнел. Колхоз отдал ей чей-то

брошенный дом, и она жила тихо в развалюхе напротив магазина. Крыльцо скособочено, дырявая крыша, два окна без стёкол забиты тряпками. Начальство решило бабке Фене помочь, покрыть крышу. Выписали десять рулонов рубероида. Мужики, что взялись крыть, пять рулонов пропили, остальных хватило только на половину крыши – залобок со щербинами в старой дранке зиял у всех на виду.

Придёт, бывало, баба Феня в магазин, когда хлеб привезут – народу много, – и стоит рядом с весами. Кто ей пряник подаст, кто два, кто конфетину, а кто и копеечку. Она не просит, просто стоит.

Однажды вывалила на латунную чашку весов мелочь: «Свесь мне, Зин, двести граммов маргарина», – прошептала беззубым ртом.

Многие её жалели. Приносили и картошку, и тряпицу какую, и старую обувь. Только всё, что приносили, отбирал Павля, её сосед. Она безответная, да и не понимает, что к чему. И пенсию, 27 рублей, тоже выманивал Павля. Работал кормачом на ферме, неделю после полочки пьёт, закрывшись в доме, – никого не пускает и сам не выходит. А коровы не люди, неделю без корма не продержатся. Выгнали Павлю с работы. Он сунулся к соседке. А бабу Феню как раз отвезли в больницу, где она за два дня отъелась, отдохнула и прояснилась душой. Да вдруг померла.

И хоть она была непонятлива и беззащитна, но выпотрошить себя до конца не дала; какие-то деньги удерживала на сберкнижке, себе на похороны. Парторг Куприна, дальняя её родственница, про деньги знала, и знала, что сберкнижку она взяла с собой. В тот же день прилетела в больницу с требованием отдать ей сберкнижку, на которой должны быть 630 рублей. «Я на триста рублей её похороню, а триста отдам в фонд Мира», – пообещала парторг врачам.

Но объявились и поближе родственники. Сберкнижка досталась им. Тогда Куприна предъявила счёт на 100 рублей, которые она якобы истратила на перевоз бабы Фени в больницу (автобус до Валдая стоит 45 копеек). Родственники вос-

противились, но парторг пригрозила судом и свидетелями, в числе которых назвала соседа Павлю Карташова. И получив сто рублей, от соседа отделалась бутылкой красного.

13 июля

Из Москвы телеграмма: «Срочно позвони. Мама». Позвонить можно только из города завтра. Сегодняшний автобус уже ушёл.

Оказывается, у нас в квартире подтекает канализационная труба в туалете. Вода просачивается в нижний этаж. Участковый, начальник ЖЭКа, слесари, свидетельница соседка Надя вошли в квартиру, выворотив дверной замок. Перекрыли воду, составили акт, забили дверь и опечатали. Я позвонил своему другу Андрею Ерёмину, попросил, чтобы он заколотил дверь поосновательней. И всё же беспокойство не оставило нас... Из писем мы знали, что в Москве у нескольких наших прихожан были обыски. КГБ, или Георгий Борисович, как мы ласково называли Госбезопасность, всерьёз взялся за Новую деревню, отца Александра вызывали на допрос. Гебешники давно следили за нашей квартирой, зная про молитвенные собрания. Соседка Надя работала на них, о чём мы догадывались. Как только у нас собирались люди, она являлась с какой-нибудь просьбой: то у неё телефон не работает, нельзя ли позвонить, то за спичками, то за чаем...

Когда осенью мы вернулись из деревни, я открутил вентиль в туалете и с удивлением обнаружил, что вода ниоткуда не сочится. Одинокая старушка, жившая под нами, ничего толком мне не объяснила. «Заливало ли вас летом сверху?» – спросил я её. «Кто знает, дождей много было, вишь лето какое мокрое».

Теперь я уже не сомневался, что приходили **они**. Соседка же и подтвердила: «Слесари не из нашего ЖЭКа». Сказала она, что прошли и по комнатам. Зачем же по комнатам, если текло в туалете? «А не знаю», – ответила она безучастно.

Значит, поставили жучки-прослушки. Но вряд ли их обнаружишь. Тщательное моё обследование результатов не дало.

15 июля

Семен Пустов не слезает с лошади. Бедное животное работает в основном на него. Вот уж вторую неделю он возит сено, запрягая лошадь в сани. Из болота на телеге не вывезешь. А переапрячь на дороге и переложить воз на телегу, чтобы облегчить лошадиную участь, до этого у Пустова мозги не доходят. Да и не враг он себе – делать двойную работу. Он конюх, и лошади – две на четыре деревни – в его полном командовании. Никто не учитывает, сколько часов в день он использует рабочую скотину, которая стоит три рубля в час. Должна бы Любка-бригадир, но Любка поставлена на это место Манькой Пустовой, бывшей бригадиршей, и должна быть благодарной ей по гроб жизни.

Лошадям достаётся... Весной и осенью огороды, а в мае и июне проходят картошку. В нашей деревне 24 хозяина, в Новотроицком не меньше, в Ужине 9, в Бойнёве 21. А в июле и августе сено. Но на сено мало кто берёт лошадь. Обходятся обычно левыми тракторными услугами.

Конюшня больше похожа на шалаш с разодранной крышей. Её просто нет на той половине, где стоят лошади. А на другой, где лежит инвентарь, крыша сквозит, как бредень.

18 июля

Полночь. Читаю на своей половине. За окном первые тёмные сумерки. Уже совсем тёмные. Проклянулись в рдеющих облаках первые звёзды – Вега, Капелла, на Востоке бледные крапинки Пегаса. Весь день шёл тихий дождь, то стихая, то набирая силу. Сейчас смолк, и, кроме перелистываемой страницы, – никаких звуков. Таня тоже читает в избе. Тишина.

Вдруг еле слышное вкрадчивое поскрёбывание – из угла, под которым гнездится ежовое семейство. Нет, ёжик бы громко карябал и фыркал. Мышка, наверное. Дожди затопляют норы и мыши переселяются в сухие подвалы. Поскрёбывание не прекращается, как будто становится ближе. И вот из-за обивочной вагонки деловито и безбоязненно выползает ог-

Дар Валдая

ромный жучище. Огляделся, зажмурился, наверное, от яркого света лампы и не торопясь пополз вниз.

Рацион наш упростился до минимума. Картошка – варёная или жареная, и хлеб с вареньем, которое иногда подбрасывал нам о. Арсений. А ему – сердобольные прихожанки.

26 июля

Говорят, за «Точкой» много малины... Настьку – на раму и на велосипеде – туда. «Точка» – это военная часть, обслуживающая ракетную установку. У дороги каменная будка с четырьмя на все четыре стороны окошками. В будке часовой. Вглубь леса уходит забор: три ряда колючей проволоки. На Валдайской возвышенности таких точек много, судя по тому, что ближайшая за «Длинными бородами» километра в тридцати.

От будки до вырубок ещё километр. Я оставил велосипед под ёлкой, прикрыл ветками, посадил Настю на плечи, и – пошлагали. Жара сегодня +39 на солнце, атакуют слепни, чужа запах пота, под ногами искромсанная шинами колея, на велосипеде не проехать. Кое-где выступает старая замшелая гать. По сторонам дороги в девственном лесу свалены кубы бетона, металлические трапеции, рамы – железный и чугунный лом. Гигантская платформа какого-то транспорта. Такой циклопический мусор оставляет после себя война на полях сражений. Лес заглатывает эти уродливые инородные тела, кустарник и высокая трава, похожая на глубоководные водоросли, опутывают их.

Слепни врезаются в тело, как жужжащая шрапнель, Настька отбивается от них одной рукой, а другой бросает ягоды в корзинку, что висит у неё на животике. Набрали корзинку и бегом, бегом из жужжащего пекла.

29 июля.

В прошлый приезд в город я купил в магазине три десятка яиц. Таня радовалась недолго: оказалось – почти все тухлые. Я решил нанести визит райпомовскому начальству. Звоню, как только сошёл с автобуса.

– Дмитрий Иванович, я такой-то, из Москвы. Хочу зайти к вам сейчас. Застану?

– Смотря сколько будете идти.

– Минут десять.

– Застанете.

Большая приёмная, секретарша с немислимой причёской времён Екатерины Великой. «Куда прёшь?!» – было отпечатано на выражении её лица, когда я без спроса постучался в дверь к директору.

Стол буквой Т с графином. В кресле начальство, напротив, за графином, еле виден мужичонка, проситель, наверное. Протягиваю членский билет Союза писателей.

– Я работаю в газете «Правда», – решил я припугнуть начальника райпо. – Так-так, – обратился в слух Дмитрий Иванович, а товарищ за графином выпрямился.

– Наша газета ежедневно получает более 500 писем с жалобами на торговую сеть. И вот недавно я непосредственно столкнулся с тем, на что жалуются наши читатели. 12 июля я купил 30 штук яиц в павильоне напротив автостанции. Продавец Соколова. 24 яйца оказались тухлыми.

Дмитрий Иванович круглыми глазами посмотрел на мужика, сидящего за графином.

– Да, действительно, имел место тухлый товар, – прошелестело за графином.

– А почему нет рекламаций? – рывкнул в ту сторону Дмитрий Иванович и снял телефонную трубку.

– Марья Васильевна, яйца на складе есть? Когда получены? Сейчас к вам приедет Саранюк, выдайте ему 24 яйца по наличному.

Сидевший за графином оказался заместителем директора. На его машине и отправились. По пути завернули к продавцу Соколовой.

– Сейчас этому товарищу выдадут на базе 24 яйца, а вы составьте акт на активирование, – вяло приказал Соколовой Саранюк.

– Почему я? – набычилась женщина.

– У вас были куплены тухлые яйца.

– Пусть принесёт скорлупу! Что я покажу ревизору? Почему вы без скорлупы приехали?

– А действительно, где скорлупа, – оживился Саранюк, – где доказательства, что вы яйца не съели?

– Так меня бы в автобус не пустили с такой поклажей. Я бы всех уморил.

– У нас народ привычный, не такое нюхают.

Пришлось снова звонить в райпо. Передал Саранюку трубку, тот коротко ответил «есть», и мы поехали дальше.

У ворот базы ждал и чуть ли не под колёса бросился человек.

– Андрей Андреич, я два часа прошу завхоза дать машину под лук, а она отвечает: некогда. Разве так работают! Нет, так работать нельзя... Нельзя так работать, – причитает пожилой человек, мокрый от жары и скорби.

Кучка женщин в бюстгальтерах и голубых трико плещутся, как голуби в луже, под колонкой. Завхозиха среди них. Неохотно отделилась от лужи, когда подошёл Саранюк.

– Вот корреспондент из «Правды», выдайте ему 24 яйца.

О рыдающем снабженце ни слова, как будто это был призрак.

Всё же я поинтересовался судьбой страдальца.

– Нет машин, – последовал ответ.

Утром привезли 170 ящиков помидоров. После того как их перебрали, осталось 100 ящиков. Но и эти сгниют, потому что развозить не на чем.

Я не отступаю, жалею вопросами, как настоящий корреспондент.

Саранюк вяло отбивается.

– Все машины списаны, отслужили свой век. Осталась одна, и та на капремонте. Послали за лошадьё в совхоз. Да ведь и лошадей мало. Обещали прислать две телеги. Вот они и идут своим ходом из Боровичей. Хорошо, завтра добредут, если, конечно, их выслали.

На скамейке в скверике сидит старик. Грудь в медалях.
– За что медалями наградили, дедушка?
– А я не знаю, слепой, не вижу.
– На какой же войне ты воевал?
– На трёх. Я бежал, кричал УРА, а немцы меня боялись.
– А за что воевал? За кого?
– А я не знаю. Меня привезли, я и пошёл. На карпатской горе воевал. Высокая, двенадцать километров гора.

Старуха роется в урне, что стоит у входа в столовую, напротив румяного портрета Ленина. Тут же крутится ханыга. «Дай 11 копеек». Остроумный мальй, нестандартная просьба. Дал ему 20 копеек. Это было вчера. Сегодня он на том же месте. «Ну что, красенького?» – «Не пью». – «11 копеек не дашь?» – «Не дам».

2 августа

Рейки для забора я набрал из «лапши», обрезков от тёса. В спутанных отвалах на пилораме можно «нарыть» более или менее прямые рейки. Чем я и занимался целый день. Рабочий Колька уточнил: «Нароешь за день, а вечером отвезёшь». Дня мне не хватило, вечером я снова заехал на пилораму. Вижу, мужик носит из моей кучи отобранные рейки.

- Ты, что же, дружок, не видишь, что они отобраны?
- А я, х... его знает, мне сказали, бери за сараем.
- Кто тебе сказал?
- А Колька.
- Сколько ж ты ему дал?
- На две бутылки.

Я – к Кольке, смена его ещё не кончилась.

– А х... его знает, думал, ты свои забрал, – объяснил Колька, которому я вчера тоже дал на две бутылки.

В общем, разобрались, какую кучу можно рыть, а какую не трогать. Но вижу, рейки надо увозить, и договорился назавтра с трактористом Сашей, что буду ждать его в два часа.

Жду час, жду два, жду три... Может, ещё не управился с навозом, утром возил со скотного двора. В шесть часов пошёл к нему домой. Он отворил навстречу мне окошко.

– Сломался я.

– А что ж, не зашёл, не сказал?

– А я Ольгу послал.

Ольга – его сестра, здоровущая дылда лет четырнадцати. (Её бабка считает нас помещиками, уж, наверное, и внучка того же мнения. Помещики... Вся деревня видит, как я тружусь – сам венцы меняю, перекалдываю сени, крою крышу, огородничаю...). Ольга играет в куклы с девочками-дошкольницами. Приезжает в деревню на каникулы из Таллина, куда её родители перекочевали от новодеревенской житухи. Я с вопросом к Оле.

– А я прошла мимо, думала, вас нету, – не отрываясь от ведёрка с песком, ответила девушка.

– Что ж не зашла, не справилась?

– А я думала вас нету.

Глядя на неё, я вспомнил случай, о котором мне рассказал эстонский поэт Рудольф Риммель. Эстония, чуть ли не наполовину разбавлена русским населением, перекочевавшим из Псковской и Новгородской областей. На улицах Таллина часто можно слышать родную речь с характерным оканьем. Риммель однажды на лестничной площадке в своём подъезде наткнулся на пацана, присевшего на корточки за большой нуждой. Нисколько не смутившись, мальчик (русский, конечно) натянул штаны и даже не сделал попытки убежать. В «Опорном пункте» он признался, что хотел напакостить буржуям, которые живут в кооперативном доме.

Другой тракторист оказался в стельку пьяный. Жена назначила заглянуть попозже, может, проснётся.

– Приходите вечером.

– А когда вечером, поточнее, в котором часу?

– А я не знаю, приходите вечером.

Когда же тракторист проснулся, мы управились за полчаса.

Жена с малолетним сынишкой сопровождала его, втиснувшись в кабину. В кабине «Белоруся» место для пассажиров не предусмотрено. Но она втиснулась, чтобы деньги, которые я заплачу, не прошли мимо неё. Чтобы снова не надрался: вдруг угощать начнут.

Место жены в кабине «Белоруся» хоть и не предусмотрено, но узаконено. В другой раз я возил кирпич. Рядом с трактористом Женей сидела его жена, по той же причине. Сидеть ей пришлось, возили издалека, с утра до ночи.

Коля Белонин устроился на брёвнышках, в очках, читает книжку, перегнутую пополам.

Я иду мимо, он глаз не поднимает.

– Зачитался Коля, какая книжка-то?

– А не зна, какая-то, взял, дык ...

7 августа

У Давыдовых трое сыновей. Старший в этом году идёт в армию, младший кончает школу. Сегодня отец пасёт овец. Он прошёл с гуртом в 6 часов, а в 8, смотрю, возвращается, овцы неподалёку.

– Александр Иванович, поглядите за овцами, я мигом домой, может, кто из ребят попасёт. Захворал, еле на ногах стою.

Через пять минут бежит обратно.

– Дрыхнут, не добудишься, молодые, дык ...

В полдень жена Лида понесла ему обед в платочке. На обратном пути задержалась у нашего дома. Настя за что-то её благодарит, топчет босыми ножками по крыльцу, в руках румяный пирог. Личико залито ликованием.

– Папа, папа, смотри!!!

Да, детей нужно одаривать, воспитывать подарками. Не зря же они любят деда Мороза с мешком подарков за спиной ... Но здесь, может быть, Настю сразило, бессознательно, конечно, присущее ей с младенчества свойство: дарить, отдавать. Первое слово, которое она произнесла в песочнице, протягивая лопатку мальчику Пете, было «на». И ещё дол-

го в её небогатом лексиконе это слово оставалось наиболее употребительным.

Живут Давыдовы, как все. Не впроголодь, мужик непьющий, но и не в недостатке. Какое же это драгоценное и, увы, редкостное желание – поделиться тем что у тебя есть.

То бидончик с молоком принесёт, отказываясь от платы: «Что вы деньгами трясёте!», то картофельную ватрушку. Настя сияет от счастья. И это не просто симпатия или особенный интерес к нашему семейству, но – душевная щедрость, изначальная и неистребимая.

11 сентября

Вчера на картофельное поле, где после студентов картошки осталось столько, что можно было бы грести комбайном, выгнали коров. Невиданное зрелище – коровы пасутся на пашне. Хрупают крупными клубнями, корячат ноги в топкой земле. Я пошутил: «Что, новую партию студентов пригнали?»

Семён Пустов не понял шутки.

– Где? – завертел головой.

А Виктор, Пустов у него сегодня в подпасаках, отозвался:

– Эти подберут чище, да и скорее.

Семён пасёт первый год, да и последний. Зарабатывает на пенсию.

– Адова работа, – признаётся он Серёже Волову.

Раньше он работал техником на ферме. Бывало, утром мы с Настей на озеро, он навстречу нам с фермы. Уже отработал. Катит в гору на велосипеде, здоров, не останавливается.

И вдруг попал в больницу. Пошёл слух, что с сифилисом. Работала на ферме одна кралечка... Сначала её эвакуировали, диагноз не скроешь, потом – его.

Бог шельму метит... Это ему за то, что сажал здесь людей «на сутки», когда зять был милиционером... А жена – завпочтой, телефон у неё в руках. Они, да парторг Куприна, да Балдин, бывший председатель, а ныне ярый коммунист, – в деревне были Начальством. Сейчас начальство пасёт коров... Серёжа, похотатывая, качает головой: «Недоволен, адова работа...»

29 сентября

Тихо прошёл мой день рождения. Ходили на горку за маслентами, потом свернули в березняк, который всегда одаривает беленькими и подберёзовиками, сколько бы туда ни ходило народу: деревня близко. Полька уснула у меня на плечах. Заметив гриб, свистом подзываю Танюшу или Настеньку, чтобы не нагибаться, не потревожить её сна.

В этом году мы берём молоко у Ольги, Фединой жены. Она оставляет банку в сенях. Сегодня банки нет. Постучался в избу. За столом Федя и племянник Мишка, который весело болтает ногами. Смотрю вопросительно на Ольгу.

– Государству велят отдавать, – отвечает она на мой безмолвный вопрос.

– А что такое государство? – обращаюсь я к Феде. – Я, ты, она, мои малые детишки и твоя Галька. Государство – это люди.

Ольга не поняла моей мудрёной речи и повторила:

– Лидка лает: чего мало сдаёшь!

– А те не всё равно кому сдавать? – вмешался Федя.

Ещё бы! На ферму они несут молоко разбавленное, на ферме жирность не проверяют. А своим, деревенским, да и дачникам, разбавлять вроде совестно. А государству, чего там, всё равно на ферме дольют воды.

– Нам ещё две недельки, скоро уедем, – пытаюсь я воздействовать на материнские чувства Ольги. – Детишки-то без молока. А в городе ничего нет, сами знаете...

– Отдай молоко... – приказывает Федя.

Ольга обидчиво достаёт из-под оконной занавески банку.

Она в этом году неприветлива. Не потому ли, что её младшего сына видели среди тех, кто лазил в мой дом. Весной выломали дверь в подизбицу и через подпол проникли в дом. Унесли посуду, а больше ничего и не было. Их средний, шалопай-малый, кончает ПТУ, старший в тюрьме. В деревне думали, что я заявлю в милицию, и ребятишек привлекут за хулиганство. Так что у Ольги загодя ко мне неприязнь. Разве

Дар Валдая

бывает у насильника жалость к жертве! Напротив, неприязнь и опасение оправдывают насилие.

Они в деревне самые зажиточные. Когда сгорели, совхоз выделил им большой дом, бывшую школу. Помог отремонтировать. Федя купил новую обстановку... Она сейчас красуется во всём своём зеркальном блеске. Полированный сервант, кресла, в большой комнате друг на друге два телевизора – обыкновенный и цветной.

10 октября

Ходили за клюквой на Долгое болото, полтора часа в один конец. По рыжим лугам, по жёлтым лесам, по хлюпающим гатям. Клюквы пропасть. Крупная, хрустит на зубах и после первых заморозков чуть-чуть сладит. Но не успели доньшка покрыть в корзинах – Полька засунула себе в ноздрю клюквинку. Пришлось возвращаться. Но по дороге всё же освободились от страшного балласта, мог ведь попасть в дыхательное горло... У деревенских есть способ – простой и, наверное, веками испытанный: пощекотать травинкой в свободной ноздре. Пощекотали. Поленька чихнула, и ягода выскочила. Но возвращаться уже было поздно. Зато набрали на кабанью

баню. Жёлтая лужа под толстой елью, изрытая, ископыченная четвероногими купальщиками. Ель в комле тоже вся рыжая от глины, вся в ссадинах, саднящих смолой. Об неё лесные свиньи трутся щетиной, скребут бока и чешут клыки – чистят зубы.

– Это их мочалка и зубная щётка, – пошутила Настенька.

Сиротская ягода клюква. Увы, не раскидистая. Глядит лупоглазо и кругло, и тайн никаких не тая.

Не тянет на царственный терем сухой можжевельовый куст. Азарт, что ли, к жизни потерян или к пышным сравнениям вкус?

Но эта болотная кочка с окурком во мху (озерцо её опрокинуло...), точно знакомое чьё-то лицо из памяти тусклой пробилось. Затем, чтобы тут же забыл. И горестно так искривилось, когда на него наступил.

В Новотроицкое приехала автолавка. Народ её сразу окружил, подбегают бабы из Новой, спрашивают отоваренных:

– Чего есть-то?

– Макароны берут ящиками.

– А почём коробка?

– Эй, дед, на х.. надет, буханку уронил!

– Не хочет в сумку иттить.

– Винограду нисколько не осталось?

– Мокрый.

– Давай мокрого.

Продавец, стоя в кузове, покрикивает:

– Чего хлеб плохо берёте? В понедельник этот же привезу.

– Наша Дунька не брезгунька, мёд дак жрёт.

Мишке отсыпали горсть винограда. «Надо бы помыть» ...

– Ниччэ... Наша Дунька...

Мишка хлебает виноград из горсти, как лапшу.

Продавец, пря над толпой, щёлкает на счетах костяшками.

– Девятнадцать рублей пятьдесят три копейки, – подсчитал он бабке Наталье, взявшей буханку хлеба, три бутылки водки и одну четвертинку.

«Я-то ничего, – говорит Сергей Матвеевич, – бабка у меня кувыркается, болеет. А я чуть занедужу, брякнусь на постель, отлежусь и опять здоров.

Прошёл день, значит, ближе к ужинской горе».

В Ужине, на горке, кладбище, неподалёку от бывшего храма.

Он приложил ухо к улью, пальцем пощёлкал – не шевелятся. Значит, погибли. Значит, вратос, болезнь новая. На границе с Китаем обнаружена. Китайцы её к нам заслали. Вона, уж и в Нелюшке объявилась. Всю пасеку пришлось сжечь.

«Не рой ближнему могилу – сам там будешь» понимается буквально. Мать померла, мужики могилу копали, сын стоял в стороне.

Сон

Бегут люди, кричат, плачут дети. Высоко-высоко в небе два чёрных самолётика, словно игрушечных... Выдаёт цвет: густо-чёрный в голубом. От самолётиков отделяется капля. «Бомбу сбросили, бомбу, атомную бомбу!» Паника, бегут люди. Куда теперь-то бежать, зачем в дом? Но и у меня первое стремление – в дом, упасть под окном, прижаться к полу, к стене, как плинтус. Жалкие мои познания в ПВО: нужно ложиться в канаву, под стену, в вымоину, куда-нибудь в углубление, чтобы взрывная волна прошла *над*, а не *сквозь*.

А капля увеличивается, и уже нет времени бежать, а только упасть, где стоишь. «Господи, – говорю я, глядя на разбухающую тёмную каплю, – помилуй меня грешного, спаси...» Крещусь и падаю, закрыв голову руками.

Мощный и продолжительный шум взрыва. И я чувствую, нет, я понимаю, что тело моё начинает распыляться, смешиваться с клубами пыли, которая сейчас заслонила свет. С этого момента на земле, наверное, снова начинается дочеловеческое, доисторическое время. Я подумал или увидел, как сквозь меня, в том месте, где я лежу... лежал... оседает пыль. И проходят века, время... А может, уже и нет времени...

Проснулся я от смешанного чувства: радости и ужаса. Господи, как должны мы беречь нашу жизнь, как должны радоваться и помогать друг другу, помогать пробиваться к жизни вечной... Как должны осторожно обращаться с близкими, с родными, со всеми, с кем соприкасаешься в беспорядочном движении к ней.

12 октября

Самое ценное обретение за эти месяцы – сознание (или чувство) того, что Бог и мой ангел-хранитель участвуют в нашей жизни. За все наши хозяйственные мытарства, ущемления и огорчения, за мои вынужденные переводизмы – золотинка веры. *Господи, дай не потерять эту крупинку, намытую тяжким трудом. Она ляжет в наш духовный капитал, который необходим нам, и нашим детям, и всем, кто обратится к нам за помощью.*

Пришла телеграмма: «Машина выезжает в пятницу. Согласие телеграфируй. Саша ». Это мой друг позаботился о нашем переезде в Москву. Договорился с кем-то о машине.

Почта не работает, надо ехать в Валдай. Часа три простоя на дороге под сплошным ливнем, карауля проезжую машину. Остановилась военная. Лейтенант, узнав моё дело, предложил сам отправить телеграмму: « Ночью поеду обратно, привезу вам квитанцию. Вы в двенадцать не спите? » Полдвенадцатого, слышу, шумит машина, остановилась, сигналиит. Как его отблагодарить? Бутылкой самогонки. Он принял её с нескрываемой радостью.

1984 год

11 декабря

Это лето мы провели под Москвой. Целый год пустовал мой дом... Соседка писала, что побывали в нём «добрые люди», поживились кое-чем. «А чем – приезжайте, сами увидите». Приехать – это как минимум двести рублей... Дорога, подарки... А у нас долгов две тысячи...

И снова я взял командировку, теперь уже член Союза писателей, в Валдай, пообщаться вроде как со своими читателями. Должны же быть читатели у писателя, даже если писатель выпустил две тоненькие книжечки стихотворений.

В зале, где я выступал перед районными культработниками, сидела Гуляева Нина Даниловна. Я её не узнал. А на следующий день дежурная в гостинице передала мне её телефон: «Просили позвонить».

Четыре года тому назад она работала в строительном управлении, в РСУ, и, помнится, здорово мне помогла с пиломатериалом и с рамами. Высокая, грудастая, короткая стрижка. Женщина, заряженная избыточной энергией. Искра пробежала между нами. Но – не больше.

Звоню. Она, задыхаясь от смущения: «Надо бы встретиться... У меня партийное собрание в пять, я секретарь парторганизации...»

В половине седьмого в стеклянные двери гостиницы вошла представительная дама – меховое манто, белый шарф.

Улыбнулась. И представительность исчезла, смытая улыбкой, похожей на гримасу.

Сейчас она работает мастером в столярном цехе.

– Что будем делать? – спросил я и взял её под руку. – Пойдём в кино.

– Как хочешь, а то можно посидеть где-нибудь.

«Посидеть» означает пойти в ресторан. Я решил посидеть в кинотеатре. Картина называлась «Бежавшие из ада». Белые колонизаторы уничтожают индейцев, те мстят. Последний кадр – вопль умирающего героя: «Убей его, Гарри!» И Гарри вызывающе красиво бросает гнусного эксплуататора в ревущий водопад.

Всё к одному: примитивный фильм, примитивные зрители, досидевшие до конца (и мы в их числе), примитивные знакомства.

Я проводил её до дому и соблазнился зайти, чуть задетый её откровенным вызовом.

– У меня бутылочка есть. Была бы бутылочка, а дружок найдётся, верно?

Грубоватое простодушие не портит естественную натуру.

– Я кто? Я укротительница тигров. У меня их двадцать семь штук.

Захмелела с первой рюмки и стала рассказывать о своих подвигах, как ей удаётся давать план со своими алкашами.

Со мной она уже по телефону взяла на «ты», так что пить на брудершафт нам не пришлось.

Начала было партийно-патриотические речи, но, встретив мою реакцию, быстро их свернула. Доводы её такие же элементарные, как у бежавших из ада: партия дала мне кончить институт, когда у меня было двое детей. Капиталист не дал бы. У неё диплом педвуза, филологический факультет. Интерес к литературе не погас, в книжном магазине покупает все новинки, будь то однотомник Пушкина или Егора Исаева.

В позапрошлом году в автомобильной катастрофе погиб её сын. В машину врезался автокран, ехавший на строительство андроповской дачи. Шофёра даже не судили, а он был виноват.

– Где же мне с ними тягаться... – говорит секретарь парторганизации.

На вчерашней встрече перед культработниками я говорил о чистоте брака, о семье, о важности обязательств друг перед другом. Привёл пример из пушкинской «Метели». Она верно уловила смысл моих объяснений, и сейчас мы снова к ним вернулись.

Как же можно было принять её вызов после убедительных моих наставлений?

Когда-то отец Александр сказал мне на исповеди: «Бог, видя нашу слабость, шутя защищает нас».

Рискованные, однако, шуточки...

Я поцеловал её на прощание в щёчку, и мы дружески расстались.

13 декабря.

Грустные новости в деревне, каких я не ожидал. Начальную школу перевели в районный центр, медпункт и магазин закрыли окончательно, один раз в неделю приезжает автолавка с хлебом и с водкой. Все молодые семьи, у которых дети, перебрались в город: кто в общежитие, кто к родственникам. Сбывается давний прогноз Цалпана. Укрепляет партия центральные усадьбы. А деревеньки вроде нашей снесут и распахнут огороды, объединив их в совхозные поля.

Наверное, последний раз я приехал в Новую... «Добрые люди» поработали на славу: унесли и холодильник, и старый посудный шкафчик. Выломали потолок на террасе, в сенях, в моей комнате – кубометров пять шпунтованной доски. Втихую и в одну ночь такое не сотворить...

А ведь мы хотели остаться здесь навсегда, учить детишек в сельской школе, я бы смог преподавать литературу и русский, и английский... Мы и дочек своих родили, поселившись здесь...

– Мы нынче снегом заросли, – говорит Таня Волова, скотница. – Урожая не было, картошка не уродилась. Земля вся в проплешинах. Кака-то болезнь напала. Три года на такой зем-

ле сажать нельзя. Вот её снег и лечит. Давно таких заносов не бывало.

– Скотный двор так и не отапливается?

– Нет, что коровы надьшат. Сами себя отапливают. У них тепло... Сто голов, дак...

Сергея Матвеевича похоронили осенью. Евгения Матвеевна рассказывает:

– Я его побрить хочу, он вот-вот умрёт. Давай я тебя поброю, Серёжа. Ты же знаешь, я покойников боюсь.

– Нет, завтра поброите.

И действительно, мы с Галей его мёртвого побрили; ничего...

Умирая, он просил сестру: «А с гробом обратись к Владимиру Степановичу. Он поможет». Владимир Степанович – начальник его на последней работе.

– И правда, гроб был прислан отличный, – восхищается Е.М. – игрушечка. Обычно гробы колотят из сырых досок. А тут он своих дал, сухих.

Свистит ветер под горбылями, которыми обшиты старые брёвна, дымится сугроб, выросший под самую крышу. Я, стоя под окнами дома, почувствовал его тёмную, живую тихость. Душу живу, что затаилась под снегом. Ни укора, ни жалобы в её безмолвном присутствии. Опустевший дом, в котором осталось семь лет жизни: непраздной, освящённой творчеством и молитвой. Я как будто родился в нём. Ощущение изначального родства с этим вековечным бытом – печкой, лавкой, дощатым столом, полуслепыми окошками. Предки мои по отцу в таком и жили.

*Зарытая в мокром снегу,
оттаявшей крышей дышала
изба. Довелось на веку
сменить ей хозяев немало.
А нынче вот – ни при ком...
Шла будто с горы, да некстати
споткнулась, упала ничком...
Как все её сверстницы в том,*

Дар Валдая

*войну пережившем, бушлате.
Обрушился охнувший снег
в овраге. Вздохнула протяжно:
ступай себе, мил человек,
ступай и не медли свой бег...
Одной помирать мне не страшно...*

Валдай, Новая деревня. 1976–1984 годы

ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

Большие и маленькие фотографии на стене деревенского дома

Давно мечтал я побывать на родине моего друга в Пензенской области. Это лермонтовские места... Где когда-то, преисполненный странного чувства к Родине, любил смотреть он «на пляску с топаньем и свистом под говор пьяных мужичков».

Нет, мой друг родился не в Тарханах, но в тех же краях, где плясали и топали наверняка так же, со свистом, и где, быть может, проселочным путем скакал в телеге одержимый страшною любовью поэт.

И вот выдался такой случай, нагрянули мы в деревню Валавай, откуда Василий в 76-м году уехал учиться в Москву, да так в ней и остался.

Старики живут одни. Четверо детей разлетелись по городам и весям, но, слава Богу, заботой не оставляют. То картошку помогут посадить, а осенью собрать, то на сенокос приедут всей оравой и, глядишь, за неделю управятся, если, конечно, погода; два стога выставят под самым домом. То внучат подбросят на праздники. А летом уж обязательно – полная изба детей.

Мы приехали 8 марта, зима, ядреная и неуступчивая, обжигала морозным солнцем – в эту ночь замерз в деревне человек. Расчищенная грейдером дорога утопала в высоких сугробах, за которыми ютились низкорослые домики.

У меня нет желания писать очерк о современной деревне. Но нет резона и похоронить в записной книжке то, что я там увидел и услышал. Почти не правя текста, я расположу свои впечатления – стоп-кадры разной величины, – как располагаются фотографии на стене деревенского дома.

Старики

Библиотекаршу Любу вызвали в район, предложили обойти свои деревни с предвыборной агитацией. Разумеется, за коммунистов. Люба ходит по домам с анкетой.

– Дядя Саш, ты будешь за Зюганова голосовать? Ты коммунистом был.

И ставит против дяди Сашиной фамилии галочку.

– Я – как начальство велит, – соглашается дядя Саша. – А там посмотрим... Они у меня всю семью выколотили, – говорит мне дядя Саша, – двух сестер убили, три брата на Севере сгинули.

– У коровы нюх хороший. Она сено очень любит, которое с ягодой. Я корову не буду продавать, – рассуждает Анна Степановна. – Пусть, когда меня понесут, тогда и ее поведают.

– Мясо продавать – одна обдуваловка. Повез на комбинат, сто двадцать километров. Дороги – сам знаешь какие, привез кожу да кости. За девятнадцать тыщ продал, а тут инфляция. А в этом году решил: лучше своим зарезу. Стал бычков забивать для себя. Лежу зимой и думаю: внучки мясо едят, суп хлебают.

* * *

Зачем вам три телевизора?

– У одного все частя выдраны, – отвечает Анна Степановна. – А этот, цветной, куплен на похороны. В сберкассе нынче деньги хранить опасно. Я пока в больнице лежала, он, – Анна Степановна показывает на мужа, – купил цветной телевизор, чтобы, если помрем, продать и нас похоронить. Мы в него и не смотрим. Он так новый и стоит. – И добавила удрученно: – Давление с меня в больнице сбивали, никак не сбили.

* * *

На два месяца задержали пенсию. Наконец выдали. А ночью к соседке пришли какие-то в масках: «Давай деньги!» – и горячим утюгом по рукам. Две полученные пенсии им отдала. «Давай еще! Мы знаем, у тебя есть». Связали ее и ушли. Всю ночь веревки грызла, ей семьдесят лет, зубы крепкие.

* * *

В окне промелькнет то собака Бимка, то хоровод собак, то дровни с сидящей прямо, как на полотнах Венецианова, бабой, то кто-нибудь из соседей; из каждой жилой избы провожают пытливым взглядом: куда человек пошел – к Маньке, к Петру или на скотный двор?

– Кто-то поехал...

– Ленька. Возит опилки. У него кабанчик.

* * *

– Что же я никак не умру, я, наверное, двухсердцовая, – вздыхает бабушка Оля. – Голода все пережила... Горели, строились, делились, а там дети свои пошли. Весной, бывало, круг дубьёв обтает, травка, я сяду, раздумаюсь... Каша-то какая из лебеды хорошая... Листьев липы натолкем и пышек напекем. Жили, не умирали... Ходили с ведрами на спиртовой завод, там отбросы от картошек в отвале. Отберешь какие покрепче, хотя там один крахмал да черви. На заводе бунт был в тридцать первом году. Двух милиционеров живьем зарыли, вверх ногами.

У Славки слабоумного хобби: отрубать кошкам хвосты. Что с дурака возьмешь! В тюрьму не посадишь, а штраф ему платить нечем. Предупреждали, грозили – не отступает. У поддеревни кошки бесхвостые.

Когда крушили церковь, его мать, тетя Катя, забрала домой много икон.

– Славка, – говорит она, – все лики на иконах папиросками спалил. А была хорошая – Троица. На ней нарисовано, как Спаситель пришел к Аврааму в гости.

Авраам спрашивает Сарру: чем будем угощать? Сарра отвечает: у нас продуктов много – виноград, блюдо с мясом, чашка с вином.

Всем известно, что тетя Катя из-за веры отказалась от пенсии. Не желает ходить в должниках у князя мира сего. Но скрывает истинную причину. «Не могу детей обижать, – объясняет мне, приедем к человеку. – Одному дашь, другому нет. А их у меня семеро. Пусть мать кормят...»

Вошел Санька, мальчик лет 12. Вошел без стука, не здороваясь, сел на лавку. Анна Степановна дала ему конфету, он сунул за щеку, фантик бросил на пол. Посидел, поглазел минуту и так же беззвучно исчез.

– Его отец, тракторист, в прошлом году помер, лег под гусеницы.

– Пьяный?

– Трезвый, экспертизу делали. Учетчица его послала в соседнее село боронить, культивировать свеклу. Слышит, трактор тарахтит, а ни с места. Подошла, а он под гусеницей. Трактор на нем остановился, на тихом ходу был. Поговаривают, с женой повздорил, шестеро детей...

«У нас на месте гибели, по дорогам или в поле где, часовенки ставили – кресты с откосинами. «Упокойник Фрол»,

«Упокойник Никитин». Старинный обычай. Секретарь райкома увидел и приказал поснимать. Собрали – и в овраг. С тех пор не ставят».

* * *

Иконостас с бумажными иконами, обложенный фольгой, елочными игрушками, «дождиком». На окнах живые цветы в чугунках, в ночном горшке, в кастрюле. На чисто выбеленных стенах, как ордена, сияют семейные фотографии. В доме тепло и солнечно. Были бы потолки повыше, в углу могла бы произрастать пальма или лимонное дерево, как у председателя колхоза. Ему дом возводили из сосен, которые сажал еще немец Бетинг, до революции. Но у колхозников потолки низкие по причине экономии тепла, окошки без форточек. Лесов в этой местности мало. На строительство такого дома идет осинка, паз плотно не ложится, и поэтому стены изнутри штукатурят глиной. Природа сама определяет кубатуру и формы жилого помещения. Но при советской власти дело приходилось иметь не только с природой. Когда Гулины сгорели, осину на новый дом пришлось испрашивать аж у самого правительства. Местные власти не смели распоряжаться природными ресурсами, и погорельцы писали письмо Председателю Верховного Совета Ворошилову. Письмо дошло, лес был отпущен, правда, только на полдома. Вторую половину добирали горбылем и остатками от старого, сгоревшего. Как-то отстроились...

– Не без Божией помощи, – уточняет Анна Степановна. – Мы ведь с ним венчались в пятидесятом году. Я ему говорю: «Я без венца за тебя не пойду». – «А я партийный...» – «Ну, тогда иди домой». А ему денег было жалко. Он с войны припас пиджак себе купить. Но понял, что я не шучу. Поехали в Апрелевку венчаться. Февраль, метет, двадцать пять километров до церкви. Приехали, служба уже кончилась, но батюшка все равно повенчал. Мой говорит: «Я партийный». А тот ему: «Ну и хорошо, сынок, Бог в сердце». Обратного поезда опоздали, добрались до полустанка в двенадцать ночи.

Стучимся в сторожку: пустите погреться. А нам стрелочница отвечает: «Не пущу». Но потом пустила. Погрелись и пошли в метель. Утром ведь на работу. Заплутали. А мне соседка дала шаль на венчание, чтоб покрасивше под венцом стоять. Забеспокоилась соседка, уже сутки нас нету, шаль ее пропадет. Побежала в правление, подняла всех на ноги, оттого-то и узнали, куда мы отправились. Выехали навстречу, едут, кричат, мы на их голоса вышли. А после на ячейке моего выгнали из рядов. Но в районе не пропустили. Не разрешили выгнать.

* * *

Брат с братом повздорили из-за хомута. Делили хозяйство. «Мишк, я тебя убью!» – хлоп из ружья – и убил. И пошел домой, лег отдыхать. Жене сказывают: «Петька твоево убил». Она принеслась домой, мужик мертвый. Бежит к Мишке, а он отдыхает. Она взяла постель да по голове, два раза. «Ах, ты отдыхашь, мово убил!» И насмерть. Оправдали.

* * *

Первые годы коллективизации. Организовали коммуны. Объединили скот. Начали землю обрабатывать. А кушать надо... Принялись за скотину. Съели всех коров и баранов, и коммуна разошлась.

Тогда еще в селе церковь действовала. Бывало, дождя нет – идем к колодцу, или к роднику, или к речке и там молебствуем. А священник с нами не идет. У него барометр. Придет, когда увидит, что барометр бурю показывает.

Секретарь парторганизации говорит: «Вы все тут молебствуете, дождя просите. А мы нынче природой управляем. Хотите, завтра дождь будет?»

* * *

– Баптисты не нашей веры, нельзя нам с ними, грех. А это чего?

– Библия.

– Ты сам ее написал?

– Ну что вы...

– А говорили, ты писатель. А правда, что Христос еврей был?

* * *

Корова, купленная у хозяина, зарегистрирована. Но агент настаивает: страхуй опять. Михаил Иванович никак в толк не возьмет: корова одна и та же, она ж застрахована! «Сколько ж надо платить?» – «Восемьдесят тысяч». – «Это ж голый обман. За одну корову два раза плати. Вот как нас, православных, обманывают!»

* * *

– В Библии писано: Адама похоронили и посадили три зернышка – кедру, кипариса и еще какое-то, не помню. И на том месте выросли три дерева – крестом. И про иное писано у Зинки. У нее Библия есть. Она в рай попадет, она ее всю читает.

Мы на «родителей» собираемся, кто блинов, кто пышек, песку принесем. Чай кипятим, поминаем.

Нагрели смолоду, а теперь хотим не то что в рай, а поближе куда-нибудь... Я попаду в рай, я терплю больше всех. А Нюшка – в ад, она скандальная.

Наш директор давал автобус в церковь на первой неделе поста. А нынче не дал, поломались.

* * *

– Она навзничь упала, юбка задралась – и весь грех наружу.

– Отчего же грех?..

– А потому, через это место мы все грешны.

* * *

Все вместе стоим перед иконами на утренней молитве. Василий вслух читает правило, сложив ладони лодочкой на груди. Анна Степановна останавливает: «Зачем ладони так складываешь? Это грех. Так католики складывают, а у нас, православных, руки по швам и крест широкий».

Утро перед отъездом. Василий перезаряжает фотоаппарат, чтобы сделать последние снимки. Мать нервничает:

– Хватит зрятиной заниматься, прямо казнь, остался час до отъезда.

Надо распихать по рюкзакам и сумкам деревенские гостинцы: сало, морковь, связки лука, тыквенные семечки. Часть овощей предназначена для сестры и брата.

– Он всю спину себе сломал, йим везет... Возьми шаболы назад, вон у меня сколько, – показывает Анна Степановна на платяной шкаф.

Шабола – лубяная вещь из материи. Половая тряпка – шабола, и кофта шерстяная импортная тоже шабола.

– Вась, отвези шоколадки-то детишкам, – просит Анна Степановна.

– Оставь себе.

– Да мне зачем? Укол когда сделать. За укол разве отдать...

Фазенда

Прилипчивы причуды заокеанского кинематографа, вприснутого в российскую глубинку. Фазенда – так в деревне окрестили фермерский хутор, на котором поселились четверо братьев. Один вернулся из Тольятти, где у него трехкомнатная квартира, другой – из Москвы, двое работали механизаторами в совхозе и жили с родителями. У всех сельскохозяйственное образование. Взяли в аренду землю, построили два дома (двое семейных) и впряглись в дело, которое, рассчитывали, будет зависеть от их старания, от их умения. Но, увы, Пензенская область ни климатом, ни историей не сравнится с бразильской провинцией. В шикарном названии хутора сквозит легкая усмешечка, с которой пожизненные члены коллективного хозяйства встретили попытку основать хозяйство индивидуальное.

Мартовский слепящий снег режет глаза, разговаривать на улице трудно. Николай, старший из братьев, пригласил в дом: «Ненадолго, знаете, сейчас весна, посевная на носу, день год

кормит». У него черное, продубелое на ветру и солнце лицо, открытый взгляд человека, надеющегося только на себя.

– Хвалиться нечем... Таких хозяйств, как наше, должны быть сотни, чтобы мы могли поддерживать друг друга. А в области величиной с Францию нас всего четырнадцать. Государство нас стрижет под машинку, кредит дает под сто восемьдесят процентов в год. С советской властью, с нашим совхозом, договориться невозможно. Они в нас чувствуют конкурентов, за навоз и то дерут втридорога. А на гектар самое меньшее сто тонн нужно, чтобы земля что-нибудь уродила. Земля насмерть истощена. Здесь ни одного червяка в земле не шевелилось. А мы известкуем, навоз даем, червь появился. Сеем пшеницу, ячмень, овес. Сажаем картошку, да везти некуда. Совхоз не берет, а в городах душит рэкет. Привезли в Москву – всем давай: дорожным бандитам, участковому, налоговой инспекции, ГАИ. Только встал на рынке, подходит милиционер – требует сертификат качества. Через минуту второй... И каждому отстегни. Я рэкету уже полсуммы дал, но, вижу, от машины картошки мне шиш останется. А они все идут... Я по газам – и больше в Москву не ездук.

Или пшеница. В прошлом году возили на рынок. По пятьсот рублей за килограмм, меньше, чем на элеваторе. А на элеватор сдашь: «Денег нету». Получишь в апреле, когда они в десять раз уменьшатся. Так что соглашаешься и по пятьсот, хоть живые деньги. На железки, на топливо где взять? Качество техники дрянное. Год всего проработал на «ДОНе», полетел движок.

Завелся Николай, накипело...

– Мы говядину продаем по семь тыщ, а посредник в Москве нагоняет до двадцати восьми. Сюда в район по семь договорились. Привез, а ставят по пять, категория, мол, не та. Не хочешь – поезжай обратно.

Невыгодно держать скотину. Мясо, молоко девать некуда. Бидона три сами же разберем, остальное телятам.

Еще два года на таких условиях – и не выдержим. Я в городе восемь часов отработаю, приду домой – телевизор смотрю. А

тут – ни сна, ни отдыха, один сплошной день. Устал. Фермер, наверное, на комплексное хозяйство должен выходить. Выращивать продукт и тут же перерабатывать. Нам молокозавод нужен, колбасный цех... Совхоз это понял, обзаводятся и тем, и другим, и третьим.

– Совхоз, понятно, вам не помощник, а вы ему?

– Мы молоко людям отдавали, огороды пашем, кладбище огородили...

Анна Степановна жалеет их, бедолаг. «Сроду не забуду, – говорит она, – дождик порет, гроза и буря, а они на себе трактор прут».

Крёстные

Васины крестные живут на самом конце деревни. Загадочно и безучастно мерцают зимние звезды. В морозном воздухе ощутимее стальная стынь космоса. Неужели душа, покидая землю, летит туда, в зияющие пустоты, сдавленные ледяным пространством? Человеческое воображение не может оторваться от земных реалий. Бессильно представить те пределы, где ни пространства, ни времени уже не будет...

Дверь была заперта. Постучались. «Кто здесь?» – «Свой». – «А и свой-то бошку отшибет, – приветствовал нас дядя Вася, в честь которого был назван крестник. – Раньше мертвецов боялись, а теперь живых. Жизнь пошла распутная. Входите, не пугайтесь, мы теленка в избе держим».

У печки, раскорячась на высоких ножках, как былинка покачивался белолобый теленочек. Толстая веревка сдерживала его прыть. При виде вошедших телянок заволновался, застучал копытцами в мокрый пол, скользя по нему и брыкаясь. Дядя Вася, разговаривая с нами, глаз с теленка не сводит и мгновенно хватается за ковш, когда тот (та?) вздымает хвост для естественной надобности.

Дядя Вася сейчас хворает. У него защемление грыжи.

– Ты вот в колдунов не веришь, – обращается он к крестнику, – а мне килу подвесили. Иисусова молитва не помогает.

Намедни сидели вечером с другом, выпивали по маленькой, на печке кто-то шевелится. Друг нож всадил в стол, она с печки шась – и на мельницу.

– Кто она?

– Кто? Кто? Колдунья! Знаю кто.

Отпав от телевизора, включилась в разговор тетя Люба. Говорят они одновременно, не мешая друг другу, как два ручья, слившиеся в одном русле.

Прошлым летом всех потрясло убийство, которое совершил тихий работающий мужик, недавно женившийся на вдове.

– Ему жену нашли с девочкой, – уточняет тетя Люба. – Девочка заболела. Шепнули, что испортила колдунья. А эта, на которую он думал, на самом деле колдуньей не была. Ее тетка – да, настоящая, но она давно умерла, а люди толковали, что перед смертью передала племяннице. Брехня. Я с Манькой, покойницей, дом к дому жила, следила за ней, ничего она не ворожила. Ну вот, – продолжает тетя Люба, – приходит он к ней вечером... Она подумала, наверное, за бутылкой: договорились, что он дров утром привезет, а у него в руках топор и икона. «Молись, – говорит, – колдунья», – это он на следствии рассказывал – и по голове. Отсек руки-ноги, сложил все в ларь с зерном. А через сколько-то дней пришел к другой старухе, тоже с иконой, но та закричала, парни гуляли неподалеку, ворвались в дом, скрутили. А у него список был заготовлен: еще сколько-то порешить...

– Колдун родной внучке блюдечко с медом подает, – это уже голос дяди Васи. – А по краям блюдечка лягушата прыгают. Может, и не было лягушат, но он ей сделал. Его все боялись. Раз на свадьбу пошел, Клавка Елдыхина говорит: «Я ему щас сделаю, у него скулы кровью покроются». Нарвала черемухового цветку, накрошила в чай: «На, выпей». Он выпил и всю деревню задом бежал, кровь на скулах.

Дядя Вася прервал рассказ и схватился за ковшик. Ковшик, привязанный к длинной палке, вовремя подоспел куда следует, и дядя Вася управился, не вставая с лавки. Он завершил свой рассказ дельным советом:

– Если видишь в окно, колдун идет, сразу ухват переворачивай кверху, чтобы не наворожил.

Разговор перешел на фермеров. Тетя Люба вдруг взвилась, как на собрании. Орет, машет руками. Глубоко запавшие глаза ее грозно сверкают.

– Надо с них, с арендаторов, драть! Кулаков развели! Я против всех фермеров! Пускай работают в совхозе! Они какой брали кредит!! Ничего йим не давать, все у них отбить!! Одна семья изо всей деревни землю взяла, ни твои, ни мои не смогли бы! Это все неправильно!!

Не перебивая ее крика, дядя Вася рассуждает о другом:

– На праздники грех работать. Я на Страшных днях в лес пошел – ногу подвернул. На Покров взялся крышу латать, сверзился с крыши, месяц в больнице пролежал. На Пасху соседи картошку сажали, уродилась с горох. А мы неделей позже – здоровущая, с колесо.

Тетя Люба закончила свою гневную речь и теперь вспоминает про молодость, про сады, которые оставались от барина... «Некому было сады обрезать, повыводились. Так и стояли густой стеной, пока их бульдозером не спихнули в овраг. В садах и сирень росла, и квяты, и груша баргамот... А теперь ни одного пенечка».

Похороны

В ночь с 7 на 8 марта замерз Василий Степанович Силков. Местный участковый передавал по телефону в район сводку: «Покойник вышел из дома в пять вечера с бутылкой в кармане. У Неклюдова был в девять. Неклюдов пить отказался, я, говорит, остепенился, пить не буду, а ты ступай домой. Покойник пошел на целик, оврагом, с дороги свернул, шапка с головы слетела, он и уснул».

Дорога, что ведет на кладбище, спускается в овраг, как раз мимо того места, где замерз Василий Силков. В овраг, к лёжке, протоптан широкий след – и теми, кто его вытаскивал, и любопытными, пожелавшими посмотреть на страшное место.

Процессия человек из пятидесяти продвигается по дороге, запорошенной свежим снежком. На выходе из села последняя остановка. Иконы, табуретки понесли домой, и черный гроб поплыл на плечах дальше. Под гробом головы мужиков, среди которых одна без шапки. Это сын умершего Вовка. Он успел, прикатил из Мурманска на собственной иномарке. Утром заезжал к Анне Степановне, он ей племянник, предлагал отвезти на кладбище на машине. Анна Степановна отказалась, сославшись на болезнь. У племянника мутный, блуждающий взгляд, лицо землистого цвета. Пышная меховая шапка надвинута на глаза.

– Тебя не узнать, Вовк, – говорит Анна Степановна. – Ты где работаешь, все пожарником?

– Нет, я коммерсант.

Его коротко стриженная голова, сбоку у гроба, возвышается над остальными. У мужчин перевязана полотенцем левая рука. У женщин поверх платков и шапок косынки. Таков обычай. И то и другое из дома умершего отдается потом на память о покойном. Анна Степановна говорит, что у нее и полотенцев и косынок припасено достаточно. «На всех хватит, кто придет».

Как только процессия доползла до кладбища, взметнулись рыдания, запричитали вопленицы. Но «вопят», как здесь говорят, не только над свежим покойником. Женщины-вопленицы разбрелись по родным могилам, безутешно и долго оплакивая свое горе. Каждая – свое. У вырытой могилы тоже. Туда спрыгнули шестеро мужиков, чтобы принять гроб на руки. В этих краях над гробом сооружают накатник из дубовых плах. Для того, чтобы гроб подольше оставался в целости, не скоро сгнил. Своего рода саркофаг, забота о теле после смерти, продление жизни на полутораметровом подземном уровне.

Я вспомнил стихотворение Лермонтова «Выхожу один я на дорогу», одно из любимых, которое, однако, никогда не было мне до конца понятно. О каком сне – не летаргическом же! – говорит поэт: «Я б хотел забыться и заснуть! / Но не

тем холодным сном могилы.../ Я б желал навеки так заснуть/
Чтоб в груди дремали жизни силы,/ Чтоб, дыша, вздымалась
тихо грудь;/ Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,/ Про
любовь мне сладкий голос пел,/ Надо мной чтоб вечно зеле-
нея/ Темный дуб склонялся и шумел».

Как будто накатник из дубовых досок удерживает про-
странство, в котором грудь может тихо вздыматься, сохраняя
в себе жизненные силы... Конечно, в Пензенской губернии,
а ныне в Пензенской области нет и не было таких дубов, ко-
торые бы вечно зеленели, и, конечно, не земное древо имел
в виду поэт, размышляя о вечной жизни. Загадочные стихи...
Может быть, совсем некстати вспомнившиеся мне при виде
этого погребального обычая, существовавшего и сто, и более
лет тому назад.

Бовка летает по деревне на своей «Вольве», развозит с по-
хорон старух.

– Ты домой, Вась? – остановился около нас. – Щас я этих
отвезу, тебя подброшу.

– Спасибо, – благодарит Василий, – мне прогуляться хочет-
ся, год в деревне не был.

Мы шли по верхней улице, которую прозвали Нахаловкой.
Здесь живет начальство, которому «корма всегда привезут!».
Сюда проведен газопровод. Тонкая нитка труб тянется по-
над домами, поддерживаемая частыми опорами – атрибута-
ми inferнальных сюжетов Сальвадора Дали. У кирпичного
коттеджа труба возносится П-образными воротами, чтобы
машина с сеном или с кормами могла подъехать поближе к до-
му. Здесь живет зять директора совхоза. Кроме него и самого
директора, ни у кого этой привилегии нет.

Скоро пришел с похорон и Михаил Иванович.

– Старинные люди лучше вопили, – делится он впечатлени-
ями, – они и про церковь помянут.

– Колбаса была? – поинтересовалась Анна Степановна.

– Нет. Пирог, картошка, квас, шпроты, два киселя, крас-
ный и белый, горох. – И добавил: – Из Васькиной могилы
много мослов выбросили. Но потом опять закопали.

Мы решили почитать вслух апостола Павла, где он говорит о смерти и воскресении, и таким образом помянуть умершего. Только Василий раскрыл Евангелие, мать взялась убирать посуду, сгребает очистки, ходит по избе. Василий шикнул. Мать села. Слушают.

– А Меринов тоже был, – сказал отец, думая о поминках, на которых все же выпил одну рюмку вина. Ему нельзя, врачи не велют.

Председатель

Каких только аббревиатур не накушалось русское общество в XX веке! КРОП, МОПР – язык сломаешь. Однако язык не ломался, и какой-нибудь ВОХР существовал десятки лет на полных правах с другими словами нашего великого и могучего. Совхоз сегодня называется ТОО, а расшифровывается как Товарищество с ограниченной ответственностью. К председателю ТОО, в правление, я пришел в семь утра, как он мне накануне назначил. По правде говоря, я хотел побывать у него дома: дома человек виднее во всем имущественном и семейном антураже. И заявился вечером, но председатель вышел на крыльцо и объявил: «Приходите завтра в контору. Я дома не принимаю».

– Раненько вы на пост заступаете, – приветствовал я председателя, который встретил меня радушно, как старого знакомого.

– Извините, что вчера не мог с вами побеседовать, только с работы вернулся. Жена в отпуске, хозяйство на мне: корову подоить, корма задать поросенку, курам, управляюсь за полночь.

– А к семи снова на службу?

– Да нет, я здесь в шесть как штык. У меня планерка в семь заканчивается, люди в семь на своих местах должны трудиться.

– Когда ж вы завтракаете?

– А я не завтракаю, у меня завтрак и обед совпадают.

– Ваш совхоз считается богатым. В то время, когда коллективные хозяйства хиреют без государственной дотации.

– А и нам без дотации тяжело. Какие мы богатые?! Развиваемся. Закладываем производства. Молочный завод, колбасный цех. Пиво обязательно буду варить, у нас ячмень хороший родится. А начали мы с мельницы и с пекарни. У нас булка хлеба вдвое дешевле, чем в районе. Мог бы бесплатно пенсионерам давать, но – опасно. Хотя бы символическая плата за хлеб, но – нужна.

Эта деревня, как и все в округе, была неперспективной до 1987 года, пока за нее не взялся новый председатель. Объединил таких же неперспективных четыре деревни. Кто-то из молодых работников, шибко, правда, пьющих, в деревнях еще оставался. Пригласил стройбригаду молдаван – подновили дороги, где-то положили новые. Начали строить дома. Пьянчужкам тоже нашлось дело – там на подхвате, там канаву вырыть, некоторые втянулись в дело, бросили пить. А вскоре восстановили школу и построили детский сад. И потянулись в Валовой прежние и новые жители. За семь лет верхняя часть деревни обновилась полностью, обстроилась кирпичными домами. Теперь в совхозе трудится 240 человек и работают уже два детских садика.

Коснулись мы и религиозных вопросов. Церковь, точнее, остатки от нее, как полусгнивший зуб, чернеют на холме, на виду у всей деревни.

– Одними штрафами дисциплины не добьешься, – сказал я. – Честное отношение к труду не навяжешь ни кнутом, ни пряником. Сегодня как никогда понятно: без церкви жизнь не наладить, без настоящей опоры.

– А я – пожалуйста! Я на ремонт нашей хоть сейчас сто миллионов дам. Давно поговаривают, чтобы ее восстановить, комиссия приезжала, да и наши старички-доброхоты туда-сюда с бумагами ездят. Но, говорят, в верхах противятся: священника будто нет, кто бы за ремонтом приглядывал и потом на это место заступил.

Выяснилось, что старухи написали письмо епископу, да некому отправить: почте не доверяют, а человек, который хлопочет о церкви, приезжает только летом, на дачный сезон.

Письмо хранилось в соседнем кабинете, у старшего бухгалтера, женщины из общины верующих. Община обращается к Его Преосвященству: «... Мы собираемся вместе на религиозные праздники – молимся, славим Господа... Вера жива, а вот храма нет. Был бы храм – был бы и священник. Появилась бы и православная молодежь. Село наше большое, одно из лучших в районе. Но село без храма – все равно что человек без головы... Ближайший храм – в селе Антоновка, прямого сообщения туда нет, большую часть пути ходим пешком. Просим Вашего благословения...» И столбиком 22 подписи. Первая Зинина, у которой Библия, она же наверняка и письмо сочиняла.

Перед отъездом я зашел в контору проститься. Председатель оказался на месте.

– У меня ближайшие планы, – сказал он и постучал костяшками кулака по столешнице, – газ провести в нижнюю деревню, где в основном живут старики. И построить Дом престарелых. Обязательно. У меня ведь двести пятьдесят пенсионеров. Дом человек на двадцать, чтобы в свой лес по грибы ходили, чтобы знали, что умрут на родине и будут похоронены по-людски, в родных могилах.

– Но ведь государство вам сейчас не помогает, а совхоз разбивается, зарплату не задерживаете...

– Правильно, государство нам девятьсот миллионов должно. Получи мы их теперь, я бы газ и водопровод в каждый дом обеспечил. А то ведь старики некоторые не дождутся. Как-то крутимся. Сеем гречку, пшеницу, просо, подсолнух – подсолнечным маслом всю округу обеспечиваем. Наше хозяйство поделено между пайщиками. Но ведь треть жителей совершенно недееспособна, курицы не держат...

– А не хотят отделиться как фермеры?

– Нет, сейчас землю в совхозе никто не возьмет. Нашлась одна семья, да сами небось не рады. К единоличному хозяйству надо народ приучать, и может быть, дольше, чем разучивали. Ведь отбили у крестьянина чувство собственника, и кто знает, на сколько поколений! Сейчас условия не сладкие, зато

свобода. Предприимчивый человек горы может свернуть. Я вот сколотил совхоз. Люди у меня сыты, на сторону не глядят. У меня принцип: сам живешь и другим дай пожить. А за пьяницами я не бегаю. Не хочешь работать – никаких тебе льгот, ни кормов, ни угодий. Не нравится, забирай пай – и до свидания.

– Вы раньше где работали?

– Сначала в районе на молокозаводе, потом завклубом, потом выбрали первым секретарем комсомола. Там сплошная болтовня, пошел завгаром, а скоро перестройка началась, я и осел в деревне. Я ведь местный. Я в городе жить ни за что не могу. На асфальт ни ногой! В деревне выйдешь на волю – широка страна моя родная! А вот и автобус, – поглядел он в окно. – Наш, рейсовый. Через сорок минут докатит вас до станции. С ветерком и бесплатно. Мы за проезд денег не берем.

Федор Евграфович

Милиционер Сергей З., бывший одноклассник Васи, живет у самой станции. Миновать его невозможно, к тому же мы надеялись, что он на милицейской машине, может быть, подбросит нас к отцу Феодору в Антоновку. На автобусах с двумя пересадками мы наверняка не успеем вернуться к поезду. Но милиционера дома не оказалось, на двери – висячий замок. Соседка разрешила оставить вещи у нее и поведала нам, почему Сергея нет дома.

– В Горловку укатил. Там происшествие. Мать своо ребенка убила. Родила и закопала в навоз. У нее уже были трое. А узнали, потому что кровотечение не прекратилось – рожала дома.

Машину нам дали в местной администрации, но с условием обернуться за час. Глава – бывший первый секретарь райкома. Политической ориентации своей не скрывает. «А я и сейчас взносы плачу», – признался он с достоинством и достал из левого кармана, что поближе к сердцу, партийный билет.

Государство всегда кормило этот сельскохозяйственный район. В прошлые годы доплачивало 50% к бюджету, сейчас 18–20. Производства заморожены, строительство тоже. Безработица. Двенадцати экономистам с высшим образованием нечего делать. 20 человек пришли из армии – деваться некуда, 36 – после заключения, и они безработные. «Как же, – чуть было не спросил я, – председатель-то из Валовой ухитрится жизнь устроить и себе, и другим?»»

У отца Феодора во дворе стройка. Все рабочие бородатые, возможно, кто-то из них священник. Действительно, им оказался невысокий молодой человек, который сразу спросил:

– А по какому делу? Что вам от меня нужно?

– Мы из деревни Валовой, хотим посоветоваться. Если у вас есть время, то мы отпустим машину, которая нас привезла. А нет, то сейчас же уедем.

– А зачем я вам нужен? – повторил он вопрос, пристально нас разглядывая.

Я рассказал о замысле восстановить храм, о письме к архиерею, которое с нами, о дельном, обещающем помочь председателе.

– Я советую быть осторожней, – прервал мои доводы священник. – Кто будет ходить в этот храм? Старухи? Они скоро помрут. Они ведь какие недоверчивые! Экономят на всем. Купит свечку на рынке и молиться приползет со своей свечкой. Ну, поставили вы храм, а как его содержать? На что священнику жить, у него ведь семья.

Я напомнил о шофере, которому вернуться надо строго вовремя.

– Подождет, – распорядился батюшка и продолжал: – Что-то ваших Валовайских я давно не вижу у себя в храме.

– Так ведь трудно добираться.

– Ну, предлог всегда найдется.

Знает ли он, что добираться сюда из Валовой надо на трех автобусах, что последний не останавливается у развилки и старухам брести еще семь километров?

– Не торопитесь. Вы знаете, кстати, что я благочинный?–

спросил он не без начальственного намека. – А знаете, если в храме держали химические удобрения, – храм мертвый, его восстанавливать нельзя. Один такой восстановили, пустили голубя, и голубь подох. Как же ж священнику служить в отравленном помещении?

Позже мы узнали и многое другое, когда увиделись с Сергеем, – до ночного поезда оставалось полтора часа.

Милиционер называет священника не иначе как по имени-отчеству.

– Федор Евграфович копейки не упустит. У него венчание и крещение самые дорогие. Прошлой весной крестины стоили семьдесят тысяч рублей. Мы венчаться ездили в другую церковь, там намного дешевле.

Узнали, что Федор Евграфович имеет две «Волги», строит сейчас еще один дом, для брата, который приезжает сюда с женой на постоянное жительство.

В поселке, что при станции, живет человек, который как-то разбогател и решил на свои деньги построить храм. Ездил в Москву, добился разрешения, получил землю и начал строить. Люди обрадовались, в поселке будет церковь, не ездить за 20 километров в Антоновку на перекладных. Но Федор Евграфович восстал и приложил все силы, чтобы храм строить запретили. Два прихода на таком близком расстоянии! Баловство одно. Федор Евграфович знает, сколько верующих у него в районе, он ведь благочинный.

Как тут не вспомнить отца Йозефа Свидницкого. Он еще при советской власти окормлял несколько приходов, расстояние между которыми было... тысячи километров! Полмесяца служил в Душанбе, на самолет – и полмесяца в Новосибирске. Или отец Анатолий Волгин. Через неделю из Белгородской области ездит он служить в Саратов, где у него второй приход. На поезде и на попутках, а была бы хоть одна «Волга», число приходов наверняка увеличилось бы.

Узнали мы от милиционера Сережи, что, кроме храма Святого Владимира, в округе никаких других церквей нет – ни католических, ни протестантских. «Живут татары, – го-

ворит он, – начали строить мечеть, но закончить не могут. Директор совхоза покрыл железом, купленным для мечети, крышу своего дома. Так и стоит второй год мечеть недостроенная».

– А как насчет криминального элемента? Много бандитов?

– Да нет, по осени мальчишки балуют – погребца с запасами курочат, иной раз на птицеферму залезут, а так спокойно. У нас здесь убивают редко. Разве что матери – новорожденных детей.

Подарок святого Герасима

У монастырских ворот остановилась черная «Волга». Игумен грузно вылез из машины, держа в одной руке портфель, а в другой коробку с мороженым. Его братия – монахи и послушники – кудрявобородые юноши. Не грех побаловать молодежь. Вот он и привез им из города гостинцы – каждому по сливочному стаканчику.

Монастырь этот когда-то стоял на столбовой дороге. А теперь затерян в лесах, далеко в стороне от пульсирующих огнями артерий. В 1929 году его прикрыли большевики и сразу стали курочить обнищавшие поселяне: все печки в округе из монастырского кирпича. Немцы тоже лапу приложили – взорвали собор: стелы и надгробные памятники веером легли у стены. Сейчас монастырь восстанавливается.

В Гражданскую, в Отечественную пули цокали по кирпичикам, надкусывали их и расщепляли. Но цементной прокладки не тронули. Не по зубам старинный раствор, по которому мастер прошёлся расшивкой – шов и поныне держится. Не стена, а печатная вафельная плитка. Лучшей арматуры при реставрации не придумаешь. Штукатурка на такую стену ло-

жится надёжно и, надо полагать, долго не обсыплется. Тем более что за работой следит сам игумен Антоний, поднявший в епархии много церквей. А одну построил заново, с нуля. Ходили слухи, что он архитектор с высшим образованием. Неправда, просто в армии служил в стройбате. Вот и все его строительное образование. Но в тонкости вник, особенно в административные – ибо храмы возводятся не на небесах.

Этой святыне более четырехсот лет. Она поросль Троице-Сергиева корня. Пришел сюда в 1528 году преподобный Герасим, ученик святителя Даниила Переяславского. Поселился под кроной дуба и стал строить себе «келейцу малу». Но наткнулся на жестокое препятствие. «Окрестные жители, – читаем в житиях преподобного, – встревоженные тем, что в соседстве с ними селится неизвестный человек, занимает их место и уменьшает их владение, начали делать ему «разные пакости». Хотя видели, что это отшельник, Божий человек, который, «живя на земле, был чужд всему земному». Охранял Герасима лишь старый ворон. Вещая птица отгоняла лютых зверей, посягавших на пропитание отшельника. Но против людей она была бессильна. Люди издевались над пришельцем, не раз избивали, вязали веревками и даже пытались утопить в озере. Святой все сносил без ропота.

Да и он жил подаянием, что с него возьмешь! И «добрые люди» поволокли его к княжескому наместнику. Тот без особых разбирательств вверх святителя в темницу. Спас его царский посланник, оказавшийся тут очень кстати. Он узнал преподобного, поклонился ему до земли и попросил благословения. Раньше Герасима часто видели при дворе московского царя, он бывал там с поручениями от Даниила, который крестил царевича Иоанна, будущего Грозного. Узник был тотчас же с почетом освобожден и отправлен в свое урочище с милостыней и особой охранительной грамотой. Великими скорбями и подвигами прививалась святая поросль в дорогобужских дебрях.

Автор изданного сто лет тому назад жития преподобного выразил церковную точку зрения на монашество и на от-

ношение верующего человека к миру. Отстраненная от мира позиция столетней давности распространена и сегодня. Прочитую еще несколько строк: «Так жизнь Григория (мирское имя Герасима Преподобного. – А.З.) как бы распалась на две жизни: одною он жил в монастыре, другою в мире; одна была тиха, мирна, другая полна огорчений и неприятностей. В монастыре все напоминало о Боге, смерти и грядущем за нею блаженстве, в мире многое отвлекало от веры и благочестия. И вот в 13 лет он решается оставить мир навеки и жить для Бога».

Слов нет, это достойный испытанный путь, но только путь личного спасения, уступавший на пороге XX века место другому пути – монашеству, идущему в мир, где под знаком материалистских идей уже утверждался закон дебрей. Путь глухого затворничества, который отстаивает автор, делит живущих на два противоположных лагеря. И выходит, что жить для Бога – значит не жить для людей. Церковь в России издавна находилась на положении резервации. Общественная жизнь обходила ее стороной. Избравшая этот путь, она оставяла мир без духовного руководства, бросала его на произвол стихий. Во времена, когда мир особенно агрессивен, когда социальные волнения достигают крайней точки, такой путь опасен для всех – и для Церкви, и для мира. За христианство, открытое миру, стояли Лесков, Владимир Соловьев, Достоевский именно сто лет назад, когда начали сгущаться тучи над Россией. Вихрь, который они принесли, смел начисто наземные церковные сооружения, в том числе и стены монастырей. И вот сегодня они на том же месте возводятся снова. Но, кажется, не прошли даром горькие уроки.

Игумен такого же монастыря, отстроеного на отшибе, говорил мне (и, думаю, отец Антоний с ним согласился бы): «Не нужны монастыри сегодня в безлюдных местах. Определенно не нужны. Что могут сделать два-три монаха среди бездорожья и брошенных деревень? Церковь должна идти к людям, а не прятаться от людей. Собираются восстанавливать "Храм" Христа Спасителя... Лучше бы на эти де-

нги молеельные дома построили в густонаселенных промышленных районах. Епископы один перед другим хвастаются: “У меня в епархии три монастыря, а у меня четыре”. Но для кого они строятся, если на воскресной обедне в таком монастыре ни одного прихожанина?..»

Об этом же я заговорил с отцом Антонием.

– Собираем деньги на камни, – сказал он, – возводим стены, а чем будем наполнять?.. Священников мало, да и обучение оставляет желать лучшего. Я думаю, потому храмы разрушенные лежат, что строили их в основном кто? Барин да купец. Блудили, пьянствовали, тиранили близких, а потом храм поставят, чтобы все грехи смыть. По корысти храмы ставили, вот они и рухнули.

Я попытался возразить:

– Но, возможно, что брошенные деревни оживут. В них поселятся беженцы, снявшиеся с окраин бывшего Союза. Нет худа без добра. Россия уменьшится, уплотнится и земля наконец-то станет культурной и плодоносной. Вот тогда и понадобятся стены, возводимые сегодня, может быть, впрок, промыслительно.

– Конечно, будущего упускать нельзя, но нужно быть реалистом. Будущее закладывается сегодня – здесь и теперь. А мы сегодня задыхаемся от недостатка духовных школ – семинарий и академий. Нам нужно священство, по-настоящему образованное.

«И монашество, – подумал я, – обращенное к миру. Ведь так возлюбил Бог мир, что Сына Человеческого отдал для его спасения».

Насельники, их вместе с монахами 13 человек, вкалывают не разгибаясь. За три года разобрали горы щебня и мусора, вымостили подъезды к воротам, залатали стены и уже наполовину побелили. Выстроили два дома, трапезную, скотный двор, ригу, главное – Церковь, которая когда-то была часовенкой, а теперь единственная, где можно служить.

– Нам, конечно, Господь помогает, – рассказывает отец игумен. – А то и святой Герасим. Бывает совсем плохо, ни копей-

ки. Глядишь, кто-нибудь едет из города, везет пожертвование. Какое-никакое, а все денежка, перебиться можно. Накануне праздника преподобного Герасима, 12 мая, я решил съездить в городской храм за второй чашей. Думаю, будет много народа, съезжу за второй, чтобы скорее причастить. Собрался ехать, в дверях мужик: «Батюшка, – говорит, – вчера копал огород, нашел церковные вещи. Потер одну чашку, вижу, не золото, на кой мне... Кабы золото было...» И подает сумку, в которой – потиры, диски, звезда, копие и лжица, большой напрестольный крест. Все это было завернуто в епитрахиль и пролежало в земле более шестидесяти лет. Заплесневело, покрылось зеленоватой патиной, епитрахиль истлела. Сколько раз хозяева копали огород – и лопатой, и лошадей с плугом, а то и трактором... Не попадался им клад. А вот теперь, на второй год открытого монастыря, в канун праздника преподобного, – нашелся. Разве это не подарок Герасима!..

– Сколько же ты хочешь за эти вещи? – спрашиваю я мужика. Ему лет тридцать.

– Две бутылки дашь?

– Я тебе тыщу рублей дам.

И дал ему тысячу, тогда бутылка стоила 5 рублей.

Утварь, так чудесно обретенную, игумен каждый вечер складывает в чемодан и уносит к себе в дом. Хотя ворота монастырские запираются на ночь и светит прожектор на колокольне. Но – береженого Бог бережет. В 20 километрах – три колонии и три тюрьмы с рецидивистами, которые, случается, удирают. Или, окончив срок, остаются в этих краях.

– Стали мы здесь жить, – продолжает отец игумен, – натуральное хозяйство. Дохода никакого: приход пустой. Корову купить не на что. Что корову, даже кур... А о лошади мы и не мечтали. Вдруг видим однажды: идет женщина и гонит впереди себя корову. 40 километров прошагала. Привела кормилицу. Да такую дойную, по три ведра летом дает молока, хоть выливай, на всех хватает, да еще остается. Сметану снимаем, творог делаем. Дальше. Староста городского храма покупает нам сорок кур. С тех пор яйца у нас не переводятся. А лошадь

приехала к нам на машине, тоже издалека. Подарок бывшего моего прихожанина. Кобыла, рождает одних девочек.

Вдалеке, на свежей пахоте, лежал рыжий жеребенок, нежился на солнышке. А рядом – понуро стоящая мамка, запряженная в телегу. Отец игумен перехватил мой взгляд:

– Лошадь – это хорошо, поэтично. Но нам автобус нужен. Два года назад еще подавали из Дорогобужа, привозили народ по воскресеньям и праздникам. А теперь билет подорожал и в монастыре – пусто. Надо свой заводить. Что стоит владыке сказать зарубежным друзьям – у него их много. Только пальцем пошевельнуть – кто-нибудь сразу подарит.

– За грибами, наверное, далеко не ходите, – спрашиваю я, глядя на чистый березняк, сбегающий с горки.

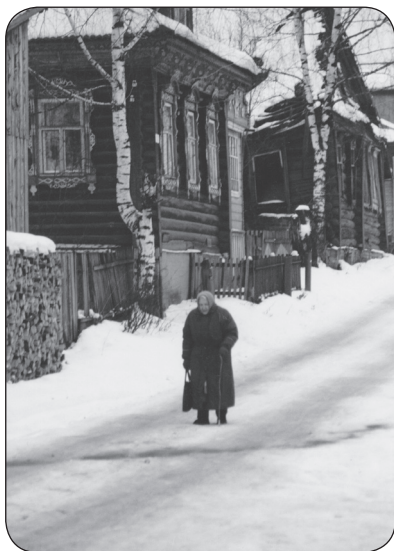
– Да, мы обычно по праздникам, после службы, всем монастырем идем по грибы – кто с ведром, кто с корзиной. Набираем помногу – белые, черный груздь. Нынче две бочки были засолены, все подобрали.

– И ягоды много?

– Много. Но за ягодами ходить некогда.

Словно перешагнув руины, на расчищенной полянке растет кедр – молодая стрелка. Говорят, посажен на месте погребения последнего игумена. И война его пощадила (собор – в крошки, а он рядом – остался), и советская власть не спишила на дрова.

Участь этой святыни в двадцатом веке ничуть не страшнее глумлений над преподобным в веке шестнадцатом... Звенья одной цепи... И за часовенкой – кряжистый дуб, отпрыск того богатыря, под кроной которого обосновался святой Герасим. И кукушка кукует – та же, что отсчитывала ему земные лета.

От скорби к надежде

Отец Виталий живет в новом районе, на самой окраине города. Трамвай тащится туда минут сорок мимо вздыбленной, разрытой земли, блочных пятиэтажек, выведенных наружу могучих тепловых и газовых коммуникаций. Изредка над каким-нибудь жилым подъездом мелькнет вывеска «Магазин», словно оповещающая, что специальных торговых помещений в районе не предусмотрено. Зашел я однажды в такой магазинчик, действительно расположенный в квартирной секции. В окне первого этажа, обрамленном цветными лампочками, светилось объявление: «В продажу поступили красивые изделия».

– Что можно купить в вашем магазине? – спросил я продавца, вместе со мною входившего в подъезд.

– Все, – ответил он исчерпывающе кратко.

Я улыбнулся, потому что точно такой ответ получил по телефону, интересуясь городским музеем: художественный он или краеведческий?

– Как «что в музее»? – переспросила меня ошарашенная вопросом сотрудница. – Все!

Приведу еще пример характерного лаконизма, который, наверное, экономит силы и время в изнурительных заботах о хлебе насущном. Популярная местная газета называется так же многозначительно – «ВСЕ».

Отец Виталий популярную газету не читает и время свое ни на ком не экономит. Он частенько ночует в городе, когда выпадает служить на раннюю. Трамваи к тому часу еще не ходят, а идти пешком – это когда же вставать! Да и небезопасно пешком...

Ему сорок пять лет, рукоположен недавно и, можно сказать, неожиданно. Епископ узнал, что какой-то баптист, брат Виталий, организовал при соборе кружок религиозной грамоты, читает с детьми Священное писание, возится с молодежью, захаживает на литургию. Епископ призвал к себе энтузиаста, беседовал с ним часа два и в итоге предложил трудиться в Православной Церкви и принять сан. Баптисты сначала обиделись на брата, потом смирились. По благословению владыки отец Виталий первым пошел навестить бывших единоверцев, и главный протопресвитер предложил: «Давай вместе работать и помогать друг другу».

– Что страшнее, – пошутил я, – быть наркоманом и уголовником или баптистом?

– Вот-вот, – понял шутку отец Виталий, – у нас ведь укоренено мнение, что баптисты и католики хуже наркоманов...

Подмоченную биографию священника (из баптистов) усугубляет еще одно обстоятельство, по-разному воспринимаемое церковными людьми. «У меня жена полуеврейка», – сказал он почему-то шепотом, когда та вышла из комнаты. Вдвоем они наконец-то начали ремонт квартиры, которую получили как очередники два года тому назад, сразу после рукоположения Виталия. Как будто Господь послал им в таком виде Свое благоволение. Строители, правда, сдали дом «полуфабрикатом» – ни одна дверь в квартире не затворялась, а в щель между бетонными панелями можно было просунуть ладонь. Два года отец Виталий работал без отпусков, не имея времени утеплить квартиру. Но как-то жили... Две зимы с реф-

лектором, шуб и валенок не снимая. Детишки из соплей не вылезали. Но вот, наконец, законопатили и залили бетоном щели, поклеили в кухне обои. Новая напасть: попугайчики, которых домашние не хотят держать в клетке, летают повсюду и клюют обои в углах. Клей пришлось им явно по вкусу.

Но ремонт так и не удалось закончить – попал в больницу с приступом почечных колик. В храме заболел священник, и на праздник Перенесения мощей святого Николая Чудотворца попросили выйти отца Виталия. Известили внезапно, и к ранней обедне он потопал пешком через весь город. Растряс, наверное, камень, который иногда давал знать о себе, а теперь запросился наружу, причиняя адскую боль.

– А если б не растряс, – рассуждает отец Виталий, – неизвестно, чем бы кончилось. Что Бог ни делает, все к лучшему... Еле дошел тогда до храма, бабушки меня уже поджидают. Одна инокиня меня недолюбливает, следит за тем, как я читаю. А я, например, в стихе Покаянного псалма слово «выну» заменяю на слово «всегда». «Грех мой предо мною есть выну» – мало кто понимает, что сие значит. Почему не заменить русским словом непонятное старославянское? А инокиня моя ворчит. Я ей: «Ты монахиня, а смирения у тебя нету. Встань-ка на колени да помолись». И она встает. Частичная адаптация церковнославянского языка, я думаю, допустима. Епископ наш тоже так считает. Я Евангелие, да и апостола, читаю по-русски. Так вот, как-то дотянул я тогда службу, а потом вызвали «скорую» – и в больницу. А я рад. Я был там нужен. Проповедовал. Больные лежат... Горе. Скорбь беспросветная. Кто им о Боге расскажет в самый нужный момент, когда, может быть, некоторые с жизнью прощаются? Так что неизвестно, зачем Господь меня туда послал: мою боль утишить или чужую... В Послании к римлянам сказано: «От скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда» (Рим 5.4). Такая последовательность: скорбь – терпение – опытность – надежда. От скорби к надежде путь лежит через терпение и опыт. Опыт трудной жизни только терпением и обретается, и как подмога к терпению посылается надежда. А так, напрямую, скорбь с надеждой

не соединить. Неверующему человеку, который не знает, что значит терпение, непонятно, на что он может надеяться... Вот я и пытался в больнице объяснить смысл надежды.

Живет отец Виталий на девятом этаже, куда приходится добираться, увы, пешком. В первый месяц, когда жильцы только-только начали въезжать в свои недоделанные жилища, радуясь, разумеется, и такому подарку судьбы, мальчишки подожгли лифт. Облили бензином... С тех пор кабина чернеет огромной головешкой между этажами. «Да мы-то привыкли. Нам зарядка. А старикам?..» – печалится батюшка. Хотя у него самого набор болезней, при которых такая зарядка противопоказана. «У меня здоровье плохое, – честно признается он, – я могу внезапно умереть. Вот Господь и поставил меня славить Его, сколько успею».

Мы спустились посмотреть место будущего храма, в котором, как предполагается, отец Виталий будет настоятелем.

– Здесь была городская свалка... Разровняли, закопали, увезли мусор, стали строить жилье. А теперь уже всем понятно, что без храма этот отдаленный район оставить нельзя. Была геенна, и даже огненная (мусор жгли), а станет место святое. Построим баптистерий, чтоб крестить с полным погружением. Чтоб человек с головой уходил под воду – как будто умер, утонул для греха.

От трамвайной остановки идут люди, возвращаются с работы. Кое-кто останавливается, просит благословения, и священник торжественно его отпускает, осеняя крестом склоненную голову и поднося для целования руку. Торжественности момента не мешает цивильная одежда батюшки: тапочки на босу ногу, ковбойка, тренировочные брюки.

На месте многолетней свалки закладывается храм. Отец Виталий войдет в него со своей паствой.

Зарплата у священника грошовая, даром что служит в соборе. Жена тоже работает, у нее тоже зарплата символическая, а на вторую работу времени не хватает: на дорогу уходит три часа в день. По этой причине каждый рубль в доме на счету, а счет ведет матушка.

– К обеду обещал заглянуть Василий, – говорит отец Виталий и объясняет мне: – Наш сосед, журналист, правду-матку пишет, за что его в газетах не жалуют. Постоянного заработка нет...

– А чем я его кормить буду? – разводит руками хозяйка. – Только на троих приготовила...

– Бог насытит, – успокаивает священник. – Поделимся. Христос пятью хлебами тысячи накормил... Все бытовые проблемы начинаются с кухни и на кухонном уровне часто так и остаются неразрешенными. Брак в Кане Галилейской – тоже, между прочим, кухонная ситуация. И благодаря Марии, повелевшей слушаться Бога, разрешилась самым счастливым образом. Будем же и мы богопослушными служителями, и возможности наши не иссякнут.

Магушка – кандидат химических наук (на столе у нее – картотека специальных изданий), худенькая, в больших очках, она похожа на научного секретаря, а не на жену священника и мать двух дочерей (которые, кстати, отправлены на все лето в пионерский – в бывший пионерский – лагерь). Да она еще и не чувствует себя в полной мере обращенной. Начала читать книги Александра Меня по истории религии.

– Но ведь в наших трамваях это осилить невозможно, – говорит она. – Это вы, москвичи, образование получаете в дороге, в метро. А у нас транспорт штурмом берется. В трамвае вздохнуть полной грудью невозможно, не то что книжку открыть...

Собор, в котором служит отец Виталий, знаменит роскошным пятиярусным иконостасом. Исполненный украинскими резчиками в XVIII веке, иконостас сохраняет красоту барочного стиля. Основная идея этого богатого сооружения – торжественность, величие. Иконы разделены витиеватой резьбой в виде виноградной лозы, листьев дуба, аканфа и клена, цветов подсолнуха. В верхних рядах рисунок резьбы плохо виден. Иконы, разумеется, тоже, и кудрявое их обрамление сливается в сплошное барашковое руно цвета потемневшего золота. Слева нависает кафедра под таким же кружевным бал-

дахинном. Кафедра – атрибут европейского интерьера, балдахин – азиатского. Такое соединение крайностей – явление на Руси обыкновенное и неизжитое.

Иностранные туристы, наезжающие в город, пасутся в соборе толпами. Направляют вверх театральные бинокли, подолгу рассматривая велелепие иконостаса. Они бывают так поглощены эстетическим переживанием, что не замечают женщин, движущихся по храму с железными тарелками для сбора пожертвований. Женщины медленно и старательно прочесывают пестрые ряды иностранцев в надежде что-нибудь получить на тарелку. Надежды часто не оправдываются, и тогда женщины встают у дверей, держа тарелки с мелкими деньгами на вытянутых руках. Иностранцам деваться некуда, и они раскошеляются.

Можно бы посетовать на нескромное поведение служительниц культа, но отец Виталий отшучивается:

– Не разорятся... В Лувре, на Рубенса поглазеть, они подороже платят. Разве не стоит русская икона западной живописи? – Вздыхает: – Бабушки мои – народ несокрушимый. Одна кается на исповеди: «Грех у меня на всю жизнь». Какой же, спрашиваю, освобождайся скорей. «Мух била, батюшка». И это не единственный случай. Другая кается в том, что блох давила в детстве, клопов, тараканов. «Во всю жизнь, – говорит, – не отмыться». Я думаю, здесь чье-то влияние, кто-то им внушает... Девственная почва. Нам пахать и пахать... Сейчас распространяется мнение, что Россия – это новый Израиль, что русский народ – мессианский, а значит, избранный. Я, например, считаю себя патриотом, но согласиться с этим мнением не могу. Господь давно избрал Свой народ и указал на него. Но и тогда, задолго до рождения Христа, евреи не абсолютизировали свою особость. Иудеем мог стать любой иноплеменник, принявший веру Авраама, Исаака и Иакова. А после Христа вообще бессмысленно настаивать на национальном избранничестве.

Верующий в Отца и Сына и Святого Духа и есть Его избранный. Кроме того, избранничество часто понимается пре-

вратно, вроде каких-то привилегий. На самом же деле народ Божий был избран как служитель другим народам. Всякий человек, призванный Богом, готов служить людям как слуга, ничего не стоящий, то есть как слуга, обязанный служить.

Рядом с собором красуются архиерейские палаты, в которых совсем недавно размещались различные государственные конторы. Сейчас здесь епархиальное управление. Советская власть потеснила в свое время церковные владения, застроив обширный двор домами барачного типа. И попечения ради выкопала подземный общественный туалет, который глазом обнаружишь не сразу, зато безошибочно определишь посредством органов обоняния...

Отец Виталий иногда ночует в управлении, деля с кем-нибудь из сторожей большую приемную, заставленную мягкими диванами. Сегодня как раз такой день, и мы со сторожем Виталием Ивановичем ожидаем священника с минуты на минуту. Виталий Иванович – бывший летчик, вышедший до срока на пенсию. Он сыпал на поля ядохимикаты с борта «аннушки». И сам здорово опылился...

Я накручиваю телефон, Виталий Иванович углублен в книгу, которая всегда, в каждую смену, лежит на конторке, как вахтенный журнал. Называется книга «Нечистая сила». В приоткрытую на улицу дверь влетела муха: толстая и назойливая, она кружится над телефоном. Виталий Иванович поднял голову, я – весомо сложенную газету. А когда муха взяла обратный курс на открытую дверь, сторож решительно махнул ей вслед и проводил сердитым взглядом: мол, летает тут всякая шваль, мешает работать, а человек из Москвы приехал...

Он питает глубокое уважение ко всякому начальству, а о владыке говорит с сыновней преданностью: «Выстави он свою кандидатуру в президенты, вся Россия за него проголосовала бы. Ну, может, у них, у епископов, это не положено – в президенты баллотироваться».

Трехкнопочный приемник, разговаривающий, поющий и пляшущий бесперебойно, сейчас передает местные известия. Сто девяносто восемь фермеров, получивших землю в арен-

ду, сбежали со своих угодий. Им не на что покупать технику и горючее. А властям не на что их отлавливать и объявлять розыск.

Пришел наконец-то отец Виталий. Он задержался потому, что на площади послушал митингующих коммунистов. «Всё то же», – подытожил он кратко.

Виталий Иванович понял его резюме по-своему:

– С красными флагами вышли... А тут не с флагами, тут с вилами и топорами надо идти. Я бы первый пошел!

– Чтой-то ты, брат мой, свиреп. Включи лучше чайник, озяб я на площади от их речей.

– Правильно. Холода завернули. На еврейскую Пасху всегда холода по календарю.

Отец Виталий возразил:

– А в народе говорят, какова погода на Сретенье, такова и весна будет. А нынче Сретенье было морозным.

Чувствуется, митинг на площади его разбередил.

– Они горлопанят, а народ слушает. После их семидесятилетнего побоища люди никак опомниться не могут... Обыватель мыслит линейно и только в двух направлениях: вперед – назад, реформа – реакция. Как волна на берег – накатывает и откатывается. Природное состояние. Придется, наверно, нам пережить еще один откат в их объятия. Ну, да верующим людям не привыкать. Как в псалме хорошо сказано: «Человек надменный не успокоится, а верующий своей верою жив будет»... Я недавно старушку соборовал. Сто четыре годочка. В доме престарелых оканчивает свой земной путь бабушка. У них одна нянька на тридцать человек, и та каждый день пьяная. А бабушка мне говорит: «Ты не думай, что я старая, я с Богом жизнь прожила, я счастливая».

Земля и небо Мокошского монастыря

В поездках по этой епархии меня сопровождает сотрудница благотворительного отдела Капитолина Власьевна. Ее, молодую пенсионерку, взяли на работу временно. Американская зарплата втрое больше ее пенсии. Вот она и старается – исполнительная, вникающая в мелочи, скорая и громкая на словесную расправу.

Человек она не церковный, но, как говорится, интересующаяся. И по этой причине задает множество вопросов, на которые ответов не слушает – говорит дальше. Шофер Вася относится к ней скептически. Наверное, думает: «Архиереи сидят сзади, слова не вымолвят, а эта – сорока...»

На эту «сороку» за три месяца никто в епархии не обратил внимания. Она, беспокойная, так и не прибилась ни к одному храму. А надо бы, душа у нее не на месте; если сказать точнее: с душой полный раздрызг. Но она храбрится: «У меня все хорошо было, пока мужу не сделали любжу». «Что, что?» – не понял я. «Любжа, приворотное зелье, – перевела Капитолина Власьевна с местного диалекта. – Соседка по квартире, она не одну семью разбила и моего увела. А сын мой учится в военной академии. Очень исторически подкованный, мой сын».

За три месяца я привык к ее речи, прыгающей с пятого на десятое. Она, бывший медицинский работник, старается придать

ей культурный колорит. Например: «Мы не знаем истории нашего существования». Глядя на гору щегля, вздыхает: «А ведь в старину под каждой церковью подземные ходы были. Они (то есть церковнослужители. – А. З.) там клады прятали».

Женщины, ее бывшие товарки из здравоохранения, зная, что она «религиозная», попросили купить билеты «на колдуна», который целую неделю будет давать сеансы в ДК им. Ломоносова, что находится рядом с епархиальным управлением. Она и купила «всему здравоохранению на все восемь сеансов». Очень удивилась, что имя колдуна мне неизвестно. «Он же в Москве выступает. Семенчуков. Колдун в двенадцатом поколении». И, обратясь к шоферу, неожиданно спросила: «Вася, а у вас дети есть?» Вася ответил исчерпывающе, чтобы больше не приставала: «Есть, две девочки. Я жену с ребенком брал».

Капитолина Власьевна должна заблаговременно предупреждать священников о наших визитах. По телефону, где он имеется, или телеграммой. Частенько мы не заставали ни священника, ни старосты – кто на похоронах, кто на огородах. «Почему же вы не предупредили?» – спрашиваю я К.В. в очередной раз. «А я никогда никого не предупреждаю», – с достоинством отвечает она. «Но ведь жаль времени и бензина, между прочим...» Но К.В. меня уже не слушает, увлеченная попавшейся под руку районной газетой «Всё».

Однако в этом монастыре, самом дальнем в епархии, знали о нашем приезде: нам удалось дозвониться из районного центра. Капитолина Власьевна кричала в трубку: «Гриша! Мы едем! Гриша, приготовь кушать! Мы кушать хотим!» «Кто такой Гриша?» – поинтересовался я. «А увидите. Он сбежал от матери. Она лауреат Ленинской премии и имеет наивысшее образование».

Позже я узнал, что Грише 17 лет, он действительно удрал из дому, пожелал стать монахом. Возрастная болезнь многих интеллигентных мальчиков. Мать забросала письмами епископа, игумена. Обратилась в военкомат, чтобы забрали юношу в армию. Но у военных с монастырем с недавних пор почти родственные отношения. Сам военком гостил на Пасху, присылает солдатиков на уборку территории. «Монахов в армию не

берут», – ответили матери. Насилу от нее отбились. Потеряла сына. А даст Бог, обретет в новом качестве – в иночестве.

Гриша безотлагательно проводил нас в трапезную. На столе тарелка с ломтями крупно нарезанной соленой скумбрии, чай, рисовая каша. Такой же был обед, с добавлением супа. Такой же ужин.

Молодому дьякону Серафиму было поручено показать нам монастырское хозяйство. Серафима только-только (на прошлой неделе) рукоположили в дьяконы. В восьми километрах от монастыря живут его дедушка с бабушкой. Жил с ними и он, пока не уехал учиться в Москву, в инженерно-технический институт. Закончил институт – и тут же явился в монастырь. Худой, светящийся, словно свечечка. Реденькая борода, ясные глаза.

После трапезы он повел нас на колокольню, откуда видна вековая, равнинная Русь: перелески, дуга, горстка сиротливых домишек и безначальное, бескрайнее небо, в которое если долго смотреть, забываешь о месте, откуда смотришь...

Отец дьякон тихонько ударил в колокол.

– В нем двенадцать пудов веса, – сказал он. – Отливали на ЗИЛе. Но необработанный металл настоящего голоса не имеет. – Он погасил звук, прикоснувшись к колоколу ладонью. – Когда их обрабатывают, они как будто плачут...

С поднебесных высот мы спустились на землю – в чистый курятник, в просторный светлый хлев.

«Петушки, телочка» – ласковые слова органичны облику юного дьякона. Он их произносит, словно называет кого по имени, – с той же нежной осторожностью, с какой он коснулся колокола.

Рубленый теплый хлев пьяняще пахнет навозом. Стоило для лошади. Мироточивый – да простится мне этот эпитет! – запах конского пота.

Я перешел в восьмой класс, когда брат взял меня на лето в геологическую экспедицию. Он жил в поселке и снимал угол у местного конюха дяди Васи. По причине непрсыхающего опьянения конюх доверял пасти лошадей двум своим сыновьям. И я был, конечно, с ними. Вечером через весь поселок

гнали мы табунок рабочих лошадей, а в телеге, лежа на свежей сенной подстилке, трясся вусмерть пьяный дядя Вася. У реки мы аккуратно сволакивали его на землю и устраивали под тентом. А сами расстреноживали трех лошадей и – уздечки всегда были наготове – давали волю своим острым пяткам, действуя ими, как шпорами.

Еще раньше, в классе четвертом, возил я все лето молоко на центральную колхозную усадьбу. Запрягал и распрягал покорного молоковоза, который, помнится, был значительно выше меня.

А Серый – умняга мерин, мой бессменный коллега по камчатской экспедиции. Однажды он понес на скалистом склоне, седло съехало под тяжестью перевесившего вьючника, и оказался я под брюхом, силясь приподнять голову, – еще миг, и расшибиться бы ей о камни... Но Серый понял, что произошло, и, вытянув жердями передние ноги и присев на задние, замер, как вкопанный;

Словом, запах конского пота окунул меня в сладкие воспоминания, в мускульную мужичью работу, которой я кормился не раз на протяжении жизни.

О, богатейшая палитра запахов! Каждый, как ключик, отмыкает картины, события, встречи, сопряженные с ним... Обоняние соединено с дыханием, с объемом легких. Хочется дышать глубоко, чтобы вобрать в грудную клетку всю ширь и радость момента. Особенно весной... Грудь разрывается от безмерного желания вместить в себя океан, омывающий землю.

Я рос не под сенью рододендрона или пышно цветущей магнолии, где только и могли родиться индийские асаны – великая культура человеческого дыхания. В наших пределах тлетворный дух, материализуясь, победно заполнял низменные ниши. Как все низменное и агрессивное, запахи разложения потеснили эфирные начала.

Еврейским словом *руах* назван в книге Бытия Дух Божий. Он носился над водою еще не сотворенного мира. Это же слово обозначает ветер, дуновение, жизнь. Животворящую силу – дуновение, ветер – можно обонять. Впитанная легкими,

она омывает кровь и вместе с кровью весь космос нашего тела, сферу мозга. Дух – не умозраительный объект, но осязаемое состояние, в котором можно различить оттенки.

– Александр Иванович, – тронул меня за руку водитель, – пора ехать. Вы где сядете: спереди или сзади?

– Сзади, – ответила за меня Капитопина Власьевна. – Я знаю, Александр Иванович зад любит.

Нет, нет, я остаюсь, я договорился с игуменом, сейчас иду на вечернюю службу, а вы поезжайте, – выпалил я, глядя в простодушные очи моей спутницы.

После долгой вечерни и краткого ужина насельники разошлись по кельям. Общаться перед сном не полагается. Но нет правил без исключения. Игумен поселил меня в своих покоях и попросил Гришу приготовить нам чай. Узнав, что я духовный сын Александра Меня, бесстрастно заметил: «Я почитаю этого священника. Про него всякое говорят, да больше наговаривают, как сказал нам один батюшка». И помолчал: «Отец Меня многое сделал для Церкви. И сейчас потрудился бы...» Я подарил ему «Сына Человеческого». Он поблагодарил и отложил книжечку, не листая. Вздохнул: «Хорошо, что издали. Память хоть какая останется». Книг Меня он не читал. Ни с кем из московских священников не знаком и, кажется, не жалеет об этом.

– Поставьте московских батюшек в сельский приход – они загнутся, – улыбнулся он и добавил: – Вот у католиков священники celibатные. Потому и Церковь крепкая. Ведь смотрите, какая крепкая Церковь у католиков!

Гриша сидел в соседней комнате за письменным столом, склонившись над книгой, и слушал наш разговор. Дверь в комнату была отворена.

– Оптиная пустынь сегодня – искусственный монастырь, – рассуждал вслух отец Евстафий. – А в Троице-Сергиев войти невозможно. Монахи ходят – носы кверху, ничего не видят вокруг.

Я подивился его откровенности:

– Немного таких, как вы...

– Много, – спокойно возразил священник, – но они молчат. Боятся. Вдруг, если скажешь лишнее, переведут на другой при-

ход. В какую-нибудь нищую деревню. А он здесь уже корнями пророс. Отношения с местным начальством налажены, дети в школу пошли...

Провожал меня отец Иринарх, второй священник, про которого игумен говорит восторженно: «Он что хошь достанет и на машине везде проскочит».

Когда мы подъехали к станции, отец Иринарх попросил меня подождать в машине. Я забеспокоился:

Уж не билет ли вы мне собираетесь покупать?

Подождите, пожалуйста, – уклончиво ответил он.

«Не дай Бог, билет, – подумал я. – Я-то на командировочные деньги куплю купейный. А он наверняка плацкартный. Как же мне его остановить?» Но отец Иринарх уже скрылся за дверью служебного входа.

Узловая станция жила своей громкой нестеснительной жизнью. Из могучего динамика громыхал голос диспетчера: «Надя Кудряшова, позвони матери! По второму пути проходит поезд. Надя Кудряшова, позвони матери!» Надя Кудряшова тоже по динамику отвечает басом: «Понял. А ты не суйся не в свое дело».

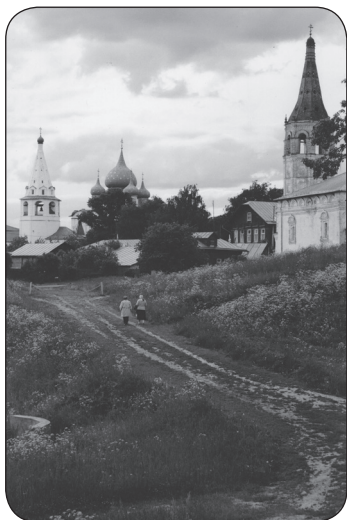
Мой провожатый подошел к машине действительно с билетом в руках.

– Это вам по благословию велено купить.

Я смущен, благодарю, думаю: «Ладно уж, Господь так рассудил, поеду в плацкартном». Но на билете значился купейный вагон.

К станции, я обратил внимание, мы подъехали одновременно с военным «газиком», из которого вышли эмвэдэшные чины. Они дружелюбно, за руку поприветствовали молодого монаха. Кажется, знакомство со священником внушает властям сегодня особое удовольствие. Эти сопровождают на поезд лагерный этап. А сейчас они окликнули меня, гадающего, где остановится 10-й вагон.

– Здесь и остановится, – сказал полковник и уточнил доверительно, чтобы не сомневался, – мы же с вами вместе приехали: вы на «Волге» отца Евстафия, а мы на «газике», следом.

От крестин до похорон — один день

Сегодня уже заведено: новорожденных крестить, новопреставленных – отпевать. Особенно в провинции, где общему порядку люди подчиняются, как солдаты в строю. Вчерашние комсомольцы и партийные деятели районного масштаба скорбно стоят со свечами, прислушиваются к словам священника, кто-то осеняет себя крестным знамением. Как может утешить батюшка этих нецерковных людей, сведенную горем толпу, слишком многочисленную для сельского кладбища? Он говорит о том, что в землю ложатся кости, душу закопать невозможно. Мысли и чувства тлению не подвластны. Душа бессмертна, хотя судьба ее складывается по-разному: как мы ее соблюдаем при жизни, такой она и уходит в вечность. Душа предстает перед Богом, как на выпускном экзамене. Подсказать ей мы уже ничего не можем, но поучаствовать в ее судьбе – в наших силах. Бог прислушивается к нашим просьбам хотя бы потому, что они – проявления веры, на которую подвигла нас душа представшего перед Ним человека. «Помолимся же все, как умеем, попросим Бога на краю этих четырех могил о милости к нашим близким».

Все, здесь собравшиеся, готовились к свадьбе три дня тому назад. Молодых ждали в ЗАГСе, когда на пригородном шоссе в «Москвичок», украшенный воздушными шариками, врезался – лоб в лоб – оторвавшийся от МАЗа прицеп. Машину потом растягивали тракторами, чтобы извлечь останки тех, кто в ней находился.

Мы возвращаемся с батюшкой в храм, где на завтрашние крестины записано уже двенадцать младенцев. Церковь участвует в круговороте жизни. И слово священника воспринимается порой как уступ на отвесной скале, единственная опора над пропастью, подстерегающей снизу.

– Сколько случаев с этими прицепами на наших разбитых дорогах, – говорит отец Никодим. – Гроыхает, болгается из стороны в сторону – снаряд весом в полтонны. Штыри перетираются и...

Сталь хорошая шла ведь только на военную продукцию.

Я познакомился с ним летом, когда объезжал приходы этой епархии, пристраивая американскую гуманитарную помощь. Отец Никодим – монах, но в земные дела вникает с цепкостью опытного хозяйственника. За три года он отстроил храм Живоначальной Троицы, где теперь служит.

А у монаха на приходе особое положение – мирские соблазны не ограждены монастырскими стенами. Впрочем, за 70 лет советской власти стены, если не сравнялись с землей, то стали давно прозрачными. За исключением тех, что сместились в пространство грудной клетки. Катаклизмы XX века подготовили инокам новое пристанище – монастырь в миру. Агрессивность мира сделалась всепроникающей. Отец Таврион Батозский, прошедший советские лагеря и будучи в конце жизни настоятелем Преображенской пустыни, что под Елгавой, в трудную минуту обмолвился: «В тюрьме было легче, чем здесь». Правда, на дворе стоял 1976 год, и каждую ночь к паломникам в келью заявлялась неприветливая монахиня и переписывала паспорта.

У отца Никодима своя заградительная система, которая от мира не отделяет, но в нужные моменты обеспечивает дис-

танцию. Две старушки, две ревностные хозяйки, охраняют батюшку уже на подступах к дому. Помню, одна из них шла мне навстречу с полными ведрами и своим грозным видом как бы отметала любую попытку ей помочь.

– Батюшка дома? – поинтересовался я для вежливости, зная, что он меня ждет.

– А тебе зачем?

– Мы договорились о встрече, – ответил я, пытаюсь войти в дом.

– Куда? – остановил меня властный голос.

Пригвожденный на месте, я спросил:

– Как вас зовут?

– Катя, – буркнула женщина лет семидесяти.

– Катя, доложите, пожалуйста, отцу Никодиму, что тот, кого он ожидает, приехал.

Катя откинула марлевый полог, и он, зацепившись за гвоздь, позволил мне разглядеть прихожую, диван, заваленный пачками книг, и русскую печь с противнем мелких просфор. «Катя, наверное, их и печет, – сообразил я. – Кажется, она не очень разговорчивая. А Пушкин советовал учиться русскому языку у просвирен».

Отец Никодим вышел не сразу.

– Простите, – улыбнулся он, – не отпускал междугородный из Петербурга. Ничего не слышно.

Мягкопроизносимое «г» выдавало в нем украинское или белорусское происхождение – молодой, круглолицый, сквозь редкую растительность на щеках проступал плотный румянец.

И действительно, он родился в Гомельской области, в селе, где, по его словам, чуть ли не каждая семья рожала будущих священников.

– Верующих в нашем селе было много, да книг, какие сейчас издают, мало. Я поступал в семинарию – Библию в руках не держал.

– А как же сдавали экзамен?

– А так, по проповедям сельского батюшки. Молитвослов впервые я купил в Почаевском монастыре.

За домом, окруженная мелкими сосенками, возвышалась недавно отстроенная церковь. Ей явно не доставало первоначальной стройности.

– Не до жиру... – развел руками отец Никодим, – в городе ни одного православного храма на двадцать тысяч жителей. Зато баптистских домов – несколько. Нужно было скорее поднимать эту, полуразрушенную.

Коренастая, под круглым оцинкованным куполом, с большими, красного кирпича заплатами на темных стенах, она походила на дородную колхозницу в стеганой телогрейке.

Я не расстаюсь с Лесковым в этих поездках, и, как написал когда-то, «со мной опять Лесков в дорожном переплете». Впрочем, возвращаюсь к нему часто. – «Лесков еще у нас по сути не прочитан, любой его рассказ не исчерпает бытом». Единственный из русских классиков трезво судивший о положении Церкви, он сегодня актуален. Предшествуя русским философам – Бердяеву, Федотову, он проливает свет на причины дехристианизации России, на причины захлестнувшего нас варварства.

Я воспользовался послеобеденной паузой в доме отца Никодима и решил побродить по окрестностям. Отыскал бугорок, чтобы обдувал ветер, комар не грыз, и открыл Лескова.

Его проза религиозна, о чем бы он ни писал. Таково устройство глаза художника, угол зрения, выправленный лучом веры. Человеческая судьба, преломленная в нем, имеет счастливое разрешение. Но это не «хэппи-энд» святочных сюжетов, это обретение смысла и справедливости в безнадежном, казалось бы, существовании. Обнадеживает лишь вера в Божий промысел, который всегда благ. Как и Альберт Швейцер, Лесков мог бы сказать о себе: «Мое знание песимистично, но моя вера оптимистична».

Полуязыческое сознание и сегодня полно суеверного ужаса и подозрения. Колдуны, ведьмы и прочая нечисть плодятся в результате недоверия христиан к Богу. Лесков об этом говорит иногда с иронией – тонкой и незлобивой. Молитва

праведника необорима перед угрозой любой бесовщины. Невежество и предрассудки – спутники теплохладной веры, бездеятельной и безгласной Церкви.

О суеверии среди прихожан отец Никодим говорит без улыбки:

– Надоели они мне. На кого угодно вину свалят: на соседку, на домового. Стоит такая в храме и кропит вокруг себя святой водой.

С буторка мне видно, как кто-то подъехал на велосипеде к дому священника. Поднялся и я.

Велосипедист – молодой человек с дочкой, восседающей на раме, как юная амазонка. Он привез в подарок священнику фотографии руин храма Живоначальной Троицы. Он жил здесь, в деревне, и пацаном лазал по щербатым стенам.

– Пальнешь из рогатки по стене, где нарисована Божья Мать, и штукатурка лепешками шлепается вниз, – рассказывает он, – вся деревня брала отсюда кирпич на печки. А он крепкий, обожженный. Мать, бывало, скажет: «Ты его свиньям не кроши».

– Зачем кирпич крошить свиньям? – не понял я.

– А они едят глину, им там чего-то надо, чего в пище не хватает.

Хрупают за будь здоров! Дашь ей половинку нашего, необожженного – сжует вмиг. А этот нет, этот твердый, зубы обломает, да и кишечник может засорить. Так что церковный кирпич свинье в пищу не годится.

Отец Никодим вынес из дома шоколадку, протянул ее девочке, а мне грабли: пора убирать сено.

Небогат событиями день сельского священника. С утра на погребении, потом наносил воды в баню – брат обещал навестись в гости.

После обеденного отдыха поворошил сено, чуть позже собрал в копны, и теперь мы их забросим на чердак. Пожарники, если узнают, по головке не погладят, но для тепла сену самое место на потолке. Минувшая зима была холодной. К утру

вода замерзала в ведре. Топили кругляком, напиленным из строительных лесов, которые за несколько лет подгнили. На всем приходится экономить. Нынче лесник обещал привезти дешевых березовых дров.

Политическая свобода открыла шлюзы и добрым, и злым силам. Злые, конечно, агрессивные. Но они же провоцируют и активность созидательных процессов. Многое сегодня зависит от личности священника, его подвижности, умения и желания «контачить» с разными людьми, его открытости, наконец.

Когда восстанавливали «Троицу Живоначальную», епископ выделил небольшую сумму, можно сказать, символическую. А дальше – своими силами. Город помог, завод, который гнал «оборонку», а теперь остановился. Гуманитарной помощью – рисом и чечевицей – все лето кормили рабочих. Оставили и про запас – на случай праздничных трапез. В стране нет денег, и у Церкви – нет. Но голь на выдумки хитра. В соседней епархии держат большое подсобное хозяйство, венец которого – племенной бык. Вся округа водит к нему коров на свидание. Отчего и проистекает основной доход епархии.

Но в святые обители попадают деньги и от «теневиков». Приезжает такой богатый человек в какой-нибудь дальний, а значит, нищий, монастырь. Приезжает на иномарке, с дюжими молодцами-охранниками. Прилежно подходят под благословение к игумену, встречающему их у ворот. Покупают охапками самые толстые свечи. Выстаивают долгую, по всему монастырскому чину службу. И приезжают эти «добрые люди» не с пустыми руками. Жертвуют монастырю так называемую десятину своего заработка. Хорошо, если заработок честный, а то ведь «жалуют» и мафиози, о чем игумен, может, быть, и не догадывается, пока ему не подскажут правоохранительные органы.

Отец Никодим сказал, что о таких современных «жертвователях» слышал.

Большую комнату в доме освещают три окошка, которые не отворяются по причине множества комаров. В протенках

между окнами, как музейные экспонаты, висят рясы. Черные на бежевых обоях, они кажутся очень длинными, будто сшитые на гиганта, хотя владелец их чуть выше среднего роста. Теплится лампада под иконостасом, в центре которого – богатый образ Николая Угодника. Все же остальные иконы – и Богородичные, и Спасителя – обрамляют его как житийные клейма.

Мирское имя отца Никодима – Николай. Отсюда и такое уважение к Мирликийскому чудотворцу. Почитание Николая Чудотворца на Руси всегда было велико. До сих пор существует поверье, что он заступит место самого Бога, когда Тот состарится и умрет.

Из окошек видна окраина города с подступающим лесом. Пустые дома бывшей деревни, символ которой – торчащая напротив половинка избы, похожая на отрезанную горбушку. Отрезанный ломоть... Отец Никодим как будто угадал мои мысли:

На земле, чтобы она кормила, надо жить, – сказал он. – Дачниками сельское хозяйство не поднимешь. А хозяева приезжают сюда только по воскресеньям.

Есть и прихожане?

Немногие... Но бывают и залетные гости. Однажды брат, возвращаясь поздно, заметил в церкви свет. Ночь, на улице снег с дождем. Я поднял своих бабушек. Брат прихватил топор, я палку. Брата предупреждаю: «Ты только не убивай». Да брат мой смирный человек. Пошли в церковь. Ни огня кругом. Я первый вошел, осветил все, осмотрел, вроде бы пусто. Однако – кто-то на хорах лежит. Я говорю: «Вставай, добрый человек, сходи давай». Он сходит, а у меня палка наготове, поди знай, что у него на уме. Говорит, с армии убежал, три дня не кушал, переночевать негде, а тут крыша. Ну, мы его привели в дом, вымыли, переодели в чистое, я ему свой плащ подарил. Стриженный... Кто знает, с армии ли, с тюрьмы... Утром ушел. А вечером назад идет. И так три ночи подряд. Я ему: «Ты что ж меня под закон подводишь, другой бы на моем месте давно донес...». С тех пор ушел насовсем. Сказывали, что в городе его скоро поймали.

Аборигены к батюшке относятся уважительно, хотя в церковь не заглядывают, и – всяко бывает...

– Случается, и украдут чего, – добродушно признается священник. – Стало вдруг сено пропадать из стога. Тает стог на глазах. Корова вроде бы постольку не ест... И Катерина подкараулила ночью двоих с матрацем. Мы – опять с братом – в погоню. Они за полотно «железки», мы – тоже. Туда-сюда, нету. Идем обратно, а они схоронились и снова на нашу сторону матрац тащат. Я задыхаюсь, сердце схватило, снега по пояс, машу брату – беги! А потом думаю, куда ж я брата послал, их двое! Бросился вдогон, кричу – оставь, Бог им судья!

С коровой, с безропотной кормилицей, отец Никодим разговаривает уважительно, как с человеком. Чистый и просторный хлев ее можно сравнить с девичьими покоями.

Иной раз и мне приходится пасти, когда Катерина или Ольга захворают.

А почему в стадо не отдадите?

– Жалко. Она у нас грубого слова не знает, а пастухи скотину только матюгами да палками потчуют. И я тоже на нее шумну, когда балует. А они ведь беспричинно, у них доброго слова для коровы не найдется.

Верная стража в лице двух хозяек священнику, конечно, подмога. Он соглашается:

– Стражи мои верные, комара не пропустят. То-то вас любезно встретили. На прошлой неделе звонит один начальник: «Можно, батюшка, заехать, свечи купить?» – «Какие свечи, уж поздно! Завтра приезжайте на службу». – «А я не один, – говорит, – я с девушками».

– «Нет, нет, уж поздно!» Гляжу, катит. Да бабушки мои его развернули: «Уехал батюшка по срочному вызову».

Мы вышли на крылечко. Мимолетный дождик прибил глубокую пыль на дороге, по которой только что прогнали стадо. Куры одна за одной вспархивали на насест.

Одолели куры, – говорит батюшка. – Огороды гребут, что ни посеешь, все выпотрошат.

А вы их в загоне держите.

Жалко. Да они и нестись перестанут.

Утром, после службы, я помогал ему на крестинах. Двенадцать младенцев дружно подавали голос. Ор стоял, как в поликлинике, когда бедняжкам делают прививки. Взрослые, не зная, как держаться в храме, топтались гуртом, переминались, кое-кто уже под хмельком. Священник не раз наклонился к каждому младенцу, творя великое таинство, – пот с него лился ручьем. И мало кто из восприемников повторял за ним как должно слова «Символа веры», сознавая, что человек рождается в вечную жизнь.

Град видимый и град невидимый

Православная Церковь в России в буквальном смысле поднимается из руин. Совсем недавно на руинах шумели рощи, краснеющие по осени, как воздвигнутые знамена. Шелестят они кое-где и по сей день, соблазняя своим невнятным шумом потянувшихся к Богу россиян.

Великая стройка захватила епархии РПЦ. Возводятся стены соборов, храмов, монастырей. Батюшки, похожие на прорабов, вкальвают вместе со строительными бригадами, отрываясь лишь на время церковных служб и треб. Епархиальное начальство стройку субсидирует скудно (у самих денег – кот наплакал), приходится рассчитывать на местные власти, на авторитет и помощь низового священства. А священнику на приходе поднимать свой профессиональный уровень некогда – он поднимает стены. К тому же и контингент прихожан, в основном пенсионного возраста, не очень тому способствует. Например, в недавно возвращенном Церкви Свенском монастыре, который расположен на окраине Брянска, на воскресные службы забредают две-три старушки с соседней улицы. Остается верить, что возведение храмовых стен в местах

малолюдных и даже безлюдных – действие промыслительное. Не исключено, что они возводятся накануне неотвратимых событий и окажутся в недалёком будущем притягательными духовными центрами. Пустующие земли начинают заселяться. Отток россиян из бывших республик с годами будет набирать силу. Есть, конечно, опасность в таком авральном строительстве, оттесняющем духовные проблемы на второй план. Немалые средства нужны на обучение новых пастырей, готовых к встрече с напуганными мигрантами и не менее напуганными аборигенами.

Мне довелось недавно общаться с одним из преподавателей Сергиевopосадской семинарии. Там преобладает характерная для Православия «закрытого типа» ориентация на монашеское благочестие, на скептицизм по отношению к культуре, к миру. Но если нет диалога между Церковью и культурой, нет и эффективной борьбы за души людей.

«Жатвы много, – сказано в Евангелии, – а делателей мало». Но каковы делатели, если на вопрос профессора об Иоанне Крестителе семинарист-заочник отвечает, что Иоанн – третье лицо Святой Троицы. А у этого семинариста приход в Брянской епархии. Но заниматься ему некогда. Кроме стройплощадки, за которой глаз да глаз (рабочие – пьяницы), – свое личное хозяйство: парники, куры, свиньи, корова. Матушка одна не справляется – четверо детишек. Дохода с храма – никакого, потому что кругом заброшенные деревни. Так что без хозяйства нельзя. Я хотел ему подарить Библию, комментированное брюссельское издание. Он поблагодарил: «Спасибо. У меня есть Лопухина четыре тома. Я, признаться, Ветхий Завет не читаю. Дальше второй главы не пошло. Разве что паремии да псалмы за богослужением».

Зато он хваткий хозяйственник. Первое, что сделал, заступив на приход, купил золото для будущих куполов храма, на месте которого в то время еще зияла воронка. Друзья, городские священники, ему пеняли: «Ты с ума сошел, у тебя яма на яме, кирпич не завезен, а ты золото покупаешь». А он им: «Увидите, сколько оно скоро будет стоить». И действительно,

подорожало в триста раз! Вот и вышло – у них, в городе, купола оцинкованные, а у него в лесу – золотые. А что заниматься недосуг, так ведь зачет в семинарии и так поставят... «Ну, кто хочет троечку?» – спросит преподаватель на сессии. И желающие получить ее без ответа выстроятся в очередь с зачетками. Надо полагать, что такое попустительство троечникам принято не во всех духовных школах, число которых увеличивается на глазах. Растёт и число приходо­в. (У Московской Патриархии на сегодняшний день, 1995 год, – 3 духовные академии, 13 семинарий, 29 духовных училищ. Обучаются в них 2548 человек. 15 810 приходо­в, где трудятся 12 707 священников и 1380 диаконов. Священников катастрофически не хватает – приходы растут как грибы.) Дело даже не в том, какова плотность православных священников на одну единицу «канонических территорий» – на район, область или епархию. А в том, какова их профессиональная подготовка, социальная адаптация, отношение к культуре. Очень многое зависит от правящего архиерея, от его установок и подбора священников. Он на своей «канонической» – всевластен: может рукоположить невежду, а неугодного перевести в самый нищий приход. Бывает, что соседние епархии разительно отличаются по складу приходской жизни. Как, например, отличаются российские дороги от западных. Кто ездил в Прибалтику или ещё западнее на машине, не может забыть ужасающего контраста. Приведу несколько цифр из доклада Патриарха на Архиерейском соборе. Московская Патриархия насчитывает сейчас 114 епархий (в 1988 году их было 67). 6 из них действуют в дальнем зарубежье, остальные – в СНГ и странах Балтии. Имеется 269 монастырей, 31 монастырское подворье. Почти половина монастырей открылась в последние два года. Окормляют паству 136 архиереев – 113 правящих и 23 викарных. Каково же число пасомых – в РПЦ неизвестно, Патриарх числа не назвал.

В прессе, на научных конференциях, в самой системе образования обсуждается целесообразность введения религиозного предмета в школах. Религиозный бум наплодил массу доморощенных проповедников. Они зачастую своим неве-

жеством и фанатизмом наносят не меньший вред духовному воспитанию, чем бывшие пропагандисты антирелигиозники. Многие учителя, столкнувшись с такого рода «просвещением», выбрали тайную позицию нейтралитета. То есть в школе ни слова о Библии, о Пасхе, о Христе. Боясь общественного осуждения, они свою позицию не выставляют напоказ. Но действие её, санкционированное из Москвы, я примечал в отдалённых районах.

В самом деле, как оградить студентов от опасных теорий, навязанных иными преподавателями. Например, идея третьей Пасхи, сопряжённая с казнью (жертвой) последнего русского царя. Догматически это опасная идея. Третья Пасха как бы отменяет вторую. Подобные «теологумены» имеют место в преподавательской среде популярного богословского института.

Не слишком обременённый образованием отец Николай из далекой провинции убеждал меня довольно горячо, что пчела, в отличие от человека, обладает свободной волей, потому что может лететь куда захочет... Себя он считает прогрессивным и современным человеком. «Я в театры хожу, – заявляет он, – на Останкинской башне бывал, самолетом летаю». В городе, где он служит уже тридцать четыре года, открыли еще один храм и поставили священника – молодого, речистого, деятельного. Не прошло и месяца, как паства отца Николая перетекла к новому пастырю, у которого заработала воскресная школа, появилась молодежь. Отец Николай взревновал. Пишет жалобу владыке на бойкого собрата: повод всегда найдется. Потом вторую, третью... Владыка и отец Николай одной национальности – украинцы. На жалобы епископ отреагировал однозначно: убрать молодого священника из города, подальше от обмелевшего прихода. Тот заупрямился, и прихожане его поддержали. Пошли ходоки к епископу. Непослушание вызвало гнев епископа, и он шлет четырех архимандритов, чтобы снять упряма с прихода и наложить взыскание. Не тут-то было. Народ встал стеной за молодого батюшку, и архимандритов вытолкали из церкви. И тогда молодой священник принимает решение

выйти из-под амофора РПЦ и вступить в Зарубежную. Так он и поступил. Отец Николай объявил трем оставшимся у него старушкам, что того «выдворят из занимаемого помещения», то есть из храма, солдаты ОМОНа. Так и случилось. А всему виной – зависть к деятельному и грамотному священнику. Примешивается сюда и так называемый пятый пункт, национальность.

Дело в том, что в юго-западных областях России преобладающее большинство православных священников – украинцы. На Украине, особенно Западной, коммунистам не удалось выкорчевать веру до конца. В селах остались храмы, которые и подпитывали движение украинских священников на Восток. Антиукраинские настроения в Церкви здесь очень сильны, и в начавшемся расколе играют не последнюю роль. Когда в епархии сменили владыку, тот батюшка с «золотыми куполами» признался, глубоко вздохнув: «Может, будет полегче, он хоть русский...»

Наличие нерусского «элемента» в Православии снижает националистический пафос. Православным нацистам, утверждающим, что русский может быть только православным, а православный – только русским, при наличии священников другой национальности – нечем крыть. И хотя они все равно дурят голову патриотам, эффект не такой устрашающий, как в других епархиях, где среди русобородых батюшек вдруг обнаруживается чернобородый, явно еврей. Ему, конечно, сразу инкриминируют распятие Господа нашего Иисуса Христа, ритуальные жертвоприношения и мировой заговор. Ладно, если эти обвинения исходят от темных, малограмотных делателей или злобных прихожан. Идиоматическое «я те сделаю!» я слышал и от весьма образованных людей. Одного хотел бы упомянуть. Это профессор богословия с тридцатилетним стажем. Закрепился на кафедре в хрущевские гонения и благополучно пересидел все последующие. Член множества советов, включая Всемирный Совет Церквей. Всегда был выездным. Перед инославными испытывает ужас, о католичестве говорит как о надвигающейся чуме. Тема «Католичество и Христианство» –

он разделяет эти два понятия – его главный конек. «Чего нам их бояться?» – спросил я его, имея в виду инославных. «Обманут и начнут диктовать свою волю», – ответил он.

Страх – вот генератор подобных опасений. Страх и недоверие к будущему, которое в руках Господа. Его юдофобство носит завуалированный характер.

– А может быть, Александра Меня убили свои? – вкрадчиво произнес он, когда мы остались наедине.

– Кто свои, кого вы имеете в виду?

– Евреи.

– У евреев такие методы не практикуются, – возразил я профессору богословия.

– Ну, то, что практикуется, – отвечал он, усмехнувшись, – мы знаем из Евангельской истории. Архидьякон Стефан, апостол Павел, Иаков, которого они обезглавили.

– Но ведь и Стефана, и Павла, и Иакова обвиняли в измене иудейской вере, и происходило это 2000 лет назад. А отец Александр, по национальности еврей, иудаистом по вероисповеданию никогда не был. Он и крещен в младенчестве.

Просвещенное сознание, обуреваемое страхом, держится за предрассудок, за предубеждение. Что же говорить о малых сих, о толпах новокрещаемых одним махом! – без оглашения, без какой бы то ни было подготовки...

Церковь, поднимающаяся из пепла, видимая ее часть, – вселяет надежды... И взыскует строительства невидимого Града на тех же, все еще шумящих руинах.

Видение чаши Святого Грааля

– Вы какого года, Александр Иванович? О, я вам в сыновья гожусь! – говорит отец Михаил, возвышаясь надо мной отвесным утесом. В нем два метра роста и метр поперек. Но, несмотря на тучность, он быстр в движениях. Облачает в боксерские перчатки сына, себя и ловко подставляет бока под его комариные удары. «Сдаюсь! Сдаюсь!» – кричит он, запыхавшись, и плюхается на диван.

– Надо бы бегать начать, а то я совсем обегемотился. Но прихожане мои испугаются, разбегутся от бегающего батюшки, – улыбается он. – Степенство и благолепие, по их мнению, – враг спортивным упражнениям. Это пасторы там всякие и ксендзы катаются на велосипедах, а для нас, православных, сие есть кощунство.

Книжные полки в его кабинете пленили меня с первого взгляда. Рядом с «Добротолюбием» и Святыми отцами соседствуют Федотов, Бердяев, Марцинковский, Александр Мень.

– Я все книги Александра Меня прочитал, ничего антиправославного в них не нахожу. Как, между прочим, и наш владыка или моя матушка Наталья. А им доверять можно.

Четырехглавый нарядный собор, в котором отец Михаил служит настоятелем, воздвигнут в конце XVII столетия во славу примирения России с Польшей. Воздвигнут на холме, на месте бывшего языческого капища. Именно о таком храме пишет Александр Мень в книге, посвященной богослужению восточной церкви: «...многоглавые соборы XVI – XVII веков с их галереями, приделами, нарядной изукрашенностью. Здесь, как и в готике, идея соборности, единства мироздания была воплощена в праздничной декоративности, вынесенной наружу».

Настоятель под стать этому красавцу – оба величественны и доступны.

Рядом с собором помещался женский монастырь, разоренный в 1937 году. Монахинь увезли в лес... Оставшихся в живых бросили в тюрьму. А одну взял в жены бывший пастух – начальник губчека. Каждый день сек ее кнутом – недолго она прожила под его ласками.

Давно нет стен монастыря, а остатки забора вокруг храма сползли в глубокий овраг. Место это красивое, привлекательное – особенно для парочек по ночам. Сторож их гонит, как мартовских кошек, – скамеек им в парке мало, нужно обязательно на паперти разложиться?

Выходит иногда на ночной дозор и сам батюшка. Он не из робкого десятка. Порядок старается держать во всем. В храме из деревянных копилочек вдруг стали пропадать деньги. Доступ в пустой храм имели только два человека. Вычислить жулика было нетрудно. Им оказался плотник, запойный пьяница, дважды судимый. «Пришлось его немножко поколотить», – смущенно признается отец Михаил.

Предки его – купцы, торговавшие на Волге, – имели свои магазины во многих городах. Советская власть род пресекала. Мальчик воспитывался у бабушки. Она и приохотила его к церкви.

Зато матушка Наталья унаследовала старинную, на триста лет ветвящуюся со стороны отца и матери священническую фамилию. Ровность характера, невозмутимость на грани бес-

страстия достались ей по наследству. «Да – да, нет – нет» – вот ее исчерпывающие ответы по телефону, которые могут показаться безучастными. На самом же деле это форма смиренного доброжелательства, обусловленная порою просто недостатком времени. На ней все домашнее хозяйство – и огород, и скотина, и стирка; двое детишек и кухня. Ведет она его несуетно и экономно. Я хотел с ней расплатиться за какую-то мелочь: то ли за молоко, то ли за автобусные талоны. «Что вы, что вы, нехорошо мелкие деньги отдавать», – отказалась она.

В отце Михаиле энергия бурлит с вулканической силой. Недаром же он поставлен благочинным. Владыка бросает его в самые ненадежные приходы епархии. И он своей расторопностью, миролюбием, авторитетом латает их, как прорванный бредень. На его счету два отреставрированных храма и один построенный с нуля.

По-хозяйски, не потеряв ни крошки, он распорядился гуманитарной помощью, полученной от американцев. Немедленно раскидал по приходам, а часть оставил в соборе на общие трапезы, на агапы. По воскресеньям собирается катехизаторская группа – будет чем ее подкормить, кроме Слова Божия.

Дома его застанешь редко. В этот раз он решил проведать дальний приход, заодно подбросить «помощь» – мешок риса и шесть банок растительного масла. Старухи наверняка нуждаются в той деревеньке, в пяти километрах от которой стоит храм Николая Чудотворца. Отец иеромонах Феофил отслужит обедню, рюкзак на плечо и – по монастырям до следующего воскресенья, а то и праздника. Большой любитель по монастырям ездить. Деревенька до недавнего времени была знаменита целительницей Агафьей. Сама больная с детства, с постели не сходила, а людей вылечивала. Водичку раздавала по капелькам, а вот Евангелие читать запрещала. В народе ее считают святой. Паломники шли и зимой, и летом к ее кровати, как теперь к могиле... А к Феофилу кто ж пойдет, раз он такой непоседливый.

Двери его дома открыты. Ни души. Открыт и курятник. И там пусто. И только в сарае мы нашли Стаса. Стас живет

летом при церкви, вроде сторожа. А на зиму перебирается в город, к отцу Михаилу в собор. Стас – редкостный звонарь. Нигде не учился, а звоны знает превосходно. Его звон ни с чьим не спутаешь.

– Но он блаженный, у него что-то с головой, – сказал отец Михаил и громко постучал себя по темени. – Мать, когда его родила, шибко гуляла, водила мужиков, а его запирала на балконе, чтобы не мешал. Вот он с тех пор, говорят, и тронулся.

Тишина... Рядом погост, где похоронен священник, умученный от большевиков. Еле приметная лесная дорога. И все это – деревянный храм с висячим замком, отворенный настежь дом священника, железные ограды вокруг могил (зачем здесь ограды?) и сами могилы – все увито высокой спутанной травой. Как будто гигантский паук поработал в этом уголке России и затянул его глухим разнотравьем.

– Стас, отопри нам храм, – попросил отец Михаил, желая показать мне хорошо сохранившуюся живопись.

– У меня ключей нет, – тихо молвил Стас.

– Нехорошо, что тебе ключи батюшка не оставляет. А случись пожар, загорится внутри?

Стас промолчал.

Мы пошли к реке. Ничего не оставалось как искупаться, перекусить и – в обратный путь, который не близок. А вечером отец Михаил хотел навестить дом престарелых.

– Что сначала, купаемся или едим? – спросил я.

– Едим! – утвердил батюшка, как будто заранее принял решение.

– С тяжелыми животами в воду лезть... – пропищала дочка водителя.

– Да откуда им быть тяжелыми! Два помидора и шесть яиц на четверых, – обозначил отец Михаил наши запасы, которые на самом деле были значительно богаче. Потешно смотреть, как он забрасывает себе в рот крутые яйца, будто семечки.

В приземистый «уазик» батюшка втискивается с трудом. Живот его лежит на коленях, как пуховая перина, – вздрагивает и переваливается от дорожных толчков. И все же в его

богатырском облике нет ничего лишнего. При могучем расходе энергии надобно как следует заправляться. Матушка ставит перед ним после ужина литровую кружку кипяченого молока, и он всыпает в нее полпачки растворимого какао.

– Матушка, есть давай! – командует он. А пообедав, предупреждает, чтобы далеко не расходились: «Сейчас чайку попьем». Гора белого и черного хлеба тает на столе рядом с ним, как снег на припеке.

На обратном пути мы остановились накосить свежего клевера корове – заказ матушки Натальи. Пока отец Михаил махал косой и прошел три рядка, я у дороги в березняке насобирал ведро крепеньких белых.

Благочинный давно выпрашивал у архиерея священника для дома престарелых. Наконец-то был послан в эту обитель скорбей отец Иосаф, монах преклонных лет, недавно рукоположенный в священники, а до того служивший протодиаконом в Почаевском монастыре.

К приходу священника отец Михаил оборудовал небольшую домовую церковь в первом этаже дома престарелых. В вестибюле у входа останавливает отца Михаила старушка, прикованная к коляске:

– Это правда, батюшка, что церква будет на втором этаже? Мы все калеки – на первом. А на втором те, что побойчее. Как же мы залезем по лестнице? Нас и поднять-то некому.

Отец Михаил на ее вопрос не ответил, нахмурился и словно туча двинулся по коридору.

Отца Иосафа мы нашли на втором этаже возле большой палаты, откуда выносили последние вещишки бывшие ее обитательницы. Он не ожидал вечернего визита, полагал к утру управиться.

– Да, – обиженно заявил он, – церковь будет здесь.

И перечислил причины, почему так решил.

– Над первым этажом есть второй, комната, а в ней бабы голые ходят. Дальше: рядом телевизор. А не положено рядом с церковью быть телевизору! Дальше: алтарь повернут не на

Восток. Когда-то еще во дворе храм построят – так и служить не по правилу? Дальше: туалет напротив. А наверху ничего этого нет и воздух почище. Один раз в неделю старухи на второй этаж доберутся.

– Этому не быть! – рывкнул отец Михаил. – Вы кому приехали служить, людям или себе?

– А не быть, значит, и меня здесь не будет. Возьму свой чемоданчик и дальше пойду, – смиренно заключил отец иеромонах.

Дом престарелых зашевелился, как муравейник. Событие всех переполошило. Самые проворные поползли на второй этаж. Переговаривались.

– А мы уже кровати на себе выносили...

– Батюшка сказал, нельзя, чтобы жили над церковью.

– Наш-то по сто двадцать человек причащал за воскресенье...

– Хорошо бы здесь священнику быть... Кому ж нам поисповедаться, случись что?.

Отец Михаил не сказал больше ни слова и решительно зашагал прочь. За ним, едва поспевая, следовали плотники и медперсонал.

Надо было уладить экономическую сторону, объяснить с директором. Директор, покладистый человек, тоже был смущен поведением нового батюшки, который в первый же день выставил условия: обить дерматином дверь в его комнате, купить парчи красной и синей два куска, в постные дни готовить ему отдельную пищу, и псаломщицу – завтра же! – оформить медсестрой.

Отец Михаил грустно покачал головой:

– Куда ж девать такого благочестивого! За штат еще рано. Бог с ним. Присосется где-нибудь...

И действительно, отца иеромонаха приютил сначала Новоспасский монастырь. Но там – стройка. Там надо землю рыть и кирпичи таскать. Там игумен – непредсказуемый человек. В прошлом году запил на Крестопоклонной неделе, не просыхал до Страстной, и Пасху пришлось отменить в монастыре.

Там благочестивым не место. Отец Иосаф съехал на третий день, подался, говорят, в соседнюю епархию.

Холм, на котором стоит собор, – самое высокое место в городе. Внизу разбежался и кое-где захватил черные огороды весенний паводок Стыни. Мальчишки жгут прошлогодние листья, возятся у воды, с ними собака. По песчаному склону бодро поднимается молодой человек. Явно горожанин: кроссовки, ассирийская борода, очки. Идет уверенно, как к себе домой. Позже выяснилось: он служит алтарником и живет при соборе. Частенько наезжает в Москву за книгами. Многие из тех, что, я видел, стоят на полках отца Михаила, привезены из Москвы.

Имя его – Яша Хвольсон. Он уроженец южного курортного города. Но давно уехал оттуда. Теперь вот зацепился здесь – не знает, надолго ли...

С детства он понял, что будет священником, стал прислуживать в храме, петь на клиросе. И вскоре безошибочно знал службу. А знать Библию и церковную историю ему, что называется, и сам Бог велел. Но епископ отказал в рукоположении Яше Хвольсону. А священнику, который рекомендовал его, давая безупречную характеристику, ответил кратко: «Не связывайся с евреями». Тогда Яша уехал подальше от родного города, оставив стареньких родителей, и поступил в духовную семинарию. Экзамены сдал блестяще. Ему уже показали койку в общежитии, его спальное место с 1 сентября. Но земля слухами полнится, и в родных его палестинах узнали о поступлении. К попечителю семинарии, к архиерею, последовал телефонный звонок. После чего попечитель приказал вернуть документы Яше Хвольсону. Увы, это был 92-й год. Уполномоченные по делам религий уже не имели никаких полномочий. Балом в церкви уже правили не они. Сбитый с ног вероломством владык, молодой человек подался и отсюда в поисках места при храме, где бы он мог приложить свои силы – отдать их Богу и людям. Но теперь запало сомнение: нужны ли кому его силы? Те студенты-семинаристы, его ровесники, с которыми он познакомился в общежитии, уже

давно заняли свои места на приходах – настоятели, игумены, кандидаты на епископскую кафедру... А его носит, как сорванный лист, теперь прибилась здесь, у этой насыпи, – кто знает, надолго ли...

Православный священник-еврей в нашей церкви – как бо-родавка на носу. Уж если появилась, свести любыми способами – хоть скальпелем, хоть топором. А еще лучше: появления не допустить. Попечитель семинарии – известный либерал. Но если и он испугался телефонного звонка коллеги-антисемита, чего ждать от других владык, генеалогия которых начинается с пробы советского розлива.

Однако рядовой священник не испугался, хотя Яша все ему рассказал. Отец Михаил оценил его возможности и поставил руководить катехизаторской группой, то есть готовить тех, кто сможет работать с людьми, просвещая их перед крещением. Яшу поселили за столярной мастерской. В его каморке много книг, раскладушка, но нет стола – некуда поставить – и нет электричества.

Да, по всему видно, отец Михаил – незаурядный священник. Не потому, что он умаляет свое величие – никуда не деться от такой внешности, – а потому, что не чувствует себя начальником. Он такой же двужильный труженик, как и вся его малоимущая паства, зажата перманентным российским беззаконием. Священника от мирянина отличает единственное – степень ответственности. За близость к алтарю Бог взysкивает со священства неизмеримо строже, чем с нашего брата-мирянина. Лишь непонимание заставляет видеть в священнике господина, форменного начальника. Что подкрепляется и ритуальной стороной: целованием руки, беспрестанным испрашиванием благословения и, главное, тем скованным, якобы смиренным состоянием, в котором оказывается церковный человек, не понимающий толком, что в церкви происходит. Непонимание порождает страхи. Смирение, которое зачастую паче гордости, не отодрать от ритуального православия.

Совсем иная картина в американской православной церкви или в польской – в других не бывал. Обрядовая сторона

там мало чем отличается от нашей, отличается положение священника: в нем отсутствует кастовое превосходство. Станным образом русское православие смыкается с обрядовой стороной ветхозаветной церкви, многие служители которой при жизни Христа походили на служителей жреческого сословия.

Чем это объяснить? Византийским наследием? Или социальной протрацией, когда на месте правового сознания зияет привычная брешь? Или нашим особым благоговением перед материей, плотью, землей?.. (Недаром поймались на материализме.) Почитание творения как дела рук Божиих?.. Пушкин мимолетно выразил это состояние: «Благоговевя богомольно перед святыней красоты». Но чего больше в этом обожении мира – языческого раболепия или бескорыстного восторга? Где кончается идолопоклонство и начинается благоговение?

Отец Михаил рассказывает, что в Великую субботу его осаждают прихожанки – тащат платки, чулки, даже исподнее, требуют положить «под плащаничку». Верят, что освященные на Пасху вещи снимают боль: ножную, головную и всякую прочую...

Вот и рассуди. А ведь престол так же причастен к Чаше с плотью и кровью Христа, как и рука священника, почему мы ее и целуем. То же и священник: войдя в алтарь, прикладывается к престолу. У кого же вера, а у кого суеверие? У того, наверное, кто, отдавая дань Святыне, взамен ничего не просит, в том числе и физического исцеления. Тогда как понимать чудо с кровоточивой женщиной, которая верила, что если только прикоснется к краю Его одежды?..

Я позволю себе маленькое отступление в историю, в то время, когда складывался европейский эпос, повествующий о рыцарстве, об эпохе, которая, по утверждению Бердяева, прошла мимо России. Тем более что с отцом Михаилом можно обсуждать профессиональные проблемы с любых исторических и географических точек – он не заподозрит в предубеждении.

За круглым столом короля Артура на праздник Пятидесятницы и на Пасху собирались не просто самые доблестные рыцари, но и самые великодушные, самые справедливые. (Кстати, понятие «круглого стола» – оттуда.)

Некоторым из них на пути великих подвигов как видение являлась Чаша Грааля, осиянная святой кровью, которая пребывает в ней. По преданию, эта Чаша стояла когда-то на столе Тайной вечери. Иосиф Аримафейский, пришедший на Голгофу, собрал в эту Чашу кровь Иисуса Христа. И теперь Чаша открывается самым доблестным, самым чистым. Преклонение перед кровью Христа сопряжено с рыцарством, с нравственной прививкой. Школа рыцарства прививала достоинство, отмеченное Божественным присутствием.

Рыцарские подвиги имели под собой моральную основу, сформулированную в римском праве. И только тот, кто до конца оставался верен правовым основам, удостоивался Божественного откровения.

Сначала право, потом – откровение; сначала закон, потом – Благая весть. Скажу больше: сначала дороги, проложенные Римом сквозь всю Европу, а потом – шагающие по ним вестники Слова Божия. Ни дорог, ни права в России нет по сию пору.

Европа веками приучена благоговеть перед Евхаристической чашей, образ которой угадывается в Чаше Грааля. Современные католики, участвующие в адорации, – прямые потомки тех рыцарей. В католическом храме дарохранительница с телом Христа бывает всегда доступна – взгляду, созерцанию, для размышления перед ней. Это ведь тоже поклонение плоти, пронизанной Божественным духом.

Отец Михаил не сдерживает улыбки:

– Я всегда говорил, что у нас много общего с католиками. Не зря мы считаемся церквами-сестрами. За семьдесят лет, конечно, многое изменилось, многие христианские и просто добрые обычаи сползли в овраг, как наш забор вокруг храма. У нас тоже были чаша – с водой – и хлеб. Хлеб и вода – симво-

лы жизни. Они ставились на поминках в знак памяти о покойнике. А сегодня возле портрета покойника – рюмка с водкой: бессознательное выражение нашего духовного состояния, нашей символики жизни. Вокруг очень некруглого стола.

Но и вокруг очень некруглого стола теплится надежда... Может быть, опомнится Россия и с концом света Провидение повременит? Ведь сколько добротного материала отпущено на этого верного пастыря помимо решительного голоса и широкого жеста.

В городе он заметная фигура. Так или иначе, но с ним считаются. Политические, общественные течения бурлят водоворотами в сегодняшнем паводке, подтопившем не только черные огороды.

Заявляются коммунисты:

– Зачем я вам нужен? – говорит священник. – Вы же отрицаете Христа. Ваша вера глубоко противна христианской.

Представители от коммунистов обещают:

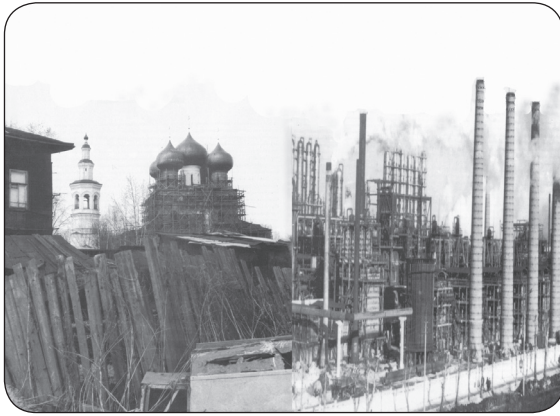
– Но мы хороших священников трогать не будем.

Нацисты высказались прямо:

– Для элиты у нас будет православие, а для простого народа – язычество.

– Приходили и язычники, но несли такую околесицу, что передать их бред невозможно, – добродушно заключает отец Михаил.

Но все отметились. Все. Возле церкви... У знаменитого собора, как пробегающие мимо собаки у телеграфного столба.

Промзона

На западе, там, где заходит солнце, город обрывается цепью оврагов и широкой поймой. Над рекой, смутно белея, светится храм. Стоят долгие майские сумерки. Со стороны заречного леса накатывает тёплой свежестью, и в её потоках шныряют майские жуки. Тучи ребяташек носятся за ними. Сначала я не мог понять, зачем дети бросают вверх куртки и шапочки, пока не спустился на дуг и не попал под обстрел рокочущей, напряжённо жужжащей шрапнели. А я-то думал, что майские жуки совсем улетучились из российских пределов. В замусоренных подмосковных лесах, как в продырявленных кавернами лёгких, по весне слышны только сипение да всхлипы. А здесь их, как мальков в садке. И столько же кувыркающихся ребяташек.

Очень похожа эта идиллия на картину Питера Брейгеля «Детские игры». Хотя впечатляющей реальности, как всегда, не хватает гармонии. Когда бессмысленности уродливого мира противостоят композиция и цвет – альтернатива, врождённая творческому гению.

Отец Алексей в городе единственный священник. Он молод, лет тридцати, и, наверное, не прочь бы и сам погоняться

за майскими жуками. Да неприлично сану, а потому детским играм предпочитает телевизор. Чёрная ассирийская его борода, как вороново крыло, отликает синевою. В смуглом лице, в крупных глазах есть что-то цыганское. Да и фамилия – Геттуев – выдаёт нерусское происхождение.

Живёт он в первом этаже многоэтажки, в двух комнатах, с тремя детьми, четвёртый ожидается со дня на день – матушка на сносях.

Город не так давно вырос вокруг связки заводов: пластмассового, механического, известкового, а сейчас достраивается линолеумный. Карьеры с нужным сырьём – рядом: унылой чередой они тянутся на многие километры. Те, что отработаны, зияют многоярусными кратерами, по краям которых громоздятся терриконы красной глины. Выгребли гравий до зёрнышка из вспоротого чрева, и теперь оно затягивается мелким кустарником.

Летом, когда с этой стороны дует ветер, прополаскивая промзону, город покрывается липкой пылью. Пройдёт маленький дождичек, и пыль смачно зачавкает под ногами. Асфальтом покрыты только две улицы, по которым автобус развозит рабочую смену. Так что здешний горожанин от природы не оторвался: ему, выходящему из подъезда, сразу стелется под ноги мать-сыра земля, как если бы он выходил из деревенской избы. Торчат многоэтажки, врытые в землю, а дух всё равно остался деревенский. На лоджиях, сплошь застеклённых, горожане держат кур и кроликов, в подвалах – свиней.

У отца Алексея лоджии нет, а в подвале, в своём закутке, он хранит картошку. Вот и сегодня он с семьёй на огороде. Весной каждый час дорог, по пословице: день год кормит. Огород ему определили возле храма, там, где раньше был самозахват – ничейная земля. После работы народ с лопатами и граблями тянется на огороды, или, как принято здесь говорить – на дачи. Дачами, крошечными домиками величиной с уборную, заставлен склон за рекой, до церкви нужно идти ещё дальше. Получается, что храм, по видимости близкий, отстоит от города километров на пять. Путь к нему только один – че-

рез обходной мост; зимой старухам не осилить, а молодёжь... До молодёжи у священника пока руки не доходят.

Отец Алексей человек осторожный, но оборотливый. Другому на его месте за два года церковь бы не построить. Генеральный директор – хозяин Строймашполимера – про него говорит: «Ну, что он за священник! Его гонишь в дверь, а он в окно лезет!»

– А я, и вправду, – рассказывает отец Алексей, – приеду, изложу свою просьбу, вижу, он не в духе. Приеду завтра, он вроде помягче, я опять о том же. Так, глядишь, своего и добьюсь... А просить приходилось всё – от гвоздей до цементных блоков. Заявишься в их офис, как грузчик – весь в грязи: то щёбёнку возишь, то кирпич разгружаешь... Я, знаете, ходить спокойно перестал: всё бегом да бегом. Бабушки надо мной посмеивались. А у меня минуты на счету. Машины нет. Автобусы. А жил в районном центре. Изволь уложиться в расписание. Вот я и прыгаю, как карась на сковородке, тороплюсь не опоздать на последний рейс.

Начальство меня не стеснялось. Я для них, как прораб, – анекдоты, матюшком при мне, это запросто. А куда деваться, церковь надо поднимать... Мы с бабушками её собирали по кирпичику. Это уж потом нам пожаловали бригаду каменщиков. Но купола, однако, сами красили. Бабушки мои на купола по лесам залезали. В то время я поломанный был – нога в гипсе. А в храме холод, пальцы не гнутся, сдвигаешь страницы кулаком...

Промзона, расплзшаяся на равнинном пространстве, стоит, вроде матрёшки, из нескольких подобий. Сначала внешняя, собственно городская часть. Внутри её, обставленные бетонным забором, заводы. На территории заводов, за «ключочкой», – тюрьма. А в тюрьме – своя зона, для туберкулёзников. Преступники, большие туберкулёзом, содержатся отдельно в этой последней матрёшке.

Начальник тюрьмы стал верующим недавно, после того как попал под машину «скорой помощи». Возвращался однажды со дня рождения «на бровях». И вот вместо гибели возро-

дился к новой жизни. Воистину руку скорой помощи протянул ему Господь в момент катастрофы.

Как только отпустило со стройкой и сняли с ноги гипс, священник наладил еженедельные визиты в тюрьму: исповедовать и причащать. А там то же, что и на воле, – вражда.

– Разделились мои православные на две группировки, – вздыхает батюшка, – никак их не примирить. Один герой даже крест проглотил, чтобы доказать свою правоту. Я им говорю: какие ж вы христиане, враждой пышете!

Я оптимист, но не могу не видеть, что времена наступили последние, апокалиптические. В третьем классе девочки курят, красят губы. Неподалёку отсюда есть комбинат для дефективных детей. На самом деле дети от рождения нормальные, но – запущенные. Матери бросают их, оставляют в роддоме. А дальше – общественное воспитание, няньки – у каждой по десять-пятнадцать человек. Вот они и вырастают дефективными, мычат, не умеют слова сказать.

Мы идём с ним по центральной улице, на которой стоит клуб, перестроенный из бывшей церкви. В нём ежедневная дискотека, по субботам крутят порнушные фильмы. Частенько наезжают со своими фокусами колдуны. Сейчас у кассы толпа. Предстоит какое-то зрелище. А вот и афиша:

«Россия – Индия – Китай – Дамы и господа, синьоры и синьориты, деловые люди и обычный простой народ!

Вы хотите излечить болезнь, снять боль физическую или духовную?

К вашим услугам оригинально-уникальные лечебные сеансы от всех недугов.

Их проводят универсалы-магистры «Белой магии» БЕЛЯЕВЫ, которые пользуются большим успехом среди населения средней полосы и за рубежом.

А убедиться в их способностях сможете, если посетите сеансы и захватите с собой воду, фотографии, бумагу, ручку.

Кроме физических заболеваний снимаются СГЛАЗ, ПОРЧА, РОДОВЫЕ ПРОКЛЯТИЯ.

Цена билета 5 000 рублей.

Курс лечения – 4 сеанса.

Индивидуальные сеансы после общих, по записи.

Принимаются коллективные заявки!»

– Пять тыщ, недурно... – улыбается отец Алексей. – Мне бы сюда второго священника, грамотного, я бы воскресную школу открыл в этом клубе.

Монахини женского монастыря, что обслуживают епархию, тоже мечтают сюда перебраться, построить скит – тем более что ютятся они сейчас в развалюхе, в холоде и тесноте. Работы в промзоне – непочатый край. Но владыка их держит при себе: женские руки в епархиальном хозяйстве незаменимы: уборка в соборе, приготовления к праздникам, те же огороды и парники полоть... Нет, он их не отпустит в такую даль.

Но свято место пусто не бывает, если вспомнить, что Христос пришёл не к здоровым, но к больным, не к праведникам, а к грешникам. В промзоне работают пятидесятники – крепкая, деятельная община. Не только делом они утверждают свою веру, но и словом. На их воскресные собрания приходит молодёжь, молитвенный дом рядом. Будто читая мои мысли, отец Алексей удручённо заметил:

– До храма из города напрямую рукой подать, если построить мост. Начальство планирует – в том направлении у них участки, кладбище... Но, боюсь, не скоро сбудется. На дачи они приезжают на собственных машинах, и на кладбище их тоже привозят... с музыкой...

– Но начало положено, храм стоит. Вы говорите, что среди прихожан есть учителя и врачи...

– Есть. Но порой так тяжко и безвыходно, что чувствуешь себя погибшим человеком. За своё ли дело взялся!

– За своё! – перебиваю я решительно. – Это муки рождения. Любой мастер испытывает сопротивление материала. Ведь Россия заново рождается, второй раз... Без вашего оглашения она захлебнётся в купели. Промзона залепит ей известью глаза и уши.

– Но так трудно, такое невежество кругом! Непонимание азов веры и, главное, нежелание понимать! Ведь при большевиках они были рабами. Какая-нибудь бабуля скрюченными пальцами когтила землю в колхозе. Ни гроша им не платили, никуда не отпускали. А сейчас она горюет по тому времени и считает его лучше нынешнего. Люди боятся свободы, не хотят её, особенно те, кто век прожил в оковах. В оковах спокойнее. Живут по инерции... Невольно вспомнишь племя иудеев, которых вывел Моисей из египетского рабства.

В том месте, где сейчас встал храм, триста лет тому назад крестьяне нашли на прибрежной отмели икону Божией Матери. Обретению иконы и был посвящен первый деревянный храм. По преданию, она плыла чуть ли не из «самого Ерусалима» – по морям и океанам, по чужим немецким странам, и прибило её к чистому берегу, к русским полям. На самом же деле икона не старая, западного реалистического письма. В лике прочитывается лицо Мадонны. И весь образ напоминает Ченстоховскую Марию.

Святыня одета в серебряный оклад, украшена жемчугом. Чудом она сохранилась в советское время. Отец Алексей в храме её не держит – уносит домой после каждого богослужения. «Вот переселюсь сюда, к храму, тогда и помещу её на постоянное жительство... А пока у нас даже забора нет, одни ворота красуются, которые завод подарил».

И правда. Стоит храм – белый лебедь с зелёными куполами. А напротив – чугунные, тонкого кружевного литья ворота. И всё пока хозяйство. И виден отсюда город – промзона, простёртая по горизонту, как будто кардиограмма больного в предынфарктном состоянии: заводские трубы, нервный рельеф жилого квартала, подъёмные краны...

Транзитный батюшка

Быковичи, Сенкевичи, Митавичи – бывшие еврейские местечки. Евреи жили здесь до революции, но разбежались, напуганные погромами. Оставшихся добили немцы в Отечественную войну. В многочисленных списках получателей гуманитарной помощи в этих местах я не встретил ни одной еврейской фамилии.

Именно из-за этих списков отправились мы сейчас в самый дальний район епархии, потому что настоятель одной из церквей таковых не представил. А значит, инспекторский отчет по этому приходу повиснет в воздухе, чего американцы не терпят, – отчетность о распределении продуктов они требуют самую тщательную.

Попутно мы заехали еще в два-три прихода, но о своем прибытии не предупредили заранее, а батюшки, как правило, на месте не сидят, нужда в них постоянная: на десятки деревень – единственный священник.

В Хиславичах встретила нас матушка уехавшего на требы священника, встретила не очень любезно. Был канун престольного праздника, и она, умаявшись за день в храме, возилась теперь у плиты.

– Когда же вернется батюшка? – спросили мы.

– А не знаю, я в дела его не влажу, – ответила попадья.

На столе возвышался таз с вафельными стаканчиками, еще не наполненными кремом. На кухню вбегали дети, чтобы запустить руку в таз и убежать, похрустывая вафлей.

И все же в Шумячах мы застали под вечер отца Исаака. Храм – бывший музей. Или музей – бывший храм, ныне наполовину отданный Церкви. Во второй половине – постоянная экспозиция местного живописца, знаменитого тем, что он состоял в членах Союза художников СССР. Прямая стена храмовой половины, перегородка, обращена на восток, а противоположная, где апсида и высокая солея в несколько ступеней, – на запад. Видно, храм был униатский. Униаты, как и католики, алтарную часть храма ориентируют на запад, к римскому престолу. Храм был посвящен пророку Илие, а недавно переименован и переосвящен. На стенах, как праздничные плакаты, наклеены большие бумажные иконы.

Редкий священник отпустит гостей из своего дома, не посадив за стол. Тем более узнав, что они весь день в дороге. Украинский борщ, яркая зелень, пряно пахнущие малосольные огурчики, маринованный перец и другие домашние закуски – все это урожай с земли, густо-густо опыленной радиацией. Здоровых людей в этой местности нет. У всех или щитовидка, или средний зоб, или анемия. Дети растут слабенькие, у большинства – болезнь крови, лейкомия. В семье священника трое детишек. Один умер в год чернобыльской катастрофы. Но население живет здесь, никуда бежать не собирается и, получая свои гробовые – денежный довесок за радиацию, не замечает смертоносного фона.

Отец Исаак спокоен, улыбчив. Влажные глаза его широко раскрыты и будто ничем не защищены. И правда, я вдруг заметил: на красноватых веках нет ресниц. Говорит он так, будто извиняется за возможную неточность сказанного, и этой возможной неточностью смущен.

– Трудно нам. Народу нет, – сетует матушка Елена. – Открыли пивбар в поселке, вся молодежь – там.

Но кое-что в противовес пивбару уже делается: работает воскресная школа, по местному радио священник каждую неделю ведет передачи о Библии. Это – первые шаги. Храма еще настоящего нет, и служит на этом приходе отец Исаак всего лишь полтора года.

– Люди в церковь не идут, потому что прежние священники были транзитные. Не задерживались, к тому же пьяницы.

– Мы как приехали, – подхватывает матушка, – сразу на следующий день являются к нам двое мужиков: «Батюшку!» – «А зачем вам?» – «Выпить нет ли?..» Я на них как поперла... Они – ходу. А вдалеке, вижу, стоят еще трое. У них это обыкновенно было – прийти к батюшке бутылку распить. И начальство местное тоже захаживало. Если приезжает в дом, полагается на стол выставлять. Они решили: и этот такой же. А мой не пьет. Я их и погнала.

А вот священник, что нам не представил списков, кажется, именно такой...

– Нельзя ли позвонить отцу Сергию, предупредить, что мы к нему едем?

Тот, узнав по телефону голос отца Исаака, притворился, что не слышит. А на повторный звонок не откликнулся, не поднял трубку.

– Главное, на месте, – обрадовался я.

В марте отец Сергей приезжал за «помощью» в епархию пьяный, но с двумя трезвыми помощниками. Капитолина Власьевна, наша сотрудница, не хотела ему выдавать продукты, но помощники поручились доставить все до места и отчитаться.

– Как же вы можете служить? – удивилась тогда простодушная К. В., уже наслышанная о нем.

А крестить-хоронить надо? Ко мне и идут. Накормят, напоят, еще и спать уложат, – браво ответил ей священник.

Рассказывают, что иные крестины заканчиваются у него скандалом. Был случай. Приехали крестить младенца из соседней деревни. А он их с порога спрашивает: «Бутылку привезли?» Молодые родители не знали, что крестят за бу-

тылку. «Дома-то есть, конечно, дожидается, а в церковь нет, не взяли...»

– А не взяли, тогда и идите с Богом, – прогнал их отец Сергей, с утра явно не опохмелившийся.

Глухая деревенька, домов двадцать. Храм Михаила Архангела утоп в густом кустарнике – за бузиной и орешником не видать старых могил. Неподалеку – дом священника. И здесь к крылечку вплотную подступили лебеда и крапива. Калитка нараспашку, а дверь на замке... «Неужели почувствовал, что гости к нему едут вслед за звонком?» – подумал я. И только подумал, послышались голоса, и из-за плетня показались два удилица. Кто-то шел с рыбалки и громко и сердито разговаривал. Это и был отец Сергей со своей спутницей, которая поднималась за ним в гору понуро, как колхозная лошадь. Увидев нас, отец Сергей издал ликующие звуки, и мы поняли, что он крепко навеселе. Поставил в угол удилица – длинные, подобранные, видно, что рабочие; и удит он не для кошки, не ради удовольствия. «Я на семь тыщ в месяц живу», – объяснил он свое материальное положение.

Вошли в избу. Лохматый слой копоти на стенах, полчища мух, в сенях – трехлитровые банки «закрученной» свинины. На толстом костыле – на таких вешают хомуты в конюшнях – висит портрет отца, тоже священника, тоже алкоголика, десятки лет прослужившего в областном городе. У всех, так сказать, на виду. Но советскую власть только такие виды и устраивали. Она мирволила заблудшим пастырям и даже разводила их в своих питомниках. Еще до-о-о-лго след направленной селекции будет заметен в нашей Церкви.

Никаких списков у отца Сергея, конечно, нет. Он раздавал продукты простым способом. Выставил мешки с рисом и чечевицей, раскупорил бочки с маслом – подходи, набирай сколько хошь! «А списков я никаких собирать не буду. Расписываться – сатане присягать».

– А это хто? – спрашивает Капитолина Власьевна, показывая на бумажную иконку, прислоненную к стакану. Она мастерица невпопад задавать вопросы и отвечать на них.

– Это Сергей Радонежский, – с трудом выговаривает отец Сергей.

– Кто? Сергей Ладожский? – не разобрала пьяных слов Капитолина Власьевна.

– Эх, ты! – обрадовался священник. – Помощью занимаешься, а в религии ни бум-бум!

Он пытается за ней ухаживать, называет Капитолечкой, ходит вокруг голубем, воркует, того и гляди отважится запустить руку под кофточку.

В городе у него семья, дети. Но служить ему в городе епископ не разрешает, перекачивает с прихода на приход, пока люди терпят.

– Как же ж вы так напиваетесь! – задала К. В. вопрос прямо, что называется, в лоб. Забыла, за чем мы приехали! За тем, что можно добыть у него только мирным способом.

Отец Сергей обиделся. И чуть было наше посольство не закончилось неудачей. Ндрав взыграл в батюшке.

– С Богом! С Богом! Ступайте, никаких расписок я вам давать не буду! С Богом!

За минуту до того я предложил ему:

– Вот вам чистый лист бумаги, напишите, пожалуйста, что я вам продиктую.

– Ишь ты, ты будешь диктовать, а я – писать...

– Я продиктую текст, который как-то может оправдать неверную раздачу помощи.

И он уже разгреб место на столе, чтобы поместить лист бумаги. А теперь:

– Не буду ничего писать. Она, – показывает на К. В., – обещала мне шестьдесят мешков риса, а дала двадцать. Она меня обманула.

– В следующий раз получите остальные, – успокаиваем мы его.

– Не буду.

– Ну, тогда мне придется подавать докладную записку владыке, – захожу я с другой, опасной стороны.

– Пишите! Присылайте комиссию! Хоть две!! С Богом!

Капитолина Власьевна примолкла, понимая, что выступила неудачно. В конце концов удалось уговорить его.

– Ладно, – смирился священник, – только ты сам напиши, а я подпишу.

– И печать поставьте.

Найти печать в углах, заваленных тряпками и богослужебными книгами, оказалось непросто.

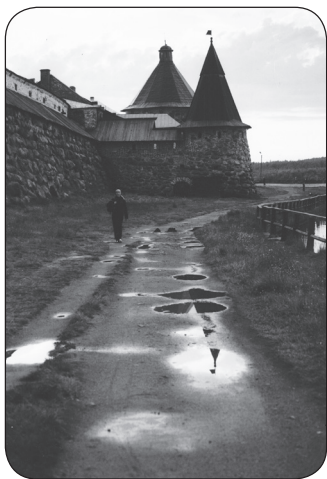
– Баба, наверное, взяла да куда-то сунула, – бурчит он.

Наконец печать найдена, справка составлена по форме и подписана, мы откланиваемся.

– Нет, вы со мною должны чайку попить! – загораживает дверь хозяин. Насилу отбились.

– В другой раз не отпущу, – обещает он, прощаясь с нами, как с лучшими друзьями.

В машине отец Исаак, сидевший рядом с водителем, повернулся к нам: смущенная улыбка, влажные глаза без ресниц. Ему стыдно за своего соседа, за своего собрата. Что добавить к увиденному? И хотя у него есть что добавить, он молчит весь обратный путь, а я не спрашиваю.

Монастырь в миру

Поодиночке, стайками детишки спешат подойти под благословение священника. Завидев его, они, как гуси, тянут свои склонённые головки, и он прикасается к каждой, а если торопится, отпускает «общее благословение», и они тут же разлетаются.

День начинается с молитвы, которую они вместе с духовником отцом Михаилом произносят вслух перед началом занятий – внятно и неторопливо.

Православная гимназия города Рославля помещается в Спасо-Преображенском мужском монастыре. Ей девятый год, 96 учеников, самые старшие девятиклассники. Монастырь только восстанавливается, мерзость запустения, поразившая его в XX веке, всё ещё зияет развороченными язвами. У сельников никаких удобств, самые необходимые – на улице. Чего не скажешь о гимназических корпусах – они просторны и светлы.

Когда игумену отцу Сергию Зятькову было предложено приютить под своей опекой детское учреждение, он принял это, как промысел Божий и главные силы сосредоточил на нём. Монастырскому укладу мирская жизнь не помеха, а может быть, и напротив: сообразуясь с отечественными условиями,

даёт возможность обрести своевременный опыт «спасаться в миру». На Западе есть монашеские ордена, сосредоточенные в мегаполисах. Они трудятся, как пчёлки на разнотравье – открыто и жертвенно. Первым, кто на пороге XX века разрушил стены своего монастыря, а точнее, не достроил их, был француз Шарль де Фуко. Он трудился в Сахаре, помогая как врач и просветитель враждующим племенам и мирным кочевникам. Русская монахиня Мария (Кузьмина-Караваева) тоже подвизалась в миру, – в последние годы на почве, выжженной фашизмом. А чем не пустыня бескрайнее постсоветское пространство, оживлённое редкими оазисами...

Отец Сергей молод, хорошо образован, по-доброму ироничен, чувство юмора не оставляет его. Вот характерный анекдот, рассказанный им, над которым сам же густо и язвительно хохочет: «Зашёл священник к старухе в дом. Та говорит: согрешила, батюшка, бес попутал. А бес из-за печки подаёт голос: я и подумать ещё не успел об этом, а она уж согрешила».

Рославль в двух шагах от Белоруссии, рядом с монастырём пролегает шумная деловая дорога на Запад, куда неуследимо катится наркотическая дурь с Востока. Где её купить в городе, знает любой подросток. С одним я разговорился, правда, ошибся в возрасте, «подростку» 28 лет: «Курят план, опиум; анашу за наркотик не считают. Из моих друзей никого в живых уже нет – тот укололся с перегрузом, тот нашей табуретовкой опился, того зарезали, тот повесился. А Никиту шальная пуля нашла в родном доме. На улице перестрелка, соседи в кухне на пол попадали, а он у окна торчит, ему интересно...».

И в городе, и в деревне молодёжь развлекается одинаково. В сельскую дискотеку ворвались трое в масках и – полосовать ножами кого попало! Кто? За что? Непонятно... Прыгнули в машину и след простыл. Граница-то рядом...

Сам президент Путин осведомлён о здешних разборках. А всё же Рославль не Грозный и даже не Гудермес. Как-никак, в городе несколько храмов. Спасо-Преображенский собор – на Пролетарской, Богородичный – на Ленина, а идём мы сей-

час с Ларисой Алексеевной, директором гимназии, по улице имени Розы Люксембург. Названия улиц, словно всосались в кровь и невытравимы, как татуировка.

– Чем же отличается ваша гимназия от обыкновенной школы? – спрашиваю я.

– Мы, надеюсь, закладываем в детях фундамент настоящей культуры, неотделимой от религиозных ценностей. Сначала азы, церковное пение, потом христианская этика, с шестого класса история церкви, с седьмого – введение в Богословие.

– А если бы мусульманская или еврейская семья захотела отдать своего ребёнка в гимназию, какую бы этику вы им предложили?

– Пока никто из инославных к нам не обращался. Но отец Михаил, читающий религиозные предметы, и его матушка Татьяна люди безотказные, не сомневаюсь, нашли бы какие-нибудь факультативные варианты.

А общеобразовательная программа у нас ничем не отличается от стандартной, разве что иностранными языками, которых пока два, а хотели бы ввести ещё греческий и латынь.

– Неужели дети не дерутся и не шалят?

– Шалят, конечно, мы таких на богослужении в храме ставим на левую сторону, к девочкам. А если случается драка, то это крупное ЧП.

Но вообще-то родители спокойны за своих детей, которые остаются до вечера. Выбор у них богатый: индивидуальные дополнительные занятия, художественная мастерская, хореография, хоровое пение, детский театр, спортзал. А летом походы: хочется знать родные места... Известные оптинские старцы Леонид, Макарий, Амвросий вышли отсюда, из рославльских лесов.

– Каковы же успехи, много ли второгодников?

– Второгодников нет. Мы усиленно помогаем отстающим, тем более если семья воцерковлённая. Это очень важно, когда помощь приходит из дома. К сожалению, воцерковлённых семей меньшинство... Но, может быть, дети заронят дома то, что получают от нас...

И Лариса Алексеевна поведала удивительную историю, с точки зрения лечебной медицины необъяснимую...

Бабушка, прихожанка монастырского храма, уговорила сына отдать дочку в гимназию. Сын и сноха люди неверующие. Два года родители терпели, видя, как дочка крестится перед едой, как молится перед иконкой над кроватью. А на третий решили: хватит с неё религиозного воспитания – и перевели в обычную школу. А сказали, что денег нет, да и возить далеко. Она походила в эту школу одну четверть и... слегла. Странное неизвестное заболевание замкнуло в позвоночнике один позвонок. Её перекосило, правое плечо задралось выше левого на 15 сантиметров. Врачи рекомендовали специальный санаторий, где в гипсе она должна пролежать не менее трёх лет. Мать готова была там работать нянечкой. Однажды она мыла девочку в ванной и снова увидела её искривлённое тельце, не выдержала, бросилась на колени и завопила: «Господи, помоги дочке! Если сможешь верну в гимназию...» Она догадывалась, да и свекровь говорила – болезнь оттого, что оторвали от Бога. Ведь и правда совпало: как только ушла из гимназии, перестала развиваться. А тут ещё одно препятствие. В Смоленске, в областной больнице теряются их документы – анализы, справки. Делать заново, снова облучать, мучить девочку... Да они уже и не успеют к сроку. Ёе ничем не лечили, ведь не знали от чего лечить... И вдруг мать увидела: что-то произошло, что-то сдвинулось в маленьком измученном тельце. Однажды девочка встала и, покачиваясь, подошла к окну. Выздоровление началось... На очередной комиссии в Смоленске спросили: «Какие лекарства вы ей даёте?» На этот вопрос, наверное, могла ответить только бабушка, которая крепко молилась за всю семью, а за внучку особенно. «У неё явное улучшение, и осенью вы сможете отдать её в школу». Кончалось лето, в гимназии ждали, зная о выздоровлении, а мать всё медлила и медлила... Что происходило в её душе?.. И наконец, только 31 августа, она принесла заявление...

Сейчас девочка совершенно здорова, никто не скажет, что – перенесла такое...

А я вспомнил мнение священника, у которого на приходе одни старушки: «Без толку приобщать детей к церковной традиции, если в семье бардак. Ты ему здесь о смирении, о постах, а мать ему дома: садись, жри, чего дают, попы сами не делают того, чему учат».

Он проговорился; это мнение тех, у кого слово расходится с делом. Чему они научат детей? И хорошо, что не берутся.

Одно обстоятельство сыграло важную роль в становлении гимназии. В 1998 году митрополит Кирилл заключил соглашение между Смоленской епархией и администрацией о сотрудничестве и взаимной поддержке. Только тогда отреагировал комитет по образованию. Дал команду учителям, и отец Михаил дважды в месяц в течение года собирал их на семинары. Приезжали даже из дальних деревень.

Он ставил перед ними и детские вопросы, и взрослые. Что есть человек? Зачем живём? Как соотносятся библейское откровение и современность? Готовил с ними программы, объяснял смысл праздников, постов. Оченьгодились книги Александра Меня. Одну из них – «Культура. Христианство. Церковь» – учителя целый год читали по кругу. Ликбез на улице Ленина. Не просто интересно, а жизненно важно, и учителя вскоре потянулись в храм, на исповедь, на церковные службы... Кроме того, нашёл деньги, как-то извернулся с ремонтными работами в своей церкви и подарил каждой учительнице по весомой религиозной библиотечке. А ведь было всяко... Проводит беседу в школе, а за дверь: «Поп! во имя отца! и сына! и святого духа!!!» – и топот убегающих ног.

Изыскивать средства приходится и отцу игумену. В монастыре питается 150 человек ежедневно, не считая гостей, которые порой забредают «подработать на дорогу». Для сравнения: обед в городской школе 1 рубль 50 копеек, в гимназии: завтрак и обед 35 рублей. Родители платят, но не все. Их денег едва хватает на зарплату учителям и питание. Все учебники покупает гимназия. Расходов – тьма: плохо оборудованы физический и химический кабинеты, в спортзале пусто: три мяча и две пары гантелей – вот и весь спортивный инвентарь.

Областной комитет обещал подарить фотоаппарат... Зато есть богатая библиотека, куда отец Сергей отдал почти всю свою... Много детских журналов, подписка на которые не прерывается.

Что ж, приходится искать спонсоров. И нельзя сказать, что они охотно отзываются, особенно если нет полного взаимопонимания, что, увы, имело место во время двухгодичной отлучки отца Сергея на другой приход.

«Однако не бытие же определяет сознание», – улыбается отец Рафаил, молодой монах, постриженный отцом Сергием. Он учится заочно на истфаке Смоленского Университета. Он понимает, что вера без культуры неполноценна... «Совершенно верно, – соглашается он и добавляет: – Так же, как и культура без веры».

Когда игумен вернулся к своему детищу – гимназии и монастырю, – его охватил столбняк, он не узнал собора. Белокаменный храм всегда утопал в океане зелени и птичьих трелей. Не только благовест, но и соловьиные раскаты возносили его до небес. Липовая роща окружала его... А сейчас... Двадцать два пня горбились среди поваленных оголённых стволов...

Отец Сергей не хотел вспоминать об этом. Зато тётя Маша, закупающая стеклотару у населения, выдала мне полную информацию. Её доходная точка расположена неподалёку.

Настоятелю, заступившему на место игумена, гимназия была как кость в горле, чего он не скрывал. А роща и того страшнее... «Он их собирался ликвидировать, какая, говорит, молитва, когда дети носятся и ором орут. Начал с деревьев. Всю площадку завалил. Убирал-то этот, Сергей, который уезжал, он и пеньки подпиливал».

– Чего ему деревья-то помешали?

– А шумят, и от листьев по осени спасу нет. Говорил, специально дворника надо держать.

Тётя Маша сидит на опрокинутом ящике, а перед ней на земле аккуратными рядками выстраивается пивная и водочная батарея.

Под вечер к воротам монастыря завернула машина автоинспекции и спряталась под раскидистым кустом, откуда хорошо просматривается долгий спуск дороги. Тотчас из открытого окошка высунулась труба, определяющая на расстоянии скорость движущегося транспорта, и застыла в ожидании добычи.

– Сергей не видит, – прокомментировала тётя Маша, – он их гоняет, не разрешает здесь штрафовать...

С полей, вплотную подступающих к городу, тянет муторной гарью. Там, где раньше высеивались и убирались злаки, вымахивают ядрёные травы, полынные будильники – приманчивые пампасы для ребятишек. Весной они палят их повсеместно. Пиромания – распространённый детский синдром. Увы, небезобидный. 29 марта сего года в Угранском районе огонь, подступивший с заброшенных полей, уничтожил целую деревню – двадцать девять домов.

Монастырю, конечно, такое бедствие не грозит. Но ведь он не за каменной стеной, он вобрал в себя ощутимую часть мирской жизни. Может быть, это и есть российский вариант монастыря в миру?.. «Почти так, мир близко, – соглашается отец Сергей, – но только в дозволенной по уставу близости».

Среди братии был ещё один монах, кому гомон и мельтешня детей казались непреодолимым искушением. Однажды, выйдя из своей кельи, он, запрокинув голову, взмолился Создателю: можно ли ему, многогрешному, пребывать в такой близости к мирскому учреждению?! В небе кружилась стая голубей... Высоко, посверкивая на солнце, они вдруг стали снижаться, круг за кругом, всё ниже, ниже, и опустились... на крышу гимназии. Внятный ответ смутному сердцу – знак, ниспосланный свыше.

Круговорот вещей в природе

К концу литургии, часам к одиннадцати, в храме свв. Космы и Дамиана появляются люди, резко отличные от прихожан по внешнему виду и запаху: социальный статус их обозначается четырьмя буквами – БОМЖ. Сегодня их день – с двух часов им будут выдавать одежду, накопленную в храме за две недели.

Вот уже несколько лет действует отлаженный цикл: в группу милосердия, в специально отведенное полуподвальное помещение, поступают вещи разного достоинства и назначения. От очков довоенного образца до инвалидных колясок и перьевых подушек, включая, разумеется, одежду. При мало-мальском достатке совесть подсказывает нормальному человеку: поделись с ближним. Две недели идет накопление. Группа милосердия тасует, раскладывает по полочкам и в один день раздает почти все.

Основной потребитель – бездомные, кому сейчас, перед зимой, необходимо основательно утеплиться. Обращаются за одеждой и прихожане, среди которых немало нуждающихся. Мои дочери, да и я сам, износили не одну пару кроссовок из так называемых запасов «сэконд-хэнд», что по-русски называется проще: б/у.

Бомжи ждут этого дня, как иные трудящиеся страны Советов ждали тринадцатой зарплаты. Только вот рановато они занимают позиции – три часа их надо пасти, не сводя глаз с каждого, а их всё прибывает и прибывает.

Уже кончилась литургия, и я, на правах сторожа, вежливо оповещаю:

– Господа, не хотите ли подождать на улице?..

Кто-то возражает:

– Нет, нам нужно послушать.

– Чего же слушать, обедня кончилась, сейчас молебен начнется.

– Молебен – это вещь! – парирует тот же голос, нажимая на вещественное доказательство.

Однако надо заглянуть в туалет – самое на сей момент незащищенное место. Опасения мои не напрасны. Там в позиции а ля фуршет один из посетителей закусывает копченой колбасой.

– Зачем же ты в уборной завтракаешь?

– Так ведь в церкви не положено, – смущенно отвечает он, пытаясь запихнуть колбасу в карман тесных брюк.

Храм наш свв. бесср. Космы и Дамиана расположен в самом центре Москвы, в Столешниковом переулке. Наплыв обездоленных и беспризорных неиссякаемо-плотен. Переступив порог, они тотчас спрашивают священника и выкладывают один и тот же, как будто писанный по трафарету, сюжет: освободился, еду до Владивостока или Хабаровска; до Иркутска, по причине значительно меньшей стоимости билета, уже редко кто «едет».

А некоторые заходят в храм, прикладываются к иконам, а то стоят у стены в молитвенном (хочется думать) безмолвии. Конечно, глаз у сторожа наметан, и можно отличить молящегося человека от того, кто прикидывается таковым. Но – можно и ошибиться. Поэтому сразу применять санкции я, например, не решаюсь. Не исключено же, что они из тех самых грешников и блудниц, которые первыми войдут в Царство Божие.

А вместе с тем месяцами не моющийся человек инфекцион-

но опасен, что ощущаешь на близком расстоянии. Я видел, как по спине одного бедолаги полз таракан и скрылся за воротник – самое невинное из насекомых. А в храме по воскресеньям и праздникам народу столько, что яблоку негде упасть. Тут же и дети. Едва ли не треть храма заполнена детьми.

Вдобавок ко всему пропадают вещи, которые прихожане оставляют на вешалке: пальто, сумки, деньги из сумок.

Пускать или не пускать? И каждый раз решаешь персонально с помощью трех советчиков: доверия, наблюдательности, интуиции.

– Можно с настоятелем поговорить? – спрашивает вошедший гражданин, а второй, очень на него похожий, направляется к свечному ящику.

Настоятель оказался рядом. Третий раз за день он выслушивает знакомый сюжет и, не задавая вопросов, протягивает купюру. Напарник следит издалека. Я обращаюсь к нему:

– Чего Вы хотите?

– Можно с настоятелем поговорить?..

– Настоятель уже весь выпотрошен вашими предшественниками. Говорить с ним *об этом* сегодня бесполезно.

Есть бомжи, как бы приписанные к приходу. Прибились к берегу, как сплавляемый по реке лес. Надолго ли – неизвестно. Например, баба Вера.

Наведывается три-четыре раза в неделю. Ее время начинается с шести часов. Она покупает свечи, ставит у Николая Угодника, к празднику, а также перед иконой Сошествия Спасителя во ад. Поминает убиенную – растерзанную – дочь. В международных конфликтах русские – вроде козлов отпущения. Она бежала из Тбилиси с первой волной русских беженцев. На Кавказе остался ее зять, военный, не простивший убийства жены. «Будет воевать до последнего», – шепелявя беззубым ртом, объясняет баба Вера.

А она с четырьмя внуками добралась до Москвы. Правды не добила, но хоть внуков пристроила, всех четырех – в интернат. Навещает их по воскресеньям. «Ба, чего поесть принесла?» – спрашивают все четверо. На гостинцы внукам

она побирается и продает по ночам газеты возле ресторана: «Где одни богатые и проститутки», – говорит она шепотом, стесняясь произнести срамное слово. Поспит до десяти, потом достанет чего-нибудь покушать из своих громадных сумок, пожует-пошамкает и потопает к ресторану – на свой просветительский пост.

Впервые я увидел ее, спящую сидя, согнутую крючком, уронившую грязно-пепельную голову в колени. «Бабуля, здесь спать нельзя», – тронул я ее, похожую на тряпичную куклу. «Не беспокойтесь, пожалуйста, я нахожусь здесь по благословению отца настоятеля». Эта грамотная фраза выдавала в ней достоинство интеллигентного человека.

Однажды я наткнулся на нее, когда вышел запирать ворота. Лил ледяной дождь. Стучаться она не осмелилась – поздно, но и не упустила момента попросить «кипяточку». Втащила свой багаж, примостилась на краешке стула, попила чайку и, разомлев, заснула. Но, тяжело всхрапнув пару раз, пришла в себя, завозилась с сумками. Одну взгромодила на спину, а вторую, вложенную в клеенчатый мешок, потянула волоком.

Недалеко она так протянет – по асфальту, как по наждачному камню. Мою помощь отстранила. Перекрестилась, перекрестила храм. «Не беспокойся, – утешила. – Все равно все будет хорошо. Господь все видит и помогает. Кто у тебя есть? Дети есть? Девочки? Слава Богу, что девочки», – подумала вслух, уверенная, что девочкам война грозит меньше, чем мальчишкам.

Храм, как бесперебойно действующий насос, качает и качает поступающую помощь. При его участии осуществляется естественная циркуляция – круговорот вещей в природе, куда они, принося пользу, не потеряют свою материальную сущность.

Сложнее с книгами. Их тоже приносят – для тюремных библиотек. Но наряду с классикой и христианской литературой приносят горы идейного совкового мусора. Прямо по пословице: «На Тебе, Боже, что мне не гоже». Стираная блузка может послужить еще годок-другой, а собрания со-

чинений Бубенного или Кочетова придавят, как могильной плитой, неискушенного читателя. На этой фазе циркуляции надобен фильтр, чтобы благодеяние отслаивать от злодеяния. Судя по гекатомбам макулатуры, он имеется далеко не у всех жертвователей.

Кто-то постучал в сторожку:

– Здравствуйте, можно Вам кое-что оставить?

– Пожалуйста. А для кого?

– Для тех, кто здесь будет ужинать.

– Что это?

– Конфеты, фрукты.

– В таком случае: откого?

Дарительница счастливо улыбается. Она не хочет назвать себя.

– От меня.

Гостинцы ее достались женщине, пришедшей буквально следом за ней. Тихая, бессвязная речь: «Нет ли какой обуви? Мужик на вокзале остался. Мы из Плесецкой, Архангельская область, добираемся на электричках до Новочеркаска. Там в госпитале сын, без обеих ног. Чечня. Пять месяцев искали. Нашли. Ростовская епархия посодействовала. Я заказала телефон с начальником госпиталя. Потом Колю подвезли к телефону. Я спрашиваю: "Сынок, что ж ты нам не написал?" А он молчит, плачет в трубку. Нет ли ботинок каких?»

Группа милосердия уже разошлась. Но в закуточке перед дверью стояло несколько сумок, набитых вещами. В одной – две пары женских сапог.

– В самый раз, – говорит женщина, еле натягивая сапоги. – На мне двое чулок, а на одни будут в самый раз.

Сунув обновку в пакет, а ноги в старые опорки, она поспешила на вокзал к мужу. А шоколадные конфеты и мандарины поедут, наверное, к сыну в госпиталь.

Церковь дает возможность постичь высшее оправдание имущественного неравенства. И не только имущественного. Вспомним притчу о талантах. Талант, как знак неравенства между людьми, призывает их помогать друг другу, делиться

тем, что у каждого есть в избытке. При всеобщем равенстве помощь была бы не нужна, и человек окаменел бы в своей самодостаточности. Неравенство между людьми послано свыше и призывает к жертвенности – залогом любви.

Но скоро уже два часа. Бомжей удалось выпроводить на улицу, и они там гудят, налаживая живую очередь. Наконец вынесен столик, журнал для поименной записи, и две женщины из группы милосердия, две дежурные пчелки, готовы начать раздачу. Они будут летать от столика в подвал, от столика в подвал, принося охапки, сумки, свертки, – дружелюбно, а то и шутя вручая подмогу потерянными людям.

– Входите двое, – приглашает приветливый голос. – Ваша фамилия, имя, отчество?

Молодой человек в легоньком пиджачке представляется:

– Калниньш Оскар Викторович.

Что ему нужно, ясно без слов: пальто, брюки, свитер, носки. Полный комплект. И пчелка полетела за взятком.

Оскар Викторович родился в Латвии, а воспитывался в Улан-Удэ, в детдоме. Родители наверняка из высланных латышей. Понятно, что после детдома рванул на родину, в Валмиере, и там сел, как говорит, на одиннадцать лет.

– В Валмиере много цыган, – вспомнил я этот город, – работают на мясокомбинате.

– Правильно, но нас к мясу не допускали. Мы колотили ящики под консервы.

– Куда же теперь?

– А, не знаю... Туберкулез, в больницу не берут... Ни документов, ничего...

– Ну, где здесь мой мужчина? – несет сестра милосердия чужь ли не целый гардероб очередному посетителю. Наклоняется над журналом:

– У Вас есть адрес?

– Планета Земля – мой адрес, пока жив.

– Следующий!

Входит человек, на бомжа явно не похожий. Голос бывшего руководящего работника, закаленного оптимиста.

– Все у меня есть, кроме очков. На очки никак не зарабатываю.

– И адрес есть?

– А как же! Владимирская область, Юрьев-Польской район, поселок «Энтузиаст»!

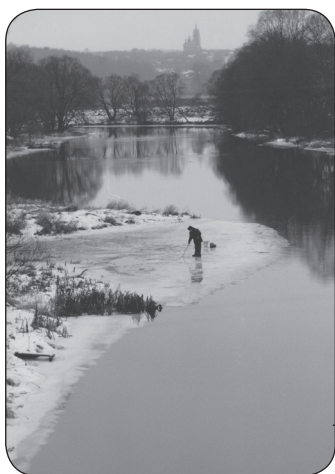
– Обувочку бы?.. – скромно вопрошает следующий.

Обувь – предмет первой необходимости. Можно сказать, основное орудие при добывании пищи. Если волку, которого кормят ноги, башмаки не нужны, то человеку обязательны. Тем более что эти бедолаги на волков никак не похожи.

За три часа удалось обслужить 38 человек. Последние постели к шапочному разбору. Но и любой шапке рад тот, кто не имеет крыши над головой.

На скверике, перед фонтаном, бомжи заняли все скамейки. Примеряют обретенные туалеты, обмениваются: кому пальто в плечах узковато, кому брюки широки. В конце концов разбираются, разбредаются...

Остались у храма повседневные часовые – проходящие, как на работу, двое нищих. У них сегодня тоже хлопотный день. Какой-никакой, а порядок среди бомжей в очереди – на их совести. Особенно, чтобы не матерились, голубчики.

Выписан на тот свет

Никому не известно, сколько в Москве бездомных. МВД приводит условные цифры – от 100 до 350 тысяч. Жизнь одного из них на протяжении года протекала на моих глазах. Я увидел его 25 декабря на Ярославском вокзале. По крутой высокой лестнице поднимался калека, правой рукой держась за перила, а левой опираясь на сломанный костыль. Упорно и тяжело перемещал он свое совсем не грузное тело и, когда, наконец, одолел последнюю ступеньку, его заметил дежурный, охраняющий загон для пассажиров с билетами. Инвалид сделал шаг в том направлении. «Вали, вали, откуда пришел», – остановил его дежурный, и тот покорно развернулся. «Почему бы не отдохнуть человеку в тепле?» – вступился я. «А потому, что он сюда не отдыхать двигает, а украсть, что плохо лежит. Я знаю, что делаю, и ты мне ляля-тополя не разводи!»

Калеку я запомнил. Он был без шапки. Большая голая голова выдавала в нем инвалида от рождения. Второй раз я встретил его весной. Он стоял за горячей пищей – в очереди таких же бедолаг, награжденных бумажной тарелкой, стаканчиком и куском хлеба на вилке. Каждому из дымящегося бака выкладывался черпак гречневой каши. Черпаком орудовала милостивая девушка, ее улыбка и русский язык были явно не

русского происхождения. «*Страствуй, Саша!*» – поздоровалась она с человеком, которого я сразу узнал.

Центр благотворительной помощи кормит бездомных у Казанского вокзала «на поляне», то есть в скверике. Я долго искал это место, ни один милиционер не мог его показать. А в отделении милиции отмахнулись: «Спроси у бомжей на помойке – они там ночуют».

Искал же я «поляну» для того, чтобы оповестить ее обитателей о храме Косьмы и Дамиана, где они могут получить кое-какую одежду.

«Поляне» выглядели вполне цивилизованно. Трапеза совершалась стоя, «а ля фуршет», а те, что сидели на корточках вокруг костерка, подбрасывали в огонь уже ненужную посуду.

Местоположение храма кто-то определил со снайперской точностью: «Это который возле Пушки, под конем». «Правильно, – улыбнулся я, – рядом с Пушкинской площадью, у памятника Юрию Долгорукому».

На следующий день Саша приковылял в храм и с тех пор каждое утро часов с семи уже сидел на лавочке, поджидая, когда выйдет сторож и перевернет на дверях табличку «Храм открыт».

Раньше он кантовался у трех вокзалов – в «трехкомнатной квартире», как называют это место бомжи. А когда ввели плату в залах ожидания, ночевал в доступных подъездах, число которых стремительно сокращалось.

И вот теперь он прибился к храму. Подаяний прихожан ему хватало и на прокорм, и на проезд, и – не реже одного раза в месяц – на баню. Ко мне он проникся доверием и, случалось, отдавал на хранение «лишние» деньги, собранные за день. То ли боялся пропить, то ли опасался, что отберут в подъезде пацаны, как уже бывало.

В Москве есть три санпропускника, где бомж может помыться и почистить свои доспехи. «Лишние» деньги Саша собрался употребить в гигиенических целях.

– Съезжу в баню и в прожарку, – поставил он меня в известность, – часикам к двум, когда они уже наберут...

Я не понял, кто кого наберет.

– Менты к прожарке подъезжают с утра и забирают чистых бомжей в приемник. Им грязные не нужны. Возни с грязными! А план надо выполнять. Сейчас, по теплу, к ним уже мало идут. Это зимой норовят попасть в приемник: кормежка, и спишь на нарах. А летом – везде можно выспаться.

Но в тот день в баню он не поехал. Отдал деньги коллеге, только что освободившемуся из мест заключения, которого видел впервые и которого в храме снабдили в дальнюю дорогу ботинками и плащом.

Саша не был слабоумным, как могло показаться со стороны. Голосом тихим, бесстрастным рассказывал он о себе, как о другом человеке. Думаю, рассказы врал правду. Родом из Удмуртии. Отец и мать померли, когда он был ребенком. Когда ушел в армию, родственники как-то смухлевали и переписали отцовский дом на себя. Так что после дембеля на родину не вернулся. Работал с чеченцами в Казани, в Елабуге, в Орле – строили начальникам дачи. А потом чеченцы рванули к себе защищать родные аулы, а Саша прикочевал в столицу.

Однажды он, искупавшись в Москве-реке, направился к своему ложу – на Ленинских горах. А дальше ничего не помнит: то ли под машину попал, то ли кто-то избил. Очнулся в больнице. Я поинтересовался: не поддатый ли был?

– Да, – сознался Саша, – подняли в нетрезвом состоянии. Врачи сказали: «Бог хотел, чтобы ты еще пожил. Мы думали, не выживешь».

Из больницы Сашу выписали калекой.

Но человек и с малыми силами способен помочь другому. Видно, в Саше эта способность была так крепко укоренена, что не выветрилась за время его бездомных мытарств.

Среди множества объявлений на стенде в храме одно обращено к донорам.

– А как туда доехать? – спросил он. – У меня крови много, то горлом идет, то из задницы. Только там, наверное, паспорт нужен, где кровь сдают?

У Саши не было паспорта. Отобрал наемник – амбал, каких нанимает милиция гонять бомжей. Подъезда, где он его пой-

мал, был густо загажен. Наемник спросил паспорт и сказал: «Пока все дерьмо не уберешь, паспорт не получишь. Я проверю. За паспортом приходи в милицию». Саша убирать не стал и в милицию не пошел.

Но храм – не подъезд и даже не странноприимный дом. Пускать на ночь бомжей запрещают муниципальные власти и штрафуют, если запрет нарушен. Но днем они заглядывают – с разными целями. Кто – в туалет, кто денег попросить у настоятеля на билет: непременно до Владивостока; кто погреться, а кто и свечку поставить. А в день выдачи одежды у дверей толпится экзотический, веющий сногшибательными запахами «цветник».

Стоящий в сторонке молодой человек постригает сам себе волосы. Стригнул спереди раз, другой, приям волосы на висках и спрятал ножницы в карман как предмет первой необходимости.

– Самообслуживание? – пошутил я.

– Я всегда сам себя стригу.

– А сзади?

– Остановлю кого-нибудь, дам пятерку, попрошу подровнять.

«Молодой человек...» На самом деле возраст их трудноопределим. Все до одного усредненного возраста, простирающегося от тридцати до шестидесяти. Сколько лет Саше, я тоже не знал.

Говоря упрощенным языком, у большинства из них давно «поехала крыша». Как у одного, вечно хмурого, с повадками аристократа. В очередной визит в храм он заявил: «Я собираюсь на встречу с Маргарет Тэтчер. Мне нужен костюм?!»

– Где ж мы тебе возьмем костюм?!

– Ну хотя бы галстук, приличный...

Принесли два галстука. Выбрал яркий. Возвращая второй, сказал: «А эту тряпку повесьте на веревку, откуда взяли».

Саша называл его писателем. Являясь в храм, он садился за стол у свечного ящика и часа по два-три катал письма – к высочайшим особам.

И так сотни тысяч людей – беззащитных, бесправных и вместе с тем потенциально опасных. Далеко не в каждом храме разрешают им пользоваться туалетом. Чесотка, туберкулез – самые распространенные среди них болезни, не считая насекомых, от которых без прожарки не избавиться.

Неправда, что они появились только с распадом Союза. Были, конечно, и раньше, но не в такой концентрации и, вроде засекреченного объекта, не подлежали описанию.

Москва сегодня притягивает их, как огромный амбар, где по сусекам всегда можно что-нибудь наскрести. Но, кроме того, и возможностью подработать: сбросить снег с крыш, подсобить на подхвате, да мало ли кому может понадобится почти бесплатная рабочая сила. Ну и, конечно, милостыней. В Москве нищим подают. Из двадцати человек, проходящих мимо, один обязательно подаст...

Бомжей в Москве кормят сейчас в основном иностранные благотворительные организации – «Каритас», «Старый Свет», «Врачи без границ». Одно из них прислало в Москву Джерри Носовскую, студентку из Оксфорда. Это она стояла с черпаком «на поляне» у Казанского вокзала, преподавая наглядный урок того, от чего общество наше отвыкло за семидесятилетнее правление безбожной власти.

1913 год. В Москве на 1,5 миллиона жителей приходилось 36 богаделен, 50 детских приютов, где жили тысячи детей, ночлежки для бездомных на 2500 мест, 26 дешевых многоквартирных домов. 50 мастерских, готовых предоставить работу бездомным.

1997 год. Для лиц без определенного места жительства открыты две гостиницы: «Марфино» на 150 мест и «Востряково» на 30 мест. Всего к концу 1997 года только 1455 бездомных могли найти в Москве законный ночлег.

Последнее время Саша все просил устроить его в Дом инвалидов. «Паспорт-то можно восстановить, – говорил он, – обратиться в район, там подтвердят мою личность. Небось, не из тюрьмы сбежал...»

Я собирался этим заняться, но откладывал со дня на день за вечным потоком неотступных дел и однажды увидел, что откладывать больше нельзя. Он еле стоял на ногах, по обыкновению утром зажигая перед Николаем Угодником две свечи.

– Как спал, Саша? – задал я, наверное, бестактный вопрос.

– Нормально, – ответил он тихо.

Нормально – это в подъезде на Аэропортовской, где жильцы недавно грозились спустить на него собаку.

Почему-то в тот день он заговорил о смерти.

– Для меня смерти нет. Небо раскроется, и мы все улетим. А плохо будет тем, кто останется...

Мне рассказывали, как хоронят бомжей. Бедное наше государство не может потратиться на казенные гробы. Закапывают в мешках.

Накануне Рождества Сашу с его «рабочего места» увезла «Скорая помощь». Заметили, что он как-то странно сидит. «Скорая» приехала через сорок пять минут. Наверное, когда вызывали, проговорились, что бомж.

Я позвонил в справочную. Бодрый голос ответил: «Александр Христолюбов? Выписан. На тот свет».

Свидание с Польшей

Эльжете Янус

В 1978 году наша семья ждала гостей из Польши. Я должен был на десять дней прописать у себя священника, который в официальных бумагах значился руководителем музыкальной группы. Честно сказать, я решился на это не без некоторой опаски – меня только что приняли в Союз писателей. «Руководителем» оказался молодой, улыбчивый и деликатный, как девушка, Адам Гонсёр, с ним приехали три очаровательные студентки – настоящий квартет. Священник с гитарой, да еще в окружении таких веселых прелестниц, – для нас, православных, это было большой неожиданностью, а для благочестивой моей тещи – сущим соблазном. Священник расчехлил гитару, снял струны и... извлек из гитары одну за одной десятка полтора Библий.

– Теперь на ней можно играть, – пояснил он свой рискованный фокус.

Вся Светлая седмица во многих семьях нашего прихода прошла в сопровождении гитары и неутомимого квартета, мы передавали их чуть ли не с рук на руки, опасливо поглядывая по сторонам.

Однако это были не первые ласточки из страны, которая и при большевиках по праву могла называться католической. Свечи, крестики, молитвословы (православные, разумеется), «тамиздатовские» книжки долетали к нам и раньше на

чьих-то отважных крылышках. И вот наконец мы сами могли поехать в эту страну... 1988 год. Рождество. Монастырь ордена михаилитов под Варшавой. Довольно большая группа православных христиан разместилась на гостеприимной мансарде. Торчком стоящие подушки в белоснежных наволочках повторяли формой и свежестью остроугольные салфетки на гостеприимных столах в трапезной. Нам, приехавшим из голодной Москвы, обилие и калорийность монастырской кухни казались избыточными. Хозяйева нас успокаивали: «Не переживайте, у вас тоже наступит воля, и в магазинах появятся продукты».

Но мы больше переживали по другому поводу. В рождественские дни, когда вся Польша от мала до велика поет колядки, – мы молчали как рыбы. Когда же нас просили что-нибудь спеть, исполняли рождественский тропарь, или «Богородице Дево, радуйся», или «Царю небесный» – то, что знали из церковной службы, но не более того. В общем веселии рождественских праздников мы скорее были слушателями и зрителями, чем участниками. Прав был наш батюшка, отец Александр Мень, когда предупреждал, просил, настаивал: «Сочиняйте свои песни!»

Но слушать и видеть – тоже своего рода участие. Варшава впечатляет... Пестрая уличная толча на Мархлевского. У молодого человека, отошедшего от газетного киоска, из кошелька падают деньги. Кто-то на них наступил, кто-то, не разглядев, наподдал, как пустую сигаретную пачку... А кто-то видел, как они выпали, бежит и догоняет владельца и возвращает ему деньги. Интересно, что молодой человек не потрясен случившимся, благодарит, как за что-то само собой разумеющееся, и, едва задержавшись, устремляется дальше

Польша возвращала нам утерянное. Но, в отличие от рассеянного молодого человека, мы застывали в благодарности, потому что получали то, что, казалось утеряно навсегда. А именно: человеческие отношения, везде – на улице, в транспорте, в храме, в знакомом и незнакомом кругу. Правда, оговорюсь: это было время, когда наши челночники еще не оккупировали

местные рынки. Еще поляки не вкусили базарного советского хамства, экспортируемого вместе с дешевым товаром. Хотя и на хамство реакция была неоднозначна. «Они помогают нашему карману, – мирно рассуждали покупатели, – эмалированный чайник в магазине стоит в два раза дороже». Грубость и нечистоплотность бывшего «старшего брата» теперь оплачивалась с лихвой...

Еще уличный эпизод из того, светлой памяти 88-го года. Мы с детишками ищем спортивный магазин, глазеем на витрины, разбираем светящуюся рекламу. «Вы русские?» – обращается к нам пожилой господин. Выясняется, что он жил до войны в Воронеже, но не забыл России, – рад случаю поговорить по-русски. «Не обидится пан, если я дам его детям немного золотых на шоколад?.. У вас тоже скоро будут воля и такие же витрины...»

Польша, только-только разомкнувшая коммунистическую клешню на своем горле, понимала нас как никто. Почти испепеленные в объятиях грозного соседа и наконец вырвавшиеся из них, поляки видели в нас таких же погорельцев. И несколько не оскорбительно их уличное участие, которое мои дети запомнили тогда, может быть, лучше, чем евангельскую притчу о милосердном самарянине

Но вот – Ляски, «заклад для невидомых», то есть приют для слепых. Он прячется в лесу, в пушистых, распростертых над крышами соснах. Деревянный храм, куда гуськом, держась за руки, сходятся на мессу больные дети. Ведет их воспитательница или монахиня, и в этом шествии очень они похожи на утят, аккуратно следующих за расторопной мамой. На мессе они поют и сами читают Священное писание, щупая пальцами выпуклый текст. В Польше Библия доступна слепым. Матушка Херонима перевела с помощью азбуки Брайля Евангелие и на русский язык. Но из сотни экземпляров, которые были напечатаны в том году, в Россию ушло всего несколько штук... Я вспомнил стеллажи в длинных коридорах московского центра для слепых, плотно заставленные сочинениями классиков марксизма-ленинизма. Ленин по Брайлю был издан полностью. Различного калибра тома на железных полках ждали своего часа, как патроны в обоймах, как тяжелые боеприпасы...

Матушка Херонима повела меня в свою конторку, где работает за компьютером. Довольно далеко от того дома, где она живет. Подала мне руку и зашагала уверенно, как если бы слепым был я, а не она. Отперла ключом одну дверь, другую, подошла к телефону, набрала номер и предупредила охрану. В комнате отдернула штору, отворила окно. «Душный воздух, сушит машину», – пояснила мне. На компьютере она работает, как пианист, мягко и быстро перебирая клавиши. Экран у компьютера американский, клавиатура – немецкая, память – шведская. Весь мир подсоединен к Ляскам. Но матушка Херонима считает, что в Германии школы для инвалидов намного совершенней. «Например, в интернате для слепоглухонемых, – говорит она, – есть актовый зал, где пол передает вибрационные колебания. Благодаря чему дети учатся танцевать». В течение многих лет мать Херонима ездила в Германию переводить Новый завет на родной язык и на русский – пока здесь, в Лясках, не появилось современное оборудование.

Мне подарили несколько фотографий. Мальчик читает Евангелие... губами. Он слепой, и у него парализованы руки.

И все-таки он способен ощутить, осязать буквы. По той же азбуке Брайля он узнает текст Священного писания, читая губами. Как притягательно Слово! Человек пробивается к нему всем своим духовным и физическим существом. Не видят глаза – видят руки; не действуют руки – тянутся губы навстречу Истине, миру, от которого его отторгает недуг.

На другой фотографии дети резвятся в море. Облепили надувную лодку, опрокидывают ее и сами шлепаются в воду. Звонкие брызги, звонкие голоса... Не верится, что это слепые дети.

Священник Дембовский, бывший настоятель костела св. Мартина (теперь он епископ), собрал приход на базе францисканского ордена. Этот костел – центр обширного движения, помогающего калекам, слепым и вообще несчастным людям. Священники, монахини – старые и молодые – все преданно и неотступно служат одному делу. В советское время именно из этого храма приходили в Россию бесплатные лекарства, в первую очередь для тех, кто сидел в тюрьме.

Епископ Дембовский подписал документ, в котором значилось: «Предъявитель сего сопровождает вещи для православного прихода в России». Предъявителем был я, а вещей набралось столько, что на вокзал пришлось добираться на двух такси. Я волновался: таможенные чиновники могут не пропустить... «Ничего, – ободрили меня провожающие, – мы будем молиться». Около вагона поджидала кучка людей... У каждого что-то было в руках: сумка, торба, коробка, письмо, цветы, шоколадка – то, что мне предстояло передать на московском вокзале встречающим. Больших вещей в общей сложности оказалось двадцать... Двадцать первую – вместительную сумищу – спешно просовывали в окошко, когда поезд уже тронулся. Мне было весело и ни капельки не тревожно. Во-первых, бумага от епископа, а во-вторых, молитва верных друзей. Надо ли говорить, что таможенники не обратили внимания на количество груза, даже не зашли в купе... И, чтобы закончить с вещами, отдав дань неотступному материализму, скажу последнее: я до сих пор ношу бутсы, подаренные мне

тогда добрейшими Дубаневичами, которую зиму выхожу сухим из московской безбрежной слякоти.

В Лясках провела свои последние годы Янина Боджинская. Жила она в маленькой комнатухе, где стол заменяла доска, лежавшая на ящиках с книгами. Ее компаньоном был сибирский кот, к которому она вежливо обращалась: проше бардзо... У нее спокойное светлое лицо. 27 лет она отбухала в советских лагерях и ссылах. И лишь в 1972 году вернулась в Польшу. Янина не считает это время гибельным для себя. «Я узнала о людях столь-

ко, – говорит она, – что поняла, в каком катастрофическом положении они сегодня находятся». Она не расстается с Иисусовой молитвой, ставшей для нее жизненным стержнем, а не просто молитвенной медитацией. Уезжая из СССР, она написала стихи – признание в любви городам и весям, что невольно оказались ее каторгой. Столь высокое чувство редко встретишь у моих соотечественников...

...Осенние сумерки надвинулись на тихое кладбище, до которого от поселка рукой подать. Меж строгих и частых крестов видна подвижная фигурка священника. Он забежал помолиться. Зажег свечу перед могилой Боджинской, подняв руки к небу... А через минуту уже посмотрел на часы и направился к выходу. В прошлом году у этой могилы мы с ним молились вместе. «Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, рабе Твоей...» – пели мы оба, и я и он по-русски.

Медленно слетают на землю крупные кленовые листья. Вдруг низко-низко над соснами, накатывая взрывной волной, прогрохотал вертолет. И снова глубокая тишина шумящих сосен. Одна, к которой я прислонился, слегка покачивается, напоминая, что и она живая, что здесь тоже жизнь.

За минувшие годы я не раз побывал в Лясах, припадая к родничку любви в этом многострадальном месте. Старшую группу девочек опекают здесь три воспитательницы и общая любимица – добродушная дворняга Саба. Погавкав для порядка, лежа на крыльце, Саба разрешает перешагнуть через себя. В то воскресенье мы решили поехать в Варшаву в костел св. Станислава Костки, где служил и где теперь похоронен Ежи Попелушко. Намечалась месса священников харизматической общины. Служили они на балконе, выходящем на площадь. В толпе молящихся, растекшейся далеко за церковную ограду, было много инвалидов – в колясках, с палочками...

Богослужения харизматиков не отличаются от традиционных. Разве что по форме: много современной экспрессивной музыки, долгая проповедь. Последняя бывает искусно выстроена. В тот день я почувствовал, как проповедник, развивая содержание, ведет его крещендо, с помощью интонации и голоса, к захватывающим высотам фортиссимо... Здесь-то и случаются чудеса, о которых народ наслышан. Женщина на костылях протискивается сквозь ряды молящихся, добирается наконец до балкона и, подняв костыли над головой, отбрасывает их в сторону. К сожалению, я не мог разобрать, произошло ли чудо на наших глазах, именно в тот момент, или раньше, а сегодня она свидетельствует об исцелении?..

Исцеление Святым Духом, обновление, рождение в Святом Духе – вот на чем настаивают харизматики, которых можно сравнить с пятидесятниками. Католическая Церковь не преследует их, не клеймит вероотступниками и еретиками, орудующими на чужой территории. Хотя относится к ним, прямо скажем, не с полным доверием и, как бы присматриваясь, держится на расстоянии.

Но больше, чем обещанные чудеса, меня занимало состояние девочек, которых Ева Карниевская привезла из Лясок. Они ведь незрячие, к тому же изломанные полиомиелитом... Выстояли всю долгую мессу на ногах. Когда же месса закончилась, образовалось множество маленьких групп. В центре каждой был кто-то, за кого все молились, возложив ему на

голову руки. Такую группу составили и мы. И молились над теми, кто был рядом с нами на богослужении. Несколько человек по очереди вставали под чуткие ладошки девочек, под горячую и простую молитву о помощи.

К новым церковным движениям относится и неокатехуменат. Мне довелось быть на пасхальной службе, на Велканоц (Великая ночь), в общине неокатехуменического направления. И здесь полнота и ход богослужения не отступают от традиции. Храм переполнен детьми и взрослыми, но без такой знакомой нам давиловки: каждый сидит на лавке на своем месте. Служба началась с проповеди одного из членов общины. Потом свет погас, и три-пять минут абсолютной темноты должны были напомнить о состоянии мира до христианского Откровения, до Света Христова. И вот он появился – большая свеча, которую нес настоятель храма. От нее затеплилась одна свечечка, потом другая, третья... Мог ли я не вспомнить, что точно такой обряд совершается в Пасхальную ночь и в православном храме. Когда от свечи, вынесенной из алтаря, свет разливается по рукам, и вот уже из-за закрытых царских врат доносится: «Воскресение Твое Христе Спасе...»

Каждая часть богослужения состоит из чтения Слова Божия, размышления на тему услышанного, молитвы священника и молитвы всего храма, которая поется – да как поется! Инструменты – гитары и флейта. Музыка к неокатехуменической литургии сочинил испанец Кико, зачинатель движения, он же автор песен. Его мелодии близки к синагогальному пению, особенно две молитвы: «Слушай, Израиль» и, назову ее условно, «Песнь песней». Основной строй держит гитара, сопровождают флейта и голос. Тексты Кико популярны в Польше. Весь храм, ведомый мощным голосом кантора, возносит молитвы Господу. Восток, тот самый – Моисея и Давида, слышен в этих молитвах.

Детишки перемогаются, многие продержались, не уснули до пяти утра, когда началось крещение младенцев. На эту Пасху их оказалось семеро. Купель украшена крестообразно живыми цветами. Священник погружает младенца в воду под

вспышки родительских фотокамер и ликование гитары. Храм подхватывает эту мелодию и, ритмично хлопая в ладоши, приветствует новорожденных во Христе.

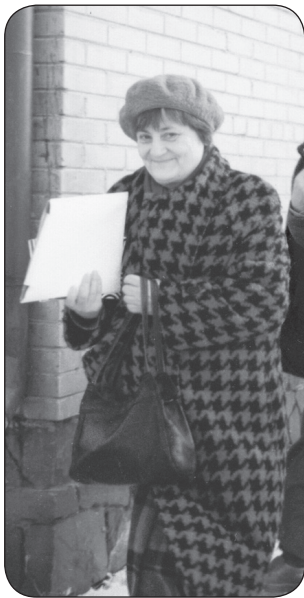
Многолюдна агапа в это пасхальное утро. Шумное семейное застолье. Праздничную еду все принесли с собой. А также посуду... которую, между прочим, каждому потом удастся собрать без особых хлопот и потерь.

Этот приход спас несколько развалившихся семей. Воссоединил то, что казалось, уже безнадежно распалось. С одной семьей я хорошо знаком – ухаживал за стариком, когда жена отлучилась на несколько недель в Австралию навесить детей. Он вернулся к ней после десятилетних скитаний, больным стариком. Вскоре его разбил паралич. Чего проще: сдать в дом престарелых это мычащее, щетинистое подобие того, кто когда-то вместе с ней поверил в нерасторжимость брака. Она бы так и поступила, если бы не община, не реальная каждодневная помощь Святого Духа.

Мои дневные, да и ночные бдения у постели больного скрашивала иногда Эльжбета Янус. Об этой женщине сказать вскользь нельзя. Ее подвижническая жизнь достойна отдельного повествования – если, конечно, будущая Россия захочет знать тех, кто в эпоху застоя и железобетонного занавеса тайно помогал Православной Церкви.

В какое-то воскресенье, когда не было возможности пойти в храм, мы слушали мессу по радиоприемнику. «Этим мы обязаны «Солидарности», – сказала Эля. – Она отвоевала на радио воскресные богослужения».

Однажды я поделился с нею своими, более чем сдержанными впечат-

лениями о художественной галерее. Она возразила: «Вся наша культура в костеле». И действительно, каждый храм – это еще и музей изобразительного искусства. Подлинные шедевры располагают к размышлению. В Кракове Марианский собор украшает алтарная деревянная скульптура – «Вознесение Марии». Выполнена она в X веке. А догмат о вознесении Марии был принят Католической Церковью только в 1956 году. То есть в народе, в сознании христиан вера в то, что Мария была телесно взята на небо, созревала тысячу лет, ведь Польша была крещена в 963 году.

Помню, в тот первый приезд поразил нас костел при университете – и сам факт, что таковой имеется, и достопримечательности. При входе – стенд для объявлений, где среди прочего – расписание встреч и мероприятий на месяц: ежедневные лекции, фильмы, диспуты, доклады. «Нужна ли Богу твоя молитва?» Или: «Правильно ли я выбрал свой путь?... (Точно такой же стенд есть сейчас в нашем московском храме свв. бесср. Космы и Дамиана. И объявлений на нем не меньше). Еще мы узнали, что молодые люди, решившие создать семью, слушают в течение года курс лекций по социологии, религиоведению, педагогике, сексологии. Религиоведение – для тех, кто в детстве не учился в школе катехизации. Без документа о прохождении этого курса молодых людей не обвенчают, им придется обойтись одним только поздравлением в загсе.

Мягко, как на воздушной подушке, мчится электропоезд. За окном проплывает счастливая страна – цветущая и работающая. Плантации роз чередуются с посадками черной смородины. Ягоды давно сняты, и кустарники простираются до горизонта черно-желтым ковром. А розы еще цветут. В такой массе их сияние ослепительно и даже заметно во взгляде сидящего напротив пассажира. Он как будто уловил мои мысли и улыбнулся: «Кажется, роз выращивают столько же, сколько картошки». Теперь плантации роз за окном сменили убранные картофельные поля. «Во всяком случае, не меньше», – согласился я с ним.

Количество и богатство цветочных рынков в городе очень симптоматично. К нормальному человеку свобода приходит с гвоздикой в петлице. Это потом она может быть перечеркнута пулеметными лентами. Сегодняшние цветочные обвалы у входа в метро, думал я о Москве, совершенно небывалое явление. Мыслимо ли было такое в застойные годы! Советскому человеку такая феерия и присниться не могла.

На коленях у меня лежал альбом с репродукциями икон Ежи Новосельского. Я возвращался из Кракова, где он живет и работает – несколько католических храмов расписаны его кистью. Мой сосед ничего не знал об этом художнике. Я удивился. Мне казалось, что Новосельский – знаменитость и нет поляка, который не гордился бы им. Увы, я заблуждался. Дело в том, что Новосельский по вероисповеданию православный христианин. Многие ксендзы не придают этому значения, оценивая по достоинству его иконопись. Но есть и такие, что находят ее неуместной в католических храмах. И те, и другие остаются при своем мнении. На положение художника это не влияет.

Можно много судачить об экуменизме, втоптывая его в грязь или, наоборот, поднимая как ширму при дурной политике. Настоящее же действие его заложено в природе Церкви. Православная живопись, фрески и иконы в костеле – это и есть действенный экуменизм. Богоматерь Оранта, раскрывающая руки миру, заалтарный образ, прежде всего обращена к тем католикам, которые молятся перед Ней. Или фреска «Благовещение»... Сюжет несколько отступает от канона. На известной иконе XVI века (Новгородская школа) явление Архангела бурно-стремительно. Он почти касается Марии. Современный художник развел их на большое расстояние. Как будто они идут навстречу друг другу. На древней иконе Мария пребывает в покое, вестник и Дух Божий – в движении. Здесь же Дух Божий в центре, и они сходятся к Нему. И стилистически, и концептуально это новое православное письмо. Но, как видно, не чуждое западному вероисповеданию.

Вообще, интерес к восточному обряду у поляков очевиден. Я имею в виду церковную среду. Особенно в Варшаве. Здесь чуть ли не модно интересоваться православием и держать в доме иконы. Но у клириков интерес подлинный. Не зря так много польских священников устремилось в Россию, как только там появились католические епархии.

Один священник, которому я переписал молитву оптинских старцев, спросил: «А кто они, старцы? Я хочу знать о них».

Последнее свидание с Польшей подарило мне книгу стихотворений, которую я писал запойно, под сенью старого парка, тоже осенью.

Божья Матерь в Ченстохове

Копия с иконы. Поздняя версия

*Сумрачный взор, пронзающий судьбы славянства –
Их вековечную братскую брань.*

Кроткий загадочный взор сквозь столетья.

Разве есть на земле чистая раса?

Миграции, войны перемешали давно

В кипящем котле все народы.

Об этом свидетельствует Младенец –

Его негроидный облик.

Долгий, смутный взор сквозь столетья.

Взор фаяомских портретов.

Или Мадонн Пьеро дела Франчески.

Предвечной тайны мастер кистью коснулся.

Нет чистых народов – ни эллина, ни иудея.

Слышу голос Ее:

«Со Мною несогласные шрамы на Мне оставляют:

Рубцы на лице, тяжела их десница».

Отец один у эллина и иудея.

Реликтовое тулово гиганта
опутывает толстая кора:
ущелья, мхом покрытые хребты,
каньоны, выросшие на рубцах
Грюнвальдской битвы и гуситских войн.
Культы суков – остатки голых бивней.
Витиеватых веток письма –
иероглифы иль ноты... И внезапный
крученный выброс вбок. В каком столетье,
свободном от напастей, эту поросль
вольнлюбивую
скрутило в штопор?..

Незыблемый, идущий ввысь наклонно
ствол исполина. Из заочных сфер,
как бабочка, листок летит, порхает.
В прозрачной чаше – разветвленный космос
земных орбит, народов, государств.
Огромной кроною укорененный
в библейском небе.

К морщинистой коре щекой прижмет
старик, гуляющий в лесу осеннем.
Корявый мох вберет и эту жизнь.

Ржавь благородной охры. Лепота
окладов золотых. Кичливый блеск
осыпавшейся самоварной меди.

На желуди стараюсь не ступать.
Нечаянно вдруг хрустнет под ногой,
как будто раковина моллюска.

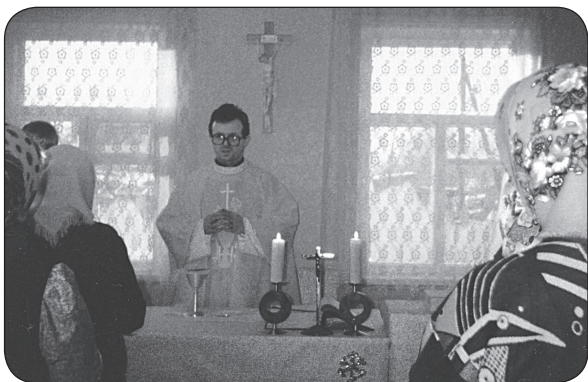
Епархиальные очерки

Одна палитра, кисть одна и та же.
Заметный дух фламандского пейзажа
Устойчив. Стати обнаживший лес,
Дубы седые, каждый в три объёма.
А под ногами серебра и золота
Пласты, неисчислимы на вес.

Многоячейных трещин паутина
Старинная связала воедино
Чуть пошатнувшийся небесный свод.
И он уж никуда не упадёт.

В безветрие текут, текут рекой
Оттуда листья... вспенивая тонко
В полёте воздух, светлый и сухой.

У нас в России осени такой
Безбрежно-тёплой, чтобы долго-долго
Ласкала душу, – не бывает, нет.
У нас, подстать красавицам отпетым,
Стремительным и буйным бабьим летом
Отдаст себя – семь бед – один ответ.
Что ж, тем и хороша... Я многоочью
О ней воспоминания предаю...
Зайду, не поленюсь, в открытый храм.
Для каждого открытый – днём и ночью.

У истоков исхода

Уезжают из России немцы. С каждым годом поток увеличивается, через несколько лет при таком темпе не останется в Поволжье – в бывшей немецкой республике – ни одной немецкой семьи. Исход немцев предопределен, считают местные власти. Особенно после угрозы Ельцина, пообещавшего им «как президент» не допустить никакой автономии.

Выкорчевывать их стали давно, с установления советской власти, хотя Ленин и назвал места их проживания республикой. Сталинский «черный указ» 1941 года разметал немцев по Сибири, Казахстану, Дальнему Востоку. В 56-м году вернулись далеко не все: неизвестно, сколько полегло на фронтах так называемой трудармии. Но если до войны в большом немецком селе проживало две русских семьи, то в прошлом году в том же селе проживало две семьи немецких. Но и они отчалили на свою историческую родину.

Видно, не привилась эта плодоносная ветвь к России. Я помню, в 60-е годы в Оренбургской области немецкие хозяйства разительно отличались от русских. У них – цветущие сады и ягодники, парники с экзотическими овощами. У нашего брата-соплеменника – голь и пыль под окнами и в лучшем случае делянка картошки за тыном. А о том, какие немцы ра-

ботающие, ходили анекдоты. В колхозе пашут, домой придут – трудятся не покладая рук, а вечером если хозяйка и сядет к телевизору, то непременно с вязаньем.

Почему Екатерина II выделила иностранным колонистам земли Нижнего и Среднего Поволжья? Охранительного, буферного назначения, наподобие Донских степей, эти земли не имели. Казаки давно изгнали отсюда татарских князей и сами грабили проходящие по Волге суда, за что бывали биты царскими войсками. Атаман Ермак Тимофеевич, прежде чем добыть родному Отечеству Сибирское ханство, не менее четверти века разбойничал здесь с казачьими ватагами. В общем, места эти были беспокойные, что особенно выявилось во времена крестьянских войн – разинской и пугачевской.

В России уже имелся опыт самоорганизации – политический и хозяйственный. Здесь его предстояло вырабатывать. И немка-императрица понимала, что ничего лучше для этой цели не приспособить, чем опыт иноземных крестьян и ремесленников.

К концу XVIII столетия в Поволжье уже расселилось 105 колоний с населением в 27 000 человек. Позже им будут предоставлены привилегии – свобода вероисповедания, освобождение от воинской повинности, уменьшенные налоги, юридическое самоуправление. Если русское правительство шло на такие льготы, значит, видело в инородцах немалую пользу. И польза не замедлила сказаться. Немцы эффективно развивали земледелие, ремесла, всесторонне участвовали в русской жизни. Из нашей истории не выкинешь славных имен доктора Гааза, Пестеля, Кюхельбекера, Дельвига, капитана крейсера «Очаков» П.П. Шмидта...

Как приходилось действовать в российских условиях немцам-одиначкам, мы знаем из рассказа Лескова «Железная воля». Предприимчивый иностранец в нашей действительности увяз, как топор в тесте. А вот колонисты выживали, являя пример упорядоченной и безбедной жизни. Они, кстати, были противниками всяческих смут и революций. У Эдуарда Багрицкого Опанас (смерд) пошел разбойничать с анархистами, а колонист

Штольц не пошел, за что был пущен в расход. Крепкие хозяйства, средний класс всегда были оплотом государственности.

Любой хозяин, осваивающий сегодня дачный участок на тяжелой глинистой почве, знает, сколько тачек песка нужно вбухать в будущие грядки помимо навоза и других удобрений. Песок структурирует глинистый пласт, рыхлит, делает его гигроскопичным. Российская почва нуждается в структурных связях, которые, как в Поволжье, культивировались и сохранялись, пока на арену истории не высыпали большевики.

Мэр города Камышина своих размышлений на этот счет от меня не скрывал:

– Они (немцы. – А. З.) добивались автономии. Но какой? Автономная республика, как я ее понимаю, – это этнически отдельная часть целого государства. Люди, ее населяющие, должны быть уверены, что они граждане России.

Мы им, чтобы удержать, стали строить домики, продавать технику... А не это нужно было делать. Вы, живущие в Германии, хотите помочь своим братьям? Вы, Борис Николаевич, хотите помочь своим согражданам? Значит, цели совпали. Будем помогать сообща. Немцев, посылающих сюда оборудование, технологию, освободить от таможенных пошлин. Из Германии нужно ввозить не рыбу (гуманитарную помощь), а удочку. И здесь, на месте, налоговую удавку ослабить, а то и вовсе снять. Развязать им руки! Отдать в пользование то, что им по душе. Они блестящие специалисты в мясной промышленности. Огорока, сосиски, буженину лучше них никто не приготовит. Прекрасно варят пиво? Нет проблем: их технология, их солод, наша – редчайшая по всем показателям вода. То же самое и с культурой. Закладываем русский театр на этой улице, на той – немецкий. Пусть взаимоопыляются. Пока, на первых порах, можно было допустить автономию – без опознавательных знаков: национального флага, президента, Верховного Совета. Некая территориальная единица – не надо пугаться определения. Но с **гарантированными правами**. Гарантии неприкосновенности в рамках территории. «Ты, Ганс, приезжаешь со своей пекарней? Будь спокоен, те-

бя не тронут. И ты, Фридрих, начинай коптить окорока, создадим тебе условия!»

Но гансы и фридрихи давно потеряли доверие к системе, которая в течение нескольких десятилетий уничтожала их, как микробов. Страх перед нею превосходит доводы прагматизма, свойственного им от природы. И поэтому, как только ворота приоткрылись, немцы бросились туда толпами, бич президента их только подстегнул.

Советская империя еще не распалась. И не распадется до тех пор, пока удерживается дух империи, требующий жертв в виде неизменного врага, того обреченного козла отпущения, что уносил на себе грехи народа. Дух пустыни Азazel поглощал грехи вместе с животным. Козел отпущения как жертва был по праву предназначен духу пустыни. Дух империи, пожирающий малые народы, тождествен духу пустыни Азазелу.

Ксенофобия – социальная болезнь – вылупилась из шпиономании, которой были заражены и взрослые, и дети в советскую эпоху. В каждой шляпе, в каждом плаще мерещился иностранный агент. Помню, как мы, мальчишки, преследовали художника из соседнего двора только потому, что он носил берет вместо привычной глазу кепки. Мы науськивали на «шпиона» милиционеров, и он, готовый к этому, всегда имел при себе паспорт. Кажется, фамилия его была Корф, явно немецкая. В конце концов он исчез из нашего поля зрения – то ли всосанный ГУЛАГом, то ли переехал на другую жилплощадь, подальше от шустрых павликов морозовых. Но вряд ли в другом дворе их было меньше.

Слово «немец» в русском языке возникло от слова «немой», немотствующий. Все иностранцы, не понимавшие по-русски, подходили под разряд немых, то есть немцев. Это слово родилось и укоренилось в нарицательном смысле. А уж после Великой Отечественной и подавно. В 70-х годах я плавал на латвийском рыболовецком траулере-рефрижераторе. Матросов-латышей было столько же, сколько и русских. Мы спали на корме, они – в носовой части судна. Вражда не остывала между нами. Мои коллеги по тралфлоту называли их не иначе как «немцы».

Но вернемся в Поволжье, где я побывал прошлой осенью, в самый разгар «великого исхода». Он назревал давно, начавшись с угасания национальной культуры, с дискриминации родного языка, который стал для них каиновой печатью. Ирина Иосифовна Пышкина (Гольман) рассказывает: «Преподаватель по художественному чтению в Волгоградском педучилище занижала мне оценки, когда я читала немецкий текст. Я спросила: почему? И она без стеснения ответила: «Забудь свой язык. Ненавижу немцев. Вы моего отца убили на войне»».

Это голос кровной мести, племенного сознания. Вообще апелляция к целым народам – в ненависти, да и в любви – есть проявление каннибальского инстинкта.

В немецких селах, куда возвращались невинно репрессированные жители, не было уже ни кирхи, ни соборов. Их развалили или перестроили, приспособив под хозяйственные нужды. Религиозная жизнь теплилась в подполье, часто в буквальном смысле. Но вот начались так называемые реформы, и забрезжила свобода вероисповедания. Роза Емельяновна Крафт, директор Дома культуры из деревни Усть Грязнуха, поехала в город, в Никольский храм, просить православного священника отслужить в деревне панихиду 9 мая, в день памяти всех погибших. Розе Емельяновне Крафт честные отцы из Никольского храма отказали. Не приехал никто и в следующий раз, когда приглашали покрестить младенцев. Недавно в области возродился католический приход. Единственный священник обслуживает десятки сел, деревень и райцентров, откуда еще не уехали все немцы.

Но это – проблемы духовные, которые, впрочем, рано или поздно обретают зловещую материальную окраску, как питьевая вода в Петровом Вале. Здесь когда-то в каждом дворе были колодцы. Теперь общая сеть водоснабжения, и из крана хлещет красно-коричневая струя. По этой причине в поселке нет здоровых людей, а все дети страдают болезнью печени. Летом, в поливной сезон, воду «дают» раза три-четыре в месяц. Растет детская преступность. Она тоже связана с мигра-

цией населения, с эмиграцией... В Камышине за пять месяцев совершено 48 изнасилований с участием несовершеннолетних. А старики жалуются на трудности оформления документов, подтверждающих их невинное осуждение и сулящих хоть какие-то льготы. На их запросы в те места, где они отбывали ссылку (Омск, Новосибирск, Томск), редко когда отвечают. А без справки кто ж им поверит!

Кто поверит Марте Осиповне Штайн, поведавшей мне о своих мытарствах? Куда уж ехать – поздно! – таким, как она, одиноким калекам, доживающим свой век на непонятной, проклятой Богом земле...

Нет, не проклятой. Но от Него отвернувшейся, выкрикнувшей однажды голосом мстительного богоотступника: «Мы пойдем другим путем!!»

Марте Штайн с ними было не по пути, как тому колонисту из поэмы Багрицкого. Но, втянутая в общую гибельную колею, она от Бога не отвернулась, на каждом шагу получая свыше явную и тайную помощь. Я изменил ее настоящее имя. Стреляный воробей, она попросила меня об этом. Сухонькая, востроглазая старушка, прошедшая «этапы большого пути», по первой просьбе начинает рассказывать, захлебываясь и спеша, смешно коверкая русские слова.

Сыльных привезли в товарных вагонах и сгрузили прямо в голубой степи – покидали, как поленья под откос. Паровоз, дымя недосыгаемым теплом, поспешно покатиł прочь пустые вагоны. Поднявшаяся метель и близкая ночь накрыли их, изможденных долгой дорогой, и они затихли в оцепенении. И только на рассвете зашевелились те, кто остался в живых, принялись ковырять землю, чтобы спрятаться хотя бы в нее.

В то утро, под одним из замерзших трупов нашли девочку, в которой еще теплилась жизнь. Мать накрыла ее собою, подоткнула одежонку, укутала платком голову и закоченела, наверное, раньше, чем снег припорошил их.

Девочка выжила и скоро, как все, стала числиться солдатом трудовой армии. В 1952 году она уже работала на лесоповале. Марта приметила ее. Девочка знала много молитв, которых

научила ее мать. Марта тоже знала. И тоже с детства запомнила их, слышанные от матери. Мать сейчас отбывала ссылку за сотни километров от нее, в Павлодарской области. А она – в Бугуруслане. Однажды зимой в конце рабочего дня Марта отлучилась от бригады, присела за малой нуждой... Мороз ли ее сковал или нервы сдали, но подняться она была не в силах. И вдруг видит седенького старичка, который подошел к ней и сказал: «Что, мальчик, не можешь штанишки надеть?» Помог и добавил: «Поезжай скорей к матери, она умирает и тебя ждет». Сказал – и исчез. По внешности, по всему то был Николай Угодник, «Русский Бог», как считали те, кому она рассказывала об этом случае.

Но как уехать прикованной на цепь к комендатуре?! Полагалось отмечаться, даже если идешь проведать друзей на соседнюю улицу. А тут – Павлодарский край... Но комендант не отказался от денег, которые Марта ему предложила, и отпустил на две недели. Добралась до Семипалатинска, а дальше в открытом грузовике с попутчиками тряслась по снежным ухабам, пока машина не забуксовала в одном месте. Все вылезли из кузова, чтобы подтолкнуть, подсобить шоферу. Подтолкнули и – остались на дороге... Кроме нее, успевшей вцепиться в ледяной борт и вскарабкаться на полной скорости в кузов. Но водитель скоро ее ссадил, как ненужного свидетеля, и умчал с барахлишком, оставшимся от тех, сброшенных на дороге...

«Я ехал из Бугуруслан, совсем плохо одет, как нищий был одет, – рассказывает Марта. – Нашиль заплаток на пальто, на платок. Нищая, кто грабить будет? Но я была очень хорош работник, мне иногда подарок давал – материю, што-нибудь. Я собраль подарок мешок и – на спину. Стою, жду еще какой-нибудь машин. Едет концертный машин. Меня посадил. Места мало было. Музыкант мне на колени инструмент положил. Приехали в деревню. Я замерзла, говорить не могла, два дня не ел. А до мамы еще шестьдесят километров».

Отогрелась Марта у добрых людей, пошагала дальше. У развилки трех дорог остановилась: которая ей нужна, не знает. Слышит: тарыхтит машина. Бросилась чуть не под колеса:

«Добрые люди, скажите, куда мне идти?» «Пошла, сволочь, с дороги!» – ответили ей из кабины «добрые люди». Марта взмолилась: «Божья Матерь, подскажи дорогу!» И выбрала ту, что понаезженной. А местность открытая, метель не унимается. Усталость в сон клонит. И решила Марта остаться здесь, в чистом поле, в большом стогу, похожем на снежную гору.

Из снежной горы курился дымок. Это оказался дом, в котором жили высланные немцы. Она докопалась до сеней, вошла внутрь и спросила: «Люди добрые, здесь живут немцы?» И ушам своим не поверила. «Немцы, – ответили ей, – но пустить тебя не можем, унасет места». Но тут вышла из другой комнаты молодая женщина – в доме были две хозяйки – и сказала: «Иди к нам. Ты откуда?» «А я ответить не могу, – лепечет Марта. – Раньше я не умела плакать, а тут разревелась». Молодая не узнала ее, а Марта – узнала... ту девочку из-под замерзшей матери. В 52-м году она работала на соседнем лесоповале. «Накормил меня кашей, – продолжает Марта, – постелили на полу, даль подушку. А утром я встала и пошла дальше. Вижу аул. Там казахи. Мне говорили – аул лучше обходи. Но уже заметили, скачут трое на лошадях, прыгают, как волки. А может, и правда волки? У меня ножик. Думаю, если волк начнет меня есть, я ему язык отрежу. Пусть лучше будут волки, чем казахи. Подъезжают. «Гражданка! Что у тебя на спине?» А у меня на спине вещь хорошая: кусок крепдешин, мыло, носки шерстяные, еще что-то. Но я им говорю: «Мамин белье. Маму больницу забрали. Его белье домой несусь». Они и отпустили. Вот нагоняют сани с врачом. Я прошу: «Возьмите меня!» А возчик-мальчишка: «Как взять, лошадь мокрая...» Врач приказывает: «Возьми!» Я села, немножко держусь. Но довезли только до следующего аула, дальше – карантин. Опять иду через аул, дрожу, люди кричат: «Что несешь на спине?» Отвечаю всем: «Мамин вещи. Маму больницу забрали. Белье домой несусь». Они подождали, чтобы я за аул вышла, и спустили собак, меня собакам порвать. Я молюсь Божьей Матери: «Ой, спаси, ой, помоги!» Уже хрипят сзади... Я оборачиваюсь и на них: «А-а-ав!» А они как раз хотели меня хватать. Но почему-то не захотели. Три собаки сели на задницы,

каждая выше меня ростом. Я молюсь: «Божья Матерь, помогай! Божья Матерь, помогай!» Собаки сидят рядом и смотрят, а люди стоят далеко и тоже смотрят. Вдруг собаки поднялись и – «гав-гав» – пошли от меня».

Всего несколько километров оставалось до поселка, где жила мама. Обессиленная и напуганная, Марта присела на придорожный камень, на плиту чьей-то одинокой могилы. В этот момент мысленным взором и увидела ее, сидящую на могиле, мама. Два дня мама уже не принимала пищи, думали – умирает. Стала бредить, говорит: «Я вижу Марту в латаной одежде. Она скоро придет».

И Марта пришла. Мать ожила с ее приходом. А через два дня, продав крепдешин и мыло, подмаслив кого надо, они отправились в обратный путь. Он был не менее тяжкий. Чуть не лишились они жизни за перьевую подушку, которую взяли с собой, и рукавицы. И то и другое пришлось отдать налетчикам. С обмороженными руками, обобранные до нитки, они добрались до Бугуруслана. Мать работать уже не могла, в больнице выдали справку – расширение сердца. И Марта вкалывала в две смены. В литейном цехе, на погрузке всегда перевыполняла норму. Не из идейных побуждений – на одну зарплату двоим прожить было невозможно. Товарки на нее за это обижались, точили зуб. «Ошшень хотель меня убить». За хорошую работу ей выпала путевка в Москву. А во время ее отсутствия на заводе произошла авария, рухнула крыша и похоронила под собой всех ее недоброжелателей.

– Божья Матерь и Леон Мессис мне всегда помогать, – говорит Марта.

Священник Леон Мессис, немецкий святой, умерший в Алжире в 1947 году, недавно канонизированный. Когда Марте попала в руки книжечка о нём, в портрете на обложке она узнала того белобородого старичка, что спас ее однажды... Леон Мессис на той обложке как две капли воды похож на иконографический образ Николая Мирликийского. Все святые в чем-то очень похожи... И не так важно, кто из них помогал ссыльным немцам в Сибири. Важно, что помогал...

Под сводами «Св. Людовика»

Отделив формально Церковь от государства, большевики представили ее как отрезанный ломоть, участь которого определялась однозначно: быть съеденным. За что они и взялись со здоровым пролетарским аппетитом. Уже в начале 20-х православные и католики сидели по тюрьмам как «религиозники», в одних камерах. И были поистине единой Церковью, соединяясь в таинстве и общей молитве. Но если православное священство гребли под разными «законными» предложениями, вроде саботажа при изъятии церковных ценностей, то католиков хватало без всяких предлогов. «Раз католик – значит, контрреволюционер», – объявляла новая власть, истребляя в Москве и Питере католические общины.

Храм св. Людовика, построенный французами в 1830 году, при советской власти остался единственным католическим храмом в Москве, единственной буржуазной территорией, куда можно было войти без визы. Расположенный на улице Малая Лубянка, он оказался в месте, удобнее для карательных органов не придумаешь. И они, эти органы, стали обтекать его, как щупальца кишечного организма, парализуя стрекочущими клетками. Многие кварталы, прилегающие

к площади Дзержинского – ныне Лубянская, – принадлежат славным чекистам. Это город в городе, занятый сонмом загадочных учреждений, на улицах которого жизнь замирает после шести часов вечера. Католический храм оказался в самой его сердцевине – отрезанный ломоть, обрабатываемый неистощимым желудочным соком.

Но, повторяю, это была участь всей Церкви – единой и католической. После прихода к власти Андропова – в Риме, на площади святого Петра, грянул выстрел, ранивший папу Иоанна-Павла II. А в Москве начался очередной антицерковный погром. У многих верующих находили фотографии римского Папы, что вызывало недоумение чекистов, заполнявших протоколы при обысках.

Западные христиане всегда помогали русским верующим – Евангелия, религиозные книги и журналы, свечи, даже крестики, даже лампадки присылались в подарок с какой-нибудь тайной оказией.

В это доперестроечное время храм на Лубянке посещали только заезжие иностранцы да аккуратные старушки-польки, безмолвные свидетельницы грозной эпохи. Престарелый настоятель отец Станислав Мажейко служил в полупустом храме, давно ожидавшем капитального ремонта.

В это же время в Москве возникла подпольная католическая община, которую окормляли приезжие священники, изредка служившие на квартирах новообращенных католиков. А когда одного из них рукоположили за границей, богослужения стали регулярными и прикровенная общинная жизнь забила ключом. Фонтанировать ей долго не пришлось. Доблестные органы засекли пастыря чуть ли не с самого момента рукоположения. Как выяснилось на следствии, их люди были уже среди встречающих его на московском вокзале. Впрочем, может быть, врут – кто их проверит! – и община засветилась позже. Так или иначе, но вскоре под окнами очередной квартиры, где намечалось собрание верующих, возникла черная «Волга» с устрашающими занавесочками... А еще время спустя арестовали священника, и община распалась. Но семья было броше-

но. Почти все они стали первыми русскими прихожанами католического храма, когда скрывать свое вероисповедание уже было не нужно.

«Традиционные формы православия, – говорит Л.И. Василенко, философ, православный христианин, – не охватывают всех психологических типов русского населения. Люди активные часто оказываются не у дел: вне веры, где угодно, только не в Церкви. Баптисты собирают таких людей, предрасположенных к активной деятельности. Но далеко не всех. Баптисты в России пока еще работают в социальных низах... Люди католической формации должны здесь появиться... Были же они до революции. Всегда были люди, которые не вписывались в традиционную Церковь».

И это нормальное явление для цивилизованного общества, для страны, считающей себя равноправной в семье народов.

Та, подпольная община состояла в основном из новокрещенных в католическую веру; перешедших из православия было всего несколько человек. Позиция Ватикана, не поощряющая прозелитизм в России, определилась еще в конце прошлого столетия, когда православие считалось государственной религией. А в начале нынешнего, после принятого закона о веротерпимости (1905 год), допускавшего некоторую свободу совести русскому человеку, папа Пий X выразился на сей счет предельно ясно. Главе миссии русских католиков восточного обряда, отцу Алексею Зерчанинову, предписывалось: «...Его Святейшество приказывает неуклонно соблюдать греко-славянский обряд во всей чистоте, не позволяя себе вводить какие-либо добавления латинского или иного обряда, а также заботиться, чтобы то же самое исполняли подчиненные ему священники». Точно так же считает и последний папа Иоанн-Павел II, не раз указывавший на воспрещение прозелитизма в России. Признавая ее особый исторический путь, католики готовы помогать верующим укрепиться в духе, осознать себя единой святой соборной и апостольской Церковью. Церковью-сестрой.

В 1990 году у храма св. Людовика началась новая жизнь. Ушедшего на пенсию отца Мажейко сменил энергичный литовец отец Рачюнус. В апреле 1991-го в Москву был назначен архиепископ Тадеуш Кондрусевич, полномочия которого распространялись на всю европейскую часть России. Пришел новый настоятель, француз, отец Бернар Леаннек. Отважный человек, с неизменной улыбкой на лице. Прежде чем заступить на свою должность, он год прожил в Загорской семинарии, посещая лекции, пребывая изо дня в день в православной монашеской среде. Многие и весьма суровые уроки он испытал на собственной шкуре, но вынес все и вышел оттуда неомраченным, полным пастырских надежд.

Под своды храма потянулись священники из католических стран. Например, молодой и стеснительный на вид отец Йозеф Гунчага из Словакии. Вокруг него, как пчелы вокруг матки, стали роиться юноши и девушки. Он играет на гитаре и поет религиозные песни так зажигательно, как завещал ему псалмопевец: «Пойте Господу на кимвалах громогласных!»

Однажды мы условились встретиться с ним у метро «Университет». Я пришел вовремя, а он уже был там, и толпа случайных людей внимала призывному голосу, слегка коверкающему русские слова, за которыми, однако, проступал внятный смысл. В августе 91-го, сразу после путча, отец Йозеф откуда-то издалека вернулся в Москву. В храме в те дни было понятное оживление, связанное с минувшими событиями. «Радость-то, радость какая!» – щебетала юная девчушка, и я не сразу понял, что радость имеет еще какой-то, не относящийся к общему настроению оттенок. «Радость-то какая, отец Йозеф приехал», – воскликнул еще кто-то.

Он действительно сразу «оброс» приходом, средний возраст которого едва ли перешагивал за двадцать. Причем среди юношей преобладали экземпляры далеко не образцового поведения. Сын моего друга, бездельник и шалопай, выражаясь эзотерическим языком, «сел на иглу». Я знал, что отец Йозеф врач по своей гражданской профессии и обратился к нему:

что делать? «Присылай в приход, – ответил священник, – я как раз с такими имею дело».

Ядром молодежной общины стал хор. И скоро многие песни, которые поют христиане всего мира, зазвучали на русском. Два сборника песен, выпущенных храмом св. Людовика, – своевременная подмога в паломничествах, на молитвенных собраниях.

Однако бурная деятельность молодого священника оказалась не ко двору, и вскоре его отправили служить в Поволжье. Но его московский приход не распался. Часть перешла к отцу Бернару, часть – в общину Петра и Павла, у которой нет своего помещения, и «св. Людовик» приютил и этих.

Община большая и тоже, по преимуществу, молодежная. Каждую неделю, кроме воскресной службы, они собираются у кого-нибудь дома. Молятся, изучают Слово Божие, за чаепитием обмениваются новостями. Такие встречи поддерживают храмовую жизнь в большом городе. И они, кстати сказать, приняты не только у католиков.

Очередная встреча была посвящена таинству брака с чтением Евангелия от Матфея, пятой главы. К теме нужно было подготовиться заранее и отвечать на вопросы, которые составляет ведущий. Вот некоторые: «Вижу ли я разницу между браком Нового и Ветхого завета, и если да, то в чем она заключается?», «Чем для меня является благодать таинства брака?», «Как я понимаю слова супружеской клятвы: «Я... беру тебя... в жены и обещаю тебе любовь, верность и супружеское уважение; и то, что не оставлю тебя до смерти. Так помоги мне, Господи Боже Всемогущий, Единый в Троице, и все святые», «Кому я даю эту клятву – Богу или человеку?»

Ответы были разного уровня, наверное, потому, что пришло несколько новых молодых людей, недавно крестившихся. Но отец Ян – опытный кормчий. Закипающие споры обходил, как подводные рифы, выравнивая и нагружая беседу библейским содержанием. Библия – его профессия. Он монах ордена вербистов – ордена Божьего Слова. Основанный в 1875 году в Голландии блаженным Арнольдом Янсенем, орден вна-

чале был немецким, а позже переродился в международный. Первые миссионеры его работали в Китае. А сегодня 10 % членов ордена составляют поляки. Настала необходимость ввести в миссионерскую работу какой-нибудь из славянских языков.

– Чтобы вождение побороть, ему надо уступить, – заявляет тучный юноша, расположившийся рядом со мной на фанерном диванчике. Диванчик под ним обреченно поскрипывает...

– Это точка зрения психиатра фрейдистской школы, – уточняет священник и возвращает разговор в главное русло. – Брак на природных началах, то есть неосвященный брак, может считаться действительным, если супруги верны друг другу. Если любовь выдерживает испытания. В современном мире – не только в России – церковное понимание брака прививается с трудом. Освященный брак хранит верность двоих Третьему, незримо присутствующему в этой мини-Церкви. Семья, малая (домашняя) церковь, свидетельствует о единстве Троицы.

– Немногие сегодня венчаются... – возражают ему.

– Ну, что ж, такие браки запрещать нельзя. Но предупредить необходимо об опасностях, которые их поджидают и с которыми им придется справляться вдвоем или поодиночке. Ведь незримого Третьего они из своей компании исключают. Предупредить необходимо.

Он говорит неторопливо, подбирая нужные слова, не разбалтывая мысль сомнительными синонимами. Я не раз замечал, что речь на чужом языке бывает экономна и точна. Лишенная многозначных оттенков, она устремлена к главному, для чего хватает имеющегося запаса слов.

– Я вам расскажу случай, – продолжает священник. – Мальчик играл папиным пистолетом. Папа – полицейский. Мальчик не знал, что пистолет заряжен, выстрелил и убил своего друга. Тем, кто вступает в брак, минуя церковное таинство, надо бы знать, что пистолет заряжен. Остановить их нельзя, но предупредить – нужно.

В этой общине я встретил друзей своей молодости, которым за пятьдесят... Мы не виделись лет тридцать... Они оказались родителями девочки, в доме которой происходило собрание. В Католическую Церковь их привело паломничество в Ченстохову. Филологи, окончившие университет, до этого они имели смутное представление о религиозной жизни, полагая, что она – область сугубо интимная. И вот в паломничестве, четыре года тому назад, они встретили молодёжь, которая не стесняется своих религиозных чувств, не замыкается в вере. «Мы, конечно, читали раньше Евангелие, – говорит Наталья Петровна, многие годы служившая литературным секретарем у поэта Давида Самойлова, – но обращали внимание только на сакральную сторону. Запомнили, что, когда молишься, «закрой свою дверь» и так далее. А вот о проповеди на кровлях, о благовестии миру, о том, что Христос отправил учеников проповедовать всем народам, – об этом мы не думали. Возможно, потому, что впервые услышали проповедь, потрясшую нас, из уст отца Мариана, тоже вербиста».

Кончилась встреча, вымыта чайная посуда, съедено принесенное печенье, – все разошлись. Но остался Сережа. Он пришел сегодня с сумкой плотницких инструментов, чтобы починить стол на кухне. Плотницкое ремесло ему, кажется, знакомо...

Следующая встреча была посвящена московской католической молодежи. Рассуждения одной девочки совпали с мнением большинства. Она говорила о свободе в Церкви. Говорила на своем языке то, что заповедовал Христос: «...познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8. 3). Прежде чем прийти в Церковь, она несколько лет тусовалась среди хипарей, рокеров и ненавидела «любую структуру, дисциплину, иерархию». «У меня к ним выработалась настоящая идиосинкразия», – сказала она. Но в последнее время отношение к дисциплине стало меняться. Ощущение внутренней свободы устранило страх не только перед этими понятиями, но и перед чем-то большим, что за ними стоит. Она обнаружила, увы, не с первых шагов пребывания в Церкви,

что спокойно и естественно принимает новый для нее порядок жизни. Впрочем, в старом не было порядка, а только борьба за права и независимость. Большинство ее знакомых после крещения не могли прийти в Церковь. Не хотели себе врать и участвовать в маскараде. Так им представлялась церковная жизнь. Особенно сопротивлялись православной униформе: юбка, платочек на голову – явное насилие. «Я слушаю рок-музыку и буду слушать!» Они не могли понять, как совместить эту музыку и христианство. Возникла пропасть, которую невозможно преодолеть в одиночку. Но, сходяв раз или два в паломничество, заглянув на собрание общины, они поняли, что по большому счету неважно, какую ты слушаешь музыку: хэви-металл или Бетховена, читаешь «Собор Парижской Богоматери» или «Москва–Петушки», – это не мешает быть членом Церкви. Тебя не будут пытаться: что ты вчера смотрел по видяшнику? И даже если ты выкурил косяк, в конце концов... это еще не значит, что на тебе поставили крест. Ты можешь носить джинсы, разукрашенные цветочками, если тебе семнадцать лет, и писать на себе Love, Love, Love... Конечно, ты постоянно делаешь выбор, и очень серьезный, но при этом не отрекаешься от всей своей жизни. Никто не требует, чтобы ты в один прекрасный момент отрекся от самого себя. От сатаны, как в православном обряде, – да: от сатанинских происков в своей жизни. Здесь-то и дана возможность отделить злое от доброго, не выплеснув вместе с водой ребенка, то индивидуальное начало, зернышко, которое так защищала раньше. И, главное, тебе помогут – вот еще что. Помогут тем, что поймут. В тусовочных шалманах не поймут. Там одиночество непреодолимо. Любая тусовка – это куча одиночеств. А в общине поймут и не бросятся тут же исправлять... Это же очень тяжело, когда в семнадцать лет тебе начинают выкручивать руки. В Церкви ты можешь безбоязненно говорить о себе все. Церковь – это когда исчезает страх перед Богом и ты чувствуешь себя свободной от внешних меняющихся форм благочестия. А внутренним и неизменным – верна.

Итак, проглоченная Церковь (и православная, и католическая) не растворилась без остатка. Именно остаток, которого «врата адовы не одолеют», словно иноприродный фермент, активизировал распад прожорливого организма. Потому что Церковь и государство не могут пребывать друг в друге наподобие китайских шаров или деревянных матрешек.

Урок Библии в пятом классе

Его пригласили в школу к пятиклассникам рассказать о Библии. Посверкивая очками и смешно жестикулируя, он поет: «Мудрец построил дом свой на скале, / Пошел великий дождь. / Дождь падал, поднималась вода, / Но дом тот устоял. / Глупец построил дом свой на песке. / Пошел великий дождь. / Дождь падал, поднималась вода / И рухнул этот дом. / Так помни слово Божие всегда, / Не строй дом на песке».

Движения рук безошибочно узнаваемы: струящиеся пальцы – дождь, поднимающиеся пальцы – потоп, а указательный палец у виска – конечно, глупец, которого дети тотчас весело опознают. Уверен, что библейская притча, поведенная таким развлекательным языком, запомнится детишкам.

Не всякая школа допускает к детям священника, тем более католического. Но отца Йозефа Гунчагу знают в Камышинском районе как человека общительного и образованного. С тех пор как католики открыли церковь в Камышине и молельный дом в Петровом Вале, для многих немцев, да и для русских, жизнь обрела подлинный смысл.

Три года тому назад он, словацкий священник, приехал сюда к немцам Поволжья, число которых стало стремительно

таять. До войны в Камышине был католический храм, оборудованный позже под фабрику. Отец Йозеф попытался вернуть его. Но – уввы... Вернули домик напротив, где в недавнем прошлом помешалась венерическая лечебница. Ну так что ж – самое место быть здесь врачебнице духа! Отец Йозеф отремонтировал дом, где одна из комнат стала домашней церковью. Соседи напротив увидели такое сказочное преображение бывшей развалины и предложили обмен: отдадим вашу бывшую церковь, а вы нам – отремонтированный домик. Но теперь уже не согласился священник, потому что решил построить новую церковь. Городские власти задумались, не сразу пошли ему навстречу. Было высказано осторожное пожелание посоветоваться с православными отцами: как они посмотрят на католическое соседство. Православные отцы посмотрели положительно, и земля под строительство была выделена, а скоро стала расти и церковь из белого, как рафинад, кирпича.

Камышин – бойкое место для миссионеров разного толка. За три года кто здесь только не проповедовал! И немецкая новоапостольская, и американские протестанты. Одаривают гуманитарной помощью тех, кто у них крестится, и Свидетели Иеговы. Впрочем, эти в городе обосновались фундаментально. Устраивают диспуты. Но «наезжают» на православные приходы, чувствуют в батюшках слабину по части Священного Писания. Сами шпарят по нему, как по цитатнику. Но бывает, нарываюся на знающего – о таком речь впереди... Католиков они сторонятся. Поговаривают, что в городе есть и секта сатанистов.

Религиозный плюрализм – знак нашего времени (1995 год), своего рода соревнования на конкурсной основе. И нечего их бояться – издавать запретительные декреты и огораживать «канонические территории» колючей проволокой. Духовные флюиды не задержать ничем, даже китайской стеной. Они – нормальная провокация на жизнестойкость Церкви. Ведь находятся же батюшки, понимающие, что должны знать Писание не хуже начетчиков, да и не только Писание. Разве

не поучительны общинный дух и взаимопомощь среди иноверцев... Ввиду их очевидного натиска, Церковь, воспитывая просвещенную и деятельную паству, может еще более укрепиться. Десант сектантских миссионеров можно рассматривать как своевременную прививку от сектантского духа. Отец Йозеф как раз и предлагает православным священникам изучать Библию совместно. Он мог бы помочь и книгами, и советом. Ведь в XX веке католиками накоплен немалый опыт евангелизации. На собраниях, на евангельских встречах он, смеет надеяться, не помешал бы... Но есть и другие формы помощи, не посягающие на конфессиональные приоритеты. О них отец Йозеф предпочитает не распространяться: пусть правая рука не знает, что делает левая. Они практического характера. Но об одной, скорее символической, стоит сказать.

У православных трудности с облачениями. Дороговато стоят. А у католиков, как выяснилось, излишек. Отец Йозеф, разумеется, поделился. Перешить шелковый орнат на фелонь оказалось несложно, потому что покрой их почти одинаков.

Иные благодеяния небезопасны. Рыночная система отслеживает конкурентов. Мэру города донесли, что католики занимаются коммерцией. Тормозят, дескать, развитие отечественной торговли. Это подсуетились, может быть, местные деловые люди, написали куда следует. На самом же деле католическая община Фатимской Божией Матери купила в деревне тушу тельца по доступной цене и по той же самой, не прибавив ни рубля, продала в городе. Даже на бензин не выгадали новые коммерсанты. К тому же люди выбирали себе куски получше – общине достались одни кости.

Храм их – странноприимный дом. Светятся окна и лампочка над крыльцом. Освещена стеклянная витрина с множеством книг. Местные жители не дупят кирпичами по витрине, не разворовывают книжек – похвальная веротерпимость. Здесь и до революции уживались друг с другом православные и католики, старообрядцы, лютеране.

Храм, он же дом – всех принимают, прямо с улицы. Семья беженцев-армян живет в библиотеке. А диван в прихожей,

последнее оставшееся спальное место, занял бомж. Он пришел однажды утром – семидесятилетний старик, угрюмый и, конечно, голодный. Священник выслушал старика, уединившись с ним в храме, потом дал ему электробритву, накормил. «Ему негде ночевать, – сказал он, – пусть поживет. А там увидим, что за человек». А человек оказался немцем с заурядной судьбой: ссылка, трудармия, родственников – никого. Бездомная старость. Он родился в Одессе, и дед его, ведущий ботаник, в 20-е годы закладывал виноградники в Аскании-Нова.

Верующих католиков еще до недавнего времени преследовали. Старухи собирались на молитву тайно, завешивали окна одеялами. А священников, которые тоже тайно приезжали к ним из Прибалтики, власть отваживала по-разному: отца Антония (фамилий священников старухи не знают) посадили на семь лет, отца Кристофороса избили хулиганы, а одного священника задавила машина.

Конечно, среднее поколение уже не знает ни языка, ни своей культуры. Воспитать их в церковной традиции было невозможно в советское время. Да и пожилые люди не все понимают, зачем нужна Церковь. Отец Йозеф служит на двух языках – на немецком и русском. Старушки было выставили ультиматум – служить только на немецком языке. Но отступили, поняв, что дети, не знающие родного языка, тогда религиозного воспитания не получают.

У него две помощницы, Мария и Марта. Марта рядом – целый день как белка в колесе. Катехизис с детьми, стряпня на кухне, рынок, магазины, стройплощадка, за которой глаз да глаз – разворачивают все безбожно: днем ворота не запираются. Наконец, собрать священника в дорогу – у него каждый день мессы в деревнях. Мария – в тридцати километрах от Камышина. Там молельный дом и тоже много ребятишек.

Отец Йозеф бывает там часто, а один раз в неделю привозит баллоны с питьевой водой. Трубопровод в поселке гонит ржавую воду. По этой причине в Петровом Вале здоровых людей нет.

С отцом Йозефом нам удастся поговорить только в машине. Он весь день в дороге, летает по дальним деревням своего прихода, как пчёлка от цветка к цветку, и лишь к ночи возвращается в Камышин.

– Как ты думаешь, – спрашиваю я, – останутся католики здесь, когда уедут все немцы?

– Сейчас картина неутешительная. С каждым годом нас все меньше. Только воцерковим, подготовим чуть-чуть, а они уезжают – на Запад, в мир, может быть, опаснее этого. Но приходят другие: поляки, грузины-католики, беженцы армяне, приходят и русские. Будущее все-таки у нас есть. Оно видится в малых общинах, где больше сплоченности. И православие, я надеюсь, станет смелее открываться католичеству. Совместная катехизация, наличие двух обрядов – восточного и западного – могут повлиять на взаимопонимание. Православная Церковь должна взять на себя евангелизацию в России. Мы ей помощники в этом, а не конкуренты. Иначе Россию захлестнет сектантство.

Я слушаю его, глядя на безутешный пейзаж. Свинцовое небо, мчащаяся по сторонам выжженная степь, дырявые, как прорванный бредень, лесополосы.

– Не страшно тебе здесь, вдали от цветущей Словакии?

– Я привык. Четвертый год на Волге. Иной раз подумаешь: когда приеду домой... А где наш дом? Мы из тех, кто по слову Иисуса оставили свой дом. У нас теперь много домов.

– Ты из верующей семьи?

– Бабушка была верующая. Мама хотела, чтобы кто-то из четырех сыновей стал священником. В деревне, откуда я родом, давно не было священников по призванию, то есть настоящих. Те, что служили, подавали плохой пример. Один такой священник действует успешнее дюжины атеистов. Я призвание свое почувствовал не сразу. Поступил в медицинский и по окончании 11 лет работал врачом-рентгенологом. Но уже в студенческие годы понял значение Церкви в современном мире. Помогло молодежное движение Фатимской Божией Матерью, которое тогда у нас было подпольным. Я в нем участ-

вовал и понял: священство – мой путь. Причем путь, направленный на Восток. Ведь предупреждала же Божия Матерь в Фатиме, что от веры в России зависит состояние всего мира. При коммунистах я приезжал сюда несколько раз. И видел, что это совсем не та страна, о которой нам твердила пропаганда. И если в школе у меня была аллергия на русский язык, то теперь я полюбил его и быстро освоил. Я увидел, что простые люди в России унижены, как рабы, и мне хотелось им помочь. А получилось – что они помогли мне. Они по-настоящему развернули меня к Церкви и к Богу. Меня тайно рукоположили. Работая в больнице, я тайно служил священником.

– Как ты готовился к служению на Востоке? Кроме языка изучал русскую культуру, историю?

– Нет. Специальных знаний нам никто не давал. Пришлось набираться их самостоятельно, увы – попутно, из общения с разными людьми, со священниками.

К одному из них мы заехали поздним вечером, возвращаясь из далекой Усть-Грязнухи.

Отец Андрей – немец. Немец – православный священник. Молодой, искрящийся добродушной веселостью, шумно-гостеприимный. Он сразу усадил нас за стол: «Время позднее, небось проголодались». Загремел ложками, вилками, поставил на плиту большую кастрюлю, пододвинул тарелку с яблоками: «Угощайтесь, пока щи подогреются».

Живет он с матерью и сыном. Год отучился в духовном училище и был рукоположен. Хотел постричься в монахи, но владыка не благословил, а послал сюда, в деревню, где несколько лет назад он работал доярком. Храма здесь нет, и строить пока не на что. Но есть молельный дом и человек тридцать прихожан (из четырехсот жителей поселка). Это он ведет бои со Свидетелями Иеговы. «У них здесь секта, – охотно объясняет он, – кое-кого переманили из наших. Но я провел несколько публичных споров и отбил их назад: вернулись с покаянием. На такие встречи я беру кого-нибудь из своих, чтобы услышали мои доводы. Сектантов не переубедить, они оппонентов не слышат. Я говорю только для своих, которые колеблются

или плохо знают Писание. А некоторых предостерег, пригрозил предать анафеме – через епископское благословение. Что такое анафема – объяснил, раскрыл им глаза. Может быть, это и уловка с моей стороны, но, думаю, во спасение полезна.

К нему на евангельские чтения, которые ведет регулярно, приходит несколько семейных пар. Читают вместе Евангелие и комментарий к нему. Эту практику он перенял у своего архиерея, когда учился в Волгограде.

– Да мы и так собираемся, – уточняет отец Андрей, – на пироги, пьем чай, беседуем. Я стараюсь сплотить людей в приходе.

– Для родителей не было ударом ваше рукоположение?

– Нисколько. Я молюсь по-русски, мама по-немецки. Она и мою молитву иногда слушает. Нисколько ее это не травмирует. Да я ведь и крещен в православии, еще школьником.

– Но родители-католики?

– Да, но... Мы жили в Алма-Ате. Отец был партийный... Однажды я увидел крестный ход, пристал к нему и вошел в церковь. А там – женщина возится с бумажными ангелочками у аналоя. Я с детства разговорчивый и любопытный. Набросился на нее с вопросами: «Что вы тут делаете? Что это за тумбочки?» Она объяснила. Я стал ходить к ней. А через две недели ежедневных занятий, из которых я узнал о православной вере и о крещении, меня окрестили. Мама в то время гостила у дочери в Томске. Я и сейчас со своей крестной не расстаюсь, навещаю иногда, советуюсь.

– Среди ваших прихожан есть немцы?

– Попадают, – уклончиво ответил он. – Дети от смешанных браков берут русскую фамилию, если, конечно, не собираются уезжать. Беда с ними...

– Слышали вы о католической организации «Церковь в беде»? Она помогает православным батюшкам, через епархию посылает им ежемесячные пособия.

– Не слышал. Если бы мне пособие пришло, я бы купил прежде всего церковную утварь – напрестольное Евангелие, купель, дарохранительницу.

– Но они выдают именно на семейные нужды, именно священникам.

– Нет, я бы на храм употребил эти деньги. Я три года без зарплаты живу. Если выделю себе зарплату, на храм ничего не останется.

– Чем же вы живете, кроме Святого Духа? – попытался я пошутить.

– Мама – пенсионерка. Так что мы богатые. Держим скотину, правда, – показывает на кастрюлю со щами, – сейчас пришлось зарезать, газ проводим в дом. Огород свой, отец Йозеф иногда помогает. Обещал насос водопроводный подарить. При свидетелях обещал, не отвертится!

– Да, – улыбается отец Йозеф, – у меня есть запасной.

Эта исконно русская земля, которую на протяжении двух столетий возделывала немецкая рачительность и аккуратность, в религиозном отношении сегодня – выжженная пустыня. Выжженная, а все же не безводная. В Камышине, например, интеллигенция не сидит сложа руки. Хотя и «варится в собственном соку», по выражению одного батюшки. Воцерковленных христиан единицы, зато многие, искренне порываясь творить добро, ищут применения своих сил в околоцерковной среде, в педагогической практике, в нетрадиционной медицине. В читальном зале городской библиотеки собирается «Общество друзей Александра Меня»...

Этнически неоднородное население не принимает православия, опирающегося на русский национализм. Такое население, вовсе незнакомое с Евангелием, охотнее примет его из рук священника, для которого нет различия «между эллином и иудеем». Национальный вопрос сегодня растравливают так называемые «чистые» нации. Родовые связи в них действуют на уровне кровной мести – вопреки Завету Бога с Авраамом, когда почти четыре тысячи лет тому назад было положено начало иному родству – духовному. Уже тогда были разрублены родовые узы, смертельно связывающие человечество.

Смешанное население таких регионов, где бок о бок трудятся священники обеих Церквей, тянется к миротворческой

религии, и если к православию, то – открытому, просвещенному, не боящемуся никаких проблем, православию Сергия Радонежского, святого Серафима, Александра Меня.

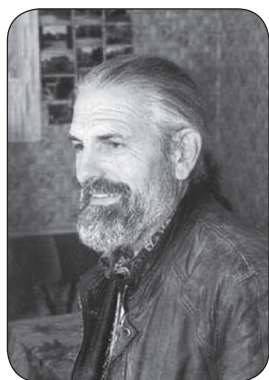
– ...Итак, мудрец построил свой дом на скале, – заканчивает рассказ о Библии отец Йозеф. – А кто из вас, дети, скажет мне, что такое грех?

– Убить кого-нибудь.

– А еще?

– По башке гитарой треснуть!

– А еще, – добавляет слабенький голосок, – послушаться Бога, обидеть Того, Кто нас любит.

Благовестники из ХАСО

Низкое солнце пронизывает плацкартный вагон, как аквариум. Пассажиры давно разоблачились, закусывают, устроились по-домашнему. В дальнем купе у бокового окошка сидит молодой человек в пальто, и что-то выдает в нем явного безбилетника. Но в плацкартном не спрячешься.

Женщина жалуется проводникам: «Там парень сидит весь в болячках, по нему вши ползают! Уберите его скорее!»

«На фиг он мне нужен!» – отрезал проводник, и второй с ним согласился: «В Туле ссажу на фиг».

Минут за пять до станции проводник направился в дальний конец вагона, и напарник, как старший егерь, напутствовал его: «Гони на меня!»

Именно к таким, гонимым и загнанным, обращена проповедь бывших зэков, а ныне действующих христиан, которые объединились в Туле в Христианскую Ассоциацию Служения Осужденным (ХАСО) во главе с Николаем Назаровичем Либенко.

С 1991 года священнослужителей разных конфессий стали допускать за колючую проволоку. Но Либенко, протестантский пастор, работал с заключенными еще раньше. Сам отсидевший срок за «религиозную пропаганду», он знал, какая помощь нужна человеку, достигшему дна. Дно – реальная основа, и, если безоглядно оттолкнуться, обретаешь правильное направление: вверх.

Сначала он привечал вышедших из заключения, всех подряд, у себя дома. Но семья – жена и четверо детей – испытывала радость общежития не так стоически, как хозяин дома. Не все гости вели себя корректно. Иные, прожив день-два, смывались, прихватив на память деньги или какой-нибудь сувенир. Даже потом, когда городские власти выделили помещение под офис и под жилье, порядок водворился не сразу. Порядок, который начинается с главного – с изучения Библии, духовного ядра, вокруг которого кристаллизуется жизнь, исключаяющая вино, табак и сквернословие. Но если с табаком допустимы послабления, то нарушивший сухой закон отторгается от общины бесповоротно. Если, конечно, всерьез не покается.

Сейчас их 21 человек, на подходе – вот-вот освободятся – еще двое. В тюрьмы свидетельствовать о Господе посылаются только те, которые составляют костяк общины. Здесь нужны и знания, и опыт веры. К тому же человек, отмотавший срок, вызывает у заключенных большее доверие, нежели человек внешний. Свой брат, бывший или нынешний зэк, на пальцах объяснит такое, до чего нормативная лексика не дотягивается.

Их ойкумена, их родной архипелаг, насчитывает более ста тюрем и лагерей; в каждой зоне – горстка обращенных или тянущихся к вере. Их ждут порою с тем же нетерпением, с каким Ной ждал возвращения отпущенного на волю голубя. Иногда, кроме весточки – веточки – благовестия, они привозят зубную пасту, стержни для авторучек, носки, ихтиоловую мазь... Стыдно приехать с пустыми руками: «Ты нам проповедь толкаешь, а у нас ноги мерзнут». Но Николай Назарович подобных вспомогательных акций не поощряет. У него свой резон: во-первых, нет денег, а во-вторых, пусть Слово Божие падает на эту глубину без приманки, без видимого довеска.

Вчера урки и отпетые бандиты, сегодня – носители Благой вести. Мыслимо ли такое?!

А мыслимо ли представить поле, усеянное высохшими костями, которые, по слову пророка, зашевелились и стали сближаться и обрастать плотью, образуя тела? Мыслимо ли

довериться Святому Духу, который сказал: «Дохни на этих убитых, и они оживут» (Иез 37:9)?

Ожившие, они сегодня добывают хлеб своими руками. Картошку сеют на своем поле, лук, морковь подкупают, молоко свое – две коровы, Ночка и Малышка, летом на траве дают литров по двадцать каждая. Подрастает и третья. Юра Чуриков управляется с ними, как опытный дояр: сначала задаст корма, а потом уж подступает с подойником. Теплой водой обмоет вымя, насухо вытрет полотенцем, чтоб ни ворсинки в молоко не попало.

Осенью был урожай белой антоновки. Сосед, владелец огромного сада, предложил общине собрать яблоки и, сколько нужно, взять себе. Контейнер с яблоками, укутанный соломой, стоит возле хлева. Юра отгребает оттуда утром и вечером. Коровы хрупают витамины вместе с мукой, а братья – без муки, но с не меньшим аппетитом.

Деньги в основном зарабатывают извозом. Двор за общежитием похож на кладбище машин. Из этих останков, из этих «высохших костей» собраны три грузовых автобуса. Их заряжают на дальнобойные рейсы. Так что какая-то копейка водится – на хлеб, на подсолнечное масло... «Иногда и рыбка заплывает на стол», – говорит Юра. Он в общежитии за главного. Когда-то не доучился в сельскохозяйственном техникуме... Спит и видит сейчас общинное хозяйство, подтянутое к европейским стандартам: «Кто бы нам коровку породистую подарил! Мы бы за ней на своем транспорте приехали хоть на край света. В Швейцарии, например, если корова дает меньше тридцати литров, ее выбраковывают. Не откажемся и от техники. Сыроварня, маленькая хлебопекарня прокормили бы не только нас, но и тех, на кого государство уже не тратится».

Во многих тюрьмах в туберкулезной зоне есть больнички, где доходят самые безнадежные тубики. «Мы им предложили молоко, но главврач завернул: нужны показатели на кислотность, на жирность, нужен полный сертификат. Если хозяйство расширим, будет и сертификат – за него ведь платить надо».

Живут они в вагончике, который из плацкартного переоборудовали в купейный; несколько двухспальных фанерных кабинок, холл, кухонька. Горячая вода и тепло бесперебойные: рядом теплоцентраль. Прочие удобства, естественно, во дворе. Под крышей красуется высокий стог сена. От него по декабрьскому морозу, перебивая кисловатый запах железного лома, веет ласковым луговым разнотравьем. Тут же склад под овощи, который достался от прежних хозяев. «Как же вы угадали место, – удивился я, – чтоб рядом горячая вода и склад?» – «А мы не угадывали, это Провидение».

В ту ночь вдруг подморозило и выпал снежок. Вагон на полях бульдозеры тянули, как по маслу, – не задели ни проводка, ни деревца. Эдакую махину в сорок две тонны дальше тащить было нельзя. А на утро опять растаяло, и власти не могли понять: как это жилище здесь оказалось?! Но в конце концов отступились, потому что о Провидении тоже догадываются и помогают, чем могут. Хотя, конечно, возможности невелики.

Например, был случай, к этой общине отношение не имеющих, однако характерный. В соседнем городе муниципалитет выделил под ночлежку брошенное здание детского сада. «На одно отопление нужно сорок лимонов,» – объяснил мне тот, кому доверили довести дело до конца. Он тоже из «бывших» и тоже – уверовавший в Господа. А как без денег доводить? Зима на носу, и бомжей из северных широт всё прибывает.... Пришлось выходить на воров в законе. Они тут же откликнулись: «Поможем». Как-никак, а помогать будут и своим, только что освободившимся, у которых ни родных, ни крыши.

«А к богатым обращался?» – «С них начал, но богатые вкладывают деньги в казино или в бар. В бомжатник вкладывать неприбыльно».

Давно не секрет, что «грязные» деньги в виде пожертвований попадают в храмы и монастыри. Не один такой жертвователь из «новых» регулярно отстёгивает от своих доходов десятину, и батюшки её принимают.... Так было в России

всегда: храмы воздвигались не только на те гроши, которые боголюбивые странники собирали в кружку. Купцы, промышленники, предприниматели всех мастей желали заручиться благословением свыше на свои прибыльные дела и щедро жертвовали на Церковь.

Но Бог посылает помощь всем, кто её просит, особенно же новообращённым – как подъёмные перед дальней дорогой. «Со мной чудеса происходили в это время, – говорит Юра Чурилов. – Еду однажды из Москвы на последней электричке. Контролёры: "Билетики!" Откуда он у меня на последней электричке?.. "Иди в тамбур, там разберёмся". А была зима – ссадят, и кукуй где-нибудь на платформе. Подходит малый: "Тебе билет нужен?" – и протягивает мне билет. А я думаю: наверное, фуфляк гонит, шутит. Смотрю на билет: всё в натуре, число соответствует.... Глаза поднимаю, а малого нет – исчез».

Юра – один из старожилов общины. Не пьёт четыре года, завязал в лагере, когда понял, что Христос его любит. Пятнадцать лет пил без просыпу, а ему всего тридцать четыре, в кои вписано три судимости. Выйдет, покеросинит чуток на воле и опять за ворота. Если мать утром на опохмелку не найдёт, оконные рамы вынесет и продаст. А перед тем, как в последний раз освободиться, написал брату и сестре, что родился заново, что принял в сердце Господа. Они, конечно, не поверили, решили, что крыша у брата поехала, и на всякий случай замки поменяли в квартирах.

А он действительно родился заново. Встаёт полшестого, разминка – перекладина над лежаком, бег; летом и зимой водные процедуры. Зимой над прорубью надо ещё потрудиться ломиком и лопатой. Зарядкой тоже начал заниматься в лагере. Казалось бы, лишняя трата энергии при тощих харчах... «Ништяк, жить можно», – возразил Юра.

Перед завтраком все собираются на молитву. Сегодня текст для размышления из послания апостола Павла к Тимофею: «Всё Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в

праведности» (2 Тим. 3:16). И к этому месту страничка из Джорджа Ноулза: «В Библии мы находим ответы на самые важные вопросы жизни: зачем я родился, зачем живу, что ждёт меня впереди?»

Я вспомнил слова отца Александра Меня... «Библия – это письмо Бога, посланное каждому из нас лично. Но если письмо от любимого человека мы перечитываем без конца, то в это письмо можем подолгу не заглядывать». К протестантам, наверное, это относится в меньшей степени, чем к православным. И словно подтверждая мои мысли, кто-то процитировал Евангелие: «Исследуйте Писания, они свидетельствуют обо Мне...»

Сидят молодые и старые люди, а на вид – ровесники. Лица, грубо деформированные, рты или зияют пустотами, или блещут цветным металлом. У каждого за плечами три-четыре срока как минимум.

Коля – близорукий, в очках, пышная шевелюра. В детстве, живя у бабки в деревне, мастерила скворешники из икон. А вырос – приохотился к развлечениям пострашнее: снимал с женщин – нож к горлу – золото и прочие украшения. Ходил на трезвую, то есть не по пьяни, не по дурости, а расчётливо и наверняка. Схлопотал червонец, отбитые почки и лёгкие.

Михаил Сергеевич – 30 лет отсидки. Три года тому назад услышал проповедь Стива Рютера. Стал читать Библию, закончил двухгодичную заочную школу при богословском институте и заочно же курсы Чикагского библейского института. Корочками гордится – по всем предметам хорошая аттестация: «Евангелие от Иоанна» – хорошо; «Послание к Фессалоникийцам» – хорошо; «Жизнь Иисуса Христа» – хорошо; «Бытие» – отлично.

Знаменательная оценка. У бывшего рецидивиста – отличные знания Бытия. Он говорит: «Я Библию в лагере купил. Триста грамм чая отдал и пять пачек сигарет». Семья давно стала чужой. Дочь не узнал бы, как не узнал родного брата в Красноярской тюрьме. Какой-то мужик спрашивает: «Ты Мишка?» – «Ну». – «Жену Райкой зовут? А дочь

Марийкой?» Я думаю: и тут наседки, чего из меня тянуть, когда уже полсрока отсидел?... Хотел ему в рыло вмазать, а он: «Ты чё, дурак, я ж твой брат!».

На донном уровне жизнь сплющивает лица и характеры так, что их бывает трудно различить, и только Христос восстанавливает индивидуальные черты. «Я с Богом впервые столкнулся в 71 году», – говорит Михаил Сергеевич. – «Это как понять?» – «Долгая история. Расскажу, если снова увидимся».

В тюрьме им задают вопросы.... Когда не умеют ответить, оставляют до следующей встречи и обсуждают дома с Назарычем. Вот, например, один из самых частых: Что значит «любить врагов ваших»? Любить врагов – значит желать им добра. Завистникам, безумцам, преступникам – желать добра. А значит, и Божественного участия в их жизни, Бог их не обидит и нас защитит.

Николай Назарович высказывается определенно: «О человеке судят по делам. Мне чуждо конфессиональное противоборство. Нас разделяет не истина, а отношение к ней. Если человек лежит избитый – помоги. Какая разница, кто ты по вере!»

Однажды я спросил профессора духовной академии Алексея Ильича Осипова, выступавшего против миссионерского служения инославных: «Разве это грех – спасти человека от пьянства, наркомании, тюрьмы?» На что получил ответ: «Допустим, в этой жизни они его спасли, но на что обрекают в жизни будущего века, вы знаете?!». Нет, из Священного Писания о жизни будущего века я не знал того, о чем меня спрашивал профессор богословия.

Про одного такого спасенного Николай Назарович говорит: «Есть у нас "особо опасный рецидивист" Анциферов – прекрасный человек». – «А среди охраны бывают обращенные?» – «Не слышал. Впрочем, один, молодой, Библию читает. Он прошел Афган и Карабах, справедливый. Верующий к нему может обратиться: "Мне нужно в Церковь на сутки." Тот пойдет к начальнику колонии и добьется суточного отпуска.

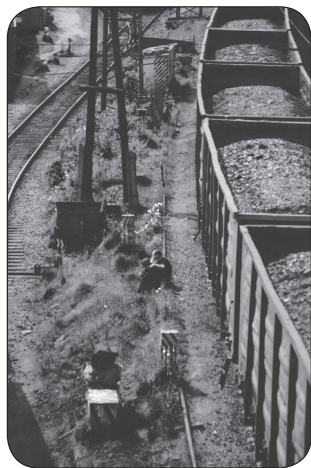
Окорот даст любому сотруднику, кто обидит заключенного. А ведь там такие тигры встречаются».

Николай Назарович по призванию художник, закончил архитектурный. Три года назад он создал проект реабилитационного центра на 400 человек, целый город. Нашелся американец, готовый дать на строительство доллары. Но, узнав, что земля в России до сих пор принадлежит не тем, кто на ней работает, от своего намерения отказался.

Возник проект поскромнее, вдвое меньше первого. Но и здесь планируется храм, жилые дома для сотрудников и бездомных, медицинский кабинет, спортплощадка, производственные цеха.

Я поинтересовался: «Американец не передумал?» – «Сами потихоньку будем начинать. Нашлепаем шлакоблоков...».

Через несколько лет я снова побывал в этой общине. Она разрослась, расстроилась, ядро, проповедующие в зонах христиане, по-прежнему группировалось вокруг Николая Назаровича Либенко.

Проводники и пассажиры

Тула, улица Шевченко, 16. Оштукатуренное, с трещинами по фасаду, строение. На картонке, припиленной к дверям, аккуратная надпись: «Прием посетителей ежедневно с 20 часов, кроме субботы». И вторая: «Молоко с 9 утра».

Это приемная ХАСО. Она же склад и общежитие, и молитвенный дом. У стены – стайка посетителей, приземлившись на корточки. Николай Назарович ровно в восемь отворяет дверь: «Заходите, пожалуйста».

«Хмельницкий Александр Юльевич», – отрекомендовывается первый посетитель, доставая паспорт из полиэтиленового пакета. «Сколько раз судим?» – спрашивает Либенко, переписывая паспортные данные в журнал. «Три». – «А сколько отсидел?» – «Восемнадцать». – «Какие просьбы?» – «Покушать, батюшка. И обувь какую-нибудь». – «Найдем. Супы используешь?» – «А как же! Я из них каши варю. Я могу коров доить: и вручную, и аппаратом. У нас на зоне ферма была...» – «Ты бы нам пригодился». – «А можно остаться, батюшка?» – «Можно. Только у нас не курят и не пьют. Давай сумку». Николай Назарович опускает туда буханку хлеба, суповые концентраты, банку повидла «Лакомка», печенье: «Ну, иди с Богом. А ботинки тебе Юра подберет».

Либенко вовсе не «батюшка», он адвентист. 10 лет ХАСО под его началом помогает осужденным и тем, кто освобождается, собирая по крохам гуманитарную помощь от благодетелей – отечественных и зарубежных: одежду, обувь, продукты, лекарства. Просветительская организация «Древо добра» регулярно присылает художественную литературу. Баптисты привезли недавно большую партию очков разных диоптрий. Очки в зоне на вес золота.

«Можно?» – заходит следующий. «Паспорт? Справка об освобождении? Где ж ты бегал год? – вникает в документы Николай Назарович. – И что у тебя за группа?» – «Туберкулез был. Сейчас из Орла. Там отец Онуфрий адрес дал сюда, к Лазарю Назаровичу». – «Сколько ж ты отсидел?» – «Шесть лет и два месяца». – «Статья у тебя серьезная, групповая и 144-я... Богатый букет. А ушел по условно-досрочному...» – «Сапожником работал». – «Бомжишь год...» – «А у меня нет никого, интернатовский я. Сестра где-то живет...» – «А чего бы тебе не жениться, Александр Васильевич? Ты слышал что-нибудь о Боге? Если приблизишься к Богу, все у тебя по-другому пойдет... Чем же тебе помочь?» – «Не ел два дня...» – «Хлебушка тебе дадим, повидла дадим».

Та же порция ложится в сумку Александра Васильевича, которому на вид за 50, а по паспорту 27.

– «У нас и работа есть, и жить где. Но мы служим Богу. И только через Него людям. Раньше ты ходил вниз головой, а вера тебя поставит на ноги. Ищите, прежде всего Царства Божия, а все остальное приложится». – «Когда ж можно прийти?» – «Да в любое время». – «А Лазаря Назаровича как повидать? Меня отец Онуфрий к нему направил». – «Я и есть. Только я не Лазарь, а Николай».

Кое-кто из этих перелетных остается. К зиме их число увеличивается. «А мы не зазываем, – говорит Либенко, – за неделю можно сто человек набрать. Толку что? Большинству-то надо подкормиться и дальше в полет. А уж если изъявил желание, изволь принять наши условия».

Валентина я застал на отлете. Он подыскивал на складе джинсы поновей. Никто не догадывался о его отступлении. Утром не выгнал коров, а он пастух, заглянули в комнату – пусто: ни Валентина, ни вещей. Ни транзисторного приемника. Накануне он отпросился к зубному – у ХАСО есть лечащий бесплатный стоматолог. Вспомнили, что иногда у Вали глазки нехорошо блестели, как после дозы. «А я знал, что он уйдет, – спокойно заключает Николай Назарович, – думал, продержится недели две, а он почти два месяца маялся. Мы таких называем пассажирами».

Но те, кто остается, работают на совесть. Их сейчас около 20 человек, включая семью Либенко: жену и двоих сыновей. Хозяйство у общины немалое: 120 гектаров посевных и пастбищных земель, стадо 35 голов, трактора – шесть колесных и один гусеничный, – навесное оборудование, уборочные комбайны, автокран, который выменяли на двух быков, сеноворошилка, автобус, МАЗы», «Жигуль» – молоковоз. И все это собрано своими руками, можно сказать, из металлолома. Автомехаников в ХАСО больше, чем сельских тружеников. Но во время сенокоса и уборочной трудятся все на полях.

ХАСО и начинала с ремонта машин. Потом собрали свои «МАЗы» – фургоны для дальних рейсов. Возили овощи – заказов хватало. Зарабатывали на бензин и запчасти и кое-какой приварок к обеду, рыбу, например. Мясо в общине не едят. А условия и сегодня те же: шесть дней работа, в субботу отдых: богослужение, чтение Библии, постижение основ религиозной грамоты, молитва. Впрочем, молитва – ежедневное правило: утром и вечером.

Известность о ХАСО как о реабилитационном центре росла, рабочих рук прибывало, и решили перебираться на землю, заниматься крестьянским трудом.

В 20 километрах от Тулы догнивал брошенный пионерский лагерь, перестроенный в свое время из военного городка. Военные выехали оттуда в начале девяностых. Население разграбило его, как оставленный вражеский стан: выкорчевали оконные рамы, дверные коробки, канализационные трубы.

Три года назад тульские власти разрешили поселиться на этих руинах христианской общине. Наспех подремонтировали два коттеджа, соорудили электрообогреватели и зиму кое-как перезимовали. Питьевую воду из водокачки возили на санках, а весной черпали из подвала. Население не сразу отступилось от приманчивого объекта – пришлось охранять и руины. Была надежда, что лагерь удастся заполучить в собственность. Сам Стародубцев, губернатор области, поддержал ХАСО и подал об этом предложение в областную Думу.

К тому времени реабилитационный центр уже значился в памятке для освобождающихся заключенных. За девять лет через него прошли сотни блуждающих в потемках и десятки вышедших к свету.

Обосновавшись в лагере, община заложила огород, посадили картошку; под коровник оборудовали трансформаторную будку, а позже котельную – стадо росло; сделали посильный (по средствам) ремонт – одна организация подарила бракованные обои, другая списанную краску; недостающие стекла заменили фанерой. Ожидая решения Думы, не сидели сложа руки.

На заседании Думы Либенко прежде всего спросили: «Какой конфессии вы относитесь?» – «Мы общественная организация, – ответил он. – К нам обращаются и православные, и католики, и лютеране, и униаты. Даже атеисту не откажем в помощи. Никого не перекрещиваем, желающим молиться в храме не препятствуем. Да имеет ли значение, какой веры человек, если он перестает грабить и пьянствовать?! И я, между прочим, выбирая вас в депутаты, не спрашивал, какой вы веры или национальности».

Передать в собственность Дума не разрешила. Разрешила арендовать на 49 лет. Это значит, никто из инвесторов не захочет вкладывать деньги в государственное имущество. И, главное, бывшие зэки не захотят участвовать в строительстве. С государством у них затяжной конфликт. И рассуждают они по-своему логично: если мое – буду строить, пусть не я, но такой же бедолага когда-нибудь поселится здесь. А на дядю работать дураков нету.

Ведь далеко не все и не сразу становятся полноценными христианами. А деньги и силы на восстановление лагеря нужны большие. Поэтому живут сейчас по погоде: летом со всеми удобствами, зимой с некоторыми. Конечно, после колодцев на теплотрассах, где многие из них были прописаны, домики, подлатанные фанерой, сойдут за хоромы.

Но ведь это не так. Измыканный уродливым существованием, человек тоскует по надежному пристанищу, по нормальному быту. А тут снова – обшарпанные доски, лампочка под потолком, прожженное одеяло, тоже откуда-нибудь списанное. Внешняя обстановка воздействует на душу. Душа алчет не только справедливости, но и красоты. Одно без другого не живет. Союз нравственного и эстетического содержания – это и есть красота. Иному пассажиру именно ее-то и не хватает, и он в нетерпении соскакивает с подножки.

Слава Свистунов живет здесь с первого дня. У него обязанности коменданта. Он всплыл из переписки. В ХАСО пишут со всей России, из близких и далеких колоний. Написал и Слава, у него был большой срок. Либенко ответил и вел его до самого освобождения. У Славы есть родители, которые были бы счастливы возвращению сына. Он приезжает к ним в гости, но «возвращаться» никуда не собирается. Как Лида и Коля Тягуновы, муж и жена, нашедшие друг друга здесь. После свадьбы им выделили половину коттеджа.

Упорядоченную мирную жизнь не нарушают будничные происшествия, о которых вспоминают с улыбкой.

«Местные мужики пытались снять с "Беларуса" мотор. Коля ночью идет из бани, светанул фонариком, а они сидят под трактором, ключи разложили. Коля одного поймал, двое на него с колами. Пришлось отпустить... А Стасис, был у нас такой пассажир, ночью коров поддаивал и утром с бидончиком – на дачи. Мы догадывались, а потом дачники сказали. Но что интересно, вернется он со своего промысла – и к нам: ребята, давайте помолимся».

«Реабилитационный центр, – говорит Либенко, – это среда, где человек учится по-божески жить с другими. Без помо-

щи свыше у него ничего не получится, никакой реабилитации не произойдет. А научился – иди куда угодно: работай, создавай семью или общину. Под Сыктывкаром, между прочим, появился такой же центр».

Вечернюю нашу беседу прервал человек, внезапно появившийся у ворот. На нем теплое пальто, за плечами мешок на веревочных лямках. Спрашивает дорогу на Белево. Идет из Москвы в инвалидный дом, отсюда километров 70. Говорит, что выгнали жена и дети. Может, и правда... Съел все, что перед ним поставили: щавельные щи, картошку с грибами, салат, большую миску творога со сметаной, ягодный компот. Ночевать отказался. Летом и под кустом выспаться можно. Поблагодарил, поискал глазами икону и, не найдя, мелко перекрестился. Пошагал к шоссе, откуда давеча свернул, наверняка зная, что покормят.

За помощью в ХАСО обращается даже председатель бывшего колхоза, а ныне акционерного предприятия: «У меня нет людей, все мужики – пьяницы. По сводкам, июль будет дождливый, сена не накосить, так хоть силоса заготовить. Ваши работники – мои бункера и техника».

Пасет сегодня вместо сбежавшего Валентина Юра Чурилов. «Пастух и без кнута?» – удивляюсь я. «Они у нас мирные. Пушинка бодается, надо продать. Мы все стадо переведем на айрширскую дойную. Вон они, коричнево-белые, кофе со сливками, восемь штук».

Пахнет знойным разнотравьем, парным молоком. Юрина желтая голова и белая куртка под стать айрширской расцветке, и он сливается со стадом, нежно хрумкающим, неспешно и важно удаляющимся вдоль опушки.

Восемь лет назад, когда Юра досиживал третий срок, в зоне появился «христианский проповедник» – так его представило начальство. С тех пор Юрина судьба переменялась: он уверовал, Библия стала учебником жизни, в ХАСО он один из старожил. Главное его «стадо» не на лугу, а в зоне, куда он ежедневно навещался в течение пяти лет. Оттуда приходят в общину люди обратившиеся, которых он хорошо узнал

на молитвенных собраниях. Среди таких рецидивы редки, может быть, один из ста. Такие и составляют ядро общины и несут слово Божие туда, откуда сами вырвались. Своим деятельным присутствием они влияют на нравственную атмосферу за колючей проволокой, хотя отношения с начальством складываются не всегда гладко.

Раньше некоторые колонии вынуждены были пользоваться помощью блатных с воли, принимая от них продукты на так называемый общак. Ребята из ХАСО выполняли роль посредников, распределяли продукты: та и другая сторона им доверяла. Но если начальство приказывало грузить на склад, то рядовым зэкам не доставалось ни крошки. Блаткомитет распоряжался дарами по своему усмотрению.

Бывали случаи, когда удавалось спасти человека, отбить от хищников. Например, кто-то, имеющий на воле жилплощадь, скоро освобождается. А лихая бригада, угрозами и посулами «ломит у него хатенку», то есть заставляет переписать жилплощадь на подставное лицо. Выход единственный – к Грачику, к вору в законе. «Так и так, мол, мужик хороший, помоги». И Грачик бригаду тормозит. А иной раз упрется: «Вы занимаетесь верой, ну и занимайтесь. В наши дела не лезьте». Ему же от любого дела кусок ломится.

Но в последнее время стали неохотно пускать в колонии благовестников из ХАСО. Православным батюшкам – зеленый свет, а всем прочим подождать до особого. Всех прочих причисляют к «иностранным религиям» и с высоты административного положения объявляют: незачем принимать помощь от иностранцев. Не знают, что ли, что миллионы русских исповедуют Христа не в традиционной вере... И совсем не обязательно, что команда подается сверху. Это разлито в воздухе и усвоено общественным сознанием: какая у нас религия государственная, а какая, так сказать, частная. В умах шевелится тоска по единомыслию, по однопартийной идеологии. И если начальник колонии думает, что «частная» религия пользы не приносит, то он найдет повод ее представителей на вверенную ему территорию не пускать.

Полгода назад Юра потерял пропуск, с кем не случается... Е.Н. Кукову, начальнику шестой колонии, этого было достаточно, чтобы доступ Юре прекратить. Никакие ходатайства и письма осужденных, оставшихся в зоне без духовной поддержки, не действовали. Слава Богу, пропуск нашелся, Юра надеется снова бывать в колониях, но тех ребят из «шестерки» уже не собрать...

Три фляги по сорок литров Коля спешит доставить на склад без опоздания. Хозяйки уже выстроились в очередь: к десяти часам молоко уже может кончиться. И творог со сливками тоже. Нет, цена у них обыкновенная, молоко шесть рублей литр, но хозяйки знают: у этих точно не разбавленное.

Николай Назарович надевает белый халат, покрывает столик скатеркой и приглашает в открытую дверь: «Заходите, пожалуйста...»

Ардатовская дорога к «вере, надежде, любви»

Ардатов – рабочий посёлок в нескольких часах езды от Нижнего Новгорода. Из бюджетных средств по области на него и выделяется соответственно поселковым нуждам. На дороги, как водится, денег не хватает... На обустройство уличных дорог, имеющих – яма на яме – волнообразный рельеф. Вследствие чего умножается их протяжённость, не говоря уж о транспортных потерях.

Непонимание первостепенной важности дорожной проблемы зияет роковой брешью в сознании российских властей всех уровней. Ведь дороги, прежде всего, это форма коммуникации, сближающая людей. Первичная наземная фаза социальных связей. Компьютерной техникой российское бездорожье не обойдёшь, как не обошли мы фазу капиталистического развития, возмечтав сигануть из феодализма в коммунизм.

Отец Михаил Резин – настоятель Знаменского собора в Ардатове, он же духовник детской колонии. Он же создатель Реабилитационного центра (РЦ) для малолетних преступников, отбывших наказание. В его вездеходе с двумя ведущими мы медленно продвигаемся по улице Комсомольская в поис-

ках заведующей гостиницы, которой на месте не оказалось. Под висячим замком записка с её домашним адресом. Со стороны непонятно, что это гостиница – обыкновенная изба с пятью оконцами по фасаду. Однако, говорят, с удобствами: с туалетом и газовой плитой.

Переползая из одной ямины в другую, отец Михаил неторопливо рассказывает о своём житье-бытье. До 1990 года они с женой, немкой из Поволжья, жили в Германии, родили пятерых детей.... А потом... Потом оттуда, из обжитого парка, они катапультировались в Нижегородскую область. Приняв сан, отец Михаил принял и первый свой приход неподалёку от колонии малолетних преступников. Таким образом и определилось его пастырское служение.

Разумеется, он бывает в колонии, служит обедни, причащает... Но этого совершенно недостаточно, чтобы воздействовать благотворно на искалеченные детские души. Не менее, чем святое причастие, им необходима обыкновенная беседа, возможность выслушать их, ответить на какие-то вопросы, обсудить их нужды, попросту пообщаться. Но даже близко живущему священнику трудно выкроить на это время. У него в приходе есть молодой человек, способный к такому общению: душевно и грамотно растолковывать главный закон жизни, заповеданный Богом. Но сейчас он учится в Костроме на компьютерных курсах. Компьютерный класс в РЦ почти укомплектован, не хватает учителя. Вернувшись из Костромы, ему придётся совмещать учительство и ежедневные посещения колонии. Один – на сотни человек... А сюда бы нужно хотя бы по одному волонтеру на отряд.

Отец Михаил убеждён, что Русской Православной Церкви (РПЦ) необходим институт капелланов, священников, материально независимых от приходского уклада. Зона или Следственный изолятор и будут их приходами.

Малолетняя тюрьма по жестокости и произволу превосходит тюрьму обыкновенную. Некоторые малолетки пытаются завысить свой возраст, чтобы скорее перевестись во взрослую зону. Сломавшихся или «опущенных» здесь подвергают

«потешным» истязаниям. Заставить нечленораздельно говорить что-то (бренчать, гавкать, дрынькать) или лакать воду из унитаза – это самые невинные развлечения.

Не забуду рассказ одного подростка. Он сидел на общем режиме. Медицинская комиссия не признала его душевнобольным. Они с друзьями из чистейшего любопытства – что из этого получится – привязали к лавке беременную на сносях женщину, положили поперёк живота доску и стали качаться на ней, как на качелях.

Реабилитационный центр «Вера. Надежда. Любовь.» возник в Ардатове четыре года тому назад. Его обитатели – в основном подростки, те, кому, освободившись, некуда деваться. Но есть и пришлые с воли – беспризорники, бомжи. Зимой постоянно проживают 15-20 человек. Летом до 30. К тому же летом помогают льготники из колонии. Они трудятся целый день, а ночевать возвращаются к себе, в зону.

Реабилитационный центр, можно сказать, живёт натуральным хозяйством. На поле в 130 гектаров выращивают зерновые и огородные культуры: овёс, ячмень, пшеницу, морковь, лук, картошку. Кислую капусту, грибы, яблочное варенье закатывают в банки по сотням штук. Перепадает на стол и гуманитарная помощь.

Летом общения со священником бывают чаще... В полевых условиях он служит на антиминос и обедню, и всенощную. Причастников исповедует подольше.

Сначала «колонисты» сачковали, отлынивали от работы. А потом, видя, как пашут все – ребята и взрослые, женщины, староста храма, тут же и батюшка, – втянулись... За обедом огромный общий стол, пища натуральная, обильная. Вечером – пруд, а то и баня. Но главное – среда, тон в которой задают постоянные жители РЦ, уже наученные (или, если хотите, старающиеся научиться) кое-чему в своём общежитии, а именно: не курить, не пить, не приводить на ночь девочек, не ругаться матом, блюсти братские отношения, не допускать дедовщины. Эти заповеди начертаны не только на картонных скрижалях, красующихся на стене, но и у каждого в сердце.

В колонии есть производство, есть чем занять осуждённых, но сюда, на сельхозработы, ежедневно составляется очередь. И если случается заминка, ребята пристают к начальству, толпятся у КПП: «Когда церковь нас возьмёт?»

А действительно, когда Русская Православная Церковь ИХ возьмёт? И по силам ли ей одной этот крест? Может быть, разделить его ощутимую тяжесть с инославными? Не запрещать им спасать детей, да и взрослых, от скоротечной гибели... Совершенно очевидно, что подготовить армию капелланов и грамотных волонтеров невозможно за короткое время. А волна напирает: в одной Москве сегодня «зимуют» тысячи беспризорников. Как говорит отец Михаил, «если упустим время, нельзя будет выйти на улицу: отрежут голову».

«Мы никого не держим, – говорит он, – но и не гоним: кто шесть месяцев проживёт, кто больше. Но уже недели через три видно, что за человек: будет он работать или заглянул так, перекантоваться... Многие ведь оденутся, подкормятся и уедут... Опять возвращаются... За год через нас проходит не менее 60 человек. Оформляем им все документы и отдаём на руки – паспорт (прописываем здесь), страховой полис, трудовую. Все получают зарплату. Мы за то, чтобы они имели свои деньги. Пусть учатся экономить, обретать чувство ответственности. В детдоме, в колонии всё было общее. А им хочется и одеться помодней, и купить что-нибудь... Летом можно хорошо заработать, до 3000 рублей в месяц. Это при бесплатной кормёжке и бытовом обеспечении – им даже зубную щётку не приходится покупать... Пастух, например, пасёт не только наших коров. И получает от населения дополнительную плату в месяц – 250 рублей с головы.

Условия, как видите, неплохие. У нас они могут кончить среднюю школу и поступить в техникум, где есть общежитие. Могут поступить на курсы водителей, которые мы, между прочим, оплачиваем».

Староста храма, Валентина Фёдоровна Коргикова, правая рука отца Михаила и на приходе, и в деятельности реабилитационного центра. Чаще других ей приходится бывать на скот-

ном дворе... Ребята хоть и стараются добросовестно вести хозяйство, а всё же проверять их надо, а то и помочь. Как раз сегодня опоросилась свинья; что при этом делать, ребята не знают, знает Валентина Фёдоровна. Она с утра уже здесь...

– Завести хозяйство в посёлке нам не разрешили... Хотя было бы удобнее и следить, и участвовать. Население воспротивилось. Милиция поначалу тоже выказывала недоверие, а то и придиралась... Не так ребята посмотрели, грубо ответили. Одного-двоих забрали... Но мы решительно вступились: «ребята не беспризорные, мы за них отвечаем!» И настояли на том, чтобы любые конфликты разбирались с нашим участием – моим, матушки и отца Михаила”.

Животноводческое хозяйство в пяти километрах от Ардатова выглядит, несмотря на осеннюю слякоть, образцово. Светлое, пахнущее свежим тёсом помещение, в одном из вольеров вальяжно раскинулась дородная роженица со всем своим могучим приплодом.

Всего свиней – пятнадцать, коров две, тёлки девять, один бык и одна лошадь; кролики, гуси, куры – пятьдесят семь несушек и три петуха.

За птицей и скотиной следят три человека. Диме и Вале на будущий год идти в армию. Но они рассчитывают вернуться. Правда, Дима хочет поменять профессию, хочет выучиться на плотника и работать здесь же в столярном цехе, который сейчас только закладывается. А у Кости мечта (он освободился 4 года назад): выстроить СВОЙ дом, завести семью. А может быть, поселить в своём будущем доме родителей, они сейчас в разводе... Костя мечтает соединить их, помирить и зажить с ними вместе одной семьёй...

Беспросветная ноябрьская хмарь... Дождь... Ветер задирает хвост у лошадёнки, щиплющей траву под окном.

– Зачем вам лошадь при гусеничной и колёсной технике?..

– На наших дорогах без лошади не обойтись, – отвечает Валентина Фёдоровна, – никакая техника не выдерживает. Да и ребяташки любят покататься верхом, летом, после работы...

В конторе, где кухня, тоже тепло и чисто. На дверях записка: «Вытирай хорошо ноги, если не хочешь мыть полы во всём доме!»

Фонарей на ардатовских улицах не полагается, тоже, наверное, по статусу – из-за малой численности народонаселения. Машина священника, амфибия с двумя ведущими, то утыкается фарами в водяную муть, то вздымает столб света в непроницаемый зенит. Уже совсем затемно добрались мы до спортивного комплекса – так и не иначе хочется назвать это здание, выкупленное в рассрочку реабилитационным центром. Отец Михаил: «Из сорока детей, которые здесь занимаются, половина наших, включая и тех, что из трудных семей. Не готовы пока бассейн и тренажерный зал, нет снарядов. А в этом, где они сейчас кувыркаются, проходят занятия спортивной секции дзюдо. Да, да, я не считаю, что самооборона противоречит православному мировоззрению и образу жизни».

Озадаченный впечатлениями, я спросил: «Откуда средства, батюшка – строить, выкупать, оборудовать?»

– Бог посылает через людей, к которым не стесняемся обращаться. Бывает, что и зарубежный фонд поможет какой-нибудь, выделит грант на проект... Но мы ведь не в себя богатеём. Делимся и с другими. К Рождеству сами готовим подарки в другие колонии: мыло, зубную пасту, лимонад, сгущёнку, трусики, носки. Привозим на своей машине и раздаём в пакетах по отрядам.

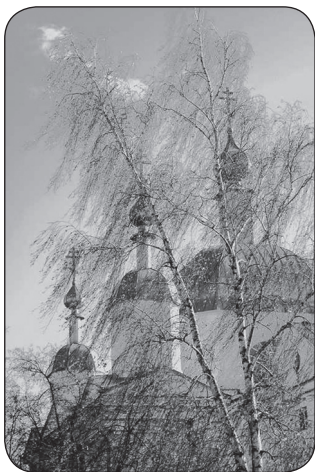
Ардатов хоть и рабочий посёлок, но – с претензиями. О чём можно судить по названиям магазинов: «Вкусное», «Престиж», кафе «Эдем». Самоуважения придаёт и то, что Ардатов расположен неподалёку от святых мест, от Дивеевской обители, где подвизался в трудах и молитвах Серафим Саровский. По этой причине дома здесь дорогие... Однокомнатная квартира в подслеповатой четырёхэтажке стоит 60 – 85 тысяч долларов, столько же, сколько в Москве в престижном районе. Близость к святости обязывает... А ещё

бытует поверье: когда Господь попалит грешную землю, останется нетронутым только этот клочок земли, которую святой Серафим обкопал канавкою. Вот к ней-то, к этой канавке, и теснятся утращённые соотечественники, имеющие достаточно материальных средств ко спасению.

Рядом с верой всегда соседствует суеверие. Преступный мир, например, почитает Николая Чудотворца, который будто бы покровительствует разбойникам. Отец Михаил улыбается: «Современный разбойник в церковь не зайдёт, мол, я грешный, зато попросит вынести и продать ему медальон с Николаем Чудотворцем...»

У главаря местных рэкетиров высшее филологическое образование. Он возглавил очистительную миссию в посёлке, своеобразную зачистку. Наводит порядок по-своему. Его подручные изгнали цыган, торговавших наркотиками, отвадили московских сутенёров, которые скупали провинциальных девочек и пристраивали в столице. Новоявленные «блюстители порядка» в храм заходят, свечку поставить...

Кто как не священник, облечённый духовной властью, призван растолковать потерянному населению знаки истинной любви и справедливости. Помочь отличить их от подделок. Помочь выбраться на прямую дорогу, ведущую к главному закону жизни?! Это при наших-то коммуникациях, при состоянии наших дорог, изменение которых Пушкин предсказал лет через триста. Можем утешиться, большая часть этого срока уже миновала.

Цена служения

УИН ярославской области собрал священнослужителей, которые работают с заключёнными. Человек двадцать молодых батюшек сидели за столом вперемежку с начальниками воспитательных отделов, тоже, в основном, молодыми людьми, только безбородыми и в погонах. Я занял место рядом с отцом Дмитрием, почему-то выделив его из общей массы. Возможно, из-за внешности, схожей, как понял потом, с внешностью киноактёра Солоницына, сыгравшего у Тарковского Андрея Рублёва. Внимательный взгляд из глубоких глазниц, копна соломенных волос, точные, чуть ироничные реплики шёпотом по ходу докладов, доверенные мне, соседу.

– А вы человек крещёный, церковный? – спохватился он, и вежливо улыбнулся, услышав мой утвердительный ответ.

Собрание возглавляли викарный епископ и начальник одной из колоний. На стенде красовались показатели религиозного воспитания – в цифрах, в фотографиях, в графиках: сколько человек крестилось за квартал, сколько числится в православной общине, сколько бывает на воскресной службе.

После того, как православная церковь заключила договор с министерством юстиции об окормлении заключённых, такая отчётность в виде наглядной агитации, очень напоминающая

методы политпросвещения, появилась во многих колониях. Может быть, это и неплохо, только одними цифрами и фотографиями духовное воспитание осужденных не определить...

После отчётов о проделанной работе, тоже, в общем-то, сводившейся к цифрам и датам, епископу был задан вопрос о статусе тюремного священника. Как быть?.. Священнику непосильно совмещать труд на своём приходе и в колонии. Хорошо бы ставить священника в зону, как настоятеля на приход, на постоянное служение. Тогда отношения с паствой будут куда более тесные и доверительные...

– А где найти деньги? – перебил владыка. – Это вопрос финансов. Сия проблема стоит перед церковью, и патриарх о ней знает. Государство должно взять на себя попечение о таких священниках. В конце концов, возросшая преступность – следствие государственной политики...

– Может ли церковь брать деньги от государства, если она от государства отделена? – произнёс я шёпотом и отец Дмитрий понимающе на меня посмотрел.

Да, конечно, – думал я про себя, – за семьдесят лет атеистическая власть наплодила бандитов на всех этажах социальной лестницы... Но разве церковь может быть абсолютно безучастной к воспитанию людей даже в полном своём бесправии и немоте, как это было при большевиках... И немым примером она должна свидетельствовать... Так что к падению нравственности в обществе церковь причастна, тем более что уже десять лет имеет возможность говорить и действовать свободно.

К епископу я подойти не решился, а отцу Дмитрию после собрания поведал давние соображения на сей счёт. На содержание клириков, подвизающихся в тюрьме, можно организовать специальный фонд... Богатые деловые люди поймут его необходимость. Кроме того, существует множество благотворительных фондов...

– Не верю я ни в какую благотворительность, – махнул рукой отец Дмитрий. – Разбогатевшие хапуги ещё до милосердных самарян не доросли.

На ходу, за банкетным столом, при шумном многоголосии здравиц и церковных анекдотов, как-то неуместно было пытаться отца Дмитрия о его тюремной практике. Условились, что я зайду к нему домой.

По окончании торжеств епископ проследовал к кортежу машин. За ним важно и сосредоточенно следовал келейник, поддерживая провисающий шлейф мантии. К багажнику запылённой «Волги», в которой скрылся архипастырь, поднесли двуручную корзину, покрытую полотенцем; оттуда стыдливо высовывался хвост увесистой лососины.

Вечером я разыскал дом отца Дмитрия. Но, сидя в его глухом кабинете без окон, мы больше говорили на отвлечённые темы; от моих вопросов о служении в зоне отец Дмитрий уходил в сторону общих проблем.

– Я не против католиков – рассуждал он, – но смешно всерьёз говорить о непогрешимости папы.

– «Непогрешимость» – это ведь неправильно переведённый термин «догмата о безошибочности папы», – пытался возразить я. – Безошибочность во мнении, которое он делает на основе длительного изучения Церковью того или иного вероучительного вопроса. Его безошибочность есть безошибочность Церкви.

– Я не против евреев, – мягко улыбаясь на мои возражения, продолжает священник, – но убеждён, что антихрист будет евреем, из той же нации, что и Христос. Потому что у Бога всё по справедливости: Ева повлекла человечество к грехопадению, а Богородица его возродила.

– Разве Ева была еврейкой?! Рождение человека, грехопадение, описанные в Библии, это же события метаисторического плана. Это она, следуя библейскому сказанию – первая и единственная – дала жизнь нациям и народам. Кстати, Ева, как и Адам, не личные имена. Ева в переводе с древнееврейского – жизнь.

От Евы отец Дмитрий перешёл к фильму Скарцези, за показ которого решительно осудил Центральное телевидение. Затем отметил шовинистические взгляды Бабея («Он раз-

деляет людей на своих, евреев, и чужих, изгоев»). А когда заговорил о Бунине, я понял, что это принципиальное и наиболее болезненное, что наконец-то он дождался слушателя, которому выскажет своё глубокое недоверие к литературе и вообще к искусству.

«Бунин – полуязычник». Я вопросительно посмотрел на него: «Что значит полу?» И тогда он, отбросив половинчатость определения, обстоятельно стал доказывать языческое мировосприятие Бунина.

– Возьмите «Чистый понедельник»! Первый день Великого поста после Прощёного воскресенья. Кошунственно мечтать в этот день о плотских удовольствиях и тем более их живописать. Суета и томление плоти. Христианин так не напишет.

Мне представлялось жизнелюбие Бунина совсем по-другому. Плотское и даже чувственное мироощущение автора «Тёмных аллей» не лишено спиритуалистического волнения. Его краски и запахи, его осязаемая палитра воплощает мир, которым в момент творения восхитился Творец. И тот момент, слава Богу, ещё продолжается... Именно в «Чистом понедельнике» подлинная любовь явила в себе единую – видимую и невидимую – красоту. Бунинская видимая красота драгоценна, как вместилище духовного богатства.

Отец Дмитрий, чувствуя моё несогласие, раздражительно подытожил:

– Искусство – это всегда полуправда. Искусство не может быть откровением истины.

Я не стал возражать, ссылаться на Псалтирь или книги пророков, образцы поэтического искусства. Подобные взгляды отсекают культуру от веры. Но категоричность тона дала мне повод направить разговор в зону, за чем, собственно, я и пришёл.

– Я ничего не могу дать осуждённым, – признался отец Дмитрий. – Ну, да, я бываю в зоне, служу, исполняю требы. Но я не уверен, что я им нужен. Отец Евмений, наш второй священник по храму, тоже ходил в зону, и это ему повредило: сошёл с ума. Не мог вынести столько горя.

Вначале я приставил к осуждённым своего грамотного прихожанина. Он с ними читал Евангелие, объяснял. Сами они читать не хотят, вопросов не задают. Оно им не интересно. Говоришь, как в пустоту. Никакой реакции, никакой обратной связи. Знаете, трудно разговаривать с человеком, который смотрит сквозь вас и думает о своём. Такому помочь невозможно.

– Ну, а простым советом, на житейском уровне?..

– Нет. Помочь можно только на самом глубоком, в онтологическом смысле, уровне. Неверующему в Христа помочь невозможно.

– И всё же кто-то пытается, привозит в тюрьмы книги, продукты...

– Пустое это всё: Сорос, благотворительность. Иногда за помощью ближнему мы теряем Христа. Можно приходить в тюрьму, проповедовать, присылать грузы с продуктами, а Христа забывать. Запад культивирует прагматический подход к жизни, который в конце концов от Христа отвергает, что и случилось. Почему они сегодня отвернулись от Христа, они, по вашему мнению, знающие исповедь и покаяние?

– Соблазн богатства также опасен, как и соблазн нищеты... Но ведь и Европа, и Америка помогают нам наладить цивилизованную жизнь. И что ж худого, если они при этом думают и о себе? Наша стабильность гарантирует им благополучие.

– Никакая экономическая стабильность гарантий не даёт. Только при посредничестве Христа, а не мистера Сороса можно помочь людям, сидящим за решёткой.

– Кто спорит, но ведь Христос действует через людей, в том числе и через зарубежных филантропов. Наших-то не очень подвигнешь... У нас даже само слово филантроп носит иронический оттенок. И кто их научит понимать Христа без катехизации, без знания церковно-славянского, на котором ведётся служба?

– А вы хотели бы приспособить её к местным условиям и перевести на современный русский? А Церковь вне времени, она ни к чему не приспосабливается.

На этом наш разговор закончился. Конечно, проповедь в зоне – не ординарное служение. Но помимо объективных причин, связанных, как сказал епископ, с вопросами финансов, существуют и субъективные, весьма и весьма распространённые. Ревность о Боге сплошь и рядом впадает в эзотерическую крайность. Церковь таким служителям культа представляется цитаделью, куда без пароля не попадёшь. «А вы крещёный?» – спросил меня давеча священник и вполне удовлетворился ответом, не зная ни мыслей моих, ни поступков. Как в арабской сказке про Али-бабу и сорок разбойников, вызывающих перед входом в пещеру: «Сим-сим, открой дверь!»

Августина Алексеевна Кольцова заместитель директора Дома Социальной Адаптации (ДСА) в городе Ярославле. Решительная, чуть грубоватая, умеющая пошутить: “А мы всех берём – и обрезанных, и необрезанных. Лишь бы были не заразные. Туберкулёзных сейчас – море!”

Дом социальной адаптации работает бесперебойно. Сюда обращаются и бомжи, и только что освободившиеся из заключения бедолаги. Начальная форма знакомства – медицинское освидетельствование. Даже если «флюшка» (справка о флюорографии) нормальная, всё равно проверяют лёгкие. Городская больница по договорённости бесплатно делает все анализы. А то ведь каждый стоит не менее пятидесяти рублей. Те, которые пожаловали в ДСА без документов, направляются в спецприёмник, где за 10 дней о них всё узнают и выдадут справку. И уже потом выправляются им и паспорт, и пенсия, и инвалидность – кому что нужно. Хотя эту работу за полгода до освобождения заключённого должна бы делать администрация колонии. Но в колонии нет денег даже на паспортный бланк, который стоит 80 рублей. ДСА находит деньги, а чаще договаривается о льготных условиях обслуживания. И многие идут навстречу: столовая, больница, фотомастерская... В городе есть организация, устраивающая на работу инвалидов, каких частенько им рекомендует Августа Алексеевна.

Сегодня понедельник, приёмный день. Зам. директора за своим рабочим столом, заставленном ящичками с картотечкой, рядом медсестра.

– Заходим!!! – зычным командирским голосом приглашает А.А. очередного посетителя (за дверью их набралось не меньше десятка).

Она трудится здесь с первого дня... «Поначалу, когда мы открылись, повалили бомжи с улицы. Запущенные, неопрятные. Мочились в баночку, лень ночью до туалета дойти. А по большому – на газетку. Во дворике чифирили... Я посмотрела на это безобразие и говорю тем, что из зоны вернулись, а их стало прибавляться: вы чего смотрите, мужики, неужели вам в говне приятно жить? И они их вмиг перевоспитали, всё само устроилось. В зоне, между прочим, к порядку причают».

Можно было бы, наверное, прибегнуть к помощи милиции, которая в этом Доме помещается за стеной... Но чутьё подсказало, что воспитательный процесс лучше начать изнутри. В самой среде должен возникнуть организующий импульс. Здесь есть некоторая аналогия с армейской дедовщиной и её прообразом – доктриной социально-близких в ГУЛАГе. И та, и другая служили (дедовщина и сейчас служит) дубиной по наведению порядка. Но есть существенная разница. Разные цели. Там порядок нужен системе, чтобы удобней и выгодней ею управлять. Здесь, на воле, порядок прежде всего нужен людям, чтобы они учились управлять собою сами. Чтобы зарождался навык к самоуправлению, к самосознанию. И это результат преобразований в нашем обществе, смена ценностных ориентиров. Конечно, здесь нужна не только дисциплинарная служба, но и духовная, чтобы яснее обозначилась цель. Но духовных работников (или, как в Евангелии сказано «делателей»: «жатвы много, а делателей мало») катастрофически не хватает. В зонах-то их, бесстрашных тружеников, на вес золота... И такие требоисполнители, как отец Дмитрий, не в счёт. Что уж говорить о Реабилитационных центрах. Хотя в РЦ легче наладить катехизацию, подключив к этой работе опытных прихожан.

Вообще, опытных прихожан можно посылать как миссионеров в Исправительные учреждения. Так делают протестантские церкви; далеко не все, кого они посылают проповедовать осуждённым, являются пастырями.

Она помнит всех, кто прошёл через ДСА. Любую карточку из картотеки дополнит такими подробностями, которые в документе неуместны, а для человеческой судьбы значительны. Сюда бы компьютер... И она, угадывая мои мысли, вздыхает: «Без техники трудно...» – «А на компьютере умеете работать?» – «Научимся. Уж если медведей учат на велосипеде ездить...» Зарплата у неё, у замдиректора, не дотягивает до тысячи. А у медсестёр и нянечек – сказать стыдно. А ведь работают с тем же контингентом, что и сотрудники ГУИНа, у которых и погоны, и звания. «Вчера он был, – говорит она про своих подопечных, – под вышкой, под автоматом, а сегодня – у нас. Но психология-то не изменилась. Всякое услышишь: "Я тебя в переулке встречу, да пропущу, да перо в бок..." А я и сама засветить могу. А поначалу плакала и валидол глотала».

Вечером я поднялся к жильцам, которые в семь часов возвращаются домой, на свою койку. Один из них «чеченец» Винокуров. Служил в Чечне в контрактных войсках, наёмник. Под Ведено его контузило. Грозил 3-я группа по инвалидности, а значит, на войну не возьмут, а он туда хотел, потому что ни семьи, ни дома: развёлся и всё оставил дочке. Да и зарплата – 1000 баксов в месяц, где он такую найдёт! Сюда пришёл без паспорта, без военного билета: сгорели в танке вместе с кителем и раненым бойцом, которого он успел перевязать, а вытащить не успел... Заведуя продовольственной частью, он помогал санитарам и врачам. «Лекарства почти все просроченные. ОМОНу дают нормальные, у них регулярные поставки, а у нас... Пармидол, например, 4 года как выкинуть пора. Я раненому делаю укол, не помогает. У ОМОНа попросил, уколол, всё, раненый кайф поймал, облегчение».

У Винокурова есть справка, подтверждающая личность. Паспорта ещё ждать и ждать. «А со справкой на работу никто не берёт. Да и в больницу придёшь, медичка так смотрит... В

табло бы ей врезать!» – и он выразительно, чуть приподняв, шевельнул ногой.

Александр Сергеевич Пушкин (да, да, именно так!) месяц назад освободился из «девятки», из той зоны, где проводилась на днях конференция и где служит, точнее, несёт послушание отец Дмитрий. Я обрадовался, что могу расспросить о зоне, куда начальник воспитательного отдела меня не пустил. Замял мою просьбу: «Сейчас некогда, а то к столу опоздаем...» Я настаивать не стал, но эта увёртка меня кольнула. Пришлось поверить на слово. Якобы, в день на питание одного зк приходится 17 рублей. В рационе мясо, овощи, свежий лук и даже огурцы. Когда я спросил Александра Сергеевича, он усмехнулся: «Голод в зоне, голод... Поросят держат? Так это начальство для себя. Вы бы зашли в гости к начальнику колонии, увидели бы какой у него коттеджик. Рулит на зоне Витя, с усиками. Селёдку привезут, он её в ларёк по 18 рублей. А чуть она начинает дышать, снизит цену до 13. Вот и всё мясо, и то, кому по карману... Вы где были, в третьем бараке? Это вас в козий отряд водили. У них там и чисто и гладко, там козлы живут: повара, обслуга. А в локалки вас не пустят, или сразу на выходе 3-4 мента встанут, чтоб никто не выходил. Мне начальник, когда освобождался, дал минималку – 25 рублей. И справку. В ГУИН, говорит, придёшь, они тебе паспорт выправят. А паспорт выправить стоит 80 рублей. Я вышел – у меня ни отца, ни матери, ни родины, ни флага. И куда я со справкой! Шабашить к зверям не пойду, они могут не заплатить. Звери, в основном, все дурят».

– Кто такие звери?

– Азербайджанцы, чурки. Отпашешь день, он тебе бутылку водки съёт, а меня, пьяного, сюда ночевать не пустят. Я говорю: «Мне пожрать надо, зачем мне водка?» А он: «Не хочешь, ничего не получишь».

Вот сейчас объявление висит. В пионерлагерь срочно требуется кочегар и плотник, оклад 400 рублей и бесплатное питание. Но кто меня, уголовника, к детям возьмёт! А был бы паспорт, я бы поработал от души, отъелся бы...

Здесь, конечно, можно перекантоваться. Но зимой инвалиду плохо. Из дома его днём выгоняют. Ковыляет он по льду с палочкой, да после инсульта, ищет работу. А кому он нужен, с палочкой... В подъезд не войдёшь, все на замках. Подвалы тоже. А то, бывает, в подъезде пацаны отлупят. На Пионерской двух бомжей завалили. Так просто, ради потехи, силы некуда девать.

Расскажу ещё об одном постояльце, Сергее Владиленовиче Шатрове. Ему 34 года, детдомовец, учился в школе для умственно-отсталых. По этой причине и по зрению (- 8) не взяли в армию. Паспорт у него есть, нет жилья. Мать умерла в 95 году, а он сел в 94. И закон, гарантирующий сохранность жилья, его обошёл, закон появился позже. Здесь в городе живут две его тётки. Он чисто одет, в глаженных джинсах, аккуратно складывает бельё на койку, переодевается. Тоже ищет работу... В благотворительные церковные организации обращаться не хочет. «Православные деньги за всё дерут – за крещение, за похороны. А сказано в Библии: даром получили, даром давайте». Протестантов избегает, потому что, как пишут в газетах, протестанты людей зомбируют. Но в то же время и сомневается, полагая, что это враньё, что православные боятся конкуренции в помощи обездоленным. А сами едва помогают – кормят раз в неделю в соборе... И на том, конечно, спасибо. «Православные, – говорит он, – с властями соединились, и получился вот такой кулак», – показал Серёжа крепко сжатый худенький свой кулачок. Ему надо и по инстанциям ходить, выбивая жильё, и работу искать. Совместить невозможно. Транспорт дорогой. А пешком никуда не успеешь. К хозяину нанялся, тот обещает платить раз в месяц. «Хоть бы аванс дал 200 рублей на полмесяца»... – «А можно ли прокормиться на 200 рублей до получки!?» – «О, мы привыкли впроголодь...»

Вот где нужен духовник, пастырь, советчик в повседневных мирских делах. Вроде бы уже не тюрьма, свобода. А она им

кажется ещё безысходней. Потому что не может человек, не знающий истины, почувствовать себя свободным. Не может быть никакой реабилитации в нормальную жизнь без духовной поддержки, которая одна только объяснит мнимые и настоящие ценности жизни. Вот где миссионерское призвание найдёт себе благодатное поприще. Но, Боже сохрани, от него таких батюшек, как мой давешний собеседник.

Пейзаж с природы

*Я в рощице за дерево вступился.
Румяный отрок зверски обозлился.
Над головой моей топор занёс:
Жизнь или дерево? – вот в чём вопрос.*

*Но что за жизнь без дерева, однако...
В рубцах и ранах ржавая клоака,
Где некогда черёмуха цвела,
Которая Набокову приснилась...
Там нынче впадина – голым гола,
Железный ужас и бумажный синос.*

*Валяй, руби, возлюбленный Адам.
Я жизнь свою, пожалуй, не отдам
За всё, что ты развалишь и развеешь,
За то, чему цены не разумеешь.*

Эти стихи, можно сказать, списаны с природы, пейзажная зарисовка. Природа всё хиреет и дичает – истаивает на глазах. Разрушается «пейзаж моей души» – так говорил перед

смертью Максимилиан Волошин, видя подобное варварство в Коктебеле. На его глазах сравнивали, выгребая камень, один из живописнейших холмов, и, как многое в Крыму, археологически бесценных. Понятно, что истерзанной и голодной России было тогда не до пейзажей. Но истерзанной и голодной она остаётся и сегодня, и аппетиты её увеличиваются.

Рощица ... А когда-то кудрявый, весёлый лес на берегу озера, где учил я своих дочек плавать и ... молиться. Каждое утро, стоя на холме у родника, вместе молились мы о родных и близких, о всяком граде, стране и верою живущих в них, о недугующих, страждущих, плененных ... Об озере и деревьях, кое-где уже искалеченных. Да уберезёт Господь дивное своё детище от неразумных детей! Просили о том же и Преподобного Сергия, покровителя здешних мест. И благодарили за всё громким СПА-СИ-БО! А эхо, живое и чуткое, благодарило нас.

Не думаю, что напрасной была наша молитва ... Но однажды весной вместо сказочного дуба в конце плотины увидели мы чёрный скелет ... Выгоревшее дупло резко пахло какой-то химической вонью.

А теперь уж и елей почти не осталось ... Лишь торчат высокие, по пояс лесорубу, культы порушенных деревьев. Именно по пояс, потому что праздные лесорубы не утруждают себя наклоном, справляя своё чёрное дело. Скорбное это зрелище – частокол на месте шумящего леса ... Как в русской сказке – вокруг логова бабы Яги. Не хватает, разве что, по голому черепу на каждую культу.

Что-то мы предпринимали – горстка жителей из дачного посёлка: дежурили по воскресеньям, собирали мусор на глазах у купающихся, дабы показать пример; просили, чтобы собак купали подальше от пляжа. Собачники, как правило, отвечали одно: моя собака чище человека. Как-то я попенял такому ревнителю чистоты: «Здесь же дети ... люди купаются ...» – «Это ты что ли человек?» – смерил он меня леденящим взглядом.

Я думал порой, хоть бы кто приватизировал это озеро и охранял, обнёс бы забором, пускай хоть за плату ходили бы мы в лес и к святому источнику.

Святому... Но как объяснить это слово моему румянному оппоненту, особенно в решительный миг! И моё ли это занятие – объяснять?

Нет, одними человеческими усилиями не искоренить врождённое хамство. Оно следствие общего разложения, которое началось... когда? С революции 17 года? А может, революцией завершилось? А дальше продолжался распад уже биологической массы, не мешая, правда, каким-то чудесным образом кристаллизации отдельных индивидов.

Как внушить румянному отроку благоговение перед жизнью, утраченное, а может, никогда не бывшее у его дедов и прадедов?

Не стоит, я думаю, сваливать все наши беды на семидесятилетнее правление безбожной власти? В результате чего якобы появилась на свет новая порода людей, homo soveticus. Но появилась-то от земных особей, а не космических пришельцев. Все наши сегодняшние патологические недуги укоренены в веках, у них могучая родословная. Высоцкий подметил точно: «Ведь вся история страны – история болезни». А Иван Алексеевич Бунин писал в 1922 году: «Русь классическая страна буяна и "разбойничка". Был и святой человек высокой святости, был и строитель высокой, хотя и жестокой крепости. Но в какой долгой борьбе были они с разрушителем, со всякой азиатчиной, крамолой, "сварой, кровавой нелепицей", когда по слову историка "развязываются руки у злых, а у добрых опускаются"! Вот и теперь опять началась уже на Руси эта борьба... Слишком много было и есть у нас субъектов чистой уголовной антропологии.

"Разбойнички" муромские, брынские, саратовские и прочая, прочая, бегуны, шатуны, ярыги, голь кабацкая, пустосвяты, на сто тысяч коих – один святой... Нов ли большевизм? Стар, как Россия».

И ещё уместно здесь вспомнить Константина Леонтьева, русского религиозного философа, который говорил, что в России легче встретить святого, чем порядочного человека.

Но кто же, как не Христос, научит человека святости? Древнейшему правилу: не делать другому того, чего не желаешь себе. Где как не в Священном Писании узнать о Нём, о Его заповедях? Сам же и сказал: «Исследуйте Писания: ... они свидетельствуют о Мне» (Ин.5:39).

Известный проповедник Владимир Марцинковский («Записки верующего») вспоминает солдата в 1918 году, как тот похвалялся грабежами и убийствами. На вопрос: «Разве Христос в Евангелии учил так делать?» – солдат ответил: «А нешто мы его читали? Мы только крышку Евангелия целовали ... А что в ём писано, того не знаем».

Слава Богу, сегодня проповедь Христа не запрещена ... Не запрещена, да только достойных проповедников мало. Уверен, что мои дровосеки не слышали поучительной проповеди, а если и слышали – не вникли. Ведь не исключено, что на их шеях болтаются крестики. Народ, в основном, сегодня крестится, не пройдя катехизации, охваченный суеверием, не зная, что происходит в момент крещения и что должно происходить после. Народ хлынул в Церковь с перестроечной волной и также отхлынул, не найдя там поддержки и необходимых знаний. Напротив – увидел те же мирские мерзости: спекуляцию беспошлинным товаром, публичные аутодафе бесценных книг, якобы еретических, ксенофобию, политические интриги. Чего стоит идея «Православный сталинизм», озвученная неким игуменом в беседе с генералом Макашовым и весьма популярная в священнической среде.

Конечно, верующего человека, хотя бы приоткрывшего для себя историю Церкви, не может смутить её чисто человеческая сторона. Он знает и верит, что есть сторона иная, очищенная Духом Святым, благодаря которому Церковь прокладывает путь в мировой истории. Но для неподготовленного неофита эти вопиющие нестроения – серьёзный соблазн, стена, которую он вряд ли преодолеет.

Православие в России (и на Украине) раскололось на несколько автокефальных церквей. Раскол – свершившийся факт, как бы его ни замалчивали церковные власти. В народе популярны оккультные и сектантские верования, неоязычество. Рекламные страницы газет завалены объявлениями дипломированных колдунов и магов. «Сильнейшая ведьма России и Европы ВЕРА ПРЕСТОЛЬНАЯ. Вернёт любовь НАВСЕГДА. Заговорит импотенцию, псориаз, пьяницу и наркомана МГНОВЕННО. Помогла 1000 семей и вам поможет обрести ЛЮБОВЬ И СЧАСТЬЕ». Не сомневаюсь, что у Веры Престольной клиентов больше, чем прихожан в ином московском храме. А ведь помочь семьям обрести любовь – долг Церкви. Но ничего она не может поделать с семьями, полными или неполными, не забирающими своих детей из роддома, число которых в этом году перевалило за 800 000.

Но вера не модное поветрие. Порыв к Богу – Справедливому, Прекрасному, Совершенному – заложен в душе человека, и он ищет Его на разных путях. Крепнут протестантские церкви, где народ слышит Слово Божие на понятном языке и учится устроить земную жизнь по-христиански.

Есть чему поучиться нам у инославных братьев.

Ведь Церковь едина по замыслу её Устроителя (Ин.17:21), и наши перегородки до небес не доходят.

На Церкви лежит главная ответственность за мировые язвы, одинаково опасные, как в капиталистическом, так и в постсоветском обществе. И одолеть их можно только сообща, обогащая друг друга практическим и духовным опытом. Спасение православия – в открытости к миру, к культуре, к другим церквям.

Нравственный религиозный вектор одухотворяет научные познания, в том числе экологические. Зачем мы будем заботиться о чистоте окружающей среды, не понимая смысла и необходимости своих усилий?! Помню одного сельского батюшку – ехали мы в машине. Выкушав бутылку «Жигудёвского», он опустил окошко, чтобы швырнуть туда бесполезную тару... Видать, и ему неведома человеческая

миссия, завещанная Творцом – любить и возделывать землю!.. (Быт.1:28).

Возможно, прав Бунин относительно количества субъектов уголовной антропологии... Но благодать, дарованная Церкви Иисусом Христом, сильнее наследственности! Перерождение человека происходит на уровне генной мутации, или, точнее, вызывает её. Церковь об этом знала всегда. И наша, православная, тоже, да вот уже тысячу лет не может образумить разбойничков всех мастей.

Учительское слово Церкви имело первостепенное значение в воспитании европейских народов. Церковь – экклесия – это собрание людей, пришедших на встречу с Христом. Именно встреча с Христом выстраивала европейскую цивилизацию.

Судя по всему, у нас эта встреча впереди, включая череду больших и малых драматических столкновений на лоне природы. Надо иметь великое терпение и душевную ясность, чтобы обойтись без кровопролития. Надо иметь собрание людей, идущих на встречу с Христом, куда бы я мог пригласить и того юношу, чуть не раскrojившего мне голову.

Дела житейские

Зал ожидания Казанского вокзала платный: 10 рублей для тех, у кого нет билета на поезд. Собака проходит бесплатно и ложится под батареями на своё законное место. А инвалида в телогреечке, костыляющего нога за ногу, не пускают. Позавидуешь собаке...

Я взял билет на дневной поезд, чтобы к вечеру быть на месте. Высплюсь спокойно в гостинице.

Купе я делил с молодым человеком лет тридцати. За весь день мы не сказали друг другу ни слова. Он читал толстенный том Набокова. Я читал своё, дремал, ходил за кипятком, в туалет – мыть банку из-под салата, то есть отлучался из купе не однажды.

В гостинице заполнил бланки, выбрал самый дешёвый номер.

– На сколько дней? – спрашивает женщина из окошка.

– Пока на сутки.

Открываю кошелёк – пусто. В карманах, в подкладке, сверху, снизу, изнутри и снаружи – пусто. Неужели забыл дома?.. Или этот... почитатель Набокова?..

Продавщица газет, милиционер, администраторша отложили свои дела, смотрят на меня, как смотрели однажды любопытные с берега в Симеизе, когда я тонул.

Придётся заночевать у отца Андрея, к которому я и командирован по делам благотворительного отдела патриархии. Но у него одна комната, жена, дети... Да и доехать надо... на трамвае... зайцем...

Слава Богу, добрался без контролёров. Подъезд открыт, лифт не работает, восьмой этаж. Женщина, вошедшая следом, объясняет: «А его ещё не подключили. Год без лифта живём. В соседнем доме есть, обещают и нас к ноябрьским обליфтить». Потопали с ней вместе. От предложения помочь она отказалась, хотя сумка по виду тяжёлая: картошка, хлеб, ещё что-то. «А вы к кому?» – «К отцу Андрею, священнику». – «Мне выше. Он дома. Давеча с кем-то входил».

Отец Андрей открыл дверь, не спрашивая, кто звонит. Просиял. «А я вас завтра ждал. Ну и хорошо, входите, у нас день рождения. Знакомьтесь: моя крестница Варя, её муж Владимир». На скатерти четвертинка Столичной, картошка с сардельками, мандарины, драже в шоколаде.

Вечером на кухне, доканчивая с хозяином четвертинку, я узнал, что Варя – сирота, что родители её пропили квартиру, сдали дочку в интернат, года два пожили на городской свалке и замёрзли оба в новогоднюю ночь. Варя выучилась на парикмахера, но священник не благословил её работать, а посоветовал поступать в духовное училище, которое она и заканчивает по классу церковного пения. «Она тебе любой мотив воспроизведёт – хоть шлягер, хоть симфонию Шостаковича. Память на музыку феноменальная». Муж Вари – шофёр Скорой помощи. Зарплата мизерная. Живут в общежитии.

– В какой же храм вас распределят? – спросил я Варю.

– Хорошо бы в сельский, чтоб домик свой... Да что гадать, Господь устроит...

– Я бы её регентом и в наш взял, – говорит о. Андрей. – Из училища или настоящим христианином выйдешь, или законченным атеистом. Атмосфера та же, что и во времена

Чернышевского и Добролюбова, когда духовные школы готовили будущих революционеров.

Я поведал ему, что остался без гроша, почему и не поехал в гостиницу. Оказалось, что он тоже на мели.

– Уплатил сегодня за оформление телефона. На последние им столик собрал. Выкрутимся. Дело житейское. Сам хотел у настоятеля заниматься.

Кроме своего прихода, Благовещенского, у него ещё два: в колонии строгого режима и в следственном изоляторе.

Утром мы поехали в храм, у о. Андрея дежурный день.

Настоятеля в храме не было.

– Подожди меня в гробовой, я скоро. – О. Андрей ввёл меня в церковную лавку, в которой помещаются и ритуальные принадлежности.

Женщина спрашивает клиента:

– А какой вам гроб нужен?

– На метр восемьдесят.

– Ну, это не дорого, 250 рублей. Последняя обитель.

Она слышала наш разговор со священником. Посочувствовала, повздыхала и достала десятку. «Возьмите, возьмите, кто в беду не попадал. Десятка здесь деньги. Автобусный билет полтора рубля, маршрутка – три».

Вернулся ни с чем о. Андрей.

– Вся надежда на хозяйственника, на Хорькова. Но он мотается, как пчёлка. Сейчас уехал с гаишниками. А им попробуй не угоди, остановят в любом месте, – оправдывает о. Андрей зависимость епархиального служащего от светских властей. – А известно, ГАИ – власть номер один.

Пристёгнутый к отцу Андрею, как к креслу в самолёте, я испытывал двойную неловкость: от бездействия и безденежности. Надо бы гостинец матушке купить, в книжный заглянуть... Хорошо хоть дети в летнем лагере...

– Моя Зинаида Аслановна не любит, чтобы её матушкой величали. Зовите просто по имени отчеству.

Выяснилось, что человек она не церковный. Работает в конструкторском бюро, полтора часа на трамваях в один ко-

нец. Приносит работу и домой: по вечерам и воскресеньям от кульмана не отходит. О. Андрей, читая мои мысли, отвечает народной мудростью: «Кто нужды не видал, тот и счастья не знает. Ну, а если Хорьков нас прокатит, я попрошу у начальника, завтра так и так в СИЗО идти».

Я смотрю, как он пересекает церковный двор, то и дело, останавливаясь для благословения, о чём просит каждый встречный: наклон головы, спины, ладони лодочкой, куда священник вкладывает свою для поцелуя. Вот остановили его две монахини. Он их выслушал, оглядывается в мою сторону, машет рукой, подзывая.

– Александр Иванович, ты сочинитель, напиши прошение на фабрику. Сестричкам обещают помощь: колготки трикотажные и шерстяные, без искусственных примесей. А ко мне сейчас свадьба едет, венчание.

Для написания прошения нужен стол, пошли в сторожку.

– Что-то у тебя, Иван Аксентьевич, кактус завял, совсем, что ли, не поливаешь? – спрашивает сестра Олимпия сторожа.

– Сглазили, – ответил он хмуро и поднялся навстречу молодому человеку. Тот, увидев женщин, смутился.

– Я к отцу Андрею приехал, но у него сейчас венчание. Нельзя ли туалетом воспользоваться?

– А что вы хотите в туалете?

– Ну, – юноша покраснел, – нужду справить, малую.

– Малую можно, а по тяжёлому домой ступайте, у нас храмовый туалет не работает.

О. Андрей нарасхват. Давно уже повенчал, между прочим, весьма и весьма пожилую пару, и опять пропал с юношей. У него явно проповедническая харизма. С любым, кто его останавливает, двумя словами не ограничится. В потоке его речей не всё мне кажется равноценным, однако попадают выстраданные мысли. Например, о России – нищей и суеверной, на которой, честно сказать, я готов уже крест поставить. О. Андрей со мной решительно не согласен. После общих рассуждений

припечатывает пословицей: «Нужда заставит Богу молиться. Ведь отчего развал и жульничество? От безверия. Народ и до революции по-настоящему Бога не знал, а при коммунистах и подавно. У нас и церковь-то ещё советская. Бывший главный уполномоченный по нашей епархии, полковник КГБ в отставке, сейчас занимает административную должность при епископе. Священников уму-разуму учит. Пока церковь не обновится, не очистится, общество не проснётся».

Видя его, как мне кажется, чрезмерное погружение в ситуацию, я иной раз поторапливаю: «Опоздаем, отче, люди ждут». – «Ничего, не спеши, вот сейчас помолимся». Или: «Ничего, чайку попьём, мы успеем».

Боюсь, что снова мне его ждать и ждать. Опять кто-то спрашивает о Андрее.

– Не знаю, – отвечает сторож, – куда-то делся.

Наконец появляется.

– Придётся икону освятить. Женщина принесла. Это двадцать минут. Хотел отказаться, обиделась.

Храм, в котором служит о. Андрей, построен в XVI веке. Советская власть его не закрывала. Свет из высоких окон не доходит до иконостаса. Здесь и днём полумрак, если нет службы. Редкие свечки. Чёрные иконы. Уже во втором ряду ни одну не разглядеть, да и в первом трудно. Деисусный чин в потёмках.

Я поставил свечку Пантелеймону, целителю за всех болящих, вспомнил их поимённо... В храме холодновато... Сколько ждать о. Андрея, непонятно... Ну, что ж, пообщаюсь с Иваном Аксентьевичем...

В сторожке тепло. Звонит телефон. «Алё! Да-да, мне. Два мешка. Да, я договаривался. У меня дежурство круглый день. Привозите, буду ждать... Ну, вот, – зевает, – трубку можно теперь не брать». Опять звонит телефон. Иван Аксентьевич даже не глядит в ту сторону. – «Картошку привезут по 50 рэ мешок. Это я внукам, мы с бабкой ещё старую не доели».

– А в Москве картошка 7-8 рублей килограмм, – сообщаю я, желая поддержать разговор.

– Мне давали комнату в Москве, на Щёлковской, да я отказался, от центра далеко, сколько-то остановок.

– А зачем вам центр?

– А как же, если в Москве жить – только в центре.

Вернулся, наконец, освободившийся о. Андрей, и мы пошли к трамвайной остановке. Он ещё не остыл от проповеди, которую, наверное, выдал после освящения иконы.

– Не храмы надо строить, не стены возводить, а людей просвещать, в их душах храмы закладывать. У нас в районе четыре храма построили, а толку! Молодёжь на дискотеку валит, а на литургии одни бабушки.

– Придётся подождать, когда молодые состарятся.

– Нет, я ждать не любитель. Я и бабушкам мозги прочищаю. Потеха с ними. Они перед причастием рот не чистят. Я им на проповеди всякий раз напоминаю об омовении уст. Бойтесь зубной пасты проглотить, а слюны с микробом не бойтесь, заразы, которая в вас, не бойтесь Господу передать! Что бабули! И батюшка иной перед службой рта не помоеет. От него чесноком и перегаром несёт.

Заболела, тащится в храм: «Надо причаститься». Чихает перед аналоем, ну, прямо артобстрел ковровым налётом. Им литургия – как зачин к акафистам. Обязательно на каждой службе им акафист подавай. Закажут, да не одна. Становятся на колени, потом на руки, и так, подняв дуло, выстаивают до конца.

– Чего на них обижаться, им на комсомольских собраниях не объясняли, как вести себя в храме.

– А я не обижаюсь. Я им всем детские Библии раздал, с цветными картинками, протестанты печатают. И летом их на чай собираю, по воскресеньям. Беседы провожу. Глядишь, и внуки потянутся.

На трамвайной остановке матерные надписи. Не решусь их воспроизводить полностью, но, чуть прикрыв, попробую. Уж очень красноречиво они свидетельствуют о равновесии противоборствующих сил: ”П...ц (то есть конец – А.З.) жидью“ и ”Националистов на х..“.

Отец Андрей перекрестился.

– У нас этой дряни хватает. Не пойму, кто они – фашисты, изуверы? А все при крестах. Митинг собрали, где каменный олень стоит. Я тоже вышел к микрофону: «Вы всех евреев ругаете»? – «Всех»! – «А Христос! А апостолы! А Матерь Божья! Вы не православные! Вы враги православия! Вы враги России!» Они на меня с железками: «Иди, иди, не проповедай, пока мы тебе бошку не проломили»!

В трамвае со многими здороваюсь. У кондукторши сын погиб в Чечне. Он к ней протиснулся: «За каждой литургией поминаю Алёшу».

В магазине, куда зашли за хлебом, продавщица просит: «Отец Андрей, освятите колечко». – «Завтра верну после службы, – отвечает он ей. – А может, сама в храм зайдёшь?»

В колонию его пускают в любой день, как своего сотрудника. Однажды он схлестнулся с пастором. Тот налетел: «Ты чего не в своё время пришёл»! Слово за слово... «И вообще вы иконам поклоняетесь»! Но отец Андрей знал, как ему ответить по праву церкви дозволенной, главной в окормлении российской паствы. «Во-первых, не иконам, а Господу нашему Иисусу Христу. А икона – окно в горний мир, помогающая собраться в молитве и предстать перед Всевышним. Вы против изображения Божества, а Святого духа в виде голубя оставили. Противоречие. И потом, благодари Бога, что я, православный священник, мирюсь с твоим здесь присутствием. А мог бы и воспрепятствовать...»

Пастор обиделся. Отец Андрей на другой день разыскал его телефон, извинился. С тех пор не мешают друг другу, даже если сходятся в один день. Помещения разные, у тех – молитвенная комната, у православных – часовня.

Мы зашли сначала в следственный изолятор.

– Главное моё служение здесь – в камере, а не в часовне. Сопровождающий майор мне не нужен, лучше, если я в камере с ними один, а майор с той стороны двери. Тогда беседа настоящая, тогда решаются многие вопросы. Вообще, для

них сердечная беседа главнее таинства. Они ведь его смысла не понимают. Подготовки – никакой. Крестятся большей частью из суеверных соображений. На зоне все религиозные, а верующих кот наплакал.

Беседа со священником в камерах или отрядах, а то и в храме – привилегия не только общего режима, но и особого отношения начальства к воспитательному процессу. Многое зависит от установки и возможности священника.

Начальник одной колонии авторитетно разъяснял мне: «Государству дешевле, а значит выгоднее, "пожизненного" преступника расстрелять, чем кормить и перевоспитывать».

На строгом режиме, у пожизненных заключённых, например, в Соль-Илецке – положение другое. Священник навещается раза три-четыре за год. Исповедников к аналою приводят в наручниках. А тем, кто верует не первый год, правую руку оставляют для крестного знамения, а левую наручником пристёгивают к решётке. Желающих исповедаться много, на каждого выходит по две-три минуты.

– Не хватает священников, – сокрушается о. Андрей. – Жатвы много, а работников мало, это ведь Христос сказал. И всегда будет недоставать.

Надзиратель открыл нам женскую камеру. В ней пятнадцать человек и четыре двухъярусных шконки. Спят по двое. Младшей обитательнице 18 лет, старшей – под шестьдесят. Накурено. Воздух тяжёлый и влажный, как в бане. Влажный, как будто липкий, каменный пол. Окошко за массивной решёткой. Полка с посудой, две вазочки – половинки полиэтиленовых бутылок с искусственными цветами – висят под потолком. И там же на верёвке сушится бельё, затеня и без того тусклую лампочку. Умывальник, вмурованное в стенку зеркальце, за занавеской отхожее место. Потолок и стены покрыты коричневой краской.

– Новеньких, кажется, нет, – оглядывает о. Андрей женщин, расположившихся его слушать. – Мы сегодня поговорим о молитве, о великой силе, которая соединяет человека

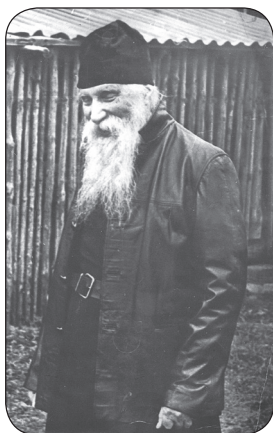
с Богом. Бог вездесущ, он присутствует везде, и сознание того, что Он рядом, уже есть молитвенное состояние. И тогда нужны смелость и смирение, чтобы к Нему обратиться. Я вам принёс книжечку об отце Арсении, который тоже сидел в тюрьме, но не за преступления, а за веру.

Кажется, в этой аудитории его многословие уместно.

После беседы мы поднялись к начальнику следственного изолятора. Я предложил гуманитарную помощь от церкви в виде книг: «Тысячи три можем прислать». – «Книги это хорошо, – поблагодарил полковник, – а ещё лучше матрацы. У нас в мужских камерах по два матраца на пятнадцать человек».

Как и намеревался, о. Андрей, попросил у начальника в долг 1000 рублей. Половину отсчитал мне. Видя моё смущение, успокоил: «Я всё равно бы занимал. У жены зарплата через неделю».

Эти дни, начавшиеся с досадной оплошности, обернулись для меня особым уроком. Стыдно мне было признаться в письме отцу Андрею, что деньги свои, вернувшись домой, я нашёл на письменном столе, те самые, из-за которых так нехорошо подумал о читателе Набокова.

Ко святым местам

Женский монастырь под Елгавой, Спасо-Преображенская пустынь, известный в семидесятих годах минувшего столетия потому, что настоятелем его был отец Таврион Батозский. Паломники приезжали в основном к нему – и на исповедь, и за житейским советом. Поехал и я, недавно крестившийся, и как все неофиты, охочий до святых мест. Тем более что от Меллужи на Рижском взморье, где я жил уже третий месяц, до Елгавы гораздо ближе, чем от Москвы.

Старая Анита, моя хозяйка, посещавшая лютеранскую кирху, про отца Тавриона тоже знала. «Очень-очень святой человек, очень-очень сидел в тюрьме». Как потом оказалось, в числе паломников в пустыньку приезжали и латыши лютеране, гостили подолгу, молились вместе с православными на долгих монастырских службах.

Тогда мне нужна была поддержка мудрого пастыря, каковым его считали. С отцом Николаем, местным священником, у которого я исповедовался, поговорить никак не получалось. После службы он торопился домой, а на исповеди – сразу же покрывал мне голову епитрахилью и прямо в ухо бубнил: «Кайся-кайся, кайся-кайся, кайся-кайся». Кроме того, на аналое лежала куча рублей и трёшек, и кающийся был приплюснут к бумажкам, напоминающим об оплате за отпущенные грехи.

К должному откровению это обстоятельство не располагало, и исповедь моя была, можно сказать, формальной. Это сейчас я понимаю, что никакие обстоятельства не могут повлиять на совершение таинства: исповедуешься Богу, а священник всего лишь свидетель. Человек слаб, свидетель необходим.

Сестра Наталья показала мне комнату, келью, где я буду ночевать, и вручила лопату: засыпать уголь в котельную до вечерней службы. Это было первое послушание. Второе, после трапезы, – наносить воды в кухню и в прачечную.

Храм небольшой, расписанный самим настоятелем, преобладают светлые голубые тона. Отец Таврион проповедует на протяжении всей службы. Проповедь вливается в богослужение, не нарушая её порядка и ритма. Говорит он, обращаясь к пастве, с закрытыми глазами, что, наверное, помогает ему сосредоточиться. В полумраке свечного освещения лица не видно, а слышен голос – тихий и внятный. Интенция проповеди: надо заглянуть в своё сердце, не тёмное ли оно? Не в нём ли сокрыта причина зла, которое мы видим вокруг? Он возвращается к *главному* с разных сторон, он раскрывает *главное*, как музыкальную тему – тему с вариациями, и она звучит всеобъемлюще.

И вместе с тем речь его проста, а вид и того более: сторбленный, белобородый... Камилавка на голой голове сидит, как напёрсток на скрюченном пальце.

Мой друг, Сергей Ермолаев, бывал в пустыньке в те же годы, и не однажды. Вот его рассказ: «Личной исповеди отец Таврион не практиковал. Только в исключительных случаях, когда об этом попросят. А так – общая: основательная, глубокая. За которой он **всех** призывал причащаться. А бывали на службе и католики. Протестанты, не знаю, подходили ли к чаше, а с католиками, несколькими, я был знаком. И с последователями Рериха, тоже паломниками. Он настаивал на ежедневном причастии. **Всех**. Наверное, неверующие или некрещеные к чаше не подходили, священник полагался на их понимание и на со-

весть тех, кто разумел смысл молитвы перед причастием: «Да не в суд или во осуждение будет мне причастие святых Твоих Таин...» Инославные могли ему открыться лишь перед отъездом. Он принимал на личную беседу только отъезжающих. За такое облегчённое отпущение грехов и допущение к таинству всех его многие осуждали, и миряне в том числе.

Вдруг посреди службы призывает весь храм петь «Царица моя преблагая...», хотя это к не к месту, не ко времени. Он обогащал долгую монастырскую службу, выводил её из рутинного канона. Молебны и акафисты после литургии считал излишними. Кто-то мне рассказывал, когда к нему обращались с подобными просьбами, он буквально вскипал: «Ты на литургии была? Ты причащалась? К тебе Господь пришёл? Какой ещё нужен молебен?!»

Однажды меня пригласили в гости пятидесятники, те, что гостили в пустыньке. Я решил попросить благословения у отца настоятеля. Прихожу, а он на полуслове прерывает меня, протягивает коробку конфет и машет руками – иди, иди. На коробке написано «В добрый путь». Он ведь и не расслышал, за чем я пришёл... А сразу: «Иди, иди, в добрый путь!» Ощущение такое, что знал, ведь прозорливец... И ничего страшного не произошло, у пятидесятников в Риге я побывал, узнал, по крайней мере, какое у них богослужение. И пятидесятником после этого не стал...

Он был, так мне казалось, снисходителен к паломникам и строг к своим монахиням. Часто во время проповеди обращался именно к ним».

А вот ещё свидетельство священника Владимира Вильгерта, его воспитанника: «Вместе с владыкой Леонидом они... в качестве гостей бывали на Рождественских богослужениях в католическом соборе. (...) Отец Таврион уважительно относился к католицизму, поддерживал и личные отношения с католическим духовенством. (...) Не касаясь различий в вероучении церкви, отец Таврион подмечал достоинства католической сестры-Церкви... – богатый миссионерский опыт, церковную дисциплину. Были у батюшки и некоторые внешние заимс-

твования, например в украшении алтаря. (...) Над его рабочим столом в келье висели фотографии встречи Вселенского патриарха Афинагора и папы Римского Павла VI и заседания Второго Ватиканского Собора. Для него был ценен дух тех инициатив, которые были проявлены в этих исторических событиях».

Кончилась вечерня, и за трапезой я вдруг понял, что проблема моя, с которой я приехал, разрешилась, что в проповеди священник ответил на все мои вопросы.

За столом сосед Андрей ничего не ел, кроме хлеба. «Пища великая сила, – сказал он шепотом. – Обработывая её химически, можно влиять на умонастроения людей». Он предложил прогуляться. «Нас провидение свело, всё не случайно. На вас крест есть?» По безумному и неотступному взгляду я понял, что ему надо в этом немедленно удостовериться. Вещественное доказательство, что-то вроде испытания веры, вошедшее в поговорку: «на нём креста нет». Первые христиане не имели подобных знаков отличия, которые сегодня очень часто заменяют назначение амулета. Я старался не вникать в несмолкаемый горячий шёпот Андрея о каком-то всеобщем заговоре против него.

На кладбище, возле которого мы прогуливались, мирно и обнадёживающе мигали лампы. Много голубцов – крестов с покрытиями, тоже окрашенных в голубой цвет. Падал снег, плотно штрихуя чёрные деревья.

Ночью, когда все уже уснули, вспыхнул свет, и сестра Варвара попросила показать наши паспорта и переписала их. Андрей заметался: «И здесь гебешники...». Монашенка говорила с ним ласково, но твёрдо, как и с другими, интересуясь, кто и насколько приехал. «А вам завтра уезжать», – определила она срок лохматому парню на крайней койке. Он лежал под одеялом в гимнастёрке и, не подняв головы, буркнул: «Угу». Вчера я видел его на паперти с баночкой для подаяния. Как только ушла сестра Варвара, он, чертыхаясь через слово, поведал о том, что сидел в приёмнике, откуда его прогнали, узнав, что болен острым диабетом.

– Ты здесь чёрного слова не произноси, – осёк его старик, который вечером долго молился перед иконой Божьей Матери Споручницы грешных. – Да на тебе и креста нет!

– Милиция отобрала: ты, мол, с ним побираешься. У меня был большой, с медным распятием.

Старик достал из портфеля маленький латунный, поцеловал его и подал нищему: «Завтра тесёмку попроси у сестры Натальи».

– Разденься да ложись по-людски, быстрее согреешься, – посоветовал я.

– Не, я так скорее согреюсь... Она гонит, а куда я пойду? – продолжал он. – Я с рождения в детдоме, родителей у меня не было, пенсии, стало быть, мне за родителей не полагается. Из детдома перевели в инвалидный. А оттуда я убёг, сердце зла не вынесло – что там творится! Лежит больной на постели, под себя ходит. Няни не дозовёшься. А когда придёт, на нём уж всё присохло. Простыня с кожей отдирается. У многих пролежни. Я жаловался начальству. Они мне грозить: в психбольницу тебя переведём. А я думаю, пока ты меня переведёшь, я тебе голову оторву и убегу. Так и кочую из монастыря в монастырь, а их по пальцам перечесть, с паперти на паперть. Вина не пью. А выпью, сразу приступ начнётся и в ноги отдаёт.

И действительно, ходит он тяжело, шкрябая сапогами по мёрзлой земле. Длинное пальто, помятая шляпа, из-под шляпы свисают смоляные космы. Знакомый образ. У Репина в «Крестном ходе» он на первом плане. У нас в Загорске таких море, когда они стекаются на Пасху или на престольный праздник к Преподобному Сергию. Даже одежда их мало переменилась за сто лет. Устойчивый тип русского богомольца. В России на глубине мало что меняется. На глубине религиозного сознания.

Я предложил вслух почитать Евангелие. «Встанем, – сказал старик, – Евангелие надо читать стоя. Открой от Иоанна 15 главу». И когда я закончил чтение, он поэтически дополнил стихи о нисхождении Святого Духа, цитируя Иоанна Дамаскина: «Святой дух исходит от Отца и Сына, как цветок исходит от корня и стебля, как озеро – от источника и реки, как свет – от Солнца и его лучей».

Старик держит путь в Грузию, в монастырь, расположенный высоко в горах. «Туда недостойным хода нет, – говорит он. – Обвалы да оползни отпугивают любопытных». Он носит монахам продукты и книги. Сейчас везёт канистру святой воды из Пюхтицкого монастыря. В канистре, помещённой в заплечный мешок, двадцать литров – тяжело для старого человека. Он рад со мной поделиться: «Я тебе отолью, им хватит, попроси баллон на кухне».

Как-то мы с ним пилили дрова, а потом настилали пол в новой гостинице. Паломников с каждым годом становится всё больше. «Отец Таврион призывает», – деловито заметил старик. Он ползает на коленях, плотно клинья пригоняя доску к доске. Заглянул проверить нашу работу сам настоятель. Подровнял рубанком кое-где чуть завышенные рёбрышки досок. Старик рассказывает про него: «Он в лагерях великие муки принял, а здесь, говорит, ещё тяжелее, чем на каторге. Власти скрытые препоны чинят. Своих людей ставят в монастыре».

Вчера, проснувшись, он ловко отворотил манжет на штанине кальсон и аккуратно снял носок. Похоже, блохи... Его койка стоит голова к голове к койке нищего. Но в тот день он никакого беспокойства не выказал. В пять утра уже стоял в храме – прямой, как колонна, в могучих сапогах на толстой подметке. Во время проскомидии, да и позже в течение всей службы, кое-кто из бабуть, сидящих на лавке у задней стены, сладко похрапывал. Старик сурово взглядывал в ту сторону, и храп почему-то сразу же прекращался.

Третий жилец в нашей келье – одноглазый Толя. Неугомонный ворчун и спорщик. Каждому высказывает своё неудовольствие. Старик закрыл, будто бы раньше времени печку, полную красных углей.

– Вот, – возмущается Толя, – едешь, канистру с собой возишь, а печку закрыть не умеешь. Сейчас бы всех уморил.

– Да она гемретичная, – обиделся старик, – из неё отравиться нельзя.

– Кака така гемретична? – передразнил Толя. – Щас бы всех поморил.

И выдвинул заслонку.

– Да мне что, я и на холоде могу спать, на морозе.

Подселили к нам ещё одного богомольца. Он в чём был – в ватных брюках и пиджаке – возлёг на чистую простыню, чего Толя стерпеть не мог.

– В святое место пришли, а правил не знаете. Дома-то так не ляжете. Разве это справедливо!

Тот ничего не ответил, а только широко перекрестился. Ответил за него старик:

– Надо быть готовым ко всему. Монахи всегда в одежде спят. Сказано в Писании, что день Господень придёт, как тать в ночи. Бегите в горы и не обращайтесь взять одежды. Так что голяком спать – за Господом не поспеешь.

– А сам?

– А я в кальсонах и в рубашке. А ты без году неделя в православии, а ничего не знаешь, – отомстил ему старик за давешнюю печную заслонку.

А утром, слышу, старик громко выговаривает:

– Вшей напустили...

Толя вскинулся:

– Конечно, спят в одежде, в чём на лавках по вокзалам валяются.

Поднялся и нищий:

– У кого вши?

– Да вот, дедушка обнаружил.

Пошли к утрени. А после службы старик спешно-спешно зашагал не в трапезную, как все, а в нашу келью. Вернулся взволнованный, ничего не поел, дождался меня и сказал: «Полна подушка вшей, на себе поймал здоровую с боб величиной». – «Это от нищего», – догадался я.

В келье уже возмущался Толя.

– Вот! Гляди! Полно!

На наволочке, как крылатые мураши, ползали насекомые.

Пришла сестра Варвара, мгновенно распорядилась:

– Бельё – в печку и поджечь сразу. Матрац – на улицу, в снег, на мороз. А дедушке, не дай Бог, в голову заползли, смочить волосы керосином.

В тот день я уезжал. К настоятелю очередь. Но впустили одновременно всех, и в комнату набилось человек двадцать. Первыми подошли молодожёны. Он долго беседовал с ними и отпустил, подарив Евангелие. Потом подошла бабушка, стала жаловаться: «Дочь у меня пьёт, от рук отбилась, с дьяволом спуталась». – «Её дело, – перебил отец Таврион, – дочь взрослая. Не вмешивайся в её жизнь». Та опять, его не слушая: «Пьёт, от рук...»

– Отойди, матушка, – перебил её ласково и твёрдо старец. – Никчемные у тебя вопросы ко мне. Моли Бога за себя и за дочь и другим не мешай. Кто следующий?

– Благословите, батюшка, – сложил я ладони.

– Бог благословит. – И подаёт мне открытку «Благословение пустыни» и крестик.

– Обиду, – говорю ему, – переживать не умею, вспыхиваю в ответ.

– Не сердись, терпи. От терпения – опытность, от опытности – надежда. Вот тебе ещё, – и протягивает коробку шоколадных конфет.

Старик ждал меня у ворот с трёхлитровой банкой святой воды. Он светился и благоухал, как керосиновая лампа. «Храни Господь, храни Господь! Побываю в Москве, непременно увидимся. А к себе не приглашаю. Некуда».

Дойдя до шоссе, я оглянулся. За соснами не видно святой обители, где служит прозорливый исповедник, знаменитый на всю потаённую Россию. Ничего особенного он мне не сказал. Ничего сверхъестественного не пережил я на его богослужении. А вместе с тем, все мои тревоги и неразрешимости как рукой сняло. В воскресенье к отцу Николаю я летел, как на крыльях! И не испугали меня его принудительные «кайся-кайся» и постыдные бумажки на аналое.

«Во дни печальные Великого поста...»

Матушка Ирина провела меня на второй этаж в гостевую половину: «Располагайтесь пока, отец Василий пошёл на почту, вот-вот вернётся».

Я приехал в этот город с большим грузом – контейнером книг для местной колонии, школы и детского приюта, который помещался в доме священника. Он писал мне, что их благодетель, «раскрученный» коннозаводчик, обеспечил ребятток всем, кроме книг. «Да и кто знает, какие книги сегодня можно читать детям». А потому обращается ко мне с просьбой: прислать список литературы, а лучше приехать самому и купить здесь, что надо, деньги коннозаводчик даст. Или съездить в Пермь. «В нашем-то книжном магазине, одна чернуха и порнуха в пёстрых обложках».

Вот уже несколько лет, по благословению своего духовника, мы, прихожане московского храма, собираем книги по Москве для тюремных библиотек, которые давно не пополняются: у Министерства юстиции нет для этого денег. Поэтому начальники колоний и следственных изоляторов с благодарностью принимают посильные наши пожертвования. Жертвуют прихожане, редакции журналов, издательс-

тва... Почему бы не собрать к Пасхе подарок детям и заключённым? – подумал я, получив письмо от священника. Целую зиму мы тщательно его готовили, и вот, наконец, контейнер-доставлен на место... Не скрою, была у меня и своя корысть: провести Великий пост вдалеке от шумной столицы.

Матушка предложила чаю, но я решил не ждать отца Василия, пошёл ему навстречу.

О. Василий возвращался не один, следом вприпрыжку за его широким шагом бежала... овца. Обнялись, расцеловались. Батюшка смущённо обернулся:

– Не знаю чья. Выбежала на дорогу – и за мной. В милиции предупредил, если кто хватится...

Вошёл во двор, привязал собаку и провёл непрошеную гостью в сарай, где у него прошлой зимой помещались козы.

С отцом Василием я подружился давно, с тех пор как в середине девяностых развозил по епархиям гуманитарную помощь – масло, чечевицу, рис, – получаемую православной Церковью из Америки. Тогда он был простым иереем, попавшим в немилость к правящему епископу. Обличённого в содомских грехах епископа в конце концов запретили в служении и вывели за штат, определив ему место для покаяния в П-м монастыре.

Сейчас о. Василий – протоиерей, благочинный, под надзором которого закреплено 12 приходов.

Я поселился в маленькой комнатке с одним окошком, смотрящим на величественный белокаменный Собор. И хотя первый этаж дома занимал детский приют, никакого шума оттуда не было слышно, что создавало обстановку уединения, нарушаемого иногда вторжением словоохотливого батюшки, отчего я, впрочем, нисколько не страдал. Я обложился томами Голубинского «История Русской Церкви», которую нашёл в его библиотеке, а вечерами заносил в тетрадь – по давней своей привычке – впечатления каждого дня.

Директор школы, где учился будущий священник, был историком. Выставил ему в 9 классе годовую оценку по исто-

рии 4, хотя все четверти аттестовывал на отлично. Объяснил так: «Ты в Церковь ходишь, значит, не понимаешь нашей истории, не понимаешь враждебной нам проповеди попов...». «Тогда я, – говорит о. Василий, – назло ему стал ходить в церковь чаще. А у нас всех, кого на Пасху видели в церкви, выставляли перед линейкой и позорили... Так что спасибо ему за своевременную репрессию».

В армии служил во Львове, в десантных войсках. Не боялся заходить в храмы. Бывал и в костёле. Старая полька, показывая на Распятие, говорила: «Це пан Езус. Его распяли за то, что он принял католическую веру».

Захаживал солдатик и к старообрядцам. Там его тоже вразумляли. «Видишь, преподобный Сергей на иконе с листовками, кожаными чётками, – значит, наш, старообрядец. А Серафим преподобный с деревянными – этот ваш, православный».

Лет пять назад о. Василий снова оказался во Львове. Идёт поздним вечером по улице, навстречу молодая компания. Поравнявшись с ним, кричат: «Слава свободной Украине!» И ждут, что ответит этот бородатый... Священник подумал: «Национальное гонорство я славить не буду» И ответил: «Богу Святому во веки слава». Грозные патриоты нехотя посторонились и пошли своей дорогой. «А ответь я им просто по-человечески – здравствуйте или добрый вечер – отмотили бы, как котлету».

Мишка возвращается из школы. Он ходит во второй класс. Портфель вполовину его роста. Еле тащит его, перегнувшись влево, загибает ножками. Маленький Мишка у подножия величественного собора Рождества Богородицы. Время – около десяти часов.

- Что так рано, Миша?
- А у нас только два урока было.
- Что же ты сейчас будешь делать?

– Обедать.

Мишка поступил в приют совершенным несмышлёнышем. Начал учиться – ничего не мог запомнить. Воспитательница кое-как его вытянула. «Да у нас двое вообще... – говорит она, – им место в интернате для дураков. О. Василий держит их по доброте своей, может, в церкви чему научатся».

Я заглянул в столовую. Гремит телевизор. Двое мальчиков (им во вторую смену) смотрят фильм. Ринг, на котором дерутся страшилы – мужчина и женщина. Разъярённый громила убивает своего противника – женщину. Ор трибун, садистские удары, приёмы на излом; кровь и ненависть. Дети-сироты, рядом с православным храмом, заглатывают это с утра... Вышла повар.

– Вам что-нибудь нужно?

– Да нет... Зачем *это* им видеть?

– Да они и без *этого* такое видели, что вам и не снилось!

Три поместительных книжных шкафа заполнили книгами, часть отвезли в школу, за остальными должен приехать зам. начальника колонии по воспитанию, **замполит**, как называлась эта должность в недавнем прошлом.

Ровно в 15.00, как было обещано, к собору подкатил «газик», из которого вылез майор, коротко стриженный, руки в наколках до самых ногтей.

– Ну, где у вас тут чего брать?

Увидев, что кроме меня нет помощников (священник, по его разумению, не в счёт), заявил:

– Я грузить не буду, я майор, а не грузчик, у меня рабочий стаж больше, чем вам лет.

Но всё же подключился к погрузке, боясь, что к концу рабочего дня не управимся.

Аккуратно и любовно увязанные книги добытчивый воспитатель сваливает в кузов, как дрова.

– А «Дружбу народов» все пачки можно брать?

– Все вам не нужны. Возьмите по четыре журнала из каждой пачки.

– А я себе в кабинет один комплект поставлю, бери по пять – приказывает майор шофёру.

Многие не уверены в стабильности нынешней власти, особенно в некоторых районах «красного пояса», где коммунисты засели в местных департаментах, где они, как были правящими чиновниками, так и остались, и потихоньку платят партийные взносы в своих партячейках.

В Брянской области, в одной из колоний, я увидел залежи военно-патриотической литературы, штабеля ленинов-марксов-энгельсов и всякого мелкого партийного мусора.

– Мы вам за год все библиотеки наполним русской и зарубежной классикой, сдайте этот багаж в макулатуру, – предложил я в УИНе замначальнику по воспитанию.

Он помялся, за классику поблагодарил, но что-нибудь выбросить отказался. «А вдруг советская власть вернётся?»

Здесь, похоже, та же ситуация. В комнатке, куда заносили коробки с книгами, пустые стеллажи... А один, как боезапас, приготовленный на случай атаки, плотно набит собраниями сочинений Ленина, материалами партийных съездов и почему-то томами Мао-Цзэдуна.

О. Василий вменил в обязанность посещать колонию настоятелю храма Живоначалной Троицы. Но отцу Крискентию не до того, ему достались руины от храма; только-только восстановил жилую часть, где и поселился – с большой коллекцией египетских сувениров. Он знаток и почитатель древнего Востока.

У сироты Славки опека присвоила квартиру. О. Василий подал заявление в суд. Присудили вернуть. Но вернули другую, на окраине города, без всяких удобств.

О. Василий рассказывает: «Серёнька косоглазый. Хорошо лепил из пластилина, из глины – притащит ведро... Тыкву вы-

лепил, не отличишь от настоящей. Но очень был нервный, возбужденный, мог чем попало запустить. Мы его взяли из детдома. Его там дразнили «китайский шпион». Привяжут пацаны к стулу и швыряют камнями. А воспитатель по ничтожному поводу – тапком по лицу. У нас стал поправляться. Я его определил в художественную студию. И вдруг приезжают мать с отцом. Забирать. Отец освобожден из заключения. Мать по виду пьющая... Он родителей видел впервые. А через месяц к нам вернулся, а ещё через месяц пропал. Объявили в розыск, год прошёл...»

Отец Крискентий – молодой монах. Древний Египет – его сокровенная любовь. Трижды путешествовал по Нилу до самых верховий. Об Эхнатоне рассказывает, как о живом сподвижнике, к которому чуть ли ни наведывался во дворец. Утверждает, что фаюмские портреты писались с натуры, при жизни заказчика. Это одна из версий, довольно правдоподобная. Фаюмский портрет – прообраз иконы. И техника та же, энкаустика: расплавленные восковые краски наносились на доску без грунта. В портрете явлен характер, психология, душевные нюансы. Его появление относят к середине первого века н.э. «Я полагаю, – рассуждает молодой священник, – что портрет Иисуса Христа существовал при жизни. Фаюмские мастера жили не так уж и далеко от Палестины, их искусство могло быть там известно...»

Домик его, обшарпанный снаружи, благоустроен изнутри по современным стандартам евроремонта. Ванная, отделанная жёлтым и зелёным кафелем, огромное зеркало, биде. В большой комнате камин, музыкальная аппаратура, на стенах африканские пейзажи, в углу две иконы. Книг мало. Компьютер. «А зачем мне книги? Всё, что надо, я вытаску из Интернета».

Он пригласил меня на ужин, который оказался более чем обильным: гречневая каша, капуста с грибами, винегрет, свёкла, берёзовый сок, чай с рулетом. И когда баба Вера, его экономка и стряпчая, убрала со стола и вымыла посуду, и, благо-

слова, простилась, о. Крискентий приступил к приготовлению... кальяна, которым решил меня попотчевать. Невинное развлечение, род вольнодумства... Под затейливую арабскую музыку булькает водичка в недрах кальяна и туго тянется сладковатый дымок.

О. Крискентий вообще не курит, но и не осуждает курящих священников, которых, как он считает, сегодня много – процентов сорок, если судить по их епархии.

За овцой на другой день пришёл хозяин, у которого вся улица покупает мясо. А она уже прижилась на новом месте, мекает, упирается, а может, боится собаки – свирепой с виду кавказской овчарки.

На самом же деле, собака не свирепая, а очень даже дружелюбная и мудрая. Давно замечено, что домашние животные перенимают характеры хозяев. Линда, наверное, из таких.

Матушка решила завести кур. Купила цыплят, вырастила и стала выпускать во двор. А Линда, тоже молодая, – за ними гоняться. Побегает, побегает, успокоится и ляжет на солнышке, поглядывая на них уже без всякого интереса. Вдруг цыплята стали подыхать... Матушка отнесла три тушки к ветеринару – не отравились ли чем, не зараза ли какая напала? Вскрытие показало, что умерли цыплятки от... разрыва сердца, напуганные четвероногим чудовищем.

Тогда «чудовищу» сделали строжайшее внушение: « Не стыдно тебе, такой здоровущей! обижать беззащитных малюток? Не смей больше этого делать!» И Линда поняла. И с тех пор бровью не поведёт, когда куры топчутся у неё под носом, гребут землю. Дошло до того, что они облюбовали её просторную конуру и стали там... нестись. До пятнадцати яиц сразу вынимали из конуры.

От апрельского солнца Линда прячется в конуре, морда наружу. И курице, отсидевшей на кладке, тоже надо наружу, не выпихивать же, разлеглась, такую тушу... Курица вспрыгивает ей на голову и с головы на землю.

По телевизору шёл документальный фильм: восстание в ГУЛАГе, 42 год.

– Зачем ворошить прошлое? Оставили бы эти страсти! – досадливо морщится о. Крискентий.

– Надо, надо его ворошить, шестьдесят шесть миллионов угробили, если не больше, – говорит о. Василий, у которого раскулачили деда и бабу и они бесследно сгинули на севере, в Красноярском крае.

Деловой, оборотистый батюшка отстроил храм в глухой провинции. Откуда у него деньги, если приход нищий, одни старухи, да и тех две? Ездит в Москву, отчитывает.

– Как же ты отчитываешь?

– А я беру копие*, прикладываю ко лбу, к пупку, и бесы извергаются.

– Такой вежливый, благообразный весь из себя.

«У нас многие священники в Москве промышляют, – говорит о.Василий. – Москвичи – дураки. Казалось бы, культурный город, а наши проходимцы приезжают, лапшу на уши вешают. Москвичи их содержат. В Москву съездит, кучу денег привезёт, а здесь живёт припеваючи – пусть у него приход маленький или вообще никакого. Но этот не жадный, храм восстановил...»

«Две игуменьи. Таисия была партийным работником. В районном городишке – почётная должность и как приложение к ней – банкеты, увеселительные командировки. Мужу изменяла, почти не таясь, об чём в маленьком городке было широко известно. Муж не перенёс стыда, обмотал себя медной проволокой (работал электриком) и подключился к

* *Копие* – Особый нож, в виде копья, которым священник вырезает из просфоры прямоугольную частицу.

трансформатору. Сгорел, как спичка. Таисия перебралась в Челябинск, опять на престижное место, заведовала чуть ли не исследовательским институтом, после перестройки вернулась. Устроилась бухгалтером на хлебзавод и стала похаживать в церковь. Монах Паисий постриг её в монашки и поставил игуменьей монастыря. Но в игуменье ещё играли старые дрожжи, она прилепилась к отцу настоятелю и однажды чуть его не изнасиловала.

Благочинный написал рапорт архиерею, что Таисия пострижена незаконно, её расстригают и снимают с должности. Она смиренно удаляется и у себя на даче строит церковь.

А тем временем, пока эта обустривала свою домовую обитель, новая игуменья, Сонька, проворовалась, её тоже надо изгонять. Кого же ставить? Ставить некого... Возвращают Таисию, законно постригают и водворяют на старое место. А Соньку архиерей отправляет в другой монастырь, уборщицей – на послушание.

Карьера её началась с советских времён, точнее, с начала перестройки. Здесь настоящая война была, когда разгоняли двадцатки, перекраивали приходы. Одного священника ревностные прихожане сожгли в его доме. Тогда-то её и поставили старостой.

Баба она не промах, уже заправляя монастырским хозяйством, сеяла на территории монастыря картошку. Пропальвали плохо, картошка заросла бурьяном. А тут архиерей должен наведаться. Тогда она приказывает всё скосить, поле заровнять. Осенью мужики плугом ширяли, на коленках ползали, кое-что собрали...

А с Таисией опять нелады. Опять она ворует и живёт с монахами. Опять её снимают и опять ставят Соньку.

Почему же такая чехарда, почему епископ не найдёт новых монашек? Во-первых, новые тоже будут безобразничать и кто знает, не похлеще ли старых... А во-вторых, все эти смещения-перемещения могут оказаться известными Синоду. Синод спросит, что это у тебя, владыка, такая мешанина, ни-

как порядок не наведёшь? А так вроде бы всё нормально – на послушание в другой монастырь, из своего круга не выпала.

А действительно, «свой круг... У Соньки та же немочь. С мужем давно развелась, но никак не могли разъехаться. Привела как-то к себе на квартиру любовника. И пока они всю ночь кувыркались, муж в соседней комнате повесился. Сходные у них биографии, у двух игумений».

«Недавно лежал в больнице с диабетом. Рядом койка, тоже священник. Монах. Тумбочка меж нами, с одной тарелки капусту едим. Я все анализы сдал, жду, чего скажут. Врач и говорит: “Ну, отец Василий, держись”. Всё, думаю, рак нашли... А он увидел моё замешательство и успокоил: “У соседа сифилис”. У меня всё в душе обвалилось, я дёрну из больницы.

А за ним давно замечалось. Он вёл спортивную секцию в духовной школе. Кто-то из родителей догадался и написал жалобу владыке, тому, который сам был падок до “пуфиков”».

В начале девяностых о. Василий построил в Хомутовке храм, который сразу же и обокрали. Пропали чаша, несколько икон, ещё что-то и наперсный крест, помеченный его инициалами. Прошло лет восемь. И вдруг на одном священнике он видит свой крест. Где, у кого купил, давно ли? О. Василий идёт в милицию, называет человека, который продал крест, того раскручивают и раскрывают банду. На счету её много ограбленных храмов. Началось следствие, вот-вот суд.

Ночью звонок в дверь. На пороге игумен Мок-го монастыря, а за спиной у него две иномарки, в которых застыли братки.

Отец Василий, ты пострадал, тебя ограбил племянник вон того, что в машине. Какой тебе принесён ущерб, он сию минуту заплатит.

Отец Василий думает: с паршивой овцы хоть шерсти клок – и называет сумму – 36 тысяч, которой ему не хватало для по-

купки подсвечников в собор, – он уже здесь служил. Тут же «дядя» выкладывает деньги, а отец Василий пишет заявление в суд, что отзывает свой иск и ни в чём последственных не винит.

– А что, игумен ездит в тюрьму? Окормляет осуждённых?

О. Василий всплескивает руками: «Да мне точно говорили, что он общак пасёт!» Похоже на правду. Если его братки грабят храмы, а он их отмазывает, то ведь он с ними в завязке...

«Отец Давид – целибатный священник. Он как выпьет, ему бабу подавай. У него была староста. Послал её в кладовку за свечками и сам следом. Запер дверь, ширинку расстегивает. А она ему как врежет по яйцам... Вмиг протрезвел».

Мишка – самый младший в приюте, самый жалостливый. Ребята поймали мышь и давай добивать ботинком. Мишка закричал: «Не надо!!!» Спрятал её в карман и выпустил в дырку под плинтусом.

– Я против воскресных школ для взрослых, – говорит отец Крискентий. – Появляется лидер, и люди подпадают под его влияние. У нас такой был, мои прихожане ему помогали на огороде...

Что же худого в том, чтобы помочь человеку, который им тоже помогает? Помогает в главном – в знании и понимании Священного Писания.

Не нужна им эта помощь. Есть храм, проповедь. Писание доступно.

Доступно... Здесь элементарное опасение, что лидер затмит авторитет священника, который, по правде говоря, никакой не авторитет, а только одна видимость для неграмотных старух.

О. Крискентий, чувствуя моё несогласие, распаляется:

– Это всё протестантские штучки – читать Евангелие в домашнем кругу. Я протестантов терпеть не могу.

– Но благодаря им, их свидетельству и горячей проповеди в местах заключения, люди оттуда выходят другими: не курят и не пьют.

– Ах, знаете... уж лучше бы пили. Да, да, да, лучше пить, чем лишиться благодати!

– По-вашему, пьяница и наркоман, если у него крест на шее, пребывает в Святом Духе?

Во дворах нет мусорных ящиков, единственный в округе стоит возле школы, но, кажется, без всякой надобности, потому как всегда пустой. Зато бордюры вдоль улиц шелестят и дыбятся бумажной и целлофановой шелухой. Особенно сейчас, когда стаявший снег обнажает уродство и нищету старого города. Облезлые домики дореволюционной постройки. На одном вывеска «Магазин Сударушка». В «Сударушку» привезли пиво. Шофёр сгружает громыхающие ящики. Напротив мужик метёт улицу. Поглядывая тоскливо на ящики, говорит:

Погода, вроде, нормальная, а у меня голова сдаёт. Давление. Все лечатся звериным, а меня он не берёт.

– Что это – звериное? – спрашиваю я.

Ну, самогонка, там, водка... Он повышает давление. А мне то что, мне нужно понизить.

«Звериное, человек от него звереет», – так мне объяснили. А почему мужского рода, я догадался сам. Под определением, наверное, имеется ввиду существительное «зверь». Его никаким определением не заменить...

«Летом не убирается мусор, а зимой снег. Дашь на бутылку, подгонят снегоочиститель, поскребёт маленько. А то покойника с вечера привезут, а ночь снежная, никак не вывезти. Или невеста – на каблучках по сугробам...»

На свежесведеленной стене автовокзала крупными красными буквами начертано:

Педарасы Индегранд Суки убью!!!

На другой стене:

Жилаю жизни по кайфу!

В субботу о. Василий топит баню. О. Крискентий помылся, попил чайку, без пяти пять вызвал такси – в пять вечерняя служба – и покатил в храм, хотя расстояние до храма не более километра.

Сын недавно скончавшегося епископа К-а был тоже монахом. Это с ним Сонька кувыркалась в ту ночь, когда за стеной удавился её бывший муж. Они обчистили дом епископа, который уже жил на покое, – у него была домовая церковь. Украли все старинные иконы. Епископ жаловался: «Сын мой с какой-то шлюхой обокрал меня». Но в суд на него подавать не стал, разводить шумиху.

Благовещенье. Исповедь за полчаса до службы. Посреди храма куча прихожан – тонкой струйкой просачивается к аналою. Так текут песочные часы, не меняясь в объёме, из одной ёмкости в другую, из центральной части поближе к клиросам, к амвону, к алтарю. Едва-едва успела перетечь к концу обедни – молодой священник старается проводить исповедь неформально, хоть сколько-то выслушать исповедника. А пожилой батюшка расправляется с ними куда быстрее: «В два счёта их всех расщелкает», – говорит о. Василий.

В храме скверная акустика. Храм строился по частям. В передней, где алтарь, в стене видны колосники, в средней, которую пристроили позже, уже плохо слышно, а у свечного ящика вообще ничего – сплошной гул.

В этой части храма из алтаря не слышны ни возгласы, ни молитва священника, ни Евангелие, которое он читает, повернувшись к людям спиной. «Я так привык, менять ничего не буду. Я искренне служу, Слово Божие объясняю в проповеди».

Но Слово Божие не заменить никакой проповедью, даже самой проникновенной. Толпа людей, в основном пожилых женщин, не понимает, что происходит, что поют, что говорят. Крестятся, целуют иконы, понуро стоят. Чтобы поцеловать Распятие, водружённое высоко на картонной Голгофе, надо лечь на Голгофу и, корячась, дотянуться до подножия креста. Молодым-то трудно... А на стариков смотреть и горько, и смешно, а главное, никак не сможешь...

Дети читают часы, как барабанят по кастрюле: звонко и быстро. Павлик похвалился: «Я в минуту 100 слов делаю».

Зачем им такая скорость, ничего же непонятно, – спрашиваю я священника.

– Кому надо, поймут.

Однако сердце батюшки не выдерживает запредельного невежества. В деревне, где он открыл новый приход, подают поминальные записки «О свежепредставленных», «О упокоении господ Соваофа, Ленина, Сталина, Брежнева». Или, например, заказывают панихиду об упокоении всех святых: св. Матронушки, св. Николая Чудотворца, свв. Царских мучеников и так далее...

– Дорогие мои, – ласково, как к детям, обращается пастырь к своим овечкам, – святые – это Божьи угодники, они к Богу ближе, чем мы с вами и сейчас пребывают рядом с Его престолом. Их голос Ему слышнее, чем наш. Они своей земной жизнью удостоены особой близости к Богу. Так что не за них мы должны молиться, а просить их молить перед Богом за нас грешных.

В первых рядах, у самой соеи, седовласый слабоумный Вова. Он не пропускает ни одной службы. То и дело поворачивает голову, ему любопытно, что там у него за спиной про-

исходит... Из тех, что впереди, он всех знает – батюшек, алтарника. А сзади, может быть, кто новый пришёл.

Читать спиной к народу положено по уставу. Что означает – почитание алтаря – **места** присутствия Бога. Поэтому священник или дьякон в православном храме читает Слово Божие, стоя лицом к алтарю и спиной к людям. Почитание ветхозаветное. Христианство – религия Воскресения и Воплощения. Божество из *местного* употребления – из капищ, посвящённых ваалу, из ковчега, из Святыя Святыя Иерусалимского храма переместилось в человека. Разрушение Иерусалимского храма имело мистическое значение. Он был разрушен, потому что Святой Дух ушёл оттуда. Точно так же, как ушёл из тысячей православных храмов, что и спровоцировало агрессию безбожной власти и варварское их истребление.

Священнослужители, верные ветхозаветному правилу, как будто не замечают богоприсутствия в человеке и поворачиваются к человеку спиной.

А между тем правящий архиерей не противится повороту на 180 градусов и чтению по-русски Евангелия. Некоторые священники пользуются либерализмом владыки. И о. Василий, я помню, тоже читал по-русски. Но инертность паствы не побуждает к нововведениям. Может быть, чуть пристыженный моим возмущением, он оправдывается: «Поступит сын в семинарию, перейду на русский. Ему тренироваться надо, на экзаменах прочесть по-славянски без запинки». Дьякона о. Василий не держит, накладно, вместо дьякона читает Апостола сын. У его коллеги сын тоже кончает школу. «Будет поступать в семинарию?» – спросил я его. – «Нет, хочет в Политехнический. А я не противлюсь, попадёт после семинарии к какому-нибудь сумасшедшему архиерею...»

В начале службы я поставил свечку перед иконой Пантелеимона-целителя за свою старенькую больную маму. Поглядываю – тает свечечка...

Грустноватые у меня получаются записки «во дни печальные Великого поста...» Но ведь такова действительность. И не только в одной, отдельно взятой епархии. Перед отъездом сюда я получил письмо от молодого человека, который крестился в колонии (мы с ним переписывались несколько лет), и после заключения вернулся к брату, на Кубань. Он пишет: «Хожу ли я в ближайший храм? Он находится в 40 км. в городе Темрюке. Там православный батюшка торговал красной рыбой, занимался валютными операциями и продавал наркотики (все об этом знали). Церковь в обветшалом состоянии, а его дом-дворец величественен и богат. Два месяца назад батюшку наконец-таки посадили за решётку. Я-то осведомлён о каноне, по которому все таинства признаются действительными и спасительными в независимости от степени греховности священника, и я в это верю, но вот, к сожалению, для большинства и для моего брата эта греховность, "непростительная для священника", убеждает не верить в святость Церкви, а следовательно, в ней ничего и не искать.»

Когда о. Крискентий в алтаре набирает голос и доходит до крещендо, тогда паства понимает, что сейчас какой-то главной молитве настанет конец, и все начинают креститься. Голос у него напряженный, неестественный. Дуется, чтобы посolidней звучало. Так же берёт и телефонную трубку, важно растягивая: «Ал-л-л-ё-о...»

К нему в храм зачастил сумасшедший. Крестится он так: потрогает нос, потом затылок, потом перстами ударит в затылок, в плечи и суёт руку в карман. Стоит он впереди, своим видом и странным крестоналожением многих отвлекает.

Другой молодец пробивается в очередь к чаше: «А мне причаститься можно? Я ничего не ел, только чаю попил». – «А исповедовался?» – «Исповедовался, исповедовался», – бормочет молодой человек, явно не имеющий об этом ника-

кого понятия». – «Пусть причащается, хуже не будет», – запричитали бабушки.

– Почему храм не поёт Символ веры и Отче наш? – спросил я у о. Крискентия.

– Я не люблю, когда старухи поют, рты разинут и тянут целый час.

Сын о. Василия Тимофей учится в 9 классе. Любит спорт, «качается», ходит в секцию уличной борьбы. Борьба жесткая, лупят по чём попало, дерутся в железных масках. У него уже 1-й разряд, тянет на мастера.

Вчера на Благовещенье, после обедни, где он прислуживает отцу в алтаре, заторопился в спортзал, на тренировку. Отец взорвался: «Устава не знаешь! Собираешься в семинарию поступать, не нужен тебе спорт! В Благовещенье будешь по мордам бить и кости ломать!» Всё. На спорте поставлен крест. «Слишком увлёкся. Нехорошо, если человек чем-то слишком увлекается. Он одно время собирался поступать в военное училище. Я специально устроил военный лагерь и определил его туда. Пусть узнает, почём фунт лиха – дисциплина, труд чрезмерный, в лесу, полевые условия. А я ещё попросил, чтоб его не жалели, погоняли хорошенько. Сбежал из лагеря раньше срока. Военное училище как отрезало. И спорт этот сейчас отрублю». Священнику вторит матушка: «Ни к чему ему драться, одну травму уже получил, нос сломали и руки, вон, как у отца, скрюченные.» У отца руки скрюченные от диабета, от болезни, которая требует беспрестанного перерабатывания пищи. «Диабет – где обед! Кто мало ест, тот долго живёт – смиренно шутит о. Василий, – а мне много пищи надо. Я каждый день себе ложкой могилу копаю».

« Господи и Владыко живота моего... »

Ближе к полуночи я выхожу помолиться к собору, сзади которого, за алтарной апсидой, лежит валун. По преданию,

на нём молился преподобный Геннадий. В камне есть выемка, можно встать на колени, как встают в католическом храме, опускаясь на приступочку перед ногами. Жил Геннадий в XI веке, в пустыньке, – вокруг леса, холмы, та же речка внизу, только наверняка этой поймы не было, её намыло за десять веков. Молился он на воле, в виду необозримого простора, а ночью – под звёздами, стоя на этом камушке...

В 11 часов город уже спит, весь тёмный, кое-где, поблескивают, как рыба чешуя, окошки. Далеко за рекой, на пойменных болотах, извилистая зубчатая лента огня. Это горят камыши – детская забава. Будто огненная конница пластается по горизонту, всё ближе и ближе подступаясь к городу. Шлейф низкого дыма висит над чёрными крышами, над бледным закатом.

«Опальный архиерей был человек неуправляемый. Чуть что не по нему, он в крик. Рассказывают, ещё архимандритом служил, в алтаре мог запустить книгой в дьякона, обложить матом. А однажды пырнул в задницу копием второго священника: не так встал у алтаря».

Прямодушного и деятельного отца Василия он недолюбливал и неожиданным приказом перевёл в глухомань, в болота, на нищий приход. В деревне 10 домов, одни бабули. В месяц дохода не более 600 рублей. Непосильное испытание молодому священнику, у которого семья, двое детей! Храм – без купола, одни стены, совсем недавно удобрения оттуда вывезли. Ремонт обойдётся не в одну тысячу долларов! Да и не нужен старушкам храм, в доме можно их собирать, освятить дом, крест поставить; служить-то осталось лет пять, не больше, вряд ли долее проживут. Нет, восстанавливай храм! На что? Кто будет сюда деньги вкладывать? До райцентра 35 километров по лесным гатям...

Нищий приход – это мера устрашения для строптивых батюшек. Чтоб подчинялся, как солдат в строю. Правильно. Иерархическая структура в Церкви необходима. Но и то

правильно: священник даёт обет служить Церкви. Он в свой приход корнями врастает. А если приход в городе, да при нём большая воскресная школа, – священник помнит всех детей по имени, знает, что у кого в доме делается. Этот дёрганый, потому что отец пьяница, этот драчливый – без матери растёт. Сроднился с ними, а его бац – и на другое место. А своих-то детей где он будет учить? Быт с Божьей помощью наладит, с голоду не помрёт, а с детьми проблема.

Но у отца Василия дети были маленькие, до школы далеко. Стал он окапываться на болоте, насыпал песку, поставил забор, весной забор завалился, столбики за одно лето подгнили. Он уже подновлять не стал.

Временно под молельный дом местная власть выделила бывшую школу. Но крест устанавливать не разрешила, мол, мы вам передавали имущество без права ремонтировать. Это был второй приход после его рукоположения, а нынешний – пятый.

На свиноферме работал цыган. Хозяйство держал в образцовой чистоте, свиньи набирали в весе, давали хороший приплод. И вдруг какая-то скверна на них напала. Одна свинья околела. Приехало начальство. Погоревали, поахали и велели свинью закопать. Свалилась вторая – тоже закопать. А на третьей цыган попался. Опытный ветеринар обнаружил, что свинья вусмерть пьяная. Цыган сварганит ей тюрю: бутылку водки в кормушку и хлеба крошит. Она за милую душу выхлёбывала – и с катушек. А он её под микитки, заколет – и на рынок.

Дети накормлены, ходят в школу, воспитательница *по-быстрому* делает с ними уроки, и основное время они принадлежат себе и телевизору. В окошко мне видно, как они до темноты гоняют мяч возле собора. На церковные службы их гоняет священник, и они шпарят там псалтирь как заведён-

ные. «Пусть, пока есть возможность, церковнославянский узнают, чтоб от зубов отлетало», – решает священник.

Кого-то он прочит в семинарию, кого-то в профучилище, кого-то в железнодорожное. Только с Витькой не знает, что делать. Во-первых, как он говорит, может такое отчубучить – ни в какие ворота, а во-вторых – ссытся...

Цельми днями отец Василий на колёсах. Благодичине большое, хоть раз в месяц надо побывать на каждом приходе. Да и своих у него ещё два, кроме Собора. По воскресеньям и праздничным дням он обязательно там служит. В общем-то, для десяти бабушек. В одной деревне ему отдали спортзал в старой школе, во второй на месте бывшего монастыря сохранилась часовенка. Епископ обещает поставить сюда двух священников, для которых отец Василий и удерживает приходы. Они в скором времени разрастутся, именно здесь планируется строительство комбината, поговаривают, – по переработке атомных отходов.

Одним словом, детьми отцу Василию заниматься некогда, и он, пользуясь случаем, передоверил их на время мне. Вечером мы с ними путешествуем по звёздному небу. Они уже различают Кассиопею, Большую Медведицу, Волопаса с Арктуром... С утра спрашивают: «Сегодня небо чистое, будем на звёзды смотреть?» А перед сном читаем и молимся: благодарим за прожитый день, вспоминаем (про себя) какие-нибудь дурные поступки или мысли, просим у Бога прощения и благословения на сон грядущий.

Мишка хочет учиться на машиниста, и я прочитал им из Платонова «В прекрасном и яростном мире». К концу рассказа он уже крепко спал, уткнувшись в большого плюшевого зайца. Я спросил ребят, почему Мальцев, герой платоновского рассказа, снова обрёл зрение, почему вылечился? Смышлёный Павлик мгновенно сообразил: «А потому, что он любил паровозы».

Заяц лет десять «прожил» в моей семье, давно уже стал мешать выросшим дочкам. Я привёз его вместе с книжками, ребята водрузили зайца на свободную парту в классной ком-

нате, пришили глаза, которых он лишился в московской квартире. Ночью опять – шлейф дыма над городом и огненная шевелящаяся лента за рекой.

«Без собаки мне нельзя.

Летними ночами, кого только на наш холм не заносит! И парочки, и наркоманы – шприцы утром собираю... А раз ночью матушка запрочитала... Что такое? Глянул, а под окном они сношаются противоестественным способом. Я на них своего волкодава спустил. Без собаки нельзя».

«Постытинки поедим», – говорит о. Василий, садясь за стол, сплошь уставленный тарелками, мисками, плошками с постной пищей.

Дети не гасят свет в туалете. Батюшка шумит: «19 тысяч в месяц за свет плачу!!! У детдомовцев никакого чувства собственности! Всё вокруг общее!» Ночной няне выговаривает: «В чулках и штанах спят! Сколько раз говорил, чтобы мыли ноги перед сном, а перед едой руки. Они же, как зверушки, ничего не понимают, над ними надо стоять, не отходя».

И правда, я не видел, чтобы умывались на ночь. Но на первом этаже холодно, как в погребе. Едва-едва батареи теплятся, экономит город энергию. Потому они и спят одетыми...

Подхватывает матушка: «Они не знают, как надо, они же не жили в нормальных семьях!» – «Спонсор два велосипеда купил, за неделю сломали, бросили на дворе – цыгане увели. Ох, лучше бы я эти деньги, что на них трачу, отдавал в интернет – покупал бы им куртки, ботинки, одевал бы их – и дело с концом. Мебель надо всю менять. Они прыгают на постели. Заберутся и скачут».

– Но ведь они у вас хоть чему-нибудь путному научатся, – говорю я.

Вспыльчивый отец Василий скоро отходит и, гляжу, уже играет с ними в футбол, стоит на воротах.

Вечером, когда я читаю им «Томасину», двое зарываются в зайца и скоро засыпают, а Максимка не прочь и нос утереть об мягкую плюшевую лапу. Заяц большой и тёплый и ни на кого не ругается...

– Что означает слово полицмейстер?

– Мент, – отвечает Максимка, насупившись.

Церковь Николая Чудотворца в рабочем посёлке. Настоятель отец Варсонофий с лицом подростка и седенькой жидкой косичкой. Стрельнул в нас глазами, мол, зачем пожаловали?..

В храме, как в сарае: бочки, вёдра с побелкой, наваленный горой тёс. «За три года никак стены не покрасит», – шепчет мне о. Василий. Служит он в притворе, отделённом от храма перегородкой. Попыхивает дымком печка буржуйка, попыхивает кадило. На дверке прикреплённый листок бумаги: «Братья и сестры! Не поддавайтесь сатанинским проискам! Не меняйте свое, данное во Святом Крещении имя на номер электронного концлагеря. Защищайте свое право на христианское имя в суде! Сегодня номер.Завтра карточка. Потом печать».

Имеется ввиду печать антихриста. Отец Варсонофий из числа духовенства, выступающего против ИНН.

Недавно приход обворовали. Матушка докладывает благочинному, что куплены и вставлены шесть замков. Да теперь-то они уж без надобности. О. Василий не раз напоминал настоятелю о замках: «Поставь, пока не поздно...» А тот отмахивался: да ладно, как-нибудь, авось не залезут...

Живёт Варсонофий вроде бы по-монашески, хотя у него семья... В прошлом году не заготовил на зиму дров: «Ладно, как-нибудь...» Невелика забота дрова заготовить. Распорядился, и тебе привезут, наколют, в поленницу сложат. Да и плата наверняка в сельской местности небольшая. Но

привычной положиться на Бога, как на дровосека, обязанного обслужить смиренного батюшку.

Там, где раньше стоял монастырь, теперь карьер с отвалами вскрышных пород. Сначала смели храмы, потом стены, потом обнаружили здесь богатые залежи гравия. Выпотрошили фундамент и углубились дальше экскаваторами и скреперами. Святую обитель выгрызли с корнем.

Но та, что в сердце, сопротивляется тотальному искоренению.

«Увы! Шум народов многих! Шумят, как шумит море. Рёв племён» (Исайя 17:12).

Природное состояние массы людей. Недаром и сравнение с морем, с водой, которая грохочет о камни. Народ без Слова Божия – природная масса, прибрежный песок. Или земля. Народ землю отождествляет с Богородицей. Земля – мать-кормилица. И Богородица – мать, тоже кормилица. Народ тысячелетия может оставаться природной массой, но в итоге – распадается, как всякая материальная субстанция. Распадётся и русский, не познавший Слова Божия.

Девятилетняя дочка о. Василия учится в музыкальной школе. Церковный старенький «Москвичок» отвозит её в 9 утра и в 10 привозит. Рыжеволосая, проворная, смышлёная. И неугомонная хохотунья. «Ой, котёнок Пашку обосрал!» Среди худеньких и малорослых приютских детей она крупный барашек.

Отец мечтает, чтобы дочь выучила полонез Огинского. Вот уже целый месяц она дубасит по хрипучему фортепьяно, вымучивая такт за тактом.

На втором этаже, где живёт священник, – яблоки, печенье. На первом, где приют, – чай с вареньем. Тоже хорошо. В интернатах они варенья не видят.

Любовь Сергеевна К. была директором городского приюта. В 97-м году вокзал кишел беспризорниками. Власти под приют выделили больницу в 30 километрах от города, куда больных отправляли умирать. Но и для этой цели она стала непригодна: крыша течёт, крысы, тараканы, вонь. Оконные рамы вываливаются, плита разорена, один котёл протекает. Но зато конь на конюшне, белый, как в «Педагогической поэме» у Макаренко.

Побелили, подновили, зашпаклевали, где могли, санэпидстанция бесплатно уморила ненужную живность, а то ведь страшно было по пищеблоку пройти – такие лошади носятся. Обратились к горожанам за помощью; кто матрасы принёс, кто мебель, посуду, бельё кой-какое. Ребят брали с улицы, с вокзала. Сначала шесть человек, а потом уж под завязку – сорок. Какие дети? Обыкновенные, беспризорные: чесотка, вши; курят, дышат, пьют. В школу, разумеется, не ходили; месяц приучали их спать без одежды и умываться по утрам. Целый день мог такой герой, вытаращив глаза, сидеть у телевизора. Никто из них не знал своих дней рождения. Устраивали им праздники. Покупали точно тот подарок, о котором каждый мечтал. Вскопали огород, завели двух коров. Ребята научились доить. Рядом пруд – рыбалка, грибы.

Постепенно стали забывать свои прежние впечатления. А то ведь как – нанюхается клею, глядит в зеркало, а там вместо головы чайник, повернётся в другую сторону – полчайника.

И вдруг распоряжение: перевести всех в интернат. Первое время убегали из интерната, кто к ней домой, кто куда глаза глядят. А один написал письмо: хочу повеситься. В интернате зайдёшь в комнату – все на одно лицо. А в приюте – все разные.

Директор интерната – женщина современная, модная причёска, высокие каблуки. К самому Путину пробилась, теперь её уже не поkritикуешь, местная власть за неё. Не стесняется открыто сказать: «Да, я стерва, а доброта – это удел слабых».

Гуманитарка шла с Запада, контейнеры с продуктами, вещами. Оборвалось, когда пристрелили председателя соцзащиты. А тут как раз и детей в интернат замели...

Любовь Сергеевна – прихожанка отца Василия. Она-то и вдохновила его на создание приюта. Но сама уже работать не может, что-то оборвалось в душе. Как вспомнит о своих – и в слёзы...

– У меня завтра день рождения, – объявил мне Валька чуть застенчиво.

Пошли с ним в магазин, купили большой электрический фонарик, пирожных, бананов. Возле магазина – аквариум с игрушками и магнитной удочкой. Вложишь двухрублёвую монетку и за минуту должен подвести удочку к игрушке и цапнуть её магнитными крючьями. Счастливицам удаётся подцепить. Вальке не удалось, хотя пытался пять раз. К бананам и пирожным он не прикоснулся, отложил на завтра, чтобы со всеми ребятами, за ужином... Крохоборство им не свойственно. Как-то, гуляя с Мишкой, я купил ему крупную грейпфрутину. Хотел очистить, но Мишка задумчиво остановил: «Не, я со всеми поделюсь...»

– Где лучше, в интернате или в приюте? – спросил я у Вальки.

– Не сравнить, в приюте, конечно. Там нас лупили резиновыми дубинками.

– За что?

– А за всякое. Травы наедемся, щавеля или одуванчиков. От одуванчиков язык жёлтый. Они: «Открой рот, высуну язык» – и дубинкой.

У Вальки тринадцать братьев и сестёр.

– Как зовут тех, что помладше тебя?

– Не знаю. Мне было два года, когда из дома забрали.

Завтра ему исполнится 12.

Матери он не помнит, сюда она ни разу не приезжала.

Приезжала однажды старшая сестрёнка.

У него олигофренный вид, оттопыренные уши. Но речь, реакция – нормальные, хотя отстаёт в учёбе и два года сидел в одном классе. Переболел краснухой. Являя недетскую осведомлённость, сказал: «У меня гепатит – один. Остался гепатит “Б” и “Ц” и – всё, и помирать».

Матушка Ирина. Всегда молчаливая. Весь день то на кухне, то в ванной со стиркой, то с утюгом в гостиной. Батюшка, если дома, – с книгой на диване и включённым телевизором. Она над гладильной доской, одним глазком взглядывая на экран. Стряпает она всегда с запасом, всегда кто-нибудь заявится со стороны. Я советую отцу Николаю: «Ей бы магнитофон и слушать проповеди, лекции, беседы, радиоспектакли – голова-то свободная». Он отмахнулся, мол, что ты со своими спектаклями, «она у меня акафисты любит».

О. Василий входит ко мне в комнату без стука: «Отдохните, А.И., что вы всё трудитесь! Вот я вам смешной случай расскажу. Исповедовался я раз у монаха в Загорской лавре. Тот спрашивает: "Телевизор смотришь?" – "Смотрю". – "Грех. Выброси. Телевизор – проводник бесовских происков". А я ему: "Но ведь и полезное показывает. Там, как по каналу, – поступают и дивные вещи, и непотребность всякая... А если ко мне человек приходит и говорит, что согрешил против седьмой заповеди, я ему что, детородный член посоветую отрубить?.."»

Лихоимство, рэкет, порнография, наркотики, повальное пьянство... Обо всём этом о. Василий говорит с нескрываемым отчаянием. «Не понимаю, когда лучше: при коммунистах или сейчас? Всё перевернулось с ног на голову. Знать бы, что после них начнётся... Ведь не могли такое предположить!» Он действительно растерян. Но человек или катится вниз,

или растёт, изживая в себе страх. Священнику ли не помнить главный призыв Господа: «Не бойся, только веруй.» А он и не боится, он пашет, не жалея сил, распахивает свою, опутанную корнями и камнями поляну. Но порой ужаснётся, и оторопь охватывает...

Заболел Сеня. Тошнит и понос. В школе их кормят завтраком в 11 часов. Сегодня была котлета, с неё у Сени и началось. «В школе в этом году напасть какая-то, – говорит нянечка, – и желтуха, и краснуха, и перитонит. Один класс целую неделю на карантине, нашли кишечную палочку».

Дети побежали за марганцовкой к врачихе, что живёт в соседнем доме. У врачихи, медсестры, работающей в приюте, марганцовки не оказалось. Сама она только вымылась, только из ванной, прийти не может, сказала – звоните в скорую. Сеня тихий, держится за живот, смотрит в телевизор, где бьют и страшно убивают кого-то.

Прошёл час, «Скорой» нет. Нянька звонит снова. Ей отвечают: «Приедем, не помрёт ваш пацан».

Отец Василий рассвирепел, набирает номер: «Я найду на вас управу!!! Я знаю кому пожаловаться! Что это за врачи, что за ответ – не помрёт! А если помрёт?!»

Скорая примчалась через пять минут. Врач посмотрела на мальчика, спросила: «Градуcник у вас есть?» Своего не возят, чтобы не переносить заразу. Подержал Мишка градусник минуты три... «Как ты его держал? 35, 5...» – обращается к нему, как к нашкодившему. Батюшка предположил: «Но, может, у него слабость?» Распорядилась: «Собирайте кружку, миску, не тарелку, а миску, ложку, полотенце, туалетную бумагу, мыло». Поместилось всё в целлофановом пакете. Ребята высыпали гурьбой к машине. Перебивают друг друга: «До свиданья, Сенька, я завтра к тебе приду, и я с тобой, и я тоже».

С батюшкой перед сном все вместе помолились о Сене, чтобы Господь его не оставил.

«А над всем этим срамом та церковь была – как невеста...»

Она стоит на холме – белая, окрылённая кокошниками и золотыми куполами. А у подножия холма сверкает ядовитыми красками помойка. Битое стекло, консервные банки, рвань и клочья полиэтиленовой цивилизации. Как над Геенной огненной, над ней курится дымок. Бумажная субстанция сгорает, остаётся осколочная нетленная. Собаки что-то ещё съедобное находят здесь. При виде человека испуганно отбегают, учуяв в нём сильного конкурента.

По этим кучам горожане пробили тропки, обойти их невозможно: справа река, слева крутой, зачернённый свежей гарью, склон соборного холма. Вчера здесь наши приютские ребятишки атаковали двух девушек. «Перестаньте, ребята, зачем вы их дразните?» – вмешался я. «А они матом ругаются!» Стоя на мусорной обожжённой куче, в дым пьяные, девушки отвечали им забористой бранью. А одна, задрав юбку и повернувшись спиной, показала им то, что вызвало у них щенячий восторг, а не должное посрамление.

И рядом храм – контрастно и высоко. Сонмы галок облепили кресты, золотые купола, купы деревьев вокруг. Но вот с клёкотом и гвалтом снялись и двинулись на закат. «Широк и красен галочий закат» – неувядаемая строка Павла Васильева.

Что-то символическое есть в этом видимом контрасте: грязь и вонь внизу и белизна вознесения. Символическое, потому что такого резкого разграничения не бывает там, где приземлился Святой дух. Белый лебедь выжжен изнутри. Существует сокровенная связь между состоянием Церкви и жизнью вокруг.

Отцу Крискентию 26 лет. Он хорошо знает западный обряд и склонен кое-какие детали из него употребить в своей практике, в обряде восточном. Например, в Рождественские

дни, устроив большой вертеп* посреди храма, вынес туда престол. И служил обедни под лапником – посреди храма.

О. Василий этому не препятствует и говорит, что нужно постепенно, исподволь приучать людей к обновлённым формам богослужения. Но очень осторожно... А то тебя выберут собакой для битья, начнут дубасить и всем показывать. «Но вообще, пока не произойдёт административной реформы, об изменениях в РПЦ и мечтать не приходится. Западная и Восточная церкви – сёстры. Они должны примириться и взаимодействовать, как до разделения в 1054 году, когда авторитет Папы ещё признавался. Сближение церквей неминуемо должно произойти. И на это нужно сегодня работать, как на общее дело».

Однако общему делу часто мешают начальственные амбиции, к которым православный батюшка привержен, так сказать, по определению. Особенно, если вокруг царит невежество и суеверие. Всё даёт ему основание чувствовать себя Стефаном Пермским среди несчастных зырян.

О. Крискентий из таких. Он действительно хорошо образован и на всё имеет своё окончательное мнение. Недавно побывал на Украине, заглянул к униатам на богослужение. «Страшно слушать обедню на современном украинском. – говорит он – Я зашёл, поклончик отбил святому, и всё, и до свидания».

Вечером молитва с детьми. Двое-трое стоят молча, слушают, остальные строят рожи, прыскают смехом. Я молился своими словами, благодарил за прожитый день, за Сеню, которого скоро выпишут из больницы.

– Молятся дети перед сном? – спросил я ночную няню.

– Крестятся, подходят к иконе.

Молиться и креститься давно уже стало синонимом в русском языке. Научить их барабанить Псалтирь – это дело, а молиться по-настоящему – это что-то инородное, протестантское.

* *Вертен* – игрушечное изображение пещеры, в которой родился младенец Христос.

Священник-монах был дотошен, исповедуя женщин. Кающихся в грехе против седьмой заповеди, расспрашивал в подробностях: как и сколько, и каким способом? Тогда женщины из прихода пожаловались настоятелю. Любознательного монаха перевели на другой приход. Как будто там греховодниц меньше.

А другая грешила, каялась, но одного греха не могла себе простить и повторяла его на каждой исповеди. Согрешила она однажды на ... столе. А стол в народном сознании – святое место. Правда, есть пословица, которая говорит об относительной святости этого места: «Хлеб на стол – стол престол, хлеб со стола – стол скамья».

Было при большевиках, в хрущёвские времена. Женщина кается на исповеди: «Ворую, батюшка». Духовник ей отвечает: «Воруй, но только с Церковью делись. Церковь-то вся обворована до нитки».

Одна Боголюбивая прихожанка наутро после Пасхальной ночи метёт каменные ступеньки и поёт: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ...» Из соседнего дома выходит учитель математики и, направляясь мимо церкви в школу, говорит: «Мария Лукинична, ты какие-то буржуазные песни поёшь». А она после «Христос воскрес» обернулась к нему и припечатала: «Пошёл на ...» И, не разгибаясь, в том же пасхальном мажоре продолжала: «... из мертвых, смертью смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав!»

– Отец Василий, как вы относитесь к смертной казни? – спрашивает о. Крискентий.

– Плохо, считаю, что её не должно быть.

– В Евангелии нет этого «не должно».

– А «не убий?» Только Податель жизни может отобрать

жизнь. К тому же, наше судопроизводство несовершенно и сплошь и рядом карает невинно осужденных.

– А я считаю, изуверов, которые не просто убивают, а при этом издеваются над жертвой, надо уничтожать. Чикатил всяких.

– Изолировать надёжно от людей – вот кара, которую они заслужили. Пусть подумают и помучаются. Мука совести – настоящая казнь.

– Да у них нет совести.

– Может быть, пробудится в изоляции. Есть примеры. Государство существует, чтобы защищать жизнь, а не отбивать.

– Но ведь у нас варварское государство. Я голосовать не хожу ни за одного правителя – ни верховного, ни районного. Смертной казнью оно и должно защищаться от убийц.

– Это не гарантирует защиты.

– Звери боятся смерти. Одного убийцу казнили, так у него изо всех дыр потекло – и спереди, и сзади.

– Он не смерти боится, а боли. Он не дорожит жизнью, не понимает её назначения. Ни в грош не ставит – ни чужую, ни свою. К своей у него шкурническое отношение. Он бережёт шкуру, а не самое существо, уж не знаю, как назвать, душу, что ли...

– Вот возьмите, Садам Хусейн. Да, он диктатор. Но в Ираке нет такой преступности, как у нас. Отцы рассказывают, кто там был, ночью можно спокойно гулять по улицам.

– Спокойствие по ночам, если это действительно так, есть следствие террора, которым он задавил народ.

– А разве Америка его не терроризирует? Обрела население на голод, наложила эмбарго.

– На голод обрёл население диктатор.

– Нет, я всё же за то, чтобы изуверов уничтожать.

– Так делать вам советовал Христос? Поставьте себя на место Христа... Разбойник, распятый рядом с Христом, глубоко раскаялся. Глубину его раскаяния почувствовал Христос и простил его. Только Христос и может оценить степень на-

шего падения и покаяния. И он даровал бывшему разбойнику вечную жизнь. Смертная казнь отбирает у человека надежду на раскаяние...

Но отец Крискентий его уже не слушал.

Отец Сергей, молодой батюшка, который исповедует прихожан подолгу, учится в семинарии заочно. Он закончил радиотехнический институт. А вначале поступал в ленинградское военное училище. Сдал экзамены на пятёрки, историю на четыре. Но не сомневался, что поступит: балл проходной. Но... фамилия Фридман – не прошёл по конкурсу.

После института работал на заводе: хорошая должность, приличный оклад. В праздничных попойках дружного рабочего коллектива он не участвовал. При вступлении в должность – мужикам авоську водки, а сам – «нет, не пью, не хочется». Они в дискотеку, а он в церковь. «Мне там интересно и хорошо». Товарищи не понимали: «Ты что, больной?»

Он с матушкой, учительницей литературы, готовит программу православной воскресной школы. Отец Василий его поторапливает: «Давай, давай, чтобы детки мои к духовной азбуке приобщались. А то в Церковь бегают, а спроси, что значит Евангелие, никто не ответит. У меня руки не доходят, может, ты за них возьмёшься?» Отец Сергей именно к этому и готовится. Только живёт он в деревне, до храма добирается с пересадкой, на двух автобусах. И детишек у него самого четверо.

А о. Крискентий в этом начинании не поддерживает коллег. Он редко с чем соглашается, держит круговую оборону:

– Воскресные школы? Пустое это, одна показуха. Мы ему в школе одно: не ешь мяса! А мать ему дома: брось попа слушать, жри, чего дают! Эти школы – пустая трата времени. Вот когда их отцы и матери помрут, вот тогда можно что-то де-

лать, и то навряд ли. Несколько поколений сменится, пока в России услышат проповедь Христа. А сейчас – как в решето.

И уже возмущается, как начальник, которому подчинённый смеет перечить:

– Ну, назовите мне хоть одну воскресную школу!

– Назову десяток, да вы всё равно не поверите, – отвечаю ему.

– Я ни одной не видел!

– А как вы увидите, не желая видеть, имея предубеждение?!

– Девяносто раз нашей бабке говоришь, что со священником на улице надо здороваться, а лучше подойти под благословение. А всё напрасно, не подойдёт, хоть кол теши...

– А вы потерпите, сто раз напомните доброжелательно, глядишь одну прихожанку и приобщите к церковному благочестию.

– Зачем мне столько времени тратить на одну старуху, если у меня десятки студентов. Я преподаю в колледже религиоведение и культурологию. Вот моя воскресная школа.

Всезнающая улыбочка, пухлые губки.

Витька провинился. Под горой сидели мужики, распивали бутылку. Витька набрал камней и... одному попал в голову. Ребятишки были рядом. Таким способом они хотели проучить мужиков, чтобы не выпивали у святых мест, под самым храмом. Мужики вскочили и – за пацанами. Все убежали, а Мишка не успел. Мужик схватил его за волосы и поднял над обрывом, как зайчишку. На крик выбежала воспитательница, отбила Мишку. Это она их так «воспитывает», оставляя на весь день без пригляда, сама же на кухне гоняет чай и смотрит телевизор.

Витьку поставили в угол до самой ночи. Не был допущен и на чтение «Томасины».

Сельский батюшка, запойный, говорил: «Не может быть, чтобы Господь меня не простил, я ведь родился и жил в России».

Игумен Св-го монастыря, что стоит неподалёку от города – весёлый молодой монах. Улыбается: «Монах должен быть весёлым». Грузноватый, ходит быстро, вдавливая шаги в землю.

У него крепкое подсобное хозяйство. Сеют огород, картошку, держат свиней, коров. На дворе разобранный трактор. Рабочий жалуется игумену:

- Вчера Николай хотел трактор наладить, вала нет...
- Куда ж делся? – строго спросил священник.
- А я не знаю, вчера Николай глянул, а вал утёк...
- Ищите. Я за это буду наказывать строго, – предупредил игумен и пошёл к машине, не попрощавшись.

Послушники в монастыре. Николаю лет 27-30, родом из Узбекистана. Кочует по святым местам. Потоптался в Питере, на подворье Оптиной пустыни. Сюда прикочевал из Пскова. Говорун, мелет, не умолкает. «Плохо там, где денег нет. Я хочу постригаться, но только не в этом монастыре». Сидит на кухне, щёлкает грецкие орехи. Мать Дионисия на него сердито реагирует: «Завтрак с 7.30 до 8.00, а сейчас 9, а ты всё лясы точишь». Зато он на неё не реагирует нисколько: «Каждый игумен хочет, чтобы у него было больше монахов, тогда его повысят, сделают архимандритом, потом епископом, архиепископом, потом митрополитом, а там и Патриархом. А какой солдат не хочет стать генералом?

В семинарию легче поступать из монастыря. Игумен характеристику напишет... Иной учился в школе плохо, ему конкурс не выдержать, а характеристика поможет... Игумен ведь думает, что он по договорённости в монастырь вернётся и станет монахом. Потому за него и хлопочет. А он кончит семинарию, женится и – на приход, а игумену скажет: не могу монашеский крест нести, не по силам. А я в семинарию не хочу, сразу буду постригаться, только вот не знаю где».

Утро. Туалет на улице, умывальник в кухне. В единственной раковине уже моют посуду, чистят картошку. Я вышел с зубной пастой и мылом на крылечко. По случаю воскресенья обедня поздняя, но послушник Николай завтракает, к обеду, значит, не пойдёт. Разогрел макароны и наворачивает их с белым хлебом. Послушник Дима расставляет в трапезной тарелки.

Монастырский колокол, как било по рельсу, – звучит одиноко, покорно, упрямо.

Диме лет 25... Был дважды оперирован: вырезали поджелудочную и прокалывали лёгкое, поддували... Вид у него удрученный. «Я на рынке работал, торговал мясом. Менты присасываются: мяса дай, фарша дай... А фаршем торговать на рынке нельзя, только в магазине, неизвестно, из чего ты фарш накрутил. Дашь ему долю, отстанет. А там второй подойдёт, третий... Себе в убыток торговать. С рэкетом иметь дело надёжней. Отстёгиваешь бандитам твёрдую сумму, стоишь спокойно, они тебя и от ментов отмажут, и от других волков.»

– Нас здесь колдуны одолели. Приходят в храм, ворожат, свои молитвы сатане творят.

– Зачем же ему в храм для этого идти? Он может и в домашнем углу, и в сарае покудесить...

– А благодать чью-то забрать? Он знает, что попадёт в ад, и мстит за это.

Николай слушает, доскрёбывая на сковородке.

Отец Амвросий. Худой, пушистая борода с проседью в два белых ручья. Глаза навывкате, нос крючком. Улыбка, как и у отца игумена, не сходит с лица.

На полунощницу (ночную молитву) спешат в храм малой стайкой – отец Амвросий, ребята-послушники и один инок. Читают молитву уставом, быстро-быстро: тропари, псалмы, «Верую», «Отче наш» – мелким стежком шьют, как на швейной машинке. Отстрочат – и скорей досыпать в свои кельи, низкие клетушки, разделённые фанерными перегородками.

Окна келий обращены за пределы монастыря и забраны чугунными решётками. Сквозь решётку видна струйка реки, подалее овраг с оползнями помойки, справа шумное шоссе.

Истрепалась лента на моей пишущей машинке. В здешних канцтоварах – «Гвоздике» и «Дуняше» – ленты не оказалось. Пришлось ехать в Пермь. На шоссе часты аварии. С Запада идут большие грузы. Водители опасаясь рэкеты и милиции, стараются реже останавливаться и – засыпают за баранкой. На 200 километров пути обязательно одна фура валяется на боку.

Вот и сейчас что-то там произошло впереди. Наш автобус притормозил и тихо проехал мимо стада разбросанных машин, среди которых высились, как слоны, дальнобойные фургоны. В морду одного вопил «Жигуль». Морде ничего, а «Жигуль» – всмятку. Руль вплюснут в грудь водителя. Сосед слева показывает малютке сыну: «Смотри, смотри, труп там сидит».

А женщина справа ни на миг не оторвалась от книжки, от детектива «Королева сыска». В очках, хрупенькая, ярко накрашенный рот, читает взасос. При ней тяжеленный рюкзак и сумки, я помог их пристроить в проходе. «К невольнику еду, к сыну. В исправительную колонию. Торговал наркотиками. Как посадили – жена ушла, забрала внучку, подала на развод. А он не знает, узнает – повесится».

– Голодно в зоне?

– Нет, наел ряшку. У них там туризм, секция. Мускулы, как брёвны.

Глянула в окно невидящими глазами и – опять в книжку.

Бабули в деревне сами читают на храмовой службе: канон, акафисты к причастию, кафизму, одну главу Евангелия и две главы Апостола. Раньше священника не было, они читали по домам, вот и научились.

О. Василий отслужил обедню, сказал проповедь о грехе сквернословия, потом отслужил молебен, потом панихиду. Часам к трём кончил. Подходит к нему прихожанка и участливо и жалея говорит ему: «Батюшка, пойдём ко мне обедать и чай пить, а то ты, поди, умудохалси».

Он смешно передразнивает старушечий лепет: «Батюшка, благослови, батюшка, благослови. По любому поводу, чихнуть тоже: батюшка, благослови... А я однажды не вытерпел. На что, говорю, тебе голова дана: для шапки, для платка?»

Они, как дети, старухи. Я исповедуюсь у отца Наума, в Загорске, а одна смиренница пристроилась подслушивать, ухо выставила. Я её за воротник – ты куда?!»

О. Василий – натура широкая и открытая. Может быть, и есть в нём хитринка, но как у сынов мира сего, что догадливей сынов света, о которых говорится в Евангелии. С паствой строг, потому что видит великую, неодолимую силу косности, которой завален современный человек, особенно в провинции. Бывает и яростен, но – отходчив.

– Вы, А.И., в армии служили?

– Нет. Закошил.

– Правильно сделали. И я своего сына не пущу. Взятку дам военкому или похлопочу через владыку; сегодняшняя армия – зло. Не в пример той, когда я служил.

Мы листаем большой альбом с фотографиями, где он запечатлён во всех видах. Вот благословляет солдатиков срочной службы перед отправкой в Чечню. Вот благословляет лётчиков туда же, кропит святой водой. Я не удерживаюсь:

– Армия – зло. А благословлять приходится...

Он уязвлён:

– Я вообще против присоединения Чечни. Отдать бы её давно и укрепить границы. Тогда бы весь Кавказ взвыл, и Грузия первая. Но если они шевельнулись, давить до последнего, я согласен с Путиным. Правозащитники орут: чеченцы страдают, чеченцы

гибнут. А что же они про русских не говорят? Их чеченцы за людей не считают, носы, уши им отрезают, в ямах держат. Нет, я не баптист какой-нибудь, для меня защита отечества – дело святое!

– Так ведь это гражданская война, а не отечественная!

– Наши парни гибнут! Чеченцы – бандиты, значит, надо кончать с ними военным методом.

Распалается сильнее и сильнее...

– Америка навязывает свою волю! Зачем они Белград бомбили?! Милошевич негодяй, а народ при чём? Найдите другие способы справиться с Милошевичем!

– Все способы были исчерпаны!

– Зачем американцы в Ирак лезут! Чего им там нужно!

Уже запальчиво, на крике, глаза круглые:

– Зачем бомбили сербов на Пасху, а на бомбах были надписи «Христос Воскрес»!

– Ну, это явная брехня, достойная веры отца Варсонофия. Уж не один ли вы с ним журнал читаете «Сербский крест»?

Через минуту он уже успокоился, может, о чём-то и пожалел, о чём кричал в запале. Я примирительно:

– В человеке понамешано... И ангельское, и дьявольское, и ложное, и истинное. Широкий русский человек...

– Вот, вот, я такой.

Он такой... А ведь он из лучших пастырей, – «делателей», как сказано в Евангелии, которых всегда мало при изобильной жатве...

Сидит на лавке, сторбился. По правую сторону – собака Линда, по левую кот Котофей Иванович. Все три одной породы – крупные, большеголовые.

– При коммунистах всё было понятно: враг, свой. А сейчас я ничего не понимаю, каша в башке. Но знаю точно, сердцем чую: если мы будем, как Лев Толстой, всех и всё жалеть, то по-русски говоря, России п..., конец!

Несколько фотографий с местными казачками: хоругви, кресты, разбойничьи морды. О. Василий заметил моё недоумение:

– Да что вы на них внимание обращаете! Это ж клуб, их мало, и то меж собой перегрызлись. Они опасности не представляют. Я с ними за границу съездил, Германию повидал. Клуб, собираются по интересам, как шахматисты.

А я думаю – знает ли кто-нибудь, сколько у этих шахматистов припрятано оружия?..

Ещё фотография: вырытая могила, солидная публика, рядный гроб...

– Я на похоронах от стола всегда отказываюсь. Выпьешь рюмку, скажут – поп пьяница. Не выпьешь – гордец, зазнайка, нами брезгует.

– А эту фотографию мне подарил Паша, шофёр наш. В молодости он работал фотокором в газете. При Хрущёве кукурузу заставляли сеять аж на северном полюсе. А в наших краях – обязательно. Он снял председателя колхоза на кукурузном поле. Одна голова торчит. А на самом-то деле председатель на коленях стоял.

– А это моя Бурёнка. Я до прошлого года держал корову. Утром выведешь, на штырь привяжешь, пасти некому, а мальчишки (не мои, конечно) выдернут штырь, она и пойдёт бродить по всему городу. Очень любила у памятника Ленину пастись, на клумбе. Тут её и сфотографировали.

Витька спит отдельно, как проснётся, тащит свой матрац на улицу, закидывает на забор. К нему сегодня приходила мамка. Модное красное пальто с высоким воротником. Рядом кавалер – в кепке, похожий на тракториста. «Витька, к тебе», – кричат ребятишки. Витька получает гостинец – двухлитровую бутылку «Фанты», а тракторист протягивает ему бумажную денежку. Витька стоит перед ними минут десять – руки в карманы, нога за ногу. Уходит, придерживая на плече бутылку, будто полено.

Мать живёт в городе, но её, алкогольчку, лишили материнских прав. Отца он никогда не видел. На денежку он купит брикет вермишели с острой приправой. Дети любят этот

полуфабрикат, в котором, наверное, есть, недостающий в их организме, витамин. Острая специя придаёт вкуса и запаха, дети заливают брикет кипятком, накрывают тарелкой, принохиваются к распаренной вермишели и вкушают её и до, и после еды, как изысканное лакомство.

Наверняка Витька купит не один брикет, наверняка осчастливит кого-нибудь.

Среди ночных нянь есть одна хлопотливая и добрейшая. Когда не дежурит, берёт к себе домой по очереди каждого из ребяташек: «Помыться и подкормить. У меня комната большая».

На ужин у них сегодня пустые макароны. Подмаслить нечем, повариха добавляет в тарелку две-три капельки майонеза на кончике ножа. стакан молока с хлебом и борщ, оставшийся с обеда, – кто хочет. Набегавшись за день, мальчишки метут макароны со свистом. Витька расщедрился, купил четыре брикета, и сейчас они поделены на восемь частей.

«Томасину» сегодня слушают невнимательно. Разглядывают картинки журнала, спортивную игру. Вовка посапывает, обернув голову занавеской. Максим спит в объятиях зайца. Остальные, хоть и слушают, но вполуха: шуршат бумагой, лезут под стол, громко хлебают чай, притараненный из кухни, выталкивают друг дружку со скамейки. Внимателен и неподвижен один Мишка.

О. Василий выдаёт им иногда на воскресенье по десять рублей.

Идём с Валькой на почту, он хрупает яблоком и заедает мороженым. «Моя мама ещё молодая, ей только 36 лет. Она раньше пила, а теперь закодировалась».

Повариха орёт в форточку: «Давай руки мыть и обедать!» Ребята мгновенно бросают мяч, мчатся в столовую. На обед

им полагается по два куска селёдки. У Витьки в тарелке один. «А второй?» – обижается Витька. – «Я тебе два дала!» Витька ворошит пальцем жареную картошку в тарелке, показывает один кусок: «Где два-то?..»

Большой туалет на территории храма о. Василий велел снести: «Всех не ублажишь». Оставил один, в храме, о котором прихожане знают. Но в праздник много пришлых людей. Одна бабонька, не найдя отхожего места, залезла в нишу под папертью, справила, что надо, выбралась оттуда и, задрав голову к куполам, решительно и широко перекрестилась. Видать, верующая. Но природа своё берёт: земле – земное.

Возвращается из магазина гружённая сумками Ирина Лукинична. Батюшка отдыхает на лавочке, только что посадил с детьми 15 кустов сирени. «Я люблю деревья сажать». Увидел супругу, поспешил навстречу, взял тяжёлые сумки.

Деревья у самой кручи обнесены тесовой оградой. Зимой мальчишки взбираются на гору, обязательно ухватятся за дерево – все деревья к весне бывали поломаны. Потому и защитил их крепким тёсом о. Василий – грубовато, зато надёжно. Пусть потерпят, пока не выросли, – неотёсанность надёжной защиты. А посажены на краю, чтобы склон удержат. Метров десять осталось до церковных стен...

За речкой, на заливном лугу, мужик копает обводную канавку вокруг своего огорода. На моё «здравствуйте» кивнул головой.

– Можно посоветоваться? Дом хочу здесь купить, – сказал я первое, что пришло в голову.

– Не, здесь никто не продаст. Два продажных были. Один сгорел, а другой продали, потому что сын утонул. Их новые русские купили, вишь, хоромы выстроили.

– Где ж тут утонуть, речка махонькая?

– Правильно, по яйца. Пацан нырнул с берега и не вынырнул. «Скорая» приехала сразу. Врачиха начала ему массаж делать, грудь качать, устала. Я говорю, уже синева сходит, уже через рот вода пошла. А она мне: «Качай, если хочешь». Мужики, кто был, разошлись, я давай ему на грудь давить, а никого больше нет, качал, качал... я ж не трактор... Ну и всё, труп.

– Как же купаться в такой грязи? Ручей вонючий...

– Повыше можно. А ручей – это с дворянского гнезда. Район есть такой, там шишки живут, у них квартиры большие.

– И сюда, значит, спускают?

– Поставили чистилку, кабину, да она ни фига не того... всё их добро в речку плывёт.

Мы раньше на этом лугу цветы собирали, загорали, детишки уроки готовили... А ручей пустили, весь луг заболотили и загадили. Писали и в газеты, и в райисполком – без толку.

– А почему за водой на колонку ходят? В гору и далеко...

– У нас был хороший колодец. Мы с Николаем-покойником его каждый год чистили. На бабки Анфисином огороде. Очистим до доньшка, он внизу белым камнем выложен, два кольца высотой, вода изумрудная, родниковая. А как бабка померла, забор повалили, ребяташки кто чего: и ссут туда, и бутылки, и стаканы бросают, и падаль всякую – собак с кошками. Нет, здесь ничего под дом не найдёте, ступайте на Розу Люксембург, или на Клару Цеткин, там поищите.

Я, желая продлить разговор и глядя на гору, где парит белый лебедь – собор, говорю:

– Церковь у вас красивая...

– Хорошая. Василий – священник.

– Вы ходите?

– Не, я не хожу. А до Василия был Игнатий, тот ко мне заживал. У меня дерево росло раскидистое – тень, прохладно. Придут с друзьями, выпьют бутылочку и мне сто пятьдесят нальют. И разойдутся.

– Вы, А.И., за Андрея Сахарова, а я Солженицына очень люблю.

– Они друг другу не противостоят, одно дело делали. Но Солженицын заблудился, прожив 20 лет в Вермонте, оторвался от России. Хотя именно этого и опасался, даже язык английский не учил, чтобы ни единым звуком не участвовать в канадской жизни. Она, его приютившая, его нисколько не интересовала. Сосланный Овидий не только выучил варварский язык, но и писал на нём стихи. Современный Овидий интересуется только Римом, своим Третьим Римом. Он возлагает надежды на самоуправление, на возрождённое земство. Это ли не слепота!

– Слепота, слепота, – откликается священник, хорошо знающий, сколько ещё нашему народу созреть до самоуправления.

Один из таких самоуправленцев, уже принявший с утра, шатаясь, подходит к о. Василию под благословение. Наклонил голову, сдвинул ладошки пирожком. О. Василий начертал в воздухе крестное знамение и этим ограничился. У него правило: на улице руку для целования не подавать. Мало кто понимает, что целуют руку священника, державшую чашу со Святыми Дарами. Обряд теряет sacramентальный смысл, подсовывая рабелепный.

На дверях собора объявление: «Свечи, приобретённые вне храма, в нашем храме использовать категорически запрещается».

Стережёт отец настоятель свою копейку. А копейка рупь стережёт. Коннозаводчик в прошлом месяце не дал на приют ни рубля. Какие-то у него с властями сложности... Пришлось выкраивать из приходских достатков. А какие достатки, если еле-еле покрыли годовой взнос на епархиальные нужды.

Директор местного завода дружит с настоятелем. Деятельный, умный, он быстро перестроился: вместо военной продукции теперь гонит деревообрабатывающие станки. По сходной цене, меньшей, чем на мировом рынке, у него их берут китайцы. Очередную группу заказчиков директор привозит на экскурсию в собор. Внимательные китайцы узнают много нового, например, что хорошую слышимость в православном соборе поддерживают вмурованные в стены глиняные горшки (священник непременно прорычит троекратное Аллилуйя), что юродивый Герасим при императрице Екатерине трижды ходил отсюда в Москву – босиком; что икона «Утоли мои печали» привезена с родины Петрова-Водкина. Кто такие Екатерина, Петров-Водкин и что это за икона «Утоли мои печали» китайцы должны знать, если приезжают в Россию за станками... Отец Василий на подробностях не останавливается.

Однажды, при продаже очередной партии, на заводе не оказалось нужного масла, которое защищает металл от коррозии. Отец Василий уступил директору бочку лампадного.

Ещё один приход, пожалуй, самый дальний; полдня потратили на дорогу, а священника не застали. У отца Валерия нет телефона, предупредить бы... «Едешь к нему всегда наобум-Лазаря.» Только отъехали, шофёр Паша нарушил дорожное правило: не включил, выезжая на трассу, левый поворотник. Тут же нас остановил гаишник.

– Что, чеченский след ищите? – задал о.Василий вопрос, который блюститель порядка пропустил мимо ушей. Он повёл Пашу в будку платить штраф.

О. Василий заёрзал, оставленный без внимания.

– Шоссе пустое, за пустяк обдерут, как липку. Пойду с ними поругаюсь!

Вылез из машины, решительным шагом пересёк шоссе и скрылся в будке. Через минуту все высыпали на крыльцо.

О. Василий машет руками, как будто медведь отмахивается от пчёл. «Что, – говорит, – на надгробное покрывало себе собираете? Так я вас отпою по первому разряду». – «Всё, всё, батюшка, – залепетали они, – уважаем, уважаем». Вернули штраф 140 рублей. «А у Паши вся зарплата тысяча», – подвёл итог уже остывший батюшка.

Отец Валерий живёт у самого кладбища. Калитка заперта, за оградой твякает Тузик. Отворили ворота, подпёртые колышком.

Может, спит и не слышит... Тузик беснуется, о. Василий грозно нагнулся за палкой, Тузик убрался под дом. На двери висячий замок.

Кладбищенская церковь тоже на замке. Хозяйственный глаз благочинного увидел в этом непорядок. «Это же сплошное саморазорение – запирают на день кладбищенскую церковь. Посёлок большой, девять тысяч человек. Каждый, кто на кладбище придёт, обязательно свечку поставит».

Староста, молодая дородная женщина, живёт рядом, в низеньком домике об одном окошке.

– Батюшка в город укатил, за гвоздями, – и показала на сваленные у забора доски, – часовенку будем строить на Герасимовом ключе.

На кладбище особая тишина – умиротворённая, слепящая апрельская синь, инкрустирована вороньим граем.

Я обратил внимание на богатый памятник из чёрного мрамора, на юное прекрасное лицо...

– Это сын директора «Автосервиса», – объяснила женщина. – Единственный сын у него был, пятнадцатилетний. Проигрался в карты. А сумма – на хороший дом потянет. Просит отца: дай денег. А отец: выкручивайся, как хочешь, денег не дам. Он и повесился.

Утро. Дети гурьбой у телевизора. На экране – реклама. Они вылупились на тётю, которая рекламирует прокладки.

– Вы почему в школу не идёте?

– А у нас «Гармония», – отвечают они хором, не отлипая от берегов Анталии, от кокосовых пальм и пенящегося прибоя.

«Гармония» – так называется школьный урок, из которого они раз в неделю черпают представления о прекрасном. Что-то вроде нашего «Рисования», когда мы, если не прогуливали, то бегали по партам, играли в салочки на глазах у нашего учителя..

Мишка опять захандрил. Из школы приходит грустный. Отказывается от еды. Отец Василий знает причину: тоскует по дому. И всякий раз отвозит его повидаться с матерью.

– Поеду, жалко мальчика. Заодно наломаю можжевельника, там его море. Выстелить храм на Вербное, вместо пальмовых веток... Поедемьте с нами, А.И. Я вас в Коптелове оставляю, это по дороге. В Коптелове жила мать Евлампия, из которой сейчас упорно лепят святую – мимо Церкви, мимо архиерея, мимо местного почитания. Главный лепила – писатель Хренов. Непонятно, чего в нём больше – самообмана или явной корысти.

В деревне показаться со священником опасно: евлампиевцы и Церковь – враги. Кругом поля, дорога видна за километр, а из их дома, с холма, – и подальше. Чёрный «Москвич» благочинного хорошо знают. Поэтому, как только обозначился куполок церквушки, остановились и условились встретиться вечером здесь же, у вербного куста.

Поля, зарастающие бобьльником и крапивой, низкие, ползущие по горизонту тучи, скотный двор, зияющий пустыми глазницами, сельхозтехника, разбросанная там и сям, как подбитые вражеские танки, и – простор, простор, какого горожанин не видит годами.

Навстречу ни души, в деревне на улице – тоже. У кого спросить, где жила блаженная схимонахиня?.. Но – открыт магазин, столичный набор продуктов: бананы, французское шампанское. В углу белые столики, стулья, отдыхай культур-

но, читай объявления: « Купим натуральные волосы от 35 см до 3000 рублей; седые, крашенные от 45 см.». Я купил Мишке бананов.

– Как пройти к матушке, которая ухаживала за Евлампией? – спросил я у продавщицы, миловидной, опрятной девушки.

– А вон, от магазина дорога прямая, видите церковь? Там их дом.

У круглого высокого колодца кто-то возится с ведром, непонятно – мальчик, девочка?..

Священник, который был сюда поставлен на приход, сбегал, оставив матушке восьмерых детей и недостроенный трёхэтажный кирпичный дом. Детишки все, за исключением старшего, слабоумные, двое прикованы к постели: парализованы ножки. Из-за дощатой перегородки слышен растревоженный, наверное, моим появлением шепот. Русская печь, ящик с яблоками, кровать, на которой жила и умерла старлица Евлампия. Её одеяльце, её подушки, большая, в натуральную величину, фотография: Евлампия лежит на боку здесь, на этой кровати.

Сын священника Симеон, двадцатичетырёхлетний подросток, на вид лет 14, хозяйничает за мать, она уехала в город. Подносит паломнику два листа, на которых следует запечатлеть своё имя, профессию, место жительства, телефон и роспись. Один лист для правящего архиерея, второй для московской патриархии, – как свидетельство, что Евлампию православный народ почитает и требует канонизации.

Я купил книжечку с её жизнеописанием, кассету с её голосом и тем, наверное, расположил к себе Симеона. Смысл его откровений наивен и давно известен. Антихрист при дверях, скоро будет одно правительство, один князь – антихрист. Родом из Америки, а править будет из Иерусалима. Ему уж там и храм приготовлен.

Храм Христа Спасителя в Москве – еврейский. Знакомый лётчик рассказывал, сверху видал, что на золоте куполов еврейские знаки, а под куполом (???) иероглифы, тоже еврейские. А рядом по-старославянски писано. Которые по-старо-

славянски, те видны. А иероглифы не всякому человеку доступно различить. От евреев всё зло пошло. Нельзя их было в Россию пускать. На мой вопрос об отце ответил равнодушно: «Отец нас оставил. А где он сейчас, не знаю» ...

Рядом с домом новая деревянная церковь, сложенная под старину. После сбежавшего священника сюда был назначен другой. Но другому якобы пригрозили по телефону: появишься в Коптелове, убьём. Он и не появляется. А отговаривается тем, что храм не достроен, полы надо перестилать, рабочие пьют без просыпу. О. Василий улыбается: «Убьём... Пугают! Служил бы, паломников тьма, весь бы доход в церковь шёл, а так этой Елене, которая за Евлампией ходила».

И действительно, место доходное. Из Екатеринбурга, из Перми на выходные приезжают автобусами паломники, «лопатники», как их называет соседка. «Понаедут с попами да с хорами, поют, аж волосы поднимаются – так хорошо».

Дочь её рассказывает: «Однажды в сенях я нашла белый платок, а через близкое время объявился первый покойник в нашей семье. Потом опять платок – и снова покойник. Мать собрала все платки и отнесла к Клавдии, а они оказалисьговоренные, заколдованные. После этого прекратилось, уж никто не умирал». – «А отец?» – не согласилась мать. – «Ну... Разве что отец...»

В деревне Евлампию зовут её мирским именем – Клавдией. И нельзя сказать, чтобы она удостоилась местного почитания. Священнодействуют в основном приезжие, горожане. Они и церковь строят, и Елену с больными детишками поддерживают, и могилку соблюдают. А в книжке, ими же сочинённой, такой наворот сусальной сказочности, суеверия и бесовских баталий, что святость матушки тонет в них, как бирюзовое колечко в болоте. Дом её, судя по жизнеописанию, кишмя кишел «хожалками» – колдуньями, тянущими деньгу и приношения из злчного места и пожирающими друг дружку. Может быть, и была схимонахиня Евлампия чистым Божиим сосудом, но автор книжки изрядно его замусорил и опоганил.

Вот лежит она, запечатлённая на раскрашенной фотографии, на боку, почти целиком уместившись на подушке. Скорбное, щемяще-покорное тельце, завернутое в апостольник и подрясник. Гладкое дряблое личико. Комковатый клубень под кустом мифотворчества.

Народ ищет святости по лесам и трущобам, потому что в церкви её не видит. Пустынничество, старчество – отсюда, от непонятных и непосильных церковных богослужений, от недоступного духовенства, от неслышания Слова Божия. Евлампия Евангелия не читала и паломникам не велела читать. Святая водичка (ею освящённая), молитвы Богородице и её совет – вот духовный арсенал, с которым уходили от неё страждущие.

Несчастливая Россия, веками заваленная суеверием и церковным самовластием.

Но – автобусы приезжают, документы, требующие канонизации, умножаются, церковь безмолвствует, да и слаба она что-либо возразить против вековых чаяний, воплощённых в убогой заступнице и целительнице.

Купил я у Симеона три свечи и пошагал по морозящему дождичку к деревенскому погосту. Дорожка к могиле выложена кафельными плитками. Под широким теремом тесовой крыши на четыре стороны выставлены четыре иконы. Горит лампада в железном ларце. Сырая прошлогодняя листва шуршит под ногами, прошла старушка с посошком, поздоровались. Позже я заглянул к ней в дом. Спрашиваю, нельзя ли чайку у неё попить, я за пряниками в магазин схожу. Она не сразу разобрала, а потом кивнула, согласилась. Путь мой туда и обратно, отогнув занавеску, проследила внимательным дозором. «А вы со мной?» – спросил я её дважды. – «Спасибо, только что пообедала».

В доме чисто, в углу маленькая, с детскую ладошку, бумажная иконка. А над дверью и в горнице над зеркальным шифоньером кричащие плакаты с рекламой жевательной резинки. «Stimorol – больше света во вкусе и дыханье» и «Dirol – жи-ви с улыбкой». Как не улыбнуться, видя такое украшение в

русской избе. Впрочем, и раньше плакаты висели в простенках, только с ликами вождей или с победными лозунгами.

Старуха оказалась глухой.

– С матушкой Евлампией доводилось встречаться? – кричу я в четвёртый раз.

– Строят, строят, кирпич возят, – показывает она в сторону деревянной церкви, где рядом сооружается дом для паломников. Судя по фундаменту, дом намного больше самого храма.

– Спасибо за чай, – встаю я из-за стола.

– А ты эти-то забери, – показывает она на вафли.

– Так это я вам...

– Забери, забери, – говорит она строго.

– Бойтесь, что отравленные?

– Не боюсь, ты их из магазина принёс, а все равно забери.

Не отравленные, значит, заговоренные, а с чего ей доверять незнакомому человеку...

Машина о. Василия уже маячила в условленном месте, когда я выходил из деревни. Влажный просёлок, набухающие почки, кустарники и деревья уже вовсю дышат и выстреливают первыми листиками, и навеванный отовсюду, разрывающий лёгкие душистый запах навозца.

Заднее сиденье в машине плотно забито мешками с можжевелником. Мишка сидит там, как в гнёздышке. У него заплаканное лицо, только что расстался с матерью, да, да, с той, при которой в недалёком прошлом кормился комбикормом на скотном дворе. Жили они в бывшем клубе, в кинобудке, где потеплее, потому что клуб давно разорён – без окон, без дверей. Они и сейчас там живут – мать с дочерью. Мать, доярка, вечно пьяная, дочь – вечно голодная. За домом, в пристройке, похожей на туалет, обретается отец матери. Тоже не просыхает. Семья... А сердце все равно к матери тянется.

Утром он не позавтракал, взволнованный предстоящей встречей. А обеда в родном доме наверняка не нашлось. «Поговеет, ничего страшного. Матушка нам кой-чего собрала», – успокоил меня отец Николай. Я протянул Мишке бананы. Он есть не стал, вечером поделил между всеми ребятами.

В дороге его стало укачивать, о. Василий открыл окошко и протянул – не надудо бы – ему свой берет.

Ребята пинали во дворе спущенный мяч.

А ну-ка, живо помогите шофёру, тащите можжевельник в сарай, – распорядился о. Василий, – и ты, Верка, чего выставилась! – прикрикнул на дочь.

– У меня уши болят, – оправдалась Верка.

– Уши? Тогда стой смотри.

Я хотел рассчитаться с матушкой Ириной – за её хлопоты, за её вкусные обеды... Скоро уезжать... Но она хмуро возразила:

– Вы нам ничего не должны, А.И. У нас, у православных, так не принято. Мы кормим без всякой задней мысли, без всякой платы.

– А что, я не могу поблагодарить гостеприимных хозяев?.. У меня тоже никаких задних мыслей, одни передние.

«У нас, у православных...» Не могли ли её (она из священнического рода) смутить мои экуменические взгляды, которые о. Василий разделяет только отчасти: «Православная и католическая церкви должны объединиться, точнее, сестрински признать друг друга... Но только благодатные Церкви. Прав отец Крискентий: протестанты благодать утратили. Экуменизм, но – очерченный».

– Завтра баня, помоемся последний раз, – вздохнул я.

– Ну уж, и последний, А.И.! Последний знаете когда будет? – и о. Василий сочно рассмеялся. – А меня мыть не положено. Переоденут, крестик помажут... Все туда придём... Только с чем?.. У всех разные грехи и заслуги.

Дети, замерев, слушают моё чтение о Томасине, о мальчике Питере, побывавшем в шкуре кота. Он оказался без роди-

телей, без дома, бродяжил, но полюбил своенравную кошку Дженни. Вся эта повесть о них – о таких же брошенных и одиноких.

Мать подарила Мишке Детскую Библию – с красочными картинками, изданную протестантами. Каким чудом залетела детская Библия в скорбную русскую глухомань? И как это мать не толкнула её за стакан? Берегла для сына, ждала случая... Мишка попросил сначала почитать из Библии. Так я и поступил, прочитав им главку о входе Иисуса в Иерусалим – о предстоящем празднике, а потом уже стал читать про кошек. Мишка слушал, листая Библию и рассматривая картинки. Дети замерли под одеялами. Один Витька устроился на полу, напротив меня, завернувшись в одеяло и, как шах, скрестив под собой ноги. Но через минуту замёрз и тоже забрался на кровать.

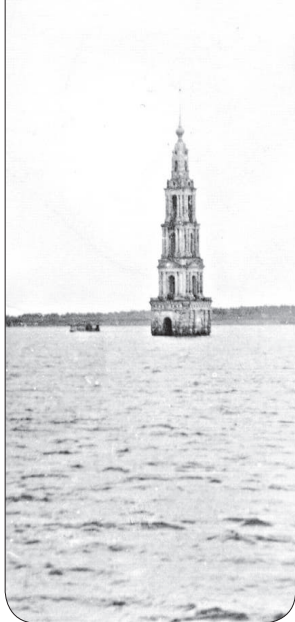
Беспрестанно, заглушая чтение, кашлял Максимка, грубо, по-взрослому, как в трубу. Хотя сам размером с котёнка. Я обратился к ночной няне: «Максимка кашляет». – «А я что могу! Я тоже кашляю. Я дала ему таблеток. Завтра врач придёт. Вызывали сегодня, не пришёл».

Кое-кто уже посапывал, когда пришёл о. Василий и предложил помолиться: «Давайте прочитаем молитву Ефрема Сирина и поблагодарим Бога за сегодняшний день, попросим у Него прощения, если в чём-то нарушили Его волю, попросим о Максимке, чтобы поскорее он вылечился от кашля и не заболел ещё хуже». «Да этот больной, – сердито пробурчал Вовка, – носится целый день незнамо где...»

Мишка протянул мне Библию: «Пусть она у вас будет. А завтра ещё почитаем».

Завтра, не простясь с ребятами, они были в школе, я внезапно уехал, получив телеграмму из дома: «Мама при смерти» ...

2003 год. Южный Урал

РАССКАЗЫ

Хозяйственный мужик

Сентябрь. Железнодорожная платформа. Лавочка. Ждём электричку. Мужик лет шестидесяти:

– А что бомжи? Никчемные люди, от них уже никакой пользы. Живут – другим мешают и себя мучают. Вырыть траншею, запихать их поплотней, как в воронку заключённых запихивают, ногой да коленом, чтоб под завязку. Упаковать всех, соляркой полить и поджечь. Хоть какая польза будет.

– Какая же польза от мёртвых?

– А пепел? Гитлер жёг людей, а пепел на поля. Во какая, – разводит руки, – капуста получалась.

– Так на всех не хватит солярки.

– Почему? Если, конечно, каждого поливать, не хватит. А если ров с километр, три тонны солярки вполне достаточно. Ров шириной два-три метра. Ну, сколько в километр поместится, тыщи три. По килограмму на человека выходит, а они там, как семечки в подсолнухе, – в момент вспыхнут. А так чего? Пользы никакой, а с ножиком за деревом стоит, или обкурится, тоже опасный, они ведь наркоманы дурные, чего хошь натворят.

На коленях у мужика бездомный кот. Он его ласково гладит, приговаривая: «Хозяина ищет». Кот пригрелся, подогнул лапки, мурлычет.

– Тоже бездомный. А их тоже на удобрение в ров? – спрашиваю мужика.

– Нет. Животных нельзя. Животное себя всегда прокормит. Случай был. Я сам из-под Кемерово. На охоту ездил в тайгу. Ночевал всегда у Егора, у пасечника, во мшанике, тепло. Приезжал к нему с бутылкой, а то и с двумя. Он водочку любил. Ты, говорит, медовуху жри, а я твоей приму. Советует мне раз: ты в ту сторону идёшь? Смотри, там рысь живёт, осторожней. Я километра не прошёл, гляжу: трава гнётся, летит. Я выстрелил, потом жаканом из второго ствола. Всё, трава не шелохнется. Подошёл, развёл стволами траву, вот такой котятра! Завернул его в лопухи, положил в рюкзак, рябчиков настрелял и вечером вернулся на пасеку. Егор глянул на рысь и ахнул: «Да это ж Демидов кот! Видишь, дом стоял? Демидов его хотел перевезти, раскатал, да так и бросил. Брёвна уж все погнили. Уехал, а кота оставил, не взял с собой». Дык он лет пять в тайге жил без людей, пока я его не снял.

Разговор перешёл на политические темы.

– Сейчас надо Жириновского, Зюганова и Тулеева поставить во главе. Тулеев, он хороший хозяйственник, он справится. А эти власть зажмут в кулак, вот тогда будет порядок. А бомжей в ров – и соляркой. Тулеев, думаю, меня поддержал бы. А Жириновский – точно.

Кормилица

В тамбуре старушка возится с тяжёлой кладью на колченогой тележке.

– Колесо отвалилось, – жалуется она, – о порожек задела ...

– Я помогу вам.

– Спасибо, милоч, я живу на Клементьевской, но мне до дому не дотащить, оставаю в кассах, где билеты продают. Если разрешат ...

Поклажа оказалась тяжёлой. Тележка об одном колесе, я думал, что справлюсь, но еле сволок на платформу...

Старушка споро подхватила тележку спереди, я – сзади, и потопали.

– Тяжёлая... Вам одной не донести...

– Неее... Я в кассе оставляю... И кого-нибудь из своих с тачкой пришлю.

– А что в ней?

– В тележке-то? Голова коровья. В Пушкине, на рынке, дядька дёшево продал, уже под закрытие.

– А вы одна живёте?

– Нет, нас пятеро. Двое внучков, сын и сноха. Сноха пьёт сильно, да и сын. Когда в командировке, он шофёр, не пьёт, а когда вернётся, пьют оба.

– Помогают хоть чем?

– Куда! С меня тянут. «Бабушка, дай! Бабушка, дай!» Вот голову им сварю. И себе останется, холодец, или там чего... И собака у меня большая...

«Имею право...»

Начало октября. До морозов надо бы управиться с печкой. Снести старую до фундамента и за счёт упразднённого камина увеличить теплоёмкость новой.

В двенадцатом часу – обещал в восемь – появился печник. Налегке, с неказистым инструментом – уровнем и двумя молоточками.

– Ты же говорил, что сетку принесёшь, песок просеивать, и домкрат...

– Не нашёл. А мы подождем.

– Что подождем, трубу?

– Ага.

Я представил, как он вагами, опираясь на балки, вывешивает трубу, а в ней, семиметровой, под две тонны весу. Но балки-то у меня, как жердочки, сотка брусочки...

– Подожживать трубу не будем, – сказал я определённо,

удивившись тому, что он собирается делать, не зная крепости опоры. Что-то в нём смутило меня... Едва заметная неточность движений...

– А ты, друг, под газом. Так не пойдёт. Мне такой работник не нужен.

– Заметно, да? У меня скоро выветрится, и начнём.

– Что начнём?

– Ломать.

Я заварил крепкого чая.

– Во-во, чайку, а я пойду покурю.

– Кури здесь.

– Нет, у вас иконы, пойду...

Более всего боюсь я пьющих работников. Первый, которого я нанял в помощники, когда строил дом, оказался запойным малым. Я уеду в Москву на неделю, а он без меня – квасить и, конечно, портачит. Что я обнаружил не сразу. Потолок, например, так «утеплил», что в ноябре уже дважды в день приходится топить... Да и печка, которую он с напарником клал... В конце концов сбежал, не получив с меня последней незначительной платы за мелкую работу, за мелочёвку, а она хоть и незаметная, но самая трудоёмкая – подгонять двери, стеклить рамы, шурупить шпингалеты и ручки. Да и крышу мне пришлось крыть самому, хорошо, друзья помогли. Не было дня, чтобы я не помянул крепким словом этого «помощничка» – с инженерным, между прочим, образованием.

Вот и сейчас... Как бы не напороться на такого же...

Печку он крушит, как личного врага – с усердным остервенением. Кирпич не бережёт, зная, что у меня припасён новый. Половина из-под его руки – лом. А мастер, вообще-то, любой мало-мальски стоящий, материал щадит.

Я решил, экономии ради, закончить этот процесс самостоятельно и отпустить его на день.

– Но если снова придёшь под газом, прощаемся. И на меня не пеняй.

Ему 54 года, уже дважды дед, что обнадёживает – в смысле ответственности. После перестройки где только не работал,

не упуская печного дела, к которому, как говорит, приучен с детства: помогал отцу. Сейчас подрабатывает багетчиком. Но художники – народ бедный, расплачиваются не сразу, да и не все... «Рама, на которой багет выпиливается, стоит 900 рублей. Мечта. Всё выверено, до миллиметра. Приставил, отпилил. А я чухаюсь с угольником...» Странно, думаю, что при больших печных заработках ты не можешь за 900 рублей купить нужнейший инструмент...

В похмельной болтовне, которая из него сыплется без удер-жу, вдруг фраза: «А у меня было раз – три месяца не пил...» Так, так, думаю, голубчик...

А вечером меня соседка просветила: «Ты кого нанял, Юрку? Он наркоман. Уж лучше бы Кольку взял, он хоть и пьёт, да не чумеет».

Через день Юрий Викторович Гусев пришёл в девять утра – серьёзный, в глаженных брюках, в пиджаке, в кепке. Развернул чертёж: печка в трёх проекциях. «Я имею право полкирпича вынести против фундамента. Труба у нас сколько, шесть с половиной? Считай, семь. Имею право четыре колена вывести...» Говорит громко, чуть шепелявит, передних зубов у него нет, да и остальных, похоже, немного. Меня успокоил:

– Я в норме. Всё внутри перегорело-выгорело. Я вчера молочком отходил и чайком...

– А травкой не балуешься, тут о тебе поговаривают...

– Это Колька болтает, заказчиков у него отбиваю, а ты работай, не халтурь, никто их не отобьёт. Я ему когда-нибудь бошку снесу. Я грибник, километров 40 в день по лесу бегаю. У меня свои грибные грядки. В этом году наносил тьму-тьму-щую, одних белых шляпок. Люблю по лесу ходить. И рыбак заядлый... Но мелочь не беру, я по крупной рыбе...

Словом, Юрий Владимирович – обыкновенный «трудящий», пьющий русский человек. В меру общительный, в меру стеснительный.

– Я концентраты завариваю, – кричу ему с террасы, – вам из шампиньонов или из курицы?

– Да не надо мне супу. Одну сосиску и чайку. Дома сковородка печёнки гниёт, никак не съем.

Стоят дивные сухие дни, ещё бы пару таких, чтобы я очистил старый кирпич и вывез глину в овраг, а то вся поплывёт в дом...

Юрий Викторович морщит лоб, топчется вокруг фундамента и разговаривает сам с собой: «Имею право духовку от плиты на кирпич сместить...»

– Кто сейчас в доме? – спрашивает меня.

– Я да ты, да Господь Бог... – отвечаю ему неуверенно.

– Ну, Бог – это понятно. А ещё кто?.. Хозяин, Домовой. Его надо угостить. Водку мы с тобой не пьём, а вот чайком можно... Не было трескунчиков-то? А то он о себе голос подаёт...

Он кладёт кусочек сахара на место будущей топки и раскладывает кирпичи всухую, размечая общий план. Поднимаясь с корточек вдруг охнул и схватился за бок.

– В поясницу вступило?

– Не в поясницу... А куда нога вставляется.

– Тазовая кость?

– Во-во.

К обеду он уже положил пять рядков, оставляя изнутри в швах большие прогалины. «Я иду пустошовкой, – пояснил мне. – А следом буду штукатурить, втирать раствор в пазы». Но, как потом выяснилось, штукатурил он плохо. Дым, как и вода, дырочку найдёт. И очень скоро нашёл...

– Когда печка гудит, тоже нехорошо. Уносит жар, хоть дрова привязывай, – балагурит Юрий Викторович, развлекаая меня разными байками.

– Домовой – молчун, но злопамятный. А кикимора – хохотунья и обманщица. Пошли мы с дочкой в лес. Я её у трёх берез на высоком месте поставил с корзиной грибов. Стой здесь, говорю, мне тебя будет отовсюду видно, а я обегу вон те полянки. Возвращаюсь, Светка плачет, корзины нет. Отошла на шаг пособирать земляники... Облазили всё кругом, насилиу нашли. Это она её перепрятала. А с Дедушкой лучше не шути. Не угодишь ему, не потрафишь, умучает. Сотворит какую-нибудь шкоду.

– Чем же я ему должен угодить?

– А не знаю. Мы сахарку положили да чайком поплескали, а ему, может, чарочку надо было поднести.

– Хитришь, брат. Небось, самому захотелось, а ты на Домового валишь.

Юрий Викторович посерьёзней лицом, огляделся и строго сказал:

– Не обижай его, нехорошо.

Ну вот, наконец печь готова, оштукатурена, побелена. Запалили газету, дымок пополз из трубы... «Печка ещё влажная, а подсохнет, с одной спички будешь зажигать». Я торопился на электричку, печник – домой, рассчитались, обещал через два дня, когда вернусь, заглянуть. «Чтобы уж как надо протопить, посидеть... а что? Имею право!»

Москва вцепляется мёртвой хваткой в человека, который с нею не может расстаться навсегда. Мелкие и неотложные дела засасывают его, как песок несчастную женщину из романа Кабу Абэ. И всё же я вырвался и через два дня закладывал в печку берёзовые полешки, торопясь к приходу гостя сбежать в магазин за водкой.

Открыл до предела заслонку, натолкал под дрова берёзовой коры, чиркнул спичку, затрещало, и не успел я закрыть дверцу, как печка моя взорвалась дымом из всех видимых и невидимых щелей. Будто огромный гриб дедов табак, когда его прихлопнешь ногой. Что за чертовщина! Да так густо, так плотно, что самой печки не видать... Я скорее распахнул форточки, дверь... Может, пробка, может, пробьёт... Дрова потрескивают, значит, тяга всё же есть, из трубы тянется, как от сигареты, а из двери и форточек – валит. Что делать!!! Побелка вся закоптилась, бревенчатые стены тоже, в общем, топлю по-чёрному... Наверное, где-нибудь кирпич заткнул дымоход, оплошал мой печник... Без него дело не поправить... А его всё нет. Не уехал ли уже, как хотел, в Самару, к сестре, рыбку удить?..

Я на велосипед – и в Загорск по адресу: Либкнехта, 32. Не сразу и найдёшь эту «Либкнехта»... Укалитки такси. Из калит-

ки выкарабкивается Юрий Викторович в парадной одежде, две сумки... В дупель пьяный, сам висит мешком на плечах молодой женщины, наверное, дочери. Та толкает его: «скорей, скорей!». Я ему: «Печка не топится, дымит...» Дочь смекнула, что клиент приехал предъявить претензию, орёт: «Садись, садись!!! У него поезд в два часа! Садись, кому говорят!» Он с сумками лезет на переднее сидение, мычит голосом, похожим на бульканье воды в засорившейся раковине: «Имею право»...

Покатил. Дочь шмыг в калитку и – на защёлку. Тишина. Я перекрестился. Ну, испытаннице... Что бы оно значило?

Вернулся... с намерением тотчас уехать, заколотить дом и до будущего лета не показываться... Попытаюсь ещё разок... Может, пар от ещё влажных стенок глушит тягу, давит на дым... Одну газету сжёг, вторую, третью; нащепал палочек с мизинец – занялись, потрескивают. Положил полешко, второе – заговорила печечка, не дымит. Сложил туда давешние обгоревшие, приняла и эти... И всё, не дымит, уж совсем разошлась...

Что же произошло? Загадка... Может, и правда хозяина обидел, и он погрозил мне пальчиком?

Я от Рэма Вяхирева

Господин – солидный, лысоватый, в кожаной куртке: хозяйственник. Показывает документ. Представился: «Прохоров, от Рэма Вяхирева, работаю в Газпроме. У нас благотворительная акция для Православной церкви». И предлагает список стройматериалов, из которых можно выбрать бесплатно не более 10 кубометров, а по низкой цене ещё 10.

Отец Владимир, настоятель Никольского храма в Твери, углубился в список, подчёркивает: доска половая, кровельное железо, проводка (обрадовался, на неё как раз денег не хватает, а электроинспекция грозитя оштрафовать за то, что проводка старая, в аварийном состоянии), стекло подчёркнул (и свои бы окошки подлатать), в общем, строительных мате-

риалов набрал от души, не постеснялся. Благотворительная помощь – бери, пока дают! Хозяйственник достаёт и второй список – с продуктами. Тушёнка, маслины, крупы, мука, сахар, конфеты и т.д. «Тоже, что надо, можете подчеркнуть, но за продукты мы берём задаток – пятидесятипроцентный. И за ними нужно приехать завтра же, в точное время, потому что мы машину подгоняем к складу, приедет ещё несколько священников, простой стоит денег. Не опаздывайте».

Отец Владимир сник: «У меня нет машины и денег предоплатных тоже нет...»

Господин посочувствовал и уехал. Оказалось, в Клин, в Троицкий собор к отцу Николаю. И показал ему те же списки. Отец Николай выбрал себе тёсу 20 кубов. Объяснил, что надо менять полы и обрешётку на крыше, вся сгнила. Благотворитель пошёл навстречу, но просил об этом не распространяться. Священник заплатил 50% за продукты, выложил 1000 рублей. На радостях повёл показать доброму человеку город с колокольни. Это при его ста килограммах, по винтовой лестнице, на этаж, примерно, седьмой или восьмой... Потом покормил гостя от души. А тот налопался от пуза и попросил довести его до Москвы, до конторы, то есть до самой вяхиревской высотки. Приехали в Москву, остановились у ворот, снабженец говорит – у нас на заправке хороший бензин и чуть дешевле. Но посторонние машины не пускают. Давайте деньги, я принесу талоны... Шофёр ждёт... прошёл час... стучится в проходную. А ему говорят, нет, никто не проходил. Прохоров? Не знаем Прохорова.

Важная персона

Отец Николай живёт в Баклушихе, в большом селе, где есть храм. А служит в Красноозёрске, куда добирается два часа на автобусах, с тремя пересадками. В годы перестройки он не поладил с правящим архиереем, и тот согнал его с родного прихода, определив ему место второго священника под началом недавно рукоположенного.

Настоятель, бывший директор кирпичного завода, благообразный с виду «службист», оказался человеком малообразованным и к тому же дремучим антисемитом. В каждой проповеди он поминал «еврейский народ, продавший Христа», сводя к этому обстоятельству все настоящие и грядущие беды, прямо по анекдоту: если в кране нет воды... Отец Николай не выдержал и однажды сказал ему в алтаре: «Упрощаете тайну Боговоплощения и хулите народ Божий».

Зато он любит и безупречно знает церковную службу, собрал левый хор и сам иногда встаёт на клиросе (у него красивый баритон) – подтянуть антифонное «Благослови, душе моя, Господа».

– Православие себя исчерпало, – говорит отец Николай, – во всяком случае, в том виде, в каком оно пребывает сегодня.

Мария и Вера поют в правом хоре. Бывший директор завода у них на подозрении. «Они ведь, директора, партийные. Может, он и сейчас платит взносы в свою партиячку».

Как-то настоятель объявил певчим: «Завтра похороны, в десять, чтоб не опаздывать!» – «А когда мы опаздывали, – подумала Вера, – чего он беспокоится?»

А беспокоиться было чего, потому что покойник предстоял необычный, важная персона – местный бандит Михач.

Когда внесли гроб, тут же на четырёх углах встали охранники. Вера рассказывает: «Я с клироса смотрю, у охранника что-то подолой топырится. Мань, что это? Автомат, молчи, дура. Мы испугались, говорим: мы на кладбище не пойдём. А мне настоятель: вы что, в своём уме? Они вас постреляют. У вас же семьи, дети. Ладно, пошли. Сам с кадилом у могилы, мы поём, а они по сторонам зырк-зырк. Чтоб не пропустить, если кто поедет по шоссе. У них ведь разборки. Мы поём, дрожим. Автоматы они в храме прятали под пиджаки, а здесь уже не прячут. Страх Божий! Гроб у них шикарный, с подсветом. Лампочки по бокам. Когда отпевали в церкви, лампочки горели. Да и здесь, у могилы, гроб сверкает, как ёлка на Рождестве. А внутри у него музыка. Будет играть на девятый день и на сороковой. Они на кладбище

приедут помянуть, а он из земли голос подаст, мол, у меня всё в ажуре, всё тип-топ. И похоронный марш заведёт...»

– В общем, гроб с музыкой, – грустно улыбнулся отец Николай.

Тихие похороны Шаламова

Его отпевали у Николы в Кузнецах – в Никольской церкви на Новокузнецкой. Давно закончилась литургия и разошлись священники, а гроба всё ещё не было. Мало ли с чем связана задержка... Шаламов – опасный покойник. Могут быть антисоветские выпады, стихийное выражение чувств. Российская власть всегда внедряла своё свинцовое око в погребальный обряд писателей, которых опасалась, – от Пушкина до Высоцкого.

Но сегодня манифестаций быть не могло: провожающих Варлама Тихоновича в последний путь собралось немного. Горстка почитателей жалась у ворот. Среди них Евгения Самойловна Ласкина, редактор отдела поэзии столичного журнала, «пробывавшая» его подборки; поэты Владимир Леонович, Вадим Рабинович, Анатолий Сенин...

Наконец подкатил катафалк, и оттуда выпрыгнул на хрустящий февральский снежок архангелоподобный Андрюша Бессмертный. Гроб поставили на середину храма, и народ сомкнулся вокруг, как смыкается вода в колодце над опущенным ведром. В безмолвном оцепенении прошло ещё минут тридцать.

«Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков...» – начал заупокойную литию отец Александр Мень. Ему прислуживал незнакомый дьякон, обладавший роскошным баритоном. Хора не было.

Большинство из пришедших на похороны – народ явно не церковный. Стоявшие спиной к алтарю не расступились, да и не заметили, когда открылись Царские врата. Запрестольный образ «Спасителя, грядущего в славе» так и остался для усопшего закрытым, что противоречит обряду: новопреставленный готовится к встрече с Господом и как бы должен «ви-

деть» Его. «Видеть» мешала массивная приземистая фигура литератора, с которым я когда-то дружил и хорошо знал его беспросветную жизнь. Асимметричное лицо серо-землисто-го цвета, растерянный взгляд. Кое-кто осенял себя крестным знаменем, теплились в кулаках редкие свечечки.

Заколачивать гроб решили на кладбище – кто-нибудь, возможно, поедет проститься туда. Я не уверен, находились ли в храме его родственники? И вообще, есть ли они у него?..

Стихов Шаламова я не помнил наизусть и спросил знакомого литератора, не захватил ли он книжку его стихотворений? Голос из-за плеча мгновенно предупредил: «Покойный не хотел шума на похоронах, чтения стихов». Голос принадлежал вездесущему «доброжелателю», наверняка из числа тех, кто то же самое говорил на похоронах Пастернака. Но на тех похоронах народу было несравнимо больше и предупредительных советов не слушались.

В автобусе, по дороге на кладбище, пустили по рукам внутреннюю рецензию издательства «Московский рабочий» на последний сборник его стихотворений. Рецензия положительная, но сборник так и не вышел. И листочек – гневный, обжигающий руки обидой и жалостью. В нём **крупно** несколько строк о том, что предсмертные дни Шаламов отбывал в психушке, куда его, отрубив от участия близких, засунул Литфонд. Потерявший ум, в параличе, грязный, одинокий, он умер на семьдесят пятом году жизни.

Несколько лет он жил в Доме престарелых. Там его всё-таки опекали верные помощники. Удалось установить дежурство – по средам и пятницам. Больничную пищу он есть отказывался. Боялся, что отравят. Когда друзья принесли ему «Колымские рассказы», его книгу, изданную за границей, он её уже видеть не мог и долго-долго ощупывал руками.

Однажды я заметил человека, переходящего Садовое кольцо на площади Восстания. Человек конвульсивно размахивал

руками, ноги его заплетались, голова дёргалась, скособоченная к левому плечу. Казалось, он вот-вот упадёт, и я держался поближе, чтобы успеть его подхватить. Оказалось, что человек идёт туда же, куда и я, в ЦДЛ. В вестибюле надо подняться по ступенькам, я хотел помочь, он гневно обернулся, едва не оттолкнув меня. Тут я узнал его. В этот день он принёс свои стихи в «День поэзии».

Гроб поставили на краю могилы, и после короткой последней молитвы вышла пауза. Наверное, она возникла для того, чтобы мы обратили глаза к небу. Там, в беззвучной бездне, медленный самолёт вычерчивал широкий серебряный крест.

К могиле приблизился старичок, скульптор Федот Сучков, и, запинаясь, прочитал одно стихотворение Шаламова. «Извините, – сказал он почему-то те же слова, что я слышал в храме, – покойный не хотел шума на похоронах и чтения стихов... Но я выбрал одно...»

Ещё два человека осмелились прочитать по стишку. Гражданин, мрачный, как Харон, спокойно и по-деловому подносил микрофон к каждому читающему. Судя по аппаратуре и поведению, явно западный репортёр. Те, вездесущие, тоже, наверное, записывали, но тайно.

Могильщики быстро сделали своё дело, и мы помогли им – по горсточке, по комочку...

Редкая цепочка провожавших потянулась на дорожку. И вдруг навстречу колонна военных. Над колонной кумачовый гроб. Мы, ступая по глубокому снегу, прижались к оградкам могил. За барашковыми папахами и серыми шинелями шли родственники, потом рота солдат с винтовками, потом духовой оркестр, трудно дышащий, ухающий траурной колотушкой. Мне показалось, что мы стояли вечность, вдавленные в железные прутья.

Я поднял голову. Крестообразный след от самолёта уже развёялся.

Сон о Волге

Который раз вижу один и тот же сон. Деревенская улица, залитая солнцем. Я, семилетний пацан, выхожу на крыльцо, влажное от пронёсшегося ливня. У самого крыльца тёплая лужа, по которой можно шлёпать босиком – по затопленной мелкой травке. На соседнем доме голубые наличники, в доме напротив – ни наличников, ни окон: три чёрных дыры. Ещё дальше – пустырь, яма, поросшая крапивой, а сбоку ямы непролазные вишенья. Я их обхожу и оказываюсь на юру, перед неоглядным речным простором. Вдалеке маячит полузатопленная колокольня, белые поплавки бакенов, а на противоположном берегу – мелкий, как на картинке, Понкратьевский бор. Крайний дом в деревне отличается от других. Он покрыт свежей дранкой, обшит тёсом, а под окнами переплелись ветвями два старых вяза. И тоже отсюда видна Волга – ослепительная и бескрайняя.

Это деревня Шестаково, под Калязином, куда мы с мамой выезжали на летние месяцы в 49-м, 50-м и 53-м году.

Дивное сновидение не отпускало меня. Разбуженный им, я застывал, как мошка в янтаре, в его прозрачных глубинах. И видел въяве каждый палисадник, каждое деревце по дороге от крыльца к Волге.

И вот выпало мне счастье заглянуть на денёк в эти места.

На пристани в Калязине, где раньше останавливались большие теплоходы (а теперь, огибая затопленную колокольню, следуют мимо), висело объявление с тетрадным листочек, оповещающее, что катер в нужном мне направлении пойдёт только завтра. Женщина-сторож посоветовала: «Ступай на лодочную станцию, спроси Мишу, он возит».

Неподалёку, под забором, на чёрной от мазута гальке, лежало тело, покрытое простынёй. «Хайбибуллин, – кивнула она в ту сторону. – Утопился в среду, а сегодня всплыл. Ни родственников, никого. Участковый обещал забрать».

Я прошёл мимо бездыханного Хайбибуллина, аккуратно переступив через синие ступни ног, и за поворотом забора увидел лодку. Паренёк возился с мотором.

- Не подбросишь на ту сторону? – спросил я.
- А это зависит, сколько дашь. Куда на ту сторону?

– В Шестаково.

– Не знаю такой. А какие рядом?

– Поповка, Городище, Смертино...

Я вглядываюсь и не узнаю берегов. Наш – зелёный, а красный крутой... не Поповка ли?... Мотор оглушительно взревел.

– А ты какие деревни знаешь в сторону Углича?

– Ну, вон Понкратово, а вон Понкратьевский бор.

Я обрадовался.

– Правильно! Напротив Панкратова и будет Шестаково.

Поехали.

– А сколько дашь? Поехали...

– Полтинник хватит?

– За полтинник я тебя только через Волгу перевезу. А двадцать рублей добавишь – до места.

– Добавляю, о чём речь!

Он, смущённый моим быстрым согласием, оправдывается:

– К нам в магазин одну пшеничную завезли, семьдесят р.

И полетели по стеклянной глади.

Не такой была моя первая встреча с Волгой в 49-м году. Теплоход «Клим Ворошилов» подвалил к убогой пристаньке ранним утром. Пассажиры спали, высадились только наша семья. А когда отошёл, важно гуднув и немного покрасовавшись, мы увидели дядю Колю, худого рыжего мужика, прибывшего за нами из деревни. Лодка грузно осела под мешками и сумками (вещи, продукты на три месяца), а когда добавился и наш вес – двое на корме, двое на носу, – вода поднялась почти до края бортика. Вокруг расстилалась тишайшая необозримая гладь. Неторопливые шлепки вёсел оставляли на ней исчезающие круги.

Я не удержался, потрогал Волгу ладонью, лодка качнулась, мама всплеснула руками.

... Колокольня, торчащая из воды, острова... а мы всё ещё не добрались до середины... Шлёп-шлёп – струятся капельки

с вёсел; клыщ-клуц – клацают уключины. Мы молчим от восхищения и страха, и дядя Коля тоже почему-то молчит.

– Куда чалить? – орёт мой возница, сияясь перекричать мотор.

А я не знаю, пятьдесят лет не видел берега... Вроде бы этот...

– Давай сюда, – показываю на большие валуны.

Я выпрыгнул. Моторка, приостановившись, полетела дальше. И я мгновенно окунулся в ту самую, пятидесятилетнюю давности, тишину. Склон слишком крутой... Наш был полуже... Крутой и рдяный от крупной земляники.

– Это Шестаково?

– Поповка, – отвечает мужчина в соломенной шляпе. – Шестаково рядом, через ручей.

– Вы давно здесь живёте?

– Тридцать лет. Да здесь коренных не осталось. Все дачники.

– А дядю Васю, бакенщика, не застали?

– Не застал, но был такой, помер до меня. А вы здешний?

– Жил здесь когда-то, в Шестаково.

– Да, без родины человеку нельзя. Куда бы ни уехал, а к себе тянет.

Смею ли я назвать родиной видение, трижды отпущенное мне в детстве?.. Колыбель моя вовсе не девственный пейзаж, а плешивый двор среди облупленных шестиэтажек, проходная комната в коммуналке, где единственное окно выходило в подворотню. Родовое место не питало, а травило мою досознательную жизнь. Пожелав «всего хорошего» товарищу в шляпе, я пошёл через ручей в Шестаково.

Ручей – это глубокий овраг, по которому струится влага из заболоченного верховья. В тридцать седьмом году Волга поднялась, запруженная Угличской ГЭС, и затопила все овраги. Глубина здесь сразу безмерная, до дна никто не доставал. Можно прыгать и с берега, и с мостков. Было особым геройством – разбежаться и, оттолкнувшись метрах в пяти от воды, пролететь над кустарником и вонзиться в её зеркальную темень.

Когда кто-нибудь с мостков плюхался пузом, я с ужасом ждал: всплывёт или не всплывёт? Толик, сын тёти Дуни, не всплыл... Правда, перед купанием он наелся блинов, и говорили, что, если бы нырнул «головкой» или «солдатиком», обошлось бы. Я старался, ныряя, входить в воду, как можно круче, а плюхаться пузом с тех пор означало для меня что-то некрасивое и смертельно опасное.

Вот оно, Шестаково, островок мой, маленький ручеёчек из топкого болота. Действительно, берег изменился. У самой воды выросла берёзовая роща. А где же два больших валуна? Не могло же их смыть течением... Да, здесь они, спрячутся за берёзами, только вовсе не огромные, какими казались в детстве. А Волга точно та, которая виделась во сне – ослепительная и бескрайняя. Но и таинственная, как будто существующая отдельно от всего.

К деревне я подошёл задами, раньше сказали бы, огородами, каковых, судя по высокой траве, давно здесь не заводили. Зато красовался островерхий туалет-теремок и рядом душевая кабинка, обтянутая розовой плёнкой. «Вы куда, там собаки!» – донеслось из кабинки.

Возле дома стояла женщина.

– Кого-то ищете? – спросила она, когда я приблизился.

– Здравствуйте, – ответил я, не скрывая улыбки, – я жил здесь пятьдесят лет тому назад, у тёти Нюры.

– Это которой, Пивоваровой? Их дом четвёртый от нашего, за баскетбольным кольцом.

Крытая рубероидом крыша, заметно проваленная в седловине; низкое, об одну ступеньку, крылечко, босые детские следы.

Я постучался и, не получив ответа, ступил в сени, пахнущие нежилой сыростью. В избе таякали собаки, пищали детские голоса. Я огляделся. Потресканные обои на бревенчатых стенах, пустой, без икон правый угол. Здесь теперь жили, «отдыхали», внуки и правнуки тёти Нюры. Никто из них не знал, когда померла бабушка.

– А мама? – Я вспомнил веснушчатую рыжеволосую де-

вужку, которая первой упорхнула из родного гнезда. После смерти Сталина вышел указ выдавать паспорта колхозникам.

– Мамка? В мае десятый год пошёл.

Русской печки нет... Дачники выковыривают её, занимающую половину избы. А дощатая кухонная перегородка на месте – жёлтая и гладкая, как тысячетлетняя кость из могильника.

Раза два за лето собиралась гулянка на всю ночь – по очереди в каждой избе. Мы, квартиранты, спали на полу в комнате, а за перегородкой жарила гармонь и ухажи частушки, большей частью похабные.

*Эх, Семёновна, в пруду купалася,
Большая рыбина в п... у забралася.
Большая рыбина да встрепенулася,
А у Семёновны п... а раздулася.*

Или попримечнее:

*Эх, тапы-тапы-тапы!
К нам приехали попы.
Один маленький попок
Вдруг залез на потолок,
Прищемил себе пупок.*

Получив разрешение переночевать («Только в сенях, больше нигде»), я отправился в соседнее Фалево, в магазин, – купить харчей, водки, детям гостинцев.

– По берегу не ходите, там фермер поселился, у него много скотины, он собак спускает.

Но я не послушался, пошёл берегом, лишний раз побыть рядом с Волгой.

Фермер вымахал трёхэтажный замок, заложены фундаменты ещё для двух, у самой воды плотники ладят баню; гуси, телата – действительно во множестве.

Купил я в магазине что надо и возвратился тем же путём. Наверное, фермер угадал во мне однодневного прищельца и травить собаками не стал.

В Фалеве, бывшей центральной усадьбе, два магазина. В новом, у частника, на витринах столичный ассортимент: водка с десятков названий, апельсины, бананы... Девчужка в кружевном фартучке закатывает глаза: «Ох, целый день стоять, а ещё ночь». Я не понял: «Магазин и ночью открыт?» – «Да нет, дискотека. Сегодня обещали Боба Дилана привезти».

Любопытства ради заглянул я и в государственный магазин, он по соседству. Унылые полупустые полки, консервы, зубная паста, в углу свалены мешки с сахарным песком.

У палисадника Пивоваровых стояла запылённая «Лада». Не успел я ступить на порог, как в сенях показалась молодая хозяйка с моим рюкзаком.

– У нас гости, – сказала она без сожаления, – так что извините.

Попрошусь к Дюжевым. У них дом попросторней, да и народу, кажется, поменьше. Сейчас поменьше... А в те годы в семье было одиннадцать детей. Галина – предпоследняя, та, что сегодня встретила меня возле дома. Я давний должник этой семьи. Кроме свидания с Волгой, у меня была и другая цель: вернуть долг.

В шестидесятом году я побывал здесь со своими друзьями. В бору под Фалевым мы поставили палатки и зажили робинзонами. Девушки наши только что окончили школу и, наврав что-то правдоподобное родителям, пустились с нами в романтическое путешествие. Стоял такой же знойный июль. Золотая пора влюблённости и украденной свободы.

Я, конечно же, захотел навестить тётю Ньюру. Её грубое скуластое лицо и крикливый говор сочетались с приветливостью, которую редко встретишь. Она обрадовалась нам, как родным, – мне и моему другу. Выставила на стол чугунок картошек и крынку топлёного молока. По полу в грязной распашонке ползал годовалый Витька, её последнее чадо. Дядя Коля умер весной от туберкулёза.

Выходя из деревни, мы случайно наткнулись на Дюжевское хозяйство. На табуретке, посреди двора, сидел отец многодетного семейства и стриг овцу. Остриженные овцы очумело

носились по двору – то ли за детишками, то ли детишки за ними... Блеянье смешалось с детским плачем и ором.

Надивовавшись сельской идиллией (знали бы, каково прокормить одиннадцать ртов!!), мы с другом спустились к ручью и тут заметили ягнёночка. Он испуганно мекал, не в силах выбраться из кустов. Ни на секунду не усомнившись, что это наша добыча, мы расправились с ним при помощи перочинного ножика и затолкали в рюкзак. Обрато шли кружным путём, не высовываясь из леса, и к палаткам вернулись затемно.

В глазах моей Дульциней я выглядел, наверное, бесстрашным рыцарем, разделявая маленькую тушку и умело зажарив её на вертеле. Шкуру и остатки от трапезы мы закопали глубоко в песок.

Вот за что я хотел расплатиться с Дюжевными, узнав заранее, сколько стоит сегодня месячный ягнёнок.

Перед их палисадником тоже стояли машины, две иномарки – приехали зять и сын.

– Не приютите ли меня на одну ночь? – спросил я у Галины. – У Пивоваровых гости.

– Видела, Витька приехал. Ночуйте, на терраске вам постелю.

– Виктор? Сын? Какой же он гость. Он же хозяин...

– А не поймёшь, кто у них хозяин. Судились, передрались друг с другом, пока Витька не продал дом своим племянникам. А как продал, опять породнились, и теперь в гости приезжает.

– Галина Степановна, у меня к вам разговор серьёзный... Как бы понятнее объясниться... Присядемте...

У Галины округлились глаза и лицо застыло в напряжённом беспокойстве.

Я решил не говорить правду.

– Моя мама перед смертью просила: если я когда-нибудь окажусь в Шестакове, отдать Дюжевным пятьсот рублей. Почему, за что – не объяснила.

– Ой, да я не знаю... Да неудобно...

– Наверное, мама задолжала вашим родителям. – Вместе с

деньгами я вручил ей свой паспорт. Так спокойнее. – А я на берег, посижу, повспоминаю. Когда можно вечером прийти, чтобы не очень вас потревожить?

– Приходите после бани. Сестра сегодня баню топит. Поужинаем. Зачем вы столько продуктов купили!

Шестаково, как многие русские деревни сегодня, оживает только летом, когда появляются дачники. На зиму остаются здесь две старухи. И Голубева, которая держит корову. Летом молоко разбирают до капли, давно бы разбогатела, могла бы купить комнату в Калязине, если бы не сыновья. Отбирают у матери все деньги. «Алкаши и бездельники, – сказала про них Галина. – У них есть лодка, если вам завтра уезжать. Только к пьяным не садитесь, они раз чуть не утопили соседа, тоже в Калязин повезли, на автобус».

Я снова прошёлся по улице, ощупывая взглядом каждое окошко, каждое деревце. Вишнёвые заросли... Бочажок, откуда мы черпали воду – до верхнего колодца далеко. И сейчас из него черпают. От Пивоваровского дома шёл мужчина с вёдрами. Не Виктор ли?..

– Виктор Николаевич?

– Я. Чего надо?

– Ничего не надо. Хотел с вами познакомиться. Помню вас...

Но он оставил моё «познакомиться» без внимания, ловко поддел коромыслом вёдра и пошагал прочь.

Остаток дня я провёл на берегу, не отводя взгляда от блестящего окоёма, как будто можно им наполниться на всю оставшуюся жизнь.

После бани за бутылкой водки завязались разговоры о сегодняшнем дне – безнадежном и неустроенном. Странно слышать это от людей, под окнами которых стоит «Фольксваген» и «Рено». Забыли, что ли, они своё детство?.. Нет, вроде бы не забыли. Галина рассказала, как в пятидесятых годах за неплату какого-то налога у них забрали корову. Пришли два милиционера и фининспектор, сунули отцу бумажку, чтоб расписался, и увели Катеньку со двора. Мать-героиня, десяте-

рых для страны растит, а с неё налог дерут, а нечем платить – помирай. Это ж верная смерть – без коровы. Эдакая куча детей... А ведь и в колхозе работала за палочки... Ложилась в двенадцать, вставала в четыре утра. Каждый день. Отец умер пятидесяти двух лет, мать до пятидесяти не дожила.

– Бригадирша была Нинка, зверь. Попробуй, унеси картофелину – штраф, а то и рапорт накатит. Идут бабы с поля, она подбежит к той, какую подозревает: «Ой, Машка, какая ты толстая!» Обнимет, а сама всю тебя общупает на ходу, не спрятала ли где морковины...

– Ругают коммунистов, – подхватывает младшая сестра, – а у них поля были засеяны. И пшеница, и лён росли, и кукуруза выше моего роста.

– Правильно, засеяны, – возражает её муж, – а как собирали! Половину урожая по дороге рассыпят, пшеницу на элеваторе сожгут.

– Да, хранить не умели. В Поповке было овощехранилище. Весной не пройдёшь, ног из каши не вытянешь, а вонищцааа! Вся картошка в буртах сгниёт. А Нинка не давала клубня унести...

– Зато, если в очереди на квартиру стоишь, обязательно получишь.

– Получишь на кладбище, как мой отец, – возразил я. С войны пришёл искалеченный, без ноги.... Стоял, стоял в очереди, а ему в райисполкоме сказали: «Ваше время, инвалиды, кончилось...»

Зацепив кладбище, разговор потёк по этому руслу. Вспомнили, что все их предки лежат под водой. Кладбище тоже затопила Угличская ГЭС. В тихую погоду с лодки видны железные кресты и ограды.

– А как же гробы не всплыли?

– Тех, которые свежие, перевезли. А старые не всплывают, – объяснила Галина.

От второй рюмки водки она отказалась и накапала в рюмку валокордина. В Москву она сбежала девчонкой, не окончив школу, устроилась дворником. Работает и сейчас на Малой Лубянке. Муж с сыном арендуют торговую точку.

Я слушаю их невнятные речи. Они клянут власть, демократов, олигархов. То и дело противоречат себе. Коммунисты сеяли – это хорошо. А гноили – это плохо. Порядок был на производстве – хорошо: попробуй, опоздай на пять минут... А что ради порядка корову описали и обрекли детей на голодную смерть – это плохо. Каковы же выводы, итоги пережитого? А никакие. Человек живёт по инерции, подхваченный текущим потоком, последними событиями.

– Были здесь немцы? – спросил я, желая переменить тему.

– Немцев не пустили, а татары были.

Из рода в род передавалось, как татары шли низом по Волге. «Тогда ведь она узкая была. Ни одной деревни не сожгли», – рассказывает Галина, как будто свидетельница их набегов. На самом деле это были ордынцы, шнырявшие здесь шесть веков тому назад.

Без разницы – шесть веков или шесть десятилетий. Пастернак верно подметил, что русский человек живёт не во времени, а в природе, где бы он ни обитал: в верховьях Волги или в Центре Москвы.

Ночная река таинственна... Ещё сильнее притягивает своим отстранённым присутствием. Теплоход, как светящийся НЛО, скользит по поверхности, и вослед ему, затухающему, подмигивают бакены.

Утром я поднялся с солнцем, побежал на ручей, подплыл вплотную к заросшему берегу, раздвинул ивовые космы... Не спрятались ли за ними мостки, которые мы сооружали с мальчишками?.. Все они, кого помню, уже на том свете... Славка угорел в бане, Витёк разбился пьяный на мотоцикле, Егор пропал без следов... Тоже пил по-чёрному.

В тот первый день, когда дядя Коля привёл нас к себе домой, я вышел на крыльцо, залитое солнцем и птичьим щебетом. Ласточки ныряли к гнёздышкам, прилепленным под крышей. Трое пацанов сидели на брёвнах и смотрели на меня. Один из них натянул рогатку и пульнул по крыше. Я пригрозил: «Собьёшь гнездо, в глаз получишь». Храбрым таким я

был ещё и потому, что за спиной моей стояли два старших брата.

Голубевы шли по дороге, громко отхаркиваясь. У каждого на плече по веслу. Увидели меня, остановились. Мать сказала им вчера о моей просьбе.

– Сети выберем, тогда... – пообещали неопределённо.

Громыкнула цепь с замком, зашуршал под днищем песок. Чуткая река отзывалась на каждый шорох.

В полдень на отмель за ручьём пригоняли стадо. Хозяйки гремели вёдрами, выуживая каждая свою кормилицу. Всегда какая-нибудь норовила зайти подальше в воду, по самое брюхо. Говорили, что у таких отсасывает молоко сом. Пастух клаясь, что видел усатую чёрную морду, прилипшую к вымени.

У Голубевых заглох мотор. С середины Волги доносится свирепый мат вперемежку с чихающим движком. Правят к берегу на вёслах. Солнце уже поднялось над Понкратьевским бором. Придётся, наверное, идти мне пешком. Пока они починят мотор, да и починят ли? До Камышинского моста километров двадцать. Лесом, просёлком, а на шоссе, может, подхватит попутка.

Иллюстрации

- Стр. 34. С мамой
- Стр. 37. Фото А. Борисовой
- Стр. 41. Фото А. Борисовой
- Стр. 46. Фото В. Филонец
- Стр. 61. С Володей Юликовым
- Стр. 75. С Настенькой
- Стр. 89. Настенька
- Стр. 96. Сосок, Щетка и Серега—певец
- Стр. 145. С Поленькой
- Стр. 149. Фото В. Филонец
- Стр. 155. Фото А. Борисовой
- Стр. 178. Родня
- Стр. 184. Фото А. Борисовой
- Стр. 198. Фото А. Борисовой
- Стр. 230. Фото А. Борисовой
- Стр. 236. Фото А. Борисовой
- Стр. 243. Храм свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине
- Стр. 250. Фото А. Борисовой
- Стр. 256. Икона Ченстоховской Божьей Матери
- Стр. 258. Монастырь для слепых. Ляски
- Стр. 261. Янина Боджинская
- Стр. 264. Эльшбета Янус.
- Стр. 270. Отец Йозеф Гунчага
- Стр. 279. Храм св. Людовика в Москве
- Стр. 288. С Йозефом Гунчагой у могилы А.А. Олениной (Андро)
- Стр. 297. Николай Назарович Либенко
- Стр. 305. Фото А. Борисовой
- Стр. 313. Фото В. Филонец
- Стр. 331. Фото В. Филонец
- Стр. 346. О. Таврион Батозский
- Стр. 354. Фото А. Борисовой
- Стр. 406. Затопленная колокольня под Калязиным

Содержание

Дар Валдая	3
Епархиальные очерки	
Большие и маленькие фотографии на стене деревенского дома	157
Подарок святого Герасима	178
От скорби к надежде	184
Земля и небо Мокошского монастыря	192
От крестин до похорон – один день	198
Град видимый и град невидимый	207
Видение чаши Святого Грааля	213
Промзона	224
Транзитный батюшка	230
Монастырь в миру	236
Круговорот вещей в природе	243
Выписан на тот свет	250
Свидание с Польшей	256
У истоков исхода	270
Под сводами «Св. Людовика»	279
Урок Библии в пятом классе	288
Благовестники из ХАСО	297
Проводники и пассажиры	305
Ардатовская дорога к «вере, надежде, любви»	313
Цена служения	320
Пейзаж с натуры	331
Дела житейские	337
Ко святым местам	346
«Во дни печальные Великого поста...»	354
Рассказы	
Хозяйственный мужик	406
Кормилица	407
«Имею право...»	408
Я от Рэма Вяхирева	413
Важная персона	414
Тихие похороны Шаламова	416
Сон о Волге	419
Иллюстрации	430

Литературно-художественное издание

Зорин Александр Иванович

**От крестин до похорон – один день:
дар Валдая, епархиальные очерки, рассказы**

Издатель Леонид Янович

Корректор Алексеева Софья

Верстка, оригинал-макет и обложка Евгения Яновича

Налоговая льгота -

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2;

953000 – книги, брошюры

Подписано к печати 08.06.2010

Формат 84x108/32. Бумага офсетная №1

Печать офсетная. Печатных листов – 13,5

Тираж 1000 экз. Заказ № _____

НП издательство «Новый хронограф»

Контактный телефон в Москве (495) 671-0095,

E-mail: nkhronograf@mail.ru

Информация об издательстве в Интернете: <http://www.novhron.info>

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография № 1»

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15

www.novhron.info

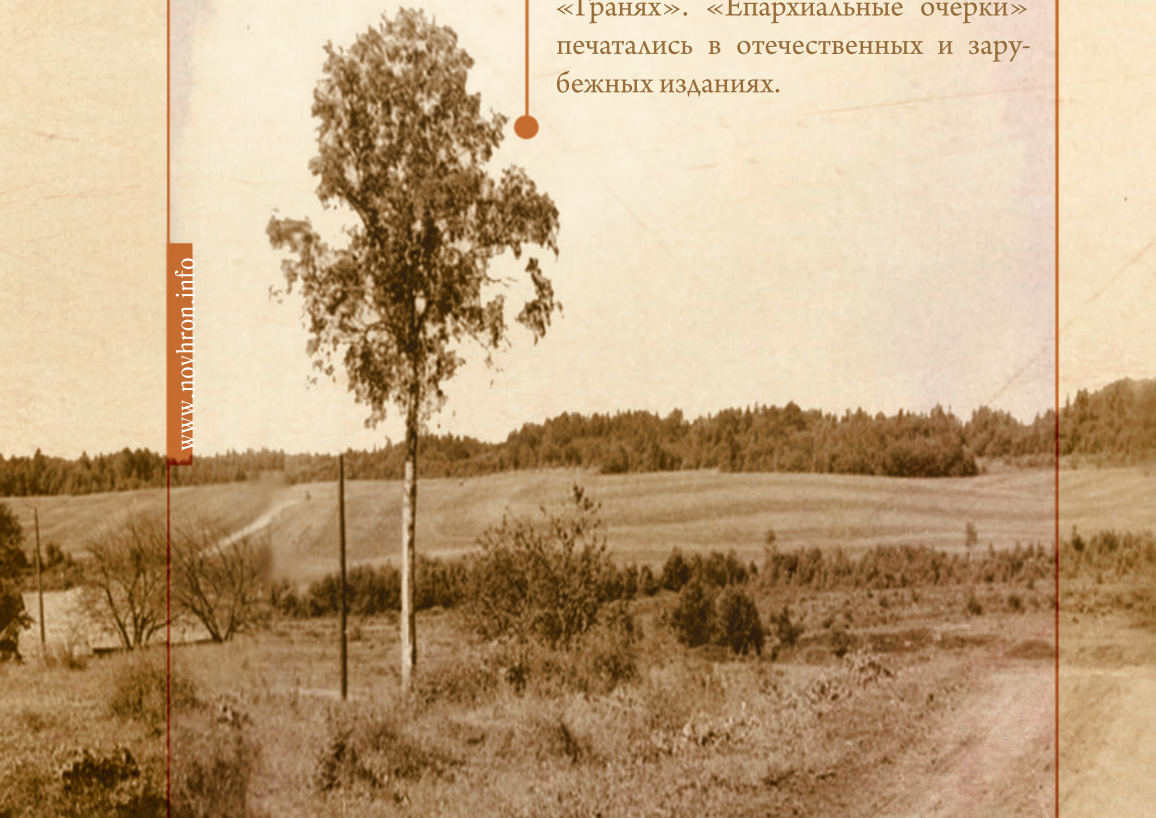

9 785948 811376

Александр Зорин – поэт. Автор семи поэтических книг; воспоминаний об отце Александре Мене «Ангел-чернорабочий» (1993, 2004), а также книги эссе о русских поэтах «Выход из лабиринта» (М., 2005). Член Союза писателей Москвы.

«Дар Валдая» был опубликован в «Гранях». «Епархиальные очерки» печатались в отечественных и зарубежных изданиях.

Эпилог

Уехав из Новой деревни, мы дом не бросили, предложили купить его знакомому художнику, родители которого навешали нас однажды. Он, наслышанный о красоте и уединении этого места, предложение принял с благодарностью, которую мы скрепили двумя тысячами рублей – суммой по тем временам совершенно символической.

Совесть моя была спокойна. Дом, с которым мы сроднились, останется под присмотром художника. Уж кто-кто, а он почувствует его живую душу. И, правда, приехал на следующий год, много и вдохновенно работал, на его очередной выставке красовались декоративные соцветия -- подобия новодеревенской флоры .

Прошло более двадцати лет, я слышал, что художник процветает, обслуживает элиту, декорирует домашние интерьеры буржуинов. Ничто не соединяло нас, и не было случая спросить его о Новой деревне.

Но вот вышла книга с моим « Даром Валдая», с моими подробными записками о жите-бытье, с фотографиями окрестностей, дома... Книга попала в руки москвичей, которые оказались аборигенами этих мест, давно купили брошенные дома, построили новые, наезжают в летние месяцы, а некоторые и зимой – в свои рубленые избы со всеми удобствами.

Мы встретились в Москве. Они принесли фотографии. И я увидел свой дом... процесс его разрушения, распыления. Не в одночасье он рухнул. Стоявший на горе отдельным хутором, он, полуразрушенный, наводил смертельный ужас на впечатлительных дачников. Деревенских не удивишь привычными домами-призраками, а москвичам – вновь. Они, как только появились в деревне, обратили внимание на пустующий хутор, стали наводить справки, намереваясь его купить. Но никто не знал, чей он, кому сейчас принадлежит, вспоминали, что отстроил его когда-то писатель, жил с семьёй, а потом поселился художник, да сгинул. С тех пор дом беспризорный, все, кому не лень курочили его, растаскивали на дрова.... А когда провалилась крыша, снег и дождь взялись за остатки.

Вот первый период распада: дом-призрак. Ещё цела крыша и темнеет рядом остов сарая. Осенний туман скрадывает серые пробоины на его теле. Берёза, берёзонька, когда-то трепетавшая, как Сиринга под моим окном, вымахала выше дома. Но не может уберечь его под своим шатром....

А вот первый снег. Метит озябшую землю, влетает в пустой сруб, над которым уже нет крыши.... Но ещё над сараем щерится редкая обрешётка. Мертвящая стылая тишина, объятая белыми хлопьями.

А это уже остатки скелета.... Что-то вроде черепа с пустыми глазницами.... Провал на месте бокового оконца.... Как отрадно оно светилось в темноте, когда я возвращался с вечерней прогулки. За ним чернеют кусты и подлесок по сторонам дороги, где когда-то простиралась поля.

Я думаю о том художнике.... Да, 17 год, войны, коллективизация, колхозное рабство – выпотрошили деревню. Это всё, так сказать, причины объективные, угробившие Россию. Но за ними стоят люди, причастные к уничтожению. Конкретные потрошители.

Мой знакомец, преуспевающий мастер, мог бы дом сохранить.... Отдать, сдать хотя бы бедным людям, многодетным трудягам, кому некуда выехать на лето из раскалённой Москвы.... Грош цена его декоративным фантазиям. Он из числа пожирателей прекрасного, той природы, вокруг которой топчется с этюдником. Восхитился, проглотил и потопал дальше. Она ему больше не интересна и к его жизни непригодна. Как натурщица, с которой можно и переспать после сеанса, что он и сделал, переспав в деревенском доме энное количество ночей. Переспал и бросил.... «Мозговой чувственник» -- припечатала бы такого Цветаева. Не случайно, под его домом, остатками того дома, под самым краем, горбится сейчас помойка. Деревенские жители тащат туда мусор – утюги, старые телевизоры, пластиковую тару, железный лом.